

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА

ВОПРОСЫ ОНОМАСТИКИ

2026. Т. 23, № 1

RUSSIAN LANGUAGE INSTITUTE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URAL FEDERAL UNIVERSITY
NAMED AFTER THE FIRST PRESIDENT OF RUSSIA B. N. YELTSIN

PROBLEMS OF ONOMASTICS

2026. Vol. 23, № 1

Журнал основан в 2004 г.
Выходит три раза в год

Учредители:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
119019, Москва, Гоголевский б-р, 2/18/1, стр. 1, 3
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»
620062, Екатеринбург, ул. Мира, 19

Издатель:

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Выписка из реестра Управления федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций зарегистрированных средств массовой информации от 05.04.2019, регистрационный номер ПИ № ФС77-75393. Входит в Перечень рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук.

Журнал индексируется в БД:

Белый список, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), DOAJ, EBSCO, eLibrary, European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH PLUS), Linguistics Abstracts Online, MLA International Bibliography, Russian Science Citation Index (RSCI), Scopus, Slavic Humanities Index, *Web of Science Core Collection: Emerging Sources Citation Index (WoS ESCI)*

«Вопросы ономастики» — единственный специализированный ономастический журнал в России. Основу содержания журнала составляют статьи и материалы по следующим направлениям исследований: теоретические проблемы и актуальные вопросы ономастики, методы ономастических исследований; ономастическая лексикография; ономастическое источниковедение; ономастика в различных сферах функционирования: в диалектах и городском просторечии, в фольклоре, художественной литературе, в языке науки и деловом языке, в памятниках письменности и др.; историческая ономастика (топонимика, антропонимика и др.); связи ономастики с другими науками (историей, археологией, этнографией, этимологией, этнолингвистикой, диалектологией, географией и др.), а также с краеведением; методы сбора и хранения ономастического материала; проблемы популяризации ономастических знаний. Преимущественное внимание уделяется славянской, финно-угорской, романской, германской, кельтской, тюркской и иранской ономастике. Материалы публикуются на русском, английском, немецком и французском языках.

Журнал является изданием открытого доступа (open access journal): публикация в журнале бесплатна для авторов, все статьи находятся в свободном доступе на сайте журнала, где они размещаются непосредственно после выхода бумажной версии.

E-mail: voprosy.onomastiki@gmail.com

Сайт: <http://onomastics.ru/>

Адрес редакции: 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, ком. 306
Уральский федеральный университет, редакция журнала «Вопросы ономастики»

VOPROSY ONOMASTIKI

ISSN 1994-2400 (print)
ISSN 1994-2451 (online)

PROBLEMS OF ONOMASTICS

Established in 2004
Published three times per year

Founders:

V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
2/18/1, building 1, 3, Gogolevsky Blvd., 119019 Moscow, Russia
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
19, Mira St., 620062 Ekaterinburg, Russia

Publisher:

Ural University Press
4, Turgeneva St., 620000 Ekaterinburg, Russia

The Journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media. Mass media registration certificate PI FS77-75393 as of April 5, 2019. The Journal is included in the Russian Higher Attestation Commission list of leading peer-reviewed academic journals approved for the publication of dissertation research results.

The journal is indexed in:

DOAJ, EBSCO, eLibrary, European Reference Index
for the Humanities and the Social Sciences (ERIH PLUS),
Linguistics Abstracts Online, MLA International Bibliography,
Russian Index of Science Citation (RISC),
Russian Science Citation Index (RSCI), Scopus, Slavic Humanities Index,
Web of Science Core Collection: Emerging Sources Citation Index (WoS ESCI), White List

Voprosy onomastiki (Problems of Onomastics) publishes original research papers on all aspects of onomastics: theory of proper names and methods of onomastics; lexicography of proper names (presentation of old and new dictionaries); source studies in onomastics; functioning of proper names in different contexts: in dialects and popular language, in folklore and literature, in scientific and administrative discourses; historical studies of anthroponyms and toponyms (including the study of substrate toponymy); onomastics as a crossroad of different disciplines (history, archaeology, ethnology, geography, anthropology, ethnolinguistics, etymology, regional studies, etc.); methods of documentary fieldwork and data processing in onomastics. Preference is generally given to the onomastics of the Slavic, Finno-Ugric, Romance, Germanic, Baltic, Celtic, Turkic and Iranian languages. The journal publishes papers in the Russian, English, German, and French languages.

The journal operates on a no-fee open access basis: the journal does not charge any publication fees, all publications are freely available to the reader on the journal's website immediately after publication.

Email: voprosy.onomastiki@gmail.com
<http://onomastics.ru/en>

Editorial Office Address: 51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia
Ural Federal University, *Voprosy onomastiki (Problems of onomastics)* Editorial Office

© V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, 2026
© Ural Federal University, 2026

Главный редактор

Березович Е. Л., д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Уральский федеральный университет, Екатеринбург

Заместители главного редактора

Голомидова М. В., д. ф. н., проф., Уральский федеральный университет, Екатеринбург

Рут М. Э., д. ф. н., проф., Уральский федеральный университет, Екатеринбург

Спиридонов Д. В., к. ф. н., доц., Уральский федеральный университет, Екатеринбург

Ответственный секретарь

Кучко В. С., к. ф. н., ст. науч. сотр., Уральский федеральный университет, Екатеринбург;
Институт славяноведения РАН, Москва

Редакционная коллегия

Амбросиани П., PhD, проф., Университет Умео, Швеция
Ахметова М. В., к. ф. н., ст. науч. сотр., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва

Бахтерева А. А., к. ф. н., ст. науч. сотр., Уральский федеральный университет, Екатеринбург; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва

Васильев В. Л., д. ф. н., проф., Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород; вед. науч. сотр., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва

Васильева Н. В., д. ф. н., глав. науч. сотр., Институт языкознания РАН, Москва

Гарвалик М., PhD, вед. науч. сотр., Институт языкознания имени Людовита Штура при Словацкой академии наук, Словакия

Горяев С. О., к. ф. н., доц., Уральский федеральный университет; Екатеринбургская духовная семинария; Миссионерский институт, Екатеринбург

Гринберг М. Л., PhD, проф., Университет Канзаса, США

Дзицойты Ю. А., к. ф. н., доц., Юго-Осетинский государственный университет, Цхинвал, Южная Осетия

Дыбо А. В., д. ф. н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН, Москва

Журавлев А. Ф., д. ф. н., глав. науч. сотр., Институт славяноведения РАН, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва

Кабинина Н. В., д. ф. н., проф., Уральский федеральный университет, Екатеринбург

Кюршунова И. А., д. ф. н., проф., Петрозаводский государственный университет

Лома А., PhD, проф., акад. Сербской академии наук и искусств, Белградский университет, Институт сербского языка Сербской академии наук и искусств, Сербия

Матасович Р., PhD, проф., акад. Хорватской академии наук и искусств, Загребский университет, Хорватия

Молчанова О. Т., д. ф. н., проф., Щецинский университет, Польша

Муллонен И. И., д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, Петрозаводск; вед. науч. сотр., Уральский федеральный университет, Екатеринбург

Напольских В. В., д. и. н., проф., чл.-корр. РАН, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва; вед. науч. сотр., Уральский федеральный университет, Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург

Саарикви Я., PhD, проф., Университет Хельсинки, Финляндия

Савельев А. В., к. ф. н., науч. сотр., Институт языкознания РАН, Москва

Супрун В. И., д. ф. н., проф., Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград

Сурикова О. Д., к. ф. н., ст. науч. сотр., Уральский федеральный университет, Екатеринбург; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва

Толстая С. М., д. ф. н., проф., акад. РАН, Институт славяноведения РАН, Москва

Успенский Ф. Б., д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва

Фалилеев А. И., д. ф. н., вед. науч. сотр., Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург

Хенгст К., DrHab, проф., Лейпцигский университет, Германия

Хольцер Г., DrHab, проф., Венский университет, Австрия

Редакционный совет

Аникин А. Е., д. ф. н., акад. РАН, Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Башки И., PhD, проф., Группа по исследованию Средней Азии при Венгерской АН, Венгрия

Бергманн Х., PhD, вед. науч. сотр., Институт новой и новейшей истории Австрийской АН, Австрия

Егоров Н. И., д. ф. н., глав. науч. сотр., Научно-исследовательский институт тюркологии и алтанстики при Казахском национальном университете им. аль-Фараби, Казахстан

Петросян А. Е., д. ф. н., глав. науч. сотр., Институт археологии и этнографии НАН РА, Армения

Рутковский М., PhD, DrHab, проф., Варминьско-Мазурский университет, Польша

Стаховский М., PhD, науч. сотр., Ягеллонский университет, Польша

Сундуева Е. В., д. ф. н., глав. науч. сотр., Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ

Торкар С., PhD, науч. сотр., Институт словенского языка Словенской академии наук и искусств, Словения

Цшишанг Х., PhD, науч. сотр., Лейпцигский университет, Германия

Штепан П., PhD, науч. сотр., Институт чешского языка АН Чешской Республики, Чехия

Editor-in-chief

Elena Berezovich, DrHab, professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Deputy editors

Marina Golomidova, DrHab, professor, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Maria Ruth, DrHab, professor, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Dmitry Spiridonov, PhD, associate professor, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Managing editor

Valeria Kuchko, PhD, senior research fellow, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia; Institute of Slavic Studies of the RAS, Moscow, Russia

Editorial Board

Per Ambrosiani, PhD, professor, Umeå University, Sweden

Maria Akhmetova, PhD, senior research fellow, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow

Anna Bakhtereva, PhD, senior research fellow, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia; V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia

Anna Dybo, DrHab, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics of the RAS, Moscow, Russia

Yuri Dzitssoity, PhD, professor, South Ossetian State University, Tskhinvali, Republic of South Ossetia

Alexander Falileyev, DrHab, leading research fellow, Institute for Linguistic Studies of the RAS, Saint Petersburg, Russia

Sergey Goryaev, PhD, associate professor, Ural Federal University; Ekaterinburg Theological Seminary; Missionary Institute, Ekaterinburg, Russia

Marc L. Greenberg, PhD, professor, University of Kansas, Lawrence, KS, USA

Milan Harvalík, PhD, leading research fellow, L'udovit Štúr Institute of Linguistics of the Slovak Academy of Sciences, Slovak Republic

Karlheinz Hengst, DrHab, professor, University of Leipzig, Germany

Georg Holzer, DrHab, professor, University of Vienna, Austria

Nadezhda Kabinina, DrHab, professor, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Irina Kyurshunova, DrHab, professor, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Aleksandar Loma, PhD, professor, full member of the Serbian Academy of Sciences and Arts, University of Belgrade, Serbian Academy of Sciences and Arts, Serbia

Ranko Matasović, PhD, professor, full member of the Croatian Academy of Sciences and Arts, University of Zagreb, Croatia

Olga Molchanova, DrHab, professor, University of Szczecin, Poland

Irma Mullonen, DrHab, professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the RAS, Petrozavodsk, Russia; leading research fellow, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Vladimir Napolskikh, DrHab, professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow; leading research fellow, Ural Federal University, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Janne Saarikivi, PhD, professor, University of Helsinki, Finland

Alexander Savelyev, PhD, research fellow, Institute of Linguistics of the RAS, Moscow, Russia

Vasily Suprun, DrHab, professor, Volgograd State Social and Pedagogical University, Volgograd, Russia

Olesya Surikova, PhD, senior research fellow, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia; V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia

Svetlana Tolstaya, DrHab, professor, full member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Slavic Studies of the RAS, Moscow, Russia

Fjodor Uspenskij, DrHab, professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia

Valery Vasilyev, DrHab, professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Russia; leading research fellow, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia

Natalia Vasilyeva, DrHab, principal research fellow, Institute of Linguistics of the RAS, Moscow, Russia

Anatoly Zhuravlev, DrHab, principal research fellow, Institute of Slavic Studies of the RAS, Moscow State University, Moscow, Russia

Advisory Board

Aleksandr Anikin, DrHab, full member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philology of the Siberian Division of the RAS, Novosibirsk, Russia

Imre Baski, PhD, professor, Research Group for Central Asia, Hungarian AS, Hungary

Hubert Bergmann, PhD, research fellow, Institute of Modern and Contemporary History of the Austrian AS, Austria

Nikolay Egorov, DrHab, principal research fellow, Research Institute of Turkology and Altaic Studies of Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan

Armen Petrosyan, DrHab, principal research fellow, Institute of Archaeology and Ethnography of the NAS RA, Yerevan, Armenia

Mariusz Rutkowski, DrHab, professor, University of Warmia and Mazury in Olsztyn, Poland

Marek Stachowski, PhD, research fellow, Jagiellonian University, Kraków, Poland

Pavel Štěpán, PhD, research fellow, Institute for the Czech Language of the AS CR, Prague, Czech Republic

Ekaterina Sunduyeva, DrHab, principal research fellow, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Division of the RAS, Ulan-Ude, Russia

Silvo Torkar, PhD, research fellow, Fran Ramovš Institute of the Slovenian Language, Ljubljana, Slovenia

Christian Zscheschang, PhD, research fellow, University of Leipzig, Germany

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Бетров А. А., Дзицойты Ю. А.</i> К истории осетинской оронимии	9
<i>Березович Е. Л.</i> Русские фараоны: память прецедентного текста и внетекстовая культурная история в судьбе имени.....	29
<i>Варникова Е. Н.</i> О зоонимической терминологии	74
<i>Kasap S.</i> Between Two Names: A Study of Kurdish Naming Practices and Identity in Türkiye	99
<i>Pérez-Hernández L., Huguet Varea D.</i> A Cognitive Approach to Commercial Brand Names of Basic and Luxury Products	116
<i>Сохина М. Д.</i> <i>Nü guo</i> китайской историографии: К вопросу о локализации «Женских царств» Тибета. Часть II: Западный Тибет и Верхний Ладакх	140
<i>Крюкова И. В., Супрун В. И.</i> «Человек созерцающий» в зеркале региональной ойконимии (на материале названий населенных пунктов Волгоградской области).....	167
<i>Малькова Я. В.</i> Индивидуальные прозвища, указывающие на недоброжелательность их носителя, в севернорусских говорах	186

МАТЕРИАЛЫ

<i>Кучко В. С., Сурикова О. Д.</i> Народный календарь Костромского края. II: Осенне-зимний цикл	204
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Попович А. И.</i> Антропонимы в русском XVIII веке: между литературой и реальностью. Рец. на кн.: Антропонимы в русской словесной культуре XVIII века / под ред. П. Е. Бухаркина, С. С. Волкова и Е. М. Матвеева. — СПб. : Институт лингвистических исследований РАН, 2023. — 584 с.	232
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Конференции, съезды, симпозиумы

XXIII Международная научная конференция «Ономастика Поволжья» в Астрахани (<i>М. Л. Лаптева, В. И. Супрун</i>).....	242
III Международная научная конференция «Современные проблемы ономастики»: к 90-летию со дня рождения В. П. Лемтюговой (11–12 декабря 2025 г., Минск, Республика Беларусь) (<i>С. О. Горяев</i>).....	247

ЮБИЛЕИ

Елена Львовна Березович (<i>А. А. Бахтерева, Ю. А. Кривошапова</i>).....	251
Библиография ономастических работ Е. Л. Березович (<i>А. А. Бахтерева</i>)	257
Марина Васильевна Голомидова (<i>М. Э. Рут, С. О. Горяев</i>).....	270
Библиография ономастических работ М. В. Голомидовой (<i>М. Э. Рут</i>)	274
Ирма Ивановна Муллонен (<i>Е. В. Захарова, Д. В. Кузьмин; Н. В. Кабинина</i>).....	282
Библиография ономастических работ И. И. Муллонен (<i>Н. В. Чикина</i>)	291

CONTENTS

<i>Betrozov, A. A., Dzitstsoity, Yu. A.</i> On the History of Ossetian Oronymy	9
<i>Berezovich, E. L.</i> <i>Russian Pharaohs: The Memory of a Precedent Text and Extra-Textual Cultural History in the Fate of a Name</i>	29
<i>Varnikova, E. N.</i> On Zonymic Terminology	74
<i>Kasap, S.</i> Between Two Names: A Study of Kurdish Naming Practices and Identity in Türkiye	99
<i>Pérez-Hernández, L., Huguet Varea, D.</i> A Cognitive Approach to Commercial Brand Names of Basic and Luxury Products	116
<i>Sokhina, M. D.</i> <i>Nü guo</i> in Chinese Historiography: The Localisation of Tibetan “Women’s Kingdoms”. Part II: Western Tibet and Upper Ladakh	140
<i>Kryukova, I. V., Suprun, V. I.</i> <i>Homo Spectans</i> in the Mirror of Regional Oikonymy (Based on Settlement Names of the Volgograd Region)	167
<i>Malkova, Ya. V.</i> Individual Nicknames Indicating the Spitefulness of Their Bearers in Northern Russian Dialects.....	186

MATERIALS

<i>Kuchko, V. S., Surikova, O. D.</i> Folk Calendar of the Kostroma Region. II: Autumn-Winter Cycle.....	204
--	-----

REVIEWS

<i>Popovich, A. I.</i> Anthroponyms in the Russian 18 th Century: Between Literature and Reality. Review of the book: Bukharkin, P. E., Volkov, S. S., & Matveyev, E. M. (Eds.). <i>Antroponimy v russkoi slovesnoi kul'ture XVIII veka</i> [Anthroponyms in the 18 th Century Russian Verbal Culture]. St Petersburg: Institute for Linguistic Studies of the RAS, 2023. 584 p.	232
---	-----

ACADEMIC CURRICULUM

Conferences, Congresses, Symposia

The 23 rd International Conference “Onomastics of the Volga Region” in Astrakhan (<i>M. L. Lapteva, V. I. Suprun</i>).....	242
The 3 rd International Conference “Modern Problems of Onomastics” Commemorating the 90 th Anniversary of the Birth of V. P. Leptyugova (December 11–12, 2025, Minsk, Belarus) (<i>S. O. Goryaev</i>).....	247

ANNIVERSARIES

Elena Lvovna Berezovich (<i>A. A. Bakhtereva, Yu. A. Krivoshchapova</i>).....	251
A Bibliography of E. L. Berezovich’s Works in Onomastics (<i>A. A. Bakhtereva</i>).....	257
Marina Vasilyevna Golomidova (<i>M. E. Ruth, S. O. Goryaev</i>).....	270
A Bibliography of M. V. Golomidova’s Works in Onomastics (<i>M. E. Ruth</i>).....	274
Irma Ivanovna Mullonen (<i>E. V. Zakharova, D. V. Kuzmin; N. V. Kabinina</i>).....	282
A Bibliography of I. I. Mullonen’s Works in Onomastics (<i>N. V. Chikina</i>)	291

Азамат Асланбекович Бетрозов

лаборант-исследователь, Центр скифо-аланских исследований Владикавказского научного центра РАН (363110, Республика Северная Осетия — Алания, с. Михайловское, ул. Вильямса, 1)
E-mail: a.betrozoff@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0006-7450-5900>

Юрий Альбертович Дзицойты

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Центр скифо-аланских исследований Владикавказского научного центра РАН (363110, Республика Северная Осетия — Алания, с. Михайловское, ул. Вильямса, 1)
E-mail: dzicc@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2336-4125>

К истории осетинской оронимии

Аннотация

В статье рассматриваются географические термины осетинского языка, связанные с оронимией. Впервые в научной литературе обсуждается вопрос об осет. *dur // dor* в значении 'гора'. Это значение представлено исключительно в топонимии Осетии, а в остаточном виде также и в языке осетинского фольклора. Распределение оронимов с этим компонентом оценивается с позиций лингвистической географии. Предлагается этимологический анализ и других географических терминов, а также эволюция всей системы географической терминологии, описывающей горы и горные местности, от праиранского состояния до современного осетинского. В работе показано, что праиранские термины, обозначающие высокую гору, из осетинского языка исчезли. Сохранились только термины для невысоких гор и холмов. Высказано предположение, что это могло произойти в результате переселения предков осетин с прародины на равнину, лишенную высоких гор и горных массивов. Но на Кавказе, где потребность различать высокие и невысокие горы стала необходимостью, осетинский язык, мобилизовав внутренние ресурсы, использовал лексику для понятий 'высокий', 'возвышающийся' и пр. Одна из праиранских лексем в значении 'гора', **gari-*, могла сохраниться в Осетии в названии священной горы *Qariw*. Очевидно, эта лексема приобрела на праосетинском уровне сакральный статус, что и спасло ее от забвения. Сохранению этого термина способствовала осетинская мифология, в которой представлены сюжеты о священных горах. В работе приведены также типологические параллели на индоевропейской, кавказской и тюркской почве.

Ключевые слова

оронимия; осетинский язык; иранские языки; кавказские языки; этимология; история; ареальная лингвистика

Благодарности

Статья написана в рамках реализации гранта по проекту «Топонимия Северной Осетии в историко-культурном аспекте», поддержанного в конкурсе Российского научного фонда 2025 г. «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований малыми отдельными научными группами» (региональный конкурс). Региональная

организация финансирования — Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научный центр «Владикавказский научный центр Российской академии наук»,
Республика Северная Осетия — Алания.

Для цитирования

Бетрозов А. А., Дзиццойты Ю. А. К истории осетинской оронимии // Вопросы ономастики. 2026. Т. 23, № 1. С. 9–28. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2026.23.1.001

Рукопись поступила в редакцию 16.07.2025

Рукопись принята к печати 20.09.2025

Azamat Aslanbekovich BETROZOV

Researcher, Center for Scytho-Alanic Studies,
Vladikavkaz Scientific Center of the Russian
Academy of Sciences (1, Vilyamsa St.,
Mikhailovskoye village, 363110, Republic of North
Ossetia–Alania, Russia)
Email: a.betrozoff@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0006-7450-5900>

Yuri Albertovich DZITSTSOITY

PhD, Leading Research Fellow, Center for Scytho-
Alanic Studies, Vladikavkaz Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences (1, Vilyamsa
St., Mikhailovskoye village, 363110, Republic
of North Ossetia–Alania, Russia)
Email: dzicc@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2336-4125>

On the History of Ossetian Oronymy

Abstract

The article examines the geographical terms of the Ossetian language related to oronymy. For the first time in the scholarly literature the article discusses Ossetian *dur//dor* ‘mountain’. This meaning is attested exclusively in the toponymy of Ossetia, and in a residual form also in the language of the Ossetian folklore. The distribution of oronyms containing this component is assessed from the perspective of linguistic geography. The paper also provides an etymological analysis of other geographical terms and traces the evolution of the entire system of geographical terminology describing mountains and mountainous landscapes from the Proto-Iranian stage to modern Ossetian. It is shown that Proto-Iranian terms denoting a high mountain have disappeared from the Ossetian language, while only terms referring to low mountains and hills have been preserved. The authors suggest that this development may have resulted from the migration of the ancestors of the Ossetians from their original homeland to a plain lacking high mountains and mountain ranges. In the Caucasus, however, where the need to distinguish between high and low mountains became essential, Ossetian appears to have mobilized its internal lexical resources, employing words meaning ‘high’, ‘rising’, etc. One of the Proto-Iranian lexemes meaning ‘mountain’, **gari-*, could have been preserved in Ossetia in the name of the sacred mountain *Qæriw*. Apparently, this lexeme acquired a sacred status at the Proto-Ossetian level, which saved it from oblivion. The survival of this term was likely supported by Ossetian mythology, which contains narratives about sacred mountains. The paper also presents typological parallels from Indo-European, Caucasian, and Turkic languages.

Keywords

oronymy; Ossetian language; Iranian languages; Caucasian languages; etymology; history; areal linguistics

Acknowledgements

This article is part of the project *Toponymy of North Ossetia in Historical and Cultural Aspects*, supported by the Russian Science Foundation within the 2025 grant competition “Fundamental Scientific Research and Exploratory Research by Small Individual Research Groups” (regional competition). The regional funding organization is the Federal State Budgetary Scientific Institution Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Republic of North Ossetia–Alania.

For citation

Betrozov, A. A., & Dzitstsoity, Yu. A. (2026). On the History of Ossetian Oronymy. *Voprosy onomastiki*, 23(1), 9–28. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2026.23.1.001

Received on 16 July 2025

Accepted on 20 September 2025

После выхода в свет словарей топонимов Северной [Цагаева 1975] и Южной [ТЮО] Осетии многие аспекты истории осетинской лексики и диалектологии предстали перед нами в новом свете. Выяснилось, например, что лексемы, ранее считавшиеся принадлежащими исключительно дигорскому диалекту, представлены и в топонимии ареала иронского диалекта как в Северной, так и в Южной Осетии [Дзиццойты 2017]. Это можно расценивать только в том смысле, что раньше эти лексемы бытовали и в иронском диалекте, но впоследствии по разным причинам были утрачены. Стало быть, в прошлом расхождений между двумя основными диалектами осетинского языка было намного меньше. Не претендуя на всеобъемлющий охват данной проблемы, мы хотели бы представить в настоящей публикации еще одно свидетельство сказанного.

Наше внимание привлекла прежде всего лексема *dur // dor* ‘камень’¹, не имеющая значения ‘гора; скала; хребет’. Топонимия хороша тем, что всегда предоставляет в распоряжение исследователей какие-нибудь неожиданные факты. Именно с таким явлением мы и сталкиваемся при анализе ряда топонимов Осетии, содержащих упомянутую лексему.

1. *Dur* ‘гора’ в топонимии Южной Осетии

1.1. Начнем с топонимии Южной Осетии, где представлено несколько оронимов *Галадур*, букв. «Камень, похожий на быка». Все они относятся к небольшой территории, расположенной между двумя административными районами — Цхинвальским и Ленингорским. Речь идет о горе и водораздельном хребте, тянущемся на юг от этой горы. Название горы известно

¹Здесь и далее две косые черты отделяют иронскую форму от дигорской.

в нескольких вариантах: *Галаудур* «Камень, похожий на быка», *Галаудуры хох* ‘гора Галаудур’ и *Галаудуры къæдзæх* ‘скала Галаудур’ [ТЮО 3: 152, 229]. Этот ороним впервые зафиксирован в газетной публикации за 1830 г. в форме *Галлавдур* [ППК 1: 35]. В одном официальном документе за 1891 г. ороним представлен в форме *гора Голодури* [ДМ: 398]. Этот же ороним зафиксирован грузинскими топонимистами в форме *Galaduri* [Mak’alattia 1976: 63, 64], а на карте [К-1] находим г. *Гелавдур*.

Рядом с горой зафиксированы ойконимы груз. *Didi Galaduri* ‘Большой Галадур’ и *P’at’ara Galaduri* ‘Малый Галадур’ [Mak’alattia 1976: 65]. Кроме того, в Дзими́рском ущелье представлено название пастбища осет. *Галаудур* и перевала *Галаудуры æфцæг* ‘Галавдурский перевал’, расположенных на горе Галаудур [ТЮО 3: 229, 152].

Поскольку описываемый хребет находится меж двух ущелий, он поименован и с другой, западной, стороны. В Гнухском ущелье, в районе г. *Галаудур*, отмечен одноименный перевал [ТЮО 2: 353–354]. Таким образом, горный хребет и горный пик, разделяющий два смежных ущелья — Дзими́рское и Гнухское, а также пастбище и перевал на этой горе носят название осет. *Галаудур*.

1.2. В грузинских селах, расположенных у подножия рассматриваемого хребта, зафиксировано не только упомянутое *Galaduri*, являющееся фонетической адаптацией осет. *Галаудур*. У грузинского историка и географа начала XVIII в. Багратиони Вахушти упомянутый хребет между Гнухским и Дзими́рским ущельями носит название *Xaruli*, букв. «Бычьё», или *Xarulis mta* ‘Харульская гора’ [Вахушти 1904: 80]. Поскольку местное грузинское население пользуется осетинским названием рассматриваемой горы, есть основания полагать, что и в сочинении Вахушти представлена калька осетинского оронима на грузинский язык, а не наоборот. Вахушти и в других случаях переводил на грузинский язык осетинские топонимы, имевшие семантическую мотивацию [Дзиццойты 2024: 234].

1.3. «Стертая» форма *Галаудур* отмечена и на осетинской почве [КУЛ: 270]. Очевидно, она появилась в результате диссимилиативного опрощения.

2. *Dor* ‘гора’ в топонимии Дигории

2.1. В Дигории (западная часть Северной Осетии) отмечена гора *Галдор*, букв. «Бык-камень» [Гарданты 2007: 278, 279, 295; ППК 6: 449]. Этот же ороним зафиксирован в соседней Балкарии [БТС: 51]. На г. Галдор находится перевал *Галдори æфцæг* ‘Галдорский перевал’ [ДУ: 124].

2.2. Несмотря на явное сходство, между югоосетинским и дигорским оронимами имеется и существенное расхождение. Если дигор. *Галдор* является сложением из *gal* ‘бык’ и *dor* ‘камень’, имеющим общее значение «Бык-гора», то в югоосетинском *Галаудур*, помимо этих основ, представлен еще и топоформант *-aw-*, восходящий к флексии уподобительного падежа *-aw*. Этот формант придает орониму значение ‘похожий на’, букв. «Камень, похожий на быка».

2.3. У А. Д. Цагаевой ороним *Галдор* не зафиксирован, но в ее словаре находим несколько других оронимов с аналогичной структурой:

▪ *Æфсæндор* «Железный камень» — гора в окрестностях с. Стур-Дигора [Цагаева 1975: 298];

▪ *Бæгудор* «Хороший камень» — горная вершина в окрестностях ледника Къæрæугом [Там же: 298–299];

▪ *Гулудор* «Безрогий камень» — гора в районе ледника Къæрæугом [Там же: 299];

▪ *Тъафдор* «Листовой камень» — гора в районе леса Къороскæ [Там же: 303];

▪ *Фæстагдор* «Задний камень» — северный отрог Водораздельного хребта, разделяющий долины рр. Къæрæугомдон и Фæстагдон [Там же: 304; ДУ: 18, 64];

▪ *Хириздор* «Пористый камень» — гора в районе ледника Къæрæугом [Там же: 304];

▪ *Хузæдор*, букв. «Рисунок-камень», т. е. ‘Камень с изображением’ — гора в районе ледника Къæрæугом [Там же: 305];

▪ *Цæгæрдор* «Плешивый камень» — гора и отрог Водораздельного хребта в ущелье Къæрæугом [Там же].

2.4. Кроме того, в Дигории зафиксирован еще один ороним с интересующим нас компонентом, также не представленный в словаре А. Д. Цагаевой. Это *Саудор* «Черный камень» — гора между ущельями Къæрæугом и Уæллагком [К-1; ДУ: 10, 17, 35, 50, 60]. Сюда же относятся два других оронима: *Саудори æфцæг* ‘Саудорский перевал’ — перевал на Саудорском хребте [ДУ: 61] и *Саудори рагъ* ‘Саудорский хребет’ — хребет, отходящий на северо-запад от вершины г. Сонгути хонх [ДУ: 17, 19, 35, 48, 61].

3. Центр и периферия ареала распространения лексемы *dur // dor* ‘гора’

3.1. В приведенных десяти дигорских оронимах лексема *dur*, несомненно, означает ‘гора; горный хребет’. Прилагательные, стоящие перед этим словом, лишь уточняют внешний вид горы: «черная», «лысая» (т. е. полностью лишенная растительности) и т. п.

Почему и в дигорской, и в иронской топонимии слово *dur // dor* ‘камень’ получило одинаковое семантическое развитие и стало означать ‘гора’?

Следует обратить внимание на тот факт, что рассматриваемые оронимы представлены в периферийных зонах ареала осетинского языка. Причем зона их распространения охватывает две противоположные периферийные области: дигорскую (на крайнем северо-западе) и иронскую (на крайнем юго-востоке). Если оценивать этот факт с позиций ареальной лингвистики, то следует признать, что в рассматриваемом явлении мы имеем дело с архаизмами. Действительно, один из главных постулатов ареальной лингвистики гласит, что архаизмы размещаются, как правило, на периферии ареала, тогда как в его центре обычно находятся инновации. Этот же постулат гласит, что наличие одинаковых архаичных явлений в разных периферийных зонах предполагает их наличие в прошлом и в центре ареала.

К счастью, для подтверждения этого вывода на сей раз мы располагаем не только теоретическими наблюдениями, но и прямыми свидетельствами.

3.2. На территории Центральной Осетии, расположенной между Дигорией и Ленингорским районом Южной Осетии, также зафиксированы оронимы с интересующим нас компонентом:

▪ *Галау* «Похожий на быка» — пастбище в окрестностях с. Хъахъхъæдур [Цагаева 1975: 26];

▪ *Галау дуры ком*, букв. «Ущелье камня, похожего на быка» — пастбищное ущелье к западу от с. Зджыд [Там же: 121].

Характерной особенностью двух последних оронимов является то, что они прикреплены не к горам, а к другим объектам — пастбищу и ущелью. Однако у нас нет сомнений в том, что в прошлом окружающие их горы были поименованы так же или сходным образом — просто названия не дошли до нас. О причинах их исчезновения можно строить догадки. Но прежде чем перейти к рассмотрению соответствующих гипотез, мы хотели бы отметить наличие в двух последних оронимах того самого топоформанта *-aw-*, который встречается и в рассмотренных выше оронимах из Южной Осетии. И это понятно: в обоих регионах проживают носители иронского диалекта. Следовательно, наличие или отсутствие топоформанта *-aw-* является своеобразным маркером

для оронимов с компонентом *dur // dor* 'гора': те из них, в которых этот формант встречается, являются иронскими, а те, в которых его нет, — дигорскими.

4. Типологические параллели

Обратимся теперь к типологическим параллелям анализируемых осетинских топонимов. Нам предстоит рассмотреть, во-первых, примеры присвоения горам названий типа «Бык», «Похожий на быка» и под., а во-вторых, случаи использования апеллятива 'камень' в значении 'гора' и названия гор, восходящие к апеллятиву со значением 'камень'.

4.1. Начнем с метафоры 'гора' ~ 'бык' — как нам кажется, довольно прозрачной. В говорах русского языка встречается слово *бык, бычок* 'скалистый берег; каменный утес; мыс; камень в воде' [Отин 2014: 95, 143], а на Северном Кавказе, в районе Минеральных Вод, находим русское название горы *Бык* [ТК: 194, 206]. Карачаевский ороним *Домбай* [ТДА: 237, 245] означает «Зубр», а во второй части названия горы *Цурунгал* в Балкарии видят осет. *gal* 'бык' [БТС: 139] — случай не просто типологического сходства, но этимологического родства с анализируемым осетинским материалом.

На этимологическое родство с осет. *gal* 'бык' претендует и чеченский ороним *Гал тIе* — название пастбища в Чечне, в первой части этого наименования усматривают иран. *gal* 'вол' [Сулейманов 1976: 35] (говоря точнее, А. С. Сулейманов [Там же] считает лексему *gal* 'вол, бык' древнеперсидской, хотя в древнеперсидском языке основа не зафиксирована, а из всех иранских языков данная форма в приведенных значениях представлена только в осетинском [Абаев 1: 506]).

Рассматриваемую метафору отражает и ороним *Дзæбидырысар* «Турья голова» в Северной Осетии [УХТ: 44].

4.2. В этих и подобных названиях, на наш взгляд, закрепился образ горы, внешне напоминающей быка. Были ли «привязаны» к рассматриваемым оронимам мифологические представления и/или обрядность, нам неизвестно. Во всяком случае, на осетинской почве ничего подобного не зафиксировано, хотя почитание гор, особенно самых высоких, в Осетии отмечено. Одно можно утверждать с уверенностью: оронимы со значением «Гора-бык» относятся к древнейшему слою топонимии Осетии.

4.3. Обратимся теперь к метафоре 'камень' ~ 'гора'. Связь значений 'гора' ~ 'скала' ~ 'камень' в апеллятивной лексике индоевропейских языков

рассмотрена, например, в работах [Buck 1949: 24–25, 26, 50 и сл.; Топоров 1980: 234]. Др.-инд. *aśman* означает ‘скала, камень; небо’ [Кочергина 1987: 82]. Связанное с ним этимологически рус. *камень*, а также некоторые его славянские соответствия, помимо основного, имеют значения ‘гора’, ‘скала’, ‘утес’, ‘мыс’, ‘сопка’, ‘возвышенность’, ‘вершина’, ‘гряда’ [Мурзаев 1984: 249].

Хороший иллюстративный материал находим и на иранской почве. Ср. язгулям. *kəp* ‘камень; большой валун; скала’, вандж. *kup, kub, kūb* ‘камень; гора’ [ЭСИЯ 4: 372]. Праиран. **gari-* ‘гора, холм; валун, скала’ в части иранских языков отразилось в значении ‘гора’ (авест. *gairi-*, ср.-перс. *gar* и пр.), а в другой — в значении ‘камень’ (шугнан. *žīr*, хуфс. *žær*, рушан., бартанг. *žēr* и пр.) [ЭСИЯ 3: 191].

Весьма интересные параллели находим также на Урале. Ср. рус. *Денежкин камень* — название горы на Урале, *Конжаковский камень* — горный массив на Среднем Урале и пр. Слово *камень* в этих оронимах — «старинный русский термин, имевший значение “скала, гора, хребет”» [Поспелов 1988: 62, 97].

Не менее интересно нен. *pē* ‘камень’, которое употребляется в названиях Уральских гор, горной гряды на полуострове Канин и др. [Напольских 1997: 87]. В древнегрузинском языке *lodi* означает ‘скала; камень’ [DKEL: 210].

Таким образом, развитие значения ‘камень’ → ‘гора; скала’ широко распространено практически по всему миру. Как это видно на примере русского и грузинского языков, такое развитие спорадически может встречаться даже в тех языках, в которых имеется самостоятельная лексема со значением ‘гора’ (рус. *гора*, груз. *mta*). К числу таких языков относится и осетинский.

4.4. Для жителей гор ассоциация ‘камень’ ~ ‘гора’ вполне естественна: гора состоит из каменной породы; кроме того, практически после каждого большого дождя с гор скатываются или осыпаются камни. Любопытно, что рассматриваемая связь между понятиями ‘гора’ и ‘камень’ прослеживается и в языке осетинского фольклора, вне связи с топонимией. В одном фольклорном тексте упоминается *xonxi asæ dor* ‘камень величиной с гору’ [ИАС 2: 285], а в другом остров посреди моря назван *qildur* ‘торчащий (из воды) камень’ [Там же: 271]. Последний, несомненно, ассоциируется с камнем посреди (или на берегу) водного объекта, из которого родился один из главных героев нартовского эпоса — Сослан. Этот камень-остров (камень-скала) напоминает камень Алатырь в русской традиции, который локализуется в центре мира — «прежде всего и чаще всего на море» [Агапкина и др. 2019: 15].

5. К истории осетинских апеллятивов со значениями ‘гора’ и ‘камень’

Если обратиться к лексемам, означающим ‘гора’ и ‘камень’ и реконструируемым на праиранском уровне, то выяснится, что осетинский язык не сохранил соответствующих рефлексов.

5.1. Праиран. **aś-* ‘острый; камень’, откуда праиран. **aśan-* : *aśn-* ‘камень; небесная твердь’, **aśanga-* ‘камень’, **aśman-* ‘камень; небо как твердь’ [ЭСИЯ 1: 237–240], по мнению В. И. Абаева [1: 95–96], которое не разделяют другие исследователи [Бенвенист 1965: 55; Bielmeier 1977: 38, 90; Ченг 2008: 217–218], возможно, представлено в осет. *az* // *anz* ‘год’. Но даже если признать абаевскую этимологию справедливой, нам придется ответить на два вопроса: 1) о причинах утраты в осетинском значения ‘камень’, 2) о причинах развития в осетинском значения ‘небо’ → ‘год’.

Для нашей темы важнее первый из этих вопросов. Напомним, что в бассейне р. Сейм, где предположительно обитали скифы или сарматы, зафиксированы гидронимы *Осмонь*, *Асмонька* (вариант *Осмонька*), *Каменная Осмонька*, возводимые к иран. **asman-* ‘камень’, **asmanya-* ‘каменный’ [Топоров, Трубачев 1962: 9, 222]. К более позднему периоду относят топоним *Анзаф*, *Анзан-Тарама* (балка в окрестностях Кальмиуса), происходящий от сарм.-алан. **anz-āf* ‘узкий поток; балка’ [Илиади 2023: 346]. Мы не исключали бы перевод «Каменная балка», допуская для позднесарматского закономерное преобразование **asmā* (им. п. ед. ч. к **asman-*) в **ans-* > **anz-*. Следовательно, рассматриваемая лексема в скифо-сарматское время не была еще утрачена. В топонимии и гидронимии Осетии следов этой основы не удается обнаружить, поэтому время ее утраты в праосетинском можно определить приблизительно — докавказский период. В этот же период иран. **asman-* ‘камень’ было вытеснено другим иранским (диалектным) словом — **daura-* ‘твердый, крепкий’ (в частности, ‘твердый камень’), давшим сак. *dūra-* ‘твердый’, осет. *dur* // *dor* ‘камень’ [Bailey 1979: 161, 165; принято: Bielmeier 1977: 144–146; Ченг 2008: 252]. Осет. *dur* ‘камень’ и сейчас воспринимается как символ или эталон крепости. Ср. выражение *duræj qæbærdær* «крепче камня» — ‘об очень прочной, крепкой вещи’.

Среди аланских топонимов в Западной Европе встречается и основа *dur* ‘камень’ [Ковалевская 1990: 46], что исключает возможность ее кавказского происхождения, предполагавшуюся В. И. Абаевым [1: 376]. Таким образом, значение ‘гора’ у этого слова появилось, скорее всего, уже на Кавказе.

5.2. Аналогичная судьба постигла на осетинской почве одну из праиранских основ со значением ‘гора’.

Праиран. *gari- ‘гора, холм; валун, скала’ не оставило следов в апеллятивной лексике осетинского языка. В авестийском языке эта основа представлена двумя формами: garay- : gari- ‘гора; горная местность, горная цепь’ [Эдельман 2009: 67]. Если исходить из первой формы и предположить, что она существовала и на древнеосетинской почве, то ее закономерным рефлексом было бы *qæræ-. А с учетом распространенного топоформанта -iw- мы могли бы получить форму *qæriw < *garaiwa-. Очевидно, рефлексом этой основы является ороним Qæriw в Северной Осетии [Цагаева 1975: 68]. Это название священной горы между Алагирским и Куртатинским ущельями. По представлениям современных осетин, отраженным и в памятниках фольклора, на вершине этой горы ангелы (zædtæ, dawʒytæ) вершат свой суд.

Таким образом, в случае верности предложенной этимологии рефлекс праиранской основы *gari- ‘гора’ существовал и в кавказский период истории осетинского языка. Название пашни Qæri в Южной Осетии [ТЮО 2: 574], возможно, не является параллельным образованием от той же праиранской основы, а представляет собой эллиптический вариант названия, полная форма которого могла выглядеть как *Qæriju xʷum «Пашня, принадлежащая Кари». Здесь Qæri — мужское личное имя, восходящее к упомянутому выше орониму.

Единичность фиксации оронима Qæriw говорит об очень раннем исчезновении соответствующего апеллятива из лексики осетинского языка и, стало быть, о солидном возрасте самого оронима.

5.3. Праиран. *kaupa-/ *kaufa- ‘гора; горб животного’ [Эдельман 2009: 67] представлено в осетинском языке словом kʷurp // kʷurp ‘выпуклость, холм, горка, горб’ [ЭСИЯ 4: 371]. Фонетические аномалии осетинской формы (абруптив в анлауте, преруптив в ауслауте) укладываются в фонетическую структуру осетинских экспрессивов, т. е. первоначально это слово имело коннотацию ‘маленький’, выраженную соответствующими фонетическими преобразованиями.

Осет. kʷurp // kʷurp обильно представлено в топонимии Осетии, главным образом — в ироноязычном ареале. В дигорском ареале чаще используется лексема kʷibus с тем же значением.

5.3.1. Почему же наименование для большой горы в осетинском не сохранилось, а наименование небольшой горки, холма осталось как в апеллятивной, так и в ономастической лексике? Точного ответа на этот вопрос мы не знаем, но можем высказать следующую гипотезу.

Очевидно, носители праиранского языка-основы жили в горной местности, что предполагало различие на лексическом уровне больших и малых

горных вершин, а также горных хребтов, кряжей и пр. Но впоследствии непосредственные предки современных осетин — скифо-сарматские племена — оказались на равнине, лишенной больших горных массивов. Поэтому название для высокой горы, переставшей быть объектом, используемым для ориентации на местности, постепенно исчезло из языка. Сохранилось только название для холма, денотат которого в огромном количестве был представлен на новой территории.

Со временем предки осетин освоили Кавказ, где вновь появилась потребность различать большие и малые вершины. Для малых вершин было использовано старое иранское слово *k^wypp // k'upp*, а для номинации больших вершин — осетинская лексема *hox // хох* 'гора', о которой мы скажем ниже.

Казалось бы, в эту схему не вписывается этимология, предложенная для оронима *Qæriw*. Однако если учесть, что это название не самой высокой, но самой священной горы, то можно высказать предположение, что именно в этом качестве рассматриваемый ороним и «выжил», т. е. на каком-то этапе истории языка рефлекс праиран. **gari-* мог приобрести в праосетинской мифологии (и фольклоре) значение 'священная / почитаемая гора'. В этом значении язык пронес анализируемую лексему сквозь столетия, прикрепив к одной из почитаемых гор на Кавказе. О перемещениях в пространстве названий священных гор вместе с соответствующими мифами можно судить хотя бы на примере священной горы *Harā-bərəzaitī* в Авесте [Bartholomae 1961: 1788]. С прародины древних иранцев название этой горы со временем переместилось в Иран: ср. ср.-перс. *Harburz*, н.-перс. *Alburz* — горный массив в Иране. А затем персидская форма названия этой горы проникла и на Кавказ, ср. груз. *Ialbuzi* [Andronik'ashvili 1966: 186, 293, 349], рус. *Эльбрус* [Фасмер 4: 517].

Таким образом, предки осетин пришли на Кавказ, имея в своем лексиконе апеллятив со значением 'холм; пригорок', а также сакральное название для священной горы, горы небожителей. Первый был в дальнейшем использован для обозначения небольших горных объектов — пригорков, холмов и т. п. Второе же было прикреплено к определенной горе, ставшей одной из самых почитаемых в Осетии.

5.3.2. В этом же духе следует рассматривать исчезновение из языка исконно иранского названия для камня. В горах соответствующая лексема была обычным названием, противопоставляемым словам для горы и холма. На равнине это противопоставление потеряло смысл, но возникло новое — оппозиция камня как твердого вещества и земли / почвы как вещества мягкого. Крайне любопытно, что осет. *x^wut // хутæ* 'возделанное поле, пашня; нива' восходит к иран. **hum-* 'мякоть; нечто мягкое, рыхлое, пористое' [Bailey 1979: 491;

ЭСИЯ 3: 458; ср.: Bielmeier 1977: 258–259]. Противопоставление мягкой, возделываемой почвы твердым камням, от которых эту почву постоянно приходилось очищать, и привело к тому, что за камнем закрепился постоянный эпитет ‘твердый, крепкий’ (**daura-*), который со временем субстантивировался.

5.4. Итак, при продвижении на Кавказ древних носителей осетинского языка лексика этого языка располагала несколькими лексемами, которые могли быть использованы, во-первых, для противопоставления больших / высоких гор малым, а также холмам, а во-вторых, для наречения многочисленных гор, горных пиков, пригорков и холмов. Наряду с перечисленными выше апеллятивами (*k^wupp // k'upp*) были использованы: номинация для камня (*dur // dor*), а также лексемы *bærzond* ‘высокий; высота’, *bærzænd* ‘возвышенность’, *æfcæg* ‘высокогорье; перевал’ и праиран. **śan-* ‘возвышаться’ (сохранилось в нескольких оронимах, в частности в осетинском названии горы Казбек — *Sæna*). В настоящей статье нет возможности подробно останавливаться на каждой из них. Мы рассмотрим лексему *хох // хонх* ‘гора’, происхождение которой стало дискуссионным.

5.5. Основной лексемой со значением ‘гора’ в современном осетинском языке является *хох // хонх*. Она господствует не только в современном разговорном языке, но и в языке осетинского фольклора, где представлены зачастую весьма древние мифологические сюжеты, а также в топонимии Осетии. Более того, одна из исторических областей Северной Осетии так и называется — *Хох* [подробнее см.: Дзицойты 2020].

5.5.1. Важные сведения о представлениях, связанных с горами, находим в осетинском фольклоре. Здесь, помимо обычных *Saw xox // Saw xonx* «Черная гора» [Нартæ: 97; НТХ: 195–196, 197; ПНТО: 173], *Urs xox // Wors xonx* «Белая гора» [ПНТО: 173], находим еще и *Ауžун хæхтæ* «Стеклянные горы» [Нартæ: 91], *дуwwæ хоху фырыты хæст кæм кæнунс* «(место,) где две горы бьются (лбами), подобно баранам» [ИАА: 290], *дуwwæ хонхи кæми тохунсæ* «(место,) где бьются две горы» [ИАС 2: 134] и т. п.

Самым интересным, однако, для нас является следующий пассаж в осетинской сказке: *Zilgæ-xox дуццъу ас к^wу wydis* «Когда гора Зилга была еще величиной с мелкий камешек» [ИАА: 72]. В этом тексте мы находим важный момент, связанный с рассматриваемой темой: горы не сразу появились в том виде, в каком мы их сегодня знаем, — они, как растения или животные, были сначала маленькими и постепенно выросли в гигантов. И если растение произрастает из семени, то гора — из мелкого камешка (*дуццъу*). Эти мифологические

представления во многом и обусловили перенос названия для камня на горы в топонимии Осетии.

Эти же представления отражены и в лексеме *хохдур*, букв. «гора-камень». Она означает не только «горная порода» [Парсиева, Гацалова 2018: 574], но и «скальная гора; скала», т. е. гора, лишенная растительности. Ср. у осетинского поэта: «Slæst eγaw sæqil хохдурγ гаγтæ» <(Он) вскарабкался на вершину огромной отвесной скалы> [Гæззаты 1955: 253].

Таким образом, связь между «горой» и «камнем» прослеживается и в осетинской мифологии, и в апеллятивной лексике осетинского языка.

5.6. В своем дальнейшем развитии осетинский язык выработал целую систему названий, производных от лексемы *хох* // *хонх*, для описания различных реалий, связанных с горой. В. Ф. Миллером зафиксированы такие производные, как *хоху сунз* «ответвление от горы», букв. «невестка горы» [Миллер 3: 1583], *хоху вæхск* «горный хребет», букв. «плечо горы» [Там же], и мн. др.

Каким же образом данная лексема оказалась единственной для понятия «гора» и каково ее происхождение?

5.6.1. Г. Шёльд предполагал этимологическую связь осет. *хох* // *хонх* «гора» с авест. *kaofa-* «гора» [Sköld 1925: 21], что фонетически неприемлемо. Г. Моргенстьерне возводил осетинское слово к др.-иран. **xwanxw-*, возникшему по ассимиляции из более ранней формы **fanxw-*, отложившейся в авест. *fānku-* «пик; вершина» [Morgenstierne 1942: 269]. Эту этимологию поддержал Р. Бильмайер, по мнению которого, однако, авест. *f-* остается необъясненным. Поскольку перебой **xw- > f-* характерен для мидийского языка, можно думать о мидизме в авестийском [Bielmeier 1977: 31, 45, 255]. Сопоставление осетинского слова с авестийским с сомнениями принял и Дж. Ченг [2008: 296].

В. И. Абаев отверг этимологию Г. Моргенстьерне на фонетическом основании. По его мнению, из этимона, предложенного норвежским иранистом, в осетинском языке ожидалось бы **хохх* // *хонх*, а в мн. ч. — **хæххытæ* // *хæнхитæ*, а не *хæхтæ* // *хæнхтæ*. Для сравнения он привел осет. *зæхх* // *зæнхæ* «земля», которое в мн. ч. имеет форму *зæххытæ* // *зæнхитæ* [Абаев 4: 223].

Сам В. И. Абаев полагает, что осетинское слово восходит к древнеиранскому этимону **kauka-* или **kwaka-* со вторичным *-n-* в дигорском. Не исключено также, что на форму осетинского слова повлияли кавказские факты: арч. *хонх*, лезг. *qwan*, агул. *γwan* «скала; валун» [Там же: 222–223]. Иранский этимон с некоторыми оговорками принят в [ЭСИЯ 4: 365].

Учитывая сомнения В. И. Абаева и опираясь на свои представления о кавказском субстрате в осетинском языке, О. А. Мудрак возводит осет. *хох* //

хонх к прадагг. **qāmqārə* ‘каменистый склон после оползня; торчащие камни; скальная стена’ [Мудрак 2016: 506]. Однако для нас очевидна ошибочность как этой этимологии, так и рассуждений В. И. Абаева. Начнем с последних.

Исходя из обычных фонетических соответствий между праиранским и современным осетинским языками, из этимона **kauka*- в осетинском ожидалось бы **kug* // **kog*, а с учетом вторичной *-n*- в дигорском — **kong*. Неясно, каким образом эти формы могли преобразоваться в современные осет. *хох* // *хонх*. Перебой **k* > *x* нельзя приписывать осетинскому языку, даже если в его поддержку можно привести пару иллюстрирующих примеров (см., например, *хуссæ* // *k’insæ* ‘тесто’ [Абаев 4: 271]). Такое развитие для осетинского является аномалией, так как **k*- в инициальной позиции в осетинском языке регулярно отражается в виде *k*- (кроме позиции перед дифтонгом **ai*), а **k* в интервокальной позиции непременно озвончается. Следовательно, даже если согласиться с предложенным В. И. Абаевым этимоном **kauka*-, вариант **хауха*- должен был существовать на праязыковом уровне.

5.6.2. О существовании этимона **хауха*- как минимум на сарматском уровне говорит приведенное В. И. Абаевым мужское личное имя *Хаўхакоз* [Абаев 4: 223], впервые интерпретированное в связи с осет. *хохаг* ‘горец’ чешским иранистом Л. Згустой [Zgusta 1955: 207]. Приняв эту интерпретацию, М. Андроникашвили добавила к ней грузинское мужское имя *Хиха* в фамильном имени *Хихаšvili*, полагая, что данная форма отражает дальнейшую фонетическую эволюцию сарматского имени [Andronik’ashvili 1966: 509–510]. Однако в случае верности этой догадки полагаем, что грузинский антропоним заимствован из реально существующего осетинского мужского имени *Хиха*, которое, в свою очередь, и может восходить к сарматскому **Хауха(ка)*-. Но ни этот антропоним, ни его сарматский источник не могут рассматриваться в качестве этимона осет. *хох* // *хонх*. В противном случае необходимо будет обосновать причину сохранения ирон. *-o*- без перехода в *-u*-, а также доказать причину появления вставки *-n*- в дигорском. И то и другое трудно сделать. Второе предположение наталкивается еще и на проблему аланского личного имени *Хванхва* — имени богатыря, которое было зафиксировано в грузинском источнике XI в. В. Ф. Миллер [1887: 28], а вслед за ним М. К. Андроникашвили [Andronik’ashvili 1966: 509–510] и В. И. Абаев [4: 223] уверенно выводят его из осет. *хох* // *хонх*, связывая в том числе и с упомянутым сарматским именем. Но тут следует внести ясность.

Алан. *Хванхва* в сарматское время не могло выглядеть как **Хауха*-: на сарматском уровне аланское имя могло иметь только ту форму, в которой оно зафиксировано; т. е. апеллятивы **хауха*- ‘гора’ и **хванхва*- ‘гора’ в сарматском

различались и, скорее всего, функционировали в качестве синонимов. Что касается их возможного родства, то его следует отнести к досарматскому времени.

5.6.3. В осетинском языке известен случай расхождения иронской и дигорской форм из-за наличия в последней из них вставного *-n-*. Это глагол *skwuxyn // sk'wænxyn* 'отличаться; совершать подвиг', иронская форма которого предполагает этимон **sku-k-*, а дигорская — **skwa-n-k-* [Абаев 3: 119–120]. Казалось бы, варианты рассматриваемого слова содержат аналогичные фонетические структуры. Однако на деле это не так: и дигор. *xonx*, и ирон. *xox* восходят к этимону с назальным сегментом.

Вопреки В. И. Абаеву, отношения между иронской и дигорской формами в *xox // xonx* следует сравнивать не с *zæxx // zænxæ* 'земля', а с *fos // fons* 'скот' (как это делает Р. Бильмайер, см. ниже), а также с *rox // ironx* 'забытый', *tox // tonx* 'борьба; общественная активность' и пр. Разница в том, что в слове *zænxæ* дигорский диалект вплоть до наших дней сохранил ауслатное *-æ*, наличие которого на иронской почве еще в недавнем прошлом не вызывает сомнений. Именно этот *-æ* предохранил геминату *-xx-* от опрощения. Однако в тех словах, которые имели геминату перед конечной гласной, но давно утратили эту гласную, гемината неизбежно подвергается опрощению. Примерами могут служить перечисленные нами слова: осет. *fos* через промежуточную стадию **foss* восходит к **fons* [Bielmeier 1977: 45]. Последняя форма и представлена в дигорском, так как в нем не происходили описываемые здесь процессы. В этом смысле (и, конечно, не только в этом) дигорский диалект намного архаичнее иронского.

О том, что осет. *tox // tonx* (< др.-иран. **taxma-/ *taxna-*) прошел в своем развитии через такие же «процедуры», см. [Абаев 3: 306]. С другой стороны, ирон. *rox* в паре *rox // ironx* [Абаев 2: 423–424] предполагает такую же ассимиляцию *-nx-* > *-xx-* и последующее опрощение в *-x*.

Аланское (явно иронское) имя *Xwanxwa* подсказывает, что в XI в. еще не было ни отпадения конечного *-wa*, ни ассимиляции *-nx-* > *-xx-*. Все это случилось позже — возможно, в XII в. Однако после отпадения конечного *-wæ* корневая *æ*, оказавшись перед двумя согласными конечного слога, растянулась в **ā*. В конце XIII — начале XIV в. все долгие *ā* перед носовыми закономерно перешли *o*. Таким образом, эволюция анализируемой формы предполагает следующие этапы: *Xwanxwa* [**X^wānx^wā*] > **X^wānxā* > **X^wānx* > **Xonx* > **Xoxx* > *Xox*. Дигорский диалект и на этот раз «законсервировал» аланскую форму.

5.6.4. Есть все основания полагать, что иронская форма *xox* в прошлом имела, во-первых, на конце геминату, а во-вторых — в корне дифтонгоид *-wā-*.

Начнем с геминаты. Обычное прилагательное от существительного *хох* имеет вид *хæххон* (= диг. *x^wænxon*) ‘горный, горский’. В языке фольклора зафиксирована еще одна форма — с другим суффиксом: *хæххag* ‘горный’ (= диг. *x^wænxag*) [ИАС 1: 396]. В этих формах корневая *ä* не растянулась в *ā*, так как за нею следовал еще один слог. Современное иронское прилагательное *хохag* ‘горный’ является производным от *хох*, чего не скажешь о двух предыдущих: они образованы от **хæхх-* (< **хæпх-*) ‘гора’. Нахождение геминаты в интервокальной позиции предохранило ее от опрощения.

Ошибка наших предшественников, восходящая, кажется, к Г. Хюбшману [Hübschmann 1887: 323], как раз в том и заключалась, что прил. *хæххон* выводилось непосредственно из формы *хох*. Поскольку фонетически это невозможно, самое время обратиться к истории корневой гласной. Она представлена не только в прил. *хæххон*, *хæххag*, но и в форме мн. ч. *хæхтæ*. В дигорском находим две формы мн. ч.: *xwænxтæ* и *xænxтæ* [Абаев 4: 222]. От формы мн. ч. в иронском образовано еще одно прилагательное — *хæхtag* ‘горец’ [Гæззаты 1955: 34]. От современной формы *хох* образована параллельная малоупотребительная форма мн. ч. *хохтæ* ‘горы’ [Барахъты 1975: 151]. Параллельные формы *хæххag* / *хохag* и *хæхтæ* / *хохтæ*, несомненно, возникли в разное время: первые члены пары — раньше, вторые — намного позже.

Нет сомнений в том, что форма мн. ч. с лабиальной *w* древнее. О выпадении этого сегмента из кластера *xw-* свидетельствует местоименная основа *хæд-/x^wæд-* ‘свой; свое-’, восходящая к др.-иран. **xwata-* [Абаев 4: 154].

Таким образом, иронская форма *хох*, как и дигор. *хонх*, предполагает в качестве ближайшего (аланского) этимона форму **x^wänxä*. Наличный в ней лабиальный сегмент опровергает мнение О. А. Мудрака о происхождении осетинского слова из прадаг. **qämqärə* — осетинский язык не знает эпентезы *w*. Таким образом, этимология Г. Моргенштерне от праиран. **xwanxw-* остается предпочтительной.

6. Итоги

Главные итоги нашего исследования сводятся к следующим пунктам.

6.1. На раннем этапе своей истории осетинский язык подверг перестройке всю систему праиранских наименований горы, горных объектов, камня, исключив названия для высоких гор и горных массивов, но сохранив название для невысокой горы, холма. Исчезло также иранское название для камня. Его место заняло субстантивированное прилагательное со значением ‘твердый’, противопоставлявшееся мягкой обрабатываемой почве. Наименование высокой

горы **gari*- обрело семантику ‘священная / почитаемая гора’ и сохранилось в мифологических текстах, а также в имени одной-единственной горы *Qæriw*, считающейся по сей день обителью богов (при обретении предками осетин новой родины на Кавказе).

6.2. Для обозначения высоких гор на Кавказе в осетинском языке были использованы иранские лексемы *dur // dor* ‘камень’ и *хох // хох* ‘гора’ (исходное значение последней, возможно, *‘нечто возвышающееся’). Первая из этих лексем в значении ‘гора’, очевидно, имела общеосетинское распространение, однако со временем вторая лексема вытеснила ее, став единственным обозначением высокой горы. Лексема *dur // dor* ‘гора’ сохранилась только в топонимии на противоположных перифериях ареала осетинского языка.

Сокращения

В названиях языков и диалектов

авест.	авестийский язык	н.-перс.	новоперсидский язык
агул.	агульский язык	нен.	ненецкий язык
алан.	аланский язык	прадарг.	прадаргинский язык
арч.	арчинский язык	праиран.	праиранский язык
бартанг.	бартангский язык	рушан.	рушанский язык
вандж.	ванджский язык	сак.	сакский язык
дигор.	дигорский диалект осетинского языка	сарм.-алан.	сармато-аланские диалекты
ирон.	иронский диалект осетинского языка	ср.-перс.	среднеперсидский язык
лезг.	лезгинский язык	хуфс.	хуфский язык
		шугнан.	шугнанский язык
		язгулям	язгулямский язык

Источники

- Барахъты Г.* Уæлладжыры кадæг. Орджоникидзе : Ир, 1975. (На осет. яз.).
- БТС — *Кокос Дж. Н., Шахмурзаев С. О.* Балкарский топонимический словарь. Нальчик : Эльбрус, 1970.
- Вахушти Б.* География Грузии / введ., пер. и прим. М. Г. Джанашивили. Тифлис : тип. К. П. Козловского, 1904. (Записки Кавказского отделения Императорского Русского географического общества ; кн. 24, вып. 5).
- Гардант М.* Уадзимистæ. Дзæуæгигъæу : Ир, 2007. (На осет. яз.).
- Гæззаты С.* Уацмыстæ. Сталинир : Хусс. Ир. чингуыты рауагъдад, 1955. (На осет. яз.).
- ДМ — История Юго-Осетии в документах и материалах : в 3 т. / сост. И. Н. Цховребов. Т. 3 : 1864–1900 гг. Цхинвал : Госиздат Юго-Осетии, 1961.
- ДУ — *Агибалова В. В., Жданов Г. В., Иванов В. Д.* По Дигорскому ущелью. Туристские маршруты. Орджоникидзе : Ир, 1976.
- ИАА — Ирон адæмон аргъæутæ : в 3 т. / сост. А. Х. Бязыров. Цхинвал : Хуссар Ирыстоны паддзахадон рауагъдад, 1959. Т. 1. (На осет. яз.).

- ИАС — Ирон адæмы сфæлдыстад : 2 т. Орджоникидзе : [б. и.], 1961. (На осет. яз.).
- К-1 — Осетия Северная и Южная : карта. Владикавказ : Carta Caucasica, 2007.
- Кочергина В. А. Санскритско-русский словарь. М. : Рус. яз., 1987.
- КУЛ — *Къæбысты У. З. Лигъдæттæ. Цхинвал* : Ирыстон, 1990. (На осет. яз.).
- Миллер В. Ф. Осетинско-русско-немецкий словарь : в 3 т. Л. : АН СССР, 1927–1934.
- Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М. : Мысль, 1984.
- Нартæ / ред. Г. Г. Бестауты. Цхинвал : Ирыстон, 1975. (На осет. яз.).
- НТХ — Нарты таурæгътæ æмæ хабæрттæ. Цхинвал : Ирыстон, 1973. (На осет. яз.).
- Отин Е. С. Происхождение географических названий Донбасса. Донецк : Юго-Восток, 2014.
- Парсиева Л. К., Гацалова Л. Б. Осетинско-русский, русско-осетинский словарь. Владикавказ : Респект, 2018.
- Поспелов Е. М. Школьный топонимический словарь. М. : Просвещение, 1988.
- ПНТО — Памятники народного творчества осетин / ред. Г. Бекоев. Владикавказ : Ир, 1992.
- ППК — Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах : в 5 т. / сост. Л. А. Чибиров. Цхинвал ; Владикавказ : Ирыстон : Ир, 1981–1991.
- Сулейманов А. С. Топонимия Чечено-Ингушетии : в 2 ч. Ч. 1 : Горная Чечня. Грозный : Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1976.
- ТДА — Теберда. Домбай. Архыз: Природа. Исторический очерк. Туристско-экскурсионные маршруты / сост. С. А. Хапаев. М. : Профиздат, 1989.
- ТК — Караулов М. А. Терское казачество. М. : Вече, 2008.
- ТЮО — Цховребова З. Д., Дзиццойты Ю. А. Топонимия Южной Осетии. М. : Наука, 2013–. Т. 1–.
- УХТ — *Едзиты А. А. Уæллаг Ходы таурæгътæ. М. : СЕМ, 2016. (На осет. яз.).*
- Цагаева А. Д. Топонимия Северной Осетии : в 2 ч. Ч. 2 : Словарь географических названий. Орджоникидзе : Ир, 1975.
- ДКЕЛ — *Abuladze I. Dzveli kartuli enis leksik’oni. Tbilisi : Mecniereba, 1973. (На груз. яз.).*
- Mak’alattia P’. N. Aragvis xeobis Pšavis t’op’onomik’a // T’op’onomik’a. T. 1 / ed. by Sh. V. Dzidziguri. Tbilisi : Tbilisis universit’et’is gamomcemloba, 1976. G. 22–225. (На груз. яз.).*

Исследования

- Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка : в 4 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР : Наука, 1958–1989.
- Агапкина Т. А., Березович Е. Л., Сурикова О. Д. Топонимия заговоров Русского Севера. III : камни // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16, № 2. С. 7–68. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.2.014
- Andronik’ashvili M. Nark’vevebi iranul-kartuli enobrivu urtiertobidan : 2 т. Tbilisi : Tbilisis universit’et’is gamomcemloba, 1966. Т. 1. (На груз. яз.).
- Бенвенист Э. Очерки по осетинскому языку. М. : Наука, 1965.
- Дзиццойты Ю. А. Дигорско-кударские изоглоссы в топонимии Южной Осетии // Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. 2017. № 25 (64). С. 134–145.
- Дзиццойты Ю. А. К исторической географии Осетии: историко-географическая область Хох // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17, № 3. С. 209–225. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2020.17.3.040
- Дзиццойты Ю. А. Топонимические заметки // Нартамонгæ. 2024. Т. 19, № 1–2. С. 213–246. <https://doi.org/10.46698/VNC.2024.88.29.002>
- Илиади А. И. Alanica в топонимии Дона — II // Acta onomastica. 2023. Т. 64, Iss. 2. S. 334–359.

- Ковалевская В. Б. Аланы Западной Европы в середине I тысячелетия н. э. // Вопросы иранистики и алановедения / ред. В. Х. Тменов. Владикавказ : [б. и.], 1990. С. 45–46.
- Миллер В. Ф. Осетинские этюды : в 3 ч. Ч. 3. М. : [б. и.], 1887.
- Мудрак О. А. Даргинские основы : этимол. словарь : в 2 т. М. : Языки народов мира, 2016. Т. 1.
- Напольских В. В. Введение в историческую уралистику. Ижевск : Удмуртия, 1997.
- Топоров В. Н. Прусский язык : словарь. [Т. 3] : I–K. М. : Наука, 1980.
- Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М. : Изд-во АН СССР, 1962.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем и доп. О. Н. Трубачева. М. : Прогресс, 1986–1987.
- Ченг Дж. Очерки исторического развития осетинского вокализма. Владикавказ ; Цхинвал : ИПП им. В. Гассиева, 2008.
- Эдельман Д. И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков: лексика. М. : Вост. лит., 2009.
- ЭСИЯ — Этимологический словарь иранских языков / сост. В. С. Расторгуева, Д. И. Эдельман (т. 1–3), Д. И. Эдельман (т. 3–). М. : Вост. лит., 2000–. Т. 1–.
- Bailey H. W. Dictionary of Khotan Saka. Cambridge ; London ; New York ; Melbourne : Cambridge Univ. Press, 1979.
- Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch. Berlin : W. de Gruyter, 1961.
- Bielmeier R. Historische Untersuchung zum Erb- und Lehnwortschatzanteil im ossetischen Grundwortschatz. Frankfurt am Main : Peter Lang, 1977.
- Buck C. D. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. Chicago ; London : The Univ. of Chicago Press, 1949.
- Hübschmann H. Ossetische Nominalbildung // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1887. Vol. 41, No. 2. S. 319–346.
- Morgenstierne G. Orthography and Sound-System of the Avesta // Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap. 1942. Bd. 12. S. 230–278.
- Sköld H. Die Ossetischen Lehnwörter im Ungarischen // Lunds Universitets Årsskrift. 1925. Bd. 20, Nr. 4. S. 1–114.
- Zgusta L. Die Personennamen griechischer Städte der Nördlichen Schwarzmeerküste. Praha : Nakl. Československé Akad., 1955.

References

- Abaev, V. I. (1958–1989). *Istoriko-etimologičeskii slova'osetinskogo iazyka* [Historical Etymological Dictionary of the Ossetian Language] (Vols. 1–4). Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR; Nauka.
- Agapkina, T. A., Berezovich, E. L., & Surikova, O. D. (2019). Toponimiia zagovorov Russkogo Severa. III: kamni [Toponyms in the Charms of the Russian North. III: Stones]. *Voprosy onomastiki*, 16(2), 7–68. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.2.014
- Andronikashvili, M. K. (1966) *Nark'vevebi iranul-kartuli enobrivi urtiertobidan* [Studies in Iranian-Georgian Language Contacts] (Vol. 1). Tbilisi: Tbilisis universit'et'is gamomcemloba. (In Georgian)
- Bailey, H. W. (1979). *Dictionary of Khotan Saka*. Cambridge; London; New York; Melbourne: Cambridge University Press.
- Bartholomae, Chr. (1961). *Altiranisches Wörterbuch*. Berlin: W. de Gruyter.
- Benveniste, É. (1965). *Očerki po osetinskomu iazyku* [Essays in Ossetian]. Moscow: Nauka.
- Bielmeier, R. (1977). *Historische Untersuchung zum Erb- und Lehnwortschatzanteil im ossetischen Grundwortschatz*. Frankfurt am Main: Peter Lang.

- Buck, C. D. (1949). *A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages*. Chicago; London: The University of Chicago Press.
- Cheung, J. (2008). *Očerki istoričeskogo razvitiia osetinskogo vokalizma* [Essays on the Historical Evolution of Ossetian Vocalism]. Vladikavkaz; Tskhinval: IPP im. V. Gassieva.
- Dzitstsoity, Yu. A. (2017). Digorsko-kudarskie izoglossy v toponimii Iuzhnoi Osetii [Digor-Kudar Isoglosses in the Toponymy of Southern Ossetia]. *Izvestiia Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovanii*, 25, 134–145.
- Dzitstsoity, Yu. A. (2020). K istoričeskoi geografii Osetii: istoriko-geografičeskaia oblast' *Khokh* [To the Historical Geography of Ossetia: The Historical Region of *Khokh*]. *Voprosy onomastiki*, 17(3), 209–225. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2020.17.3.040
- Dzitstsoity, Yu. A. (2024). Toponimicheskie zametki [Notes in Toponymy]. *Nartamongaë*, 19(1–2), 213–246. <https://doi.org/10.46698/VNC.2024.88.29.002>
- Edelman, D. I. (2009). *Sravnitel'naia grammatika vostočnoiranskikh iazykov: leksika* [Comparative Grammar of the Eastern Iranian Languages: Vocabulary]. Moscow: Vostochnaia literatura.
- Hübschmann, H. (1887). Ossetische Nominalbildung. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*, 41(2), 319–346.
- Iliadi, A. I. (2023). Alanica v toponimii Dona — II [Alanica in the Toponymy of the Don River Basin. Part 2]. *Acta onomastica*, 64(2), 334–359.
- Kovalevskaya, V. B. (1990). Alany Zapadnoi Evropy v seredine I tysiačeleťtia n. e. [The Alans of the Western Europe in the Middle of the 1st Millennium A.D.]. In V. Kh. Tmenov (Ed.), *Voprosy iranistiki i alanovedeniia* [Issues in Iranian and Alan Studies] (pp. 45–46). Vladikavkaz: [s. n.].
- Miller, V. F. (1887). *Osetinskie etiudy* [Ossetian Studies] (Vol. 3). Moscow: [s. n.].
- Morgenstjerne, G. (1942). Orthography and Sound-System of the Avesta. *Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*, 12, 230–278.
- Mudrak, O. A. (2016). *Darginskie osnovy: etimologičeskii slovar'* [Dargin Stems: An Etymological Dictionary] (Vol. 1). Moscow: Iazyki narodov mira.
- Napolskikh, V. V. (1997). *Vvedenie v istoričeskuiu uralistiku* [An Introduction to the Historical Uralic Studies]. Izhevsk: Udmurtiia.
- Rastorgueva, V. S., & Edelman, D. I. (2000–). *Etimologičeskii slovar' iranskikh iazykov* [An Etymological Dictionary of Iranian Languages] (Vols. 1–). Moscow: Vostochnaia literatura.
- Sköld, H. (1925). Die Ossetischen Lehnwörter im Ungarischen. *Lunds Universitets Årsskrift*, 20(4), 1–114.
- Toporov, V. N. (1980). *Prusskii iazyk: slovar'* [The Prussian Language: A Dictionary] (Vol. 3: I–K). Moscow: Nauka.
- Toporov, V. N., & Trubachev, O. N. (1962). *Lingvističeskii analiz gidronimov Verkhnego Podneprov'ia* [Linguistic Analysis of the Hydronyms of the Upper Dnieper River Basin]. Moscow: Izd-vo AN SSSR.
- Vasmer, M. (1986–1987). *Etimologičeskii slovar' russkogo iazyka* [An Etymological Dictionary of the Russian Language] (Vols. 1–4). Moscow: Progress.
- Zgusta, L. (1955). *Die Personennamen griechischer Städte der Nördlichen Schwarzmeerküste*. Prague: Nakladatelství Československé Akad.

Елена Львовна БЕРЕЗОВИЧ

доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, профессор, заведующая кафедрой русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51)
E-mail: berezovich@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1688-2808>

***Русские фараоны:* память прецедентного текста и внетекстовая культурная история в судьбе имени**

Аннотация

В статье рассматривается русское коллективное прозвище *фараоны* (39 наименований в разных регионах). $\frac{3}{4}$ от общего количества прозвищ носят представители территориальных коллективов, а десять антропонимов — это имена групп, объединенных по социальному признаку. В семантико-мотивационном пространстве, стоящем за прозвищами, выявляются следующие мотивы и смысловые компоненты: «Водная стихия: море, река, озеро; затопление → водные демоны»; «Инородцы, мифические чужаки»; «Колдовство»; «Неопределенно давнее время → искоренение, вымирание»; «Полицейские, военные ← преследователи, гонители»; «Богатство, зажиточность → “барство”, лень»; «Связь со стекольным производством»; «Повозка (колесница)»; «Специфический головной убор»; «Карточная игра»; «Общая негативная оценка». Эти мотивы отсылают к прецедентному тексту — Ветхому Завету (преследование фараоном Исхода и его воинством — фараонитами — евреев, потопление фараона и фараонитов), а также к эпизодам и деталям внетекстовой культурной истории, связанной с Древним Египтом. Так, проживание ряда коллективов, названных *фараонами*, в затопляемых поймах водоемов становится мотивом для прецедентной номинации (жители «тонут» весной, подобно фараонитам); работа некоторых *фараонов* на стекольных заводах отсылает к факту культурной истории — появлению в Египте древнейшего стекольного производства. При этом ветхозаветные аллюзии наиболее значимы, и сюжет потопления явно стал пружиной, «раскрутившей» возникновение прозвищных *фараонов*. Интересно, что география «фараонских» прозвищ соотносима с местами наиболее активного расселения русских старообрядцев, особенно беспоповцев, и в частности поморцев. Эта культура характеризовалась высоким уровнем богослужебной грамотности, большей сохранностью библейских сюжетов в силу общего религиозного консерватизма, а значит, хорошим знакомством с Ветхим Заветом (важно и то, что фараон считался ипостасью Антихриста, а учение о нем занимает центральное место во взглядах беспоповцев). Таким образом, старообрядцы могли быть наиболее активными субъектами номинации, инициировавшими или поддерживавшими описываемую номинативную традицию.

© Березович Е. Л., 2026

Ключевые слова

антропонимия; коллективные прозвища; прецедентные имена; семантико-мотивационная реконструкция; этимология; русская диалектная лексика; русское старообрядчество

Благодарности

Исследовательская работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00439 «Ономастикон и лингвокультурная история Европейской России», <https://rscf.ru/project/23-18-00439/>

Автор выражает благодарность Т. В. Авилину, Л. П. Батыревой, Е. М. Главацкой, Н. Н. Казанскому, И. Б. Качинской, П. И. Мангилеву, М. Б. Печкину, И. В. Починской, С. А. Белобородову, Н. А. Шляхтер, которые оказали помощь своими консультациями.

Для цитирования

Березович Е. Л. *Русские фараоны: память прецедентного текста и внетекстовая культурная история в судьбе имени* // Вопросы ономастики. 2026. Т. 23, № 1. С. 29–73. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2026.23.1.002

Рукопись поступила в редакцию 27.09.2025

Рукопись принята к печати 14.12.2025

Elena Lvovna BEREZOVICH

DrHab, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor, Head of the Department of Russian Language, General Linguistics and Verbal Communication, Ural Federal University (51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia)

Email: berezovich@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1688-2808>

Russian Pharaohs: The Memory of a Precedent Text and Extra-Textual Cultural History in the Fate of a Name

Abstract

This article explores the Russian collective nickname *faraony* ‘pharaohs’ (39 recorded designations across different regions). Approximately three quarters of these nicknames refer to territorial communities, while ten anthroponyms denote groups united by a social characteristic. An analysis of the underlying semantic and motivational framework reveals the following recurring motifs and meaning components: “The water element (sea, river, lake); flooding → water demons”; “Foreigners, mythical outsiders”; “Witchcraft”; “A vaguely remote past → eradication, extinction”; “Police, military ← pursuers, persecutors”; “Wealth, affluence → ‘gentry-like’ behaviour, idleness”; “Association with glass production”; “Vehicle (chariot)”; “Distinctive headgear”; “Card game”; and “General negative evaluation”. These motifs point to a precedent text — the Old Testament (the Pharaoh of the Exodus pursuing the Israelites with his army — the pharaonites — and their subsequent drowning), as well as to episodes and details from the broader cultural history associated

with Ancient Egypt. For instance, the residence of certain groups labelled *pharaohs* in flood-prone river plains provides a basis for precedent-based naming (the inhabitants “drown” in spring, like the pharaonites); likewise, the employment of some *pharaohs* in glassworks alludes to a well-known historical fact — the emergence of early glass production in Egypt. Old Testament allusions, however, appear to be the most significant, with the motif of drowning clearly acting as the primary impetus behind the emergence of the nickname. It is also noteworthy that the geographical distribution of these “pharaonic” nicknames correlates with areas of particularly active settlement by Russian Old Believers, especially the *bezpopovtsy*, and — in particular — the Pomors. This cultural milieu was characterised by a high level of liturgical literacy and a relatively strong preservation of biblical narratives, owing to its broader religious conservatism, and thus by a close familiarity with the Old Testament. It is also relevant that Pharaoh was regarded as a hypostasis of the Antichrist, the latter being the central figure of a doctrine that occupies an important place in the beliefs of the *bezpopovtsy*. In this light, Old Believers may have been especially active agents in the process of naming, initiating or sustaining the naming tradition described.

Keywords

anthroponymy; collective nicknames; precedent names; semantic and motivational reconstruction; etymology; Russian dialect vocabulary; Russian Old Believers

Acknowledgements

The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation (No. 23-18-00439), “Onomasticon and the Linguocultural History of European Russia” (<https://rscf.ru/en/project/23-18-00439>).

The author expresses sincere gratitude to T. V. Avilin, L. P. Batyreva, E. M. Glavatskaya, N. N. Kazansky, I. B. Kachinskaya, P. I. Mangilev, M. B. Pechkin, I. V. Pochinskaya, S. A. Beloborodov, and N. A. Shlyakhter for their valuable advice and consultations.

For citation

Berezovich, E. L. (2026). *Russian Pharaohs: The Memory of a Precedent Text and Extra-Textual Cultural History in the Fate of a Name*. *Voprosy onomastiki*, 23(1), 29–73. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2026.23.1.002

Received on 27 September 2025

Accepted on 14 December 2025

[Красавина] Что бы тебе новое-то сказать? Да вот, говорят, что царь Фараон стал по ночам из моря выходить, и с войском; покажется и опять уйдет. Говорят, это перед последним концом.

А. Н. Островский,
Праздничный сон до обеда

И. К. Айвазовский. Переход евреев через Красное море.
1891. Холст, масло. Частное собрание, США

В центре нашего внимания — русское прозвищное имя *фараоны*, которое встречается в антропонимиконах разных областей страны и функционирует в народной традиции главным образом как коллективное прозвище, называющее объединения людей по территориальному признаку, реже — по социальному (роду занятий). Индивидуальное прозвище *фараон* тоже фиксируется, но в народной (в первую очередь крестьянской) антропонимии оно раритетно (ниже будет приведена статистика и предложены объяснения этому факту). Имя *фараоны* в антропонимиконах разных территорий (прежде всего Русского Севера) привлекало к себе внимание лингвистов и этнографов. Ясно, что его следует связывать с обозначением правителей Древнего Египта (хотя в [Шилов 2008: 26] предлагается иной этимон, см. ниже), но какова семантическая мотивация? Если перед нами номинация по признаку богатства и/или власти (а это, кажется, единственное объяснение, актуальное для синхронного языкового сознания), то почему *фараонами* называют именно группу людей? Иначе ведут себя, к примеру, *царь* и *король* — явные символы

богатства и власти. Эти слова часто ложатся в основу индивидуальных прозвищ, но реже, чем *фараоны*, образуют коллективные прозвища (по данным самого полного собрания русских коллективных прозвищ [Воронцова 2011], соотношение указанных имен таково: *фараоны* — 16 фиксаций, *короли* — 5 фиксаций, *цари* — 3 фиксации). Из этого следует, что синхронно определяемая производящая семантика здесь явно не подходит — и надо обращаться к диахронии. Вот сводный перечень тех работ, где с той или иной степенью подробности приводится мотивационная интерпретация некоторых прозвищных *фараонов* (а не просто констатируется факт их существования): [Белов 2015; Белова 2004: 292; Вальтер, Мокиенко 2005: 62; Воронцова 2002: 253–254; Кучко 2021: 142–143; Михайлова 2004: 195; Мызников 2019: 837; Черепанова 1983: 96; Шилов 2008: 26]. В качестве источника ономастической номинации может указываться *фараон* во вторичных значениях ‘полицейский’, ‘фантастическое существо’, хотя характер связи и в этих случаях не представляется окончательно ясным: «Образ фараонов — один из самых загадочных в русской народной культуре. Генетически он связан с образами египетских фараонов, однако существенно трансформировался в русском языке, мифологии. <...> Трудно определить конкретные обстоятельства появления этих прозвищ, можно лишь отметить негативную коннотацию, а также сему “чуждости”» [Вальтер, Мокиенко 2005: 62]. Авторы некоторых исследований предлагают дополнительные интересные мотивирующие ходы [см. особенно: Белов 2015; Кучко 2021], о них далее будет рассказано подробно.

Итак, имеется «темная» группа слов, которая ставит перед нами не только вопрос мотивационной реконструкции, но и проблему из разряда *Wörter und Sachen*, подходы к которой можно обозначить так. Образ фараона формировался с опорой как на реальную историю, так и прецедентные тексты, которые (и история, и тексты) должны рассматриваться через призму реципиентного культурно-языкового сознания. «Фараонских» текстов много, но для русской традиции (а также других традиций, связанных с христианством) ни один не сравнится по силе своего влияния с *Ветхим Заветом*. Если фараон как знак реальной истории, понимаемой семиотически, — имя нарицательное, то в ветхозаветном тексте перед нами по сути имя собственное, поскольку наибольшей известностью в Писании пользуется так называемый фараон Исхода (Исх. 4–14), противник Бога евреев, препятствовавший их уходу во главе с Моисеем в Землю обетованную (подробнее о библейской символике персонажа см. [СБО: 1268–1269]).

Образ фараона — сложнейший конгломерат мотивов разного происхождения, преобразованных принимающей традицией, пропущенных через

многие промежуточные фильтры, особенно если учесть, что речь идет о многовековой и преимущественно устной традиции. В любом факте «фараонской» вторичной номинации, присутствующем в русском языке, может отразиться грань или несколько граней этого образа. Реконструировать его с возможной полнотой — задача целой монографии¹, а в настоящей статье ставится задача выявить пласт мотивов, релевантный для «фараонских» прозвищ, функционирующих в русской традиции. Предпринята попытка максимально расширить анализируемый материал, собрав прозвища из неопубликованных и малоизвестных источников, в том числе из краеведческой литературы крайне узкого «диапазона хождения». Расширение материала более чем вдвое (по сравнению со словарем Ю. Б. Воронцовой) изменило картину, которая была перед исследователями ранее (поскольку они чаще всего работали с одним-тремя фактами из конкретного региона).

Удалось найти 39 прозвищ: 29 (¾) из них носят представители территориальных коллективов (жители деревень и маленьких городов, но города в абсолютном меньшинстве — их только два), а десять антропонимов — имена групп, объединенных по социальному признаку (рабочие стекольного и винного заводов, продавцы шляп, юнкера). Мы сочли возможным объединить имена представителей территориальных и социальных коллективов, поскольку они реализуют сходные номинативные модели. Разумеется, мы далеки от мысли о том, что антропонимический материал собран с абсолютной полнотой; об относительной (удовлетворительной) полноте говорит то обстоятельство, что семантико-мотивационное пространство, стоящее за собранными именами, обнаруживает конструктивные закономерности, позволяющие думать, что вновь найденные факты могли бы скорректировать частности, но не изменить картину принципиально.

Сначала приведем прозвищные данные, сгруппированные по областям, где они зафиксированы.

Русские коллективные прозвища от основы *фараон-*

Архангельская область

▪ *фараоны, фараоны борисовские* ‘жители д. Борисовская, Вельский р-н’: «Они нас “галки долматовские” да “галки долматовские”, а мы их — “фараоны

¹ Могут быть рассмотрены многие дополнительные факты, которые остаются за пределами нашего исследования, ср., к примеру, информацию, вытекающую из таких устойчивых сочетаний (встречающихся во фразеологических словарях, а также словарях по терминологии флоры и фауны), как *фараонова поза, фараонова осанка, фараононы (тощие) коровы, фараонова мышь (крыса), фараонова змея, курица фараона* и т. п.

борисовские». <...> <Почему фараоны?> Я не знаю, это где-то во время войны ведь были какие-то... раньше были фараоны какие-то. Воевали дак, называли фараонами. У них ребят много было, а у нас ребят мало было, у нас девчонки все в Долматово. А у них ребята. Вот они к нам приходили на вечёрки» [Стрельцова и др. 2016: 49];

- *фараоны* ‘жители д. Чудиново, Верхнетоемский р-н’: «А у Чудиново фараоны. Пошто Володьку зовут фараоном? — он из Чудиново» [КАОС] (ср. *кержаки* ‘жители дд. Романов Остров и Тужиково, находящихся неподалеку’ [Засухинпоздеев 2015]);

- *фараоны* ‘жители куста деревень Тордокса, Коношский р-н’: «Скупые, подозрительные, как фараоны» [АКТЭ; Воронцова 2011: 342];

- *фараоны (трубочисты, чернотропы)* ‘жители д. Кимжа, Мезенский р-н’: «Тёмные они», «Каки-то ненормальные были — потому фараоны, чернотропы» [АКТЭ; Воронцова 2011: 342];

- *фараоны* ‘жители д. Нименьга, Онежский р-н’: «Нименьжана — фараоны. Нименьжана раньше заселились, все удобные участки принадлежали им», «В Нименьге жили фараоны. Одевались по-французски, ездили в Норвегию, обратно привозили заморские вещи» [АКТЭ];

- *фараоны (водохлёбы)* ‘жители д. Кеврола, Пинежский р-н’: «Один из них в армии и в полиции служил» [АКТЭ; Воронцова 2011: 343];

- *фараоны (понюжалочники)* ‘жители д. Красная Гора, г. Северодвинск’: «Наверно, с понюжальками <кнутами> ездили, почту возили» [АКТЭ; Воронцова 2011: 343];

- *хоровоны* ‘жители д. Белоусово, Устьянский р-н’ [АКТЭ; Воронцова 2011: 343];

- *фараоны* ‘жители д. Наволок, Устьянский р-н’: «Народ зырь прозывается в Кузнецове, а в Наволоке — фараоны» (ср. *зырь* ‘жители соседней д. Кузнецово’) [АКТЭ; Воронцова 2011: 343]; «Всё братаны двоюродные — и друг на друга крысились, фараонами их звали» [КАОС];

- *фараоны* ‘жители д. Остановская, Устьянский р-н’ [АКТЭ].

Владимирская область

- *фараоны* ‘стекольные мастера в поселении при Анопинском заводе, Судогодский у. (ныне р-н)’ [Белов 2015: 96];

- *фараоны* ‘стекольные мастера завода купцов Голубевых, г. Судогда’ [Там же].

Об этих прозвищах сообщил краевед Л. П. Белов; к ним относятся те же его мотивационные комментарии, что и к прозвищу *мишеронские фараоны* (см. ниже рубрику **Московская область**).

Вологодская область

- *фараоны* ‘жители Грушинского с/с, Бабушкинский р-н’: «Богатые были», «Из Фараонии приехал <кто-то из них>» [АКТЭ; Воронцова 2011: 343];
- *фараоны* ‘жители пос. Кузино, Великоустюгский р-н’ [АКТЭ];
- *фараоны* ‘жители д. Нижняя, Вожегодский р-н’: «Приезжие из Средиземного моря» [АКТЭ; Воронцова 2011: 343]; «От карточной игры» [Власова 2015: 340];
- *фараоны* ‘жители с. Лоха, Никольский р-н’ [АКТЭ];
- *фараоны, фараоны-тюфяки* ‘жители д. Наволок, Усть-Кубинский р-н’: «Мы им <жителям д. Наволок> кричим: “Фараоны-тюфяки!”. А они нам: “Орешки!”» [АКТЭ; Воронцова 2011: 343].

Ивановская область

- *фараоны, фараонцы* ‘жители с. Холуй, Вязниковский у. Владимирской губ. (ныне Южский р-н Ивановской обл.)’: «... все жители слободы Холуя, Вязниковского уезда, носят интересное прозвище “фараонцы” или просто “фараоны”, но, к сожалению, причины этого прозвища я не мог выяснить. Прозвищем этим холуйцы весьма недовольны, и назвать их этим именем считается за величайшее оскорбление» [Завойко 1914: 102]².

В современных интернет-источниках есть много публикаций о *фараонах* Холуя: это известное село, знаменитое своей лаковой миниатюрой. Еще одна отличительная черта Холуя, куда более прозаичная, состоит в том, что село находится в пойме р. Теза, где бурные половодья, во время которых часть села оказывается в зоне затопления. Основные объяснения названия учитывают эти детали: «Легенда первая: все пошло из-за большой схожести ивановского Холуя с Древним Египтом. Вернее, Тезы с Нилом. И та, и другая река разливается, затопляя все вокруг. <...> Другая версия происхождения названия — род деятельности холуян. Вернее, неумение делать что-либо еще. Во многих источниках XIX века говорится: холуяне ни запрячь лошадь не умеют, ни вспахать, и вообще с утра до ночи только иконы пишут. Барствуют вместо того, чтобы заняться нормальным трудом. Поэтому к ним на разные работы ездили наниматься простые, не “творческие” мужики. Вот и получились фараоны и рабсила» [Церетели 2014]. Ясно, что этот текст содержит «осовремененные» мотивировки.

Нам удалось найти очень редкий документ — заметку крестьянина И. Сивкова, опубликованную во «Владимирских губернских ведомостях» в 1874 г. В ней дается иное мотивационное прочтение прозвища, содержащее аллюзию

²Здесь и далее в цитатах сохраняется авторская пунктуация и орфография.

к ветхозаветному прецеденту. Поскольку источник этот не был, кажется, известен лингвистам и этнографам, процитируем обширный фрагмент: «Соседи или жители окрестных сел зовут холуян *фараонами*. <...> Село Введенское, существовавшее в XVII столетии в двух верстах от нынешней слободы Холуя, на крутом берегу Тезы, было разгромлено польскими панами, которые в то время наводнили землю русскую: тогда жители села Введенского после страшного погрома вздумали перенести свое жительство на другое место; <...> решили построить село <...> на горе, перешед болото, на котором основан Холуй. Этому воспротивились рыболовы Халуй³ Седень <...> и четверо его товарищей. Когда все крестьяне села Введенского под предводительством старика Мосея отправились на новое место со всем своим скарбом, а Халуй Седень с товарищами построили свои хижины на берегу реки Тезы, тогда старик Мосей сказал Халую Седню, что мысль его о поселении крестьян на берегах Тезы не осуществится и во время разлива реки они потонут, как потонули древние фараоны» [Сивков 1874: 5].

Это предание замечательно развернутой отсылкой к ветхозаветному тексту о Моисее, который вел свой народ в Землю обетованную, будучи преследуем войском фараона, потонувшим в море. Сюжет хорошо «замаскирован» и может быть не опознан наивным сознанием, но ключевые субъектные позиции исходного сценария в реципиентном тексте заняты именами собственными, которые дают недвусмысленную связь с прецедентом, — личным именем *Мосей* и прозвищем *фараоны*. Если прозвище существует и вне предания, то имя *Мосей* — только в нем, что заставляет думать о его «наведенности» текстом. Это повышает его символичность, «легендарность». Указание на *Мосея* присутствует, кажется, только в этом старом тексте, который сейчас не обладает известностью, в то время как прозвище *фараоны* используется активно и дает в говоре Холуя и его окрестностей интересную деривацию: *Фара́бня* ‘с. Холуй’ [АЛПБ], *фара́нка* ‘лодка, на которой плавают жители Холуя’ (поскольку хозяева — мастера знаменитой лаковой миниатюры, лодки нередко бывают расписными), *фараон* ‘тот, кто случайно окунулся в реку, зачерпнул воду в сапоги в половодье’, *офара́бниться* ‘случайно окунуться в реку, зачерпнуть воду в сапоги в половодье’ [ХЗФР]. Глагол *офара́бниться* существует также в значении ‘освоиться, прижиться в Холуе’ [АЛПБ]; возможно и шутовское сочетание указанных значений: «Один из нас <...> поскользнулся и съехал с берега в воду, примерно по плечи, мы его быстренько подхватили и на берег выволокли. <...> тетя Лида говорила на этот счет, что он офараонился и что

³По этому имени, согласно легенде, слобода получила название *Холуй*. В тексте заметки название села пишется через *о*, а омофоничное имя крестьянина — через *а*.

теперь навсегда останется в Холуе. Так оно и вышло» [ХЗФР]; иначе говоря, *офаро́ниться* — ‘получить «символическое крещение» в Холуе, случайно окунувшись в реку’.

Кировская область

- *фараоны* ‘жители д. Герасимово, Яранский р-н’: «Эту деревню еще называли Фараоны, так как многие жители, высокие очень, служили в гренадерских войсках» [Толстогузова 2016].

Костромская область

- *фараоны, фараоны-надбо́жники, ферапо́ны-надбо́жники* ‘жители Куриловского с/с, Буйский р-н’ [АКТЭ; Воронцова 2011: 343–344]. Важно отметить, что церковный приход в этом кусте деревень был связан с храмом св. Ферапонта Монзенского в с. Ферапонт, что и послужило стимулом для аттракции и дальнейшего переосмысления прозвания жителей: *ферапо́ны* ↔ *фараоны*;

- *фараоны* ‘жители Рыбной Слободы, г. Галич’: «У самого озера жили. Давно поселились там. Рыбу ловили, на земле меньше работали. Себе на уме они, фараоны», «Говорят, среди фараонов этих колдуны были» [АКТЭ]. Это прозвище было известно фольклористу и этнографу Н. Н. Виноградову, который в 1915 г. издал книгу об условном языке «галивонских алеманов» (разновидности офенского, бытовавшей в Галиче). Трудности сбора сведений об этом языке Виноградов отчасти связал с замкнутым образом жизни и нелюдимостью его носителей (среди которых были и *фараоны*): «С того времени ничего нового, сколько-нибудь полного и определенного, об условном языке галичан не появилось. Это зависело, с одной стороны, от трудностей добывания сведений от жителей Рыбной Слободы г. Галича — “фараонов”, как их обыкновенно называют, действительно по природе своей чрезвычайно нелюдимых и недоверчивых» [Виноградов 1915: 7];

- *фараоны* ‘жители д. Тренино, Кадыйский р-н’ [АКТЭ];

- *фараоны* ‘жители дд. Федорково и Высоково, Красносельский р-н’: «Дрались по деревням. Вот представьте себе: левая сторона, Высоково, Федорково, — фараоны. Почему они фараоны? До сих пор фараоны. Туда не пойдешь — изуродуют, сюда приедут — здесь будут драки» [Новиков 2020: 13];

- *фараво́ны, фараоны, вавиловские фараоны* ‘жители д. Вавилово, Межевской р-н’: «В Вавилове были фараоны, все были богатенькие. И лошадку имели, и право голоса было у них сильнее вроде как», «Считались слишком умными, вот и назвали их фараоны», «Вавиловские фараоны — оне растяга́ют, ровно как не наши, у них разговор не наш, как-то оне вытягивают»; «Фараоны какие-то были за рекой, да вывелись, передохли» [АКТЭ];

▪ *фараоны (луковники, лукопёры)* ‘жители с. Унжа, Макарьевский р-н’: «Макаряты <жители г. Макарьев> зовут унжаков фараонами, гонителями, что они будто бы оскорбляли преп. Макария и насмехались над ним» [Беляев 1907: 17]; «Коренные местные жители, поколениями живущие в Унже, с гордостью называют себя “фараонами”. Говорят, что такое прозвище им дал сам Макарий Унженский. Жители Унжи не желали появления рядом монастыря (это повлекло бы за собой новые подати и приток населения) и изгнали Макария. Тогда-то он в сердцах и назвал их “фараонами”» [Новиков 2020: 13]; «Фараоны жили на реке, как в Фараонии. Там какая река-то? Да, Нил», «В Унже фараоны живут — мы так зовем. Фараоны, потому что обеспеченные», «Мы их <жителей с. Унжа> называем фараоны, потому что они возникли раньше нас», «В Унже луковники, фараоны. Они всю жизнь выращивали лук и отправляли его даже в Египет», «Луковники, потому что они лук продавали, а фараоны, потому что зажиточные люди» [АКТЭ].

Московская область

▪ *мишеронские фараоны, фараоны* ‘семьи потомственных стеклоделов пос. Мишеронь, Покровский у. Владимирской губ. (ныне г. Мишеронский, Шатурский р-н Московской обл.)’: «Представителей семей потомственных стеклоделов в Мишеронском традиционно называли “фараонами”, причем данное прозвище бытовало еще в 50-е гг. XX в. <...> “Мишеронские фараоны” — прозвище, отличающее мишеронцев от жителей окружающих поселок населенных пунктов (например, г. Рошаль)» [Белов 2015: 96]. На этой же территории были распространены прозвища *кулугуры*⁴, *калганники*, называющие староверов, которых здесь было много, в том числе среди рабочих стекольных заводов [Там же].

Краевед Л. П. Белов предлагает несколько версий мотивации прозвища *фараоны*. Первая версия — «водная». Мишеронские стеклодувы пили много чая, а стекольные заводы стояли на реках (иногда в очень низменных местах); при этом особо почитали воду старообрядцы, работавшие на заводах. Связь с водой обнаруживает и легенда о потоплении войска фараона в море и превращении его в лягушек. Согласно второй версии, *фараонами* называли людей, занимавшихся художественными промыслами — росписью, резьбой (ср. аналогичное название русалочьих изображений на деревянных украшениях домов). По третьей версии, которую автор считает наиболее правдоподобной, *фараоны* — зажиточные чужаки, не занимающиеся сельским хозяйством, что ощутимо на фоне соседних крестьянских хозяйств: «...крестьяне считали, что

⁴Ср. симб., курск., пенз., сарат. *кулугур* ‘старовер’ [СРНГ 16: 71].

стеклянные мастера слишком хорошо живут, работают определенное число часов в день и после работы могут отдохнуть, получают заработную плату, имеют крышу над головой и приусадебный участок от заводчика, а крестьяне только работают с утра до ночи без выходных» [Белов 2015: 97]. Обособленность *фараонов* подчеркивается и тем, что многие из них — старообрядцы. Наконец, стеклодувов переманивали с завода на завод, они обладали большей, чем крестьяне, мобильностью — тем самым они напоминали цыган, традиционно называвшихся *фараоновым племенем* [Там же: 97–98];

▪ *фараоны* ‘шляпники (в Москве?)’ [Чичагов 1959: 6; Епишкин 2010: *фараон*]. В. К. Чичагов дает скупое указание «прозвище шапочников» и относит прозвище к разряду профессиональных, не приводя ни источника, ни географии. Н. И. Епишкин привязывает «шляпных» фараонов к Москве, ссылаясь на книгу Е. Иванова «Карусели и прочие монстры» (1928): «Шляпники или шляпочники в Москве назывались фараонами за фантастический головной убор, состоящий из надетых одна в другую шляп или шляпок» [Епишкин 2010: *фараон*]. Возможно, прозвание было распространено шире, но у нас пока нет возможности это проверить;

▪ *фараоны* ‘юнкер. насм. первокурсники Александровского военного училища в Москве’ [Анищенко 2007: 284]: «С трудом, очень медленно и невесело осваивается Александров с укладом новой училищной жизни, и это чувство стеснительной неловкости долгое время разделяют с ними все первокурсники, именуемые на юнкерском языке “фараонами”, в отличие от юнкеров старшего курса, которые хотя и преждевременно, но гордо зовут себя “господами обер-офицерами”. В кличке “фараон”, правда, звучит нечто пренебрежительное, но она не обижает уже благодаря одной своей нелепости. <...> – Почему же я фараон? — спрашивает Александров. Тот отвечает: – Потому же, почему я обер-офицер. Разница между первым и вторым курсом. <...> Пусть, в память старины, фараоны так и остаются фараонами. Не нами это название придумано, а нашими прославленными предками, из которых многие легли на поле брани за веру, царя и отечество» <А. И. Куприн>⁵. Нам удалось найти еще контекст, принадлежащий Б. К. Зайцеву: «Мы, вновь прибывшие <в юнкерское училище>, называемся “фараонами”. Нас надо обломать, хоть сколько-нибудь привести в военный вид, и только тогда пустить в отпуск» <Б. К. Зайцев>.

Оба больших писателя пишут о собственном опыте учебы в Александровском училище (у Куприна — 1887–1890; у Зайцева — 1916–1917). Сведений об аналогичных наименованиях в других юнкерских училищах у нас

⁵Здесь и далее цитаты из художественной литературы и публицистики даются по [НКРЯ].

нет, потому решено согласиться с предложенной в словаре О. А. Анищенко квалификацией данного имени как прозвища.

Мурманская область

▪ *фараоны (мешочники, мешочные глаза, лопари)* ‘жители с. Варзуга, Терский р-н’ (ср. также *Китай, Китай-город* — шуточные обозначения Варзуги): «Фараон — на колеснице, варзужанин — на поезднице <лодке>» [Меркурьев 1997: 13]; «Когда варзужанин поднимается по порогам с помощью шеста в лодке, это внешне напоминает изображение фараона, управляющего колесницей. Недаром сложена поговорка: “Варзужан — на поезднице (лодке), что фараон на колеснице”» [Кушков 2015: 80]; «Варзужан кличут фараонами, вероятно, потому что они всегда были богаты и зажиточны» [Мызников 2021: 528]; «В Варзуге фараоны жили. Ой, фараоны, скажем, мешочны глаза» [СРГК 6: 678]; «Наша Варзуга — самое богатое село. Все съезжались к нам на ярмарку. Вот и прозвали фараонами», «Фараонами звали варзужан, они жили за счёт сёмги очень богато», «С мешками всё ходили варзуга-те, варзугов “мешочники” звали и “фараоны”. Фараоны богатые были, в их лесах ещё Пётр Первый охотился», «Фараоны богатые, а в Кашкаранцах мякнники — бедные», «Варзужане в лесу живут, совсем по-другому, фараоне. Их и поморами не считали, звали лопарями», «Варзужане — это особая каста, кличка у них — фараоны. Она дана из-за особенности, по манерам, по разговору. Диалект у них какой-то свой был. Все живут по побережью, а они ушли туда, на реку. Варзужане с достоинством себя держали, человеческое достоинство у них сильное. Они и обособленно держались, особо в другие деревни замуж или жениться не ходили. Жениться на фараонке — это было очень круто на теперешнем языке. У нас мужик женился, дак вся деревня в ЧапOME потом на нее ходила посмотреть» [АКТЭ].

Обзор приведенных мотивировок прозвища жителей Варзуги представлен в работе В. С. Кучко, где выделяются следующие смысловые доминанты:

— богатство: «...ключевой мотив номинации, который имеет серьезные фактические основания: село стоит на р. Варзуга — в нее, во-первых, ежегодно заходит нереститься одна из самых больших в мире популяций семги, что всегда было основным источником дохода варзужан, а во-вторых, в ней вплоть до XX в. добывали жемчуг (мальки семги были переносчиками моллюска жемчужницы). Таким образом, село действительно отличалось большим достатком. На этот факт, по-видимому, намекает и другое прозвище жителей Варзуги — *мешочники*» [Кучко 2021: 142];

— своенравие: «...этот мотив номинации можно считать добавочным, поддерживающим образ непохожего на остальных поморов соседа, держащегося

высокомерно и обособленно. Такому восприятию варзужан <...> способствовало их местоположение — не на самом берегу моря, а в 20 км выше по реке» [Кучко 2021: 142–143];

— древность поселения (одно из первых постоянных поселений на Терском берегу) [Там же].

Нижегородская область

▪ *фараоны* ‘рабочие на лесосплаве, Варнавинский у. (ныне Варнавинский р-н)’: «Здесь вместе с крестьянами из других селений образуется табор иногда до 150 человек. Такие лентяи, называемые “фараонами”, строят себе шалаши и ждут, пока какое судно сядет на мель. Конечно, владелец беляны <сплавной барки> спешит обратиться за помощью к фараонам: начинается разгрузка беляны, сидящей в воде до трёх с половиной аршин; беляна становится легче и проходит пережат; затем опять нагружают беляну. Фараоны получают по одному рублю каждый в день и угощаются водкой. Проводив беляну, наступает пьянство, безобразия, пока не сядет на мель другое судно. Опять начинается работа...» [РКЖБН 1: 66];

▪ *фараоны* ‘прозвище рабочих стекольных заводов, бытующее, в частности, в Поветлужье’ [ВС: 207–208]. В Нижегородской губернии было несколько старых стекольных заводов, в том числе в окрестностях Галибихи, Конево, Погарново и др.

Новгородская область

▪ *фараоны (мещанины)* ‘прозвище жителей д. Новый Скребель и д. Красота, Демянский р-н’: «Нашу деревню *мещанинами* называли и *фараонами*, завидовали, и до сих пор», «Красоцких <жителей д. Красота> мы называем *фараоны*, они всё берут в лесу, клюквы натопчут на болоте», «Мы всё их зовем *фараоны*. Как ни дружат, все равно обвесят» [Селигер 8: 6].

Мы сочли возможным внести коррективы в дефиницию, предложенную в словаре (‘прозвище жителей тех зажиточных деревень на Селигере, где не занимаются хлебопашеством’ [Там же]), поскольку она видится излишне широкой. Судя по контекстам, речь идет не обо всем Селигере, а только о двух деревнях, находящихся недалеко друг от друга (в Полновском с/с Демянского р-на).

Республика Карелия

▪ *фараоны (колдуны, шведы)* ‘жители д. Мандера (ныне Березовые Мосты), Прионежский р-н’ [Михайлова 2004: 195].

Л. П. Михайлова так комментирует это прозвище: «Думается, что не египетский царь имелся в виду, когда слово *фараон* стали применять к жителям

небольшой карельской деревушки. Скорее всего, здесь нашло отражение известное в просторечии *фараон*, которым презрительно называли полицейского. *Фараон* — неодобрительное прозвище. Выяснить, почему мандерцев прозвали *фараонами*, не удалось. Но любопытно, что у жителей этой деревни были и другие прозвища: они же *колдуны*, они же *шведы*. По рассказам, которые пришлось услышать в связи с этим, там жили зажиточные, богатые и недобрые люди» [Михайлова 2004: 195].

Рязанская область

▪ *фараоны (евреи, коняжие)* ‘жители с. Лихунино Касимовского у. (ныне Клепиковский р-н), работавшие на винном заводе’: «По рассказам, <...> здесь находился завод винный. Служащие на заводе были *евреи* (а может быть, и вообще иностранцы, которых так окрестило местное население). <...>. Одно из обществ с. Лихунина, бывшие государственные крестьяне, “*коняжие*”, т. е. княжеские, государственные. Как ближе жившие к заводу и, наверное, принимавшие участие в работе на заводе, сохранили за собой до сего времени название *евреев* и *фараонов*, как позорную кличку, которой они крайне недовольны»⁶ [Самоделова 2019: 229].

Саратовская область

▪ *фараон сухопутный* ‘о работнике стекольного завода’ (1918) [СРНГ 49: 58]. Более подробная информация об этом факте отсутствует, но он квалифицируется нами как прозвище, а не апеллатив, поскольку в анализируемом в этой статье антропонимическом материале есть несколько аналогичных фактов (более подробная аргументация будет приведена ниже). В Саратовской губернии существовали старые стекольные заводы, в том числе Хватовский.

Свердловская область

▪ *фараоны* ‘жители пос. Крылатовский, Ревдинский р-н’ [АКТЭ];
▪ *фарафоны* ‘жители д. Бучина, Алапаевский р-н’: «Буцинских у нас фарафонами прозвали: щёрные всё больше, как сыганы» [АКТЭ].

Смоленская область

▪ *фаравони* ‘фабричные, работающие на стеклянном заводе’ (1914) [Добровольский 1914: 950; СРНГ 49: 58]. Слово подано в словаре как факт апеллативной лексики, но нам представляется, что это единица прозвищной номинации (см. аргументацию ниже). Стекольные заводы существовали на Смоленщине

⁶Цитируется рукопись школьного работника С. С. Камышова (1923).

как минимум с XIX в. (ср. Екатерининский, Марьинский заводы и др.); исторически они связаны с заводами окрестностей Москвы [Синицына 2019: 99].

Тверская область

▪ *фараонитяне (египчане, чёртовы-наставные головы)*: ‘жители г. Торопец Псковской губ. (в настоящее время — центр Торопецкого р-на Тверской обл.)’: «...торопчане прославились особенным лукавством и большою страстью к обманам, за что их прозвали “чёртовы-наставные головы” и “фараонитяне”» [Зеленин 1905: 75; Воронцова 2011: 342].

Завершив представление коллективных прозвищ, затронем вопрос о других разрядах прозвищной номинации. Семейные прозвища нам не встретились, а индивидуальные очень немногочисленны (в нашей коллекции четыре факта): *Фараон* ‘житель д. Валдокурье, Пинежский р-н Архангельской обл.’ [АКТЭ], *Фараон* ‘житель Архангельской обл.’: «Рыбак по прозвищу Фараон, который знал много сказок и былин» [Черепанова 1983: 96], *Фараон* ‘житель с. Молчаново, Большеболдинский р-н Нижегородской обл.’: «Бригадир он у нас. Всегда на лошади ездит, как фараон на колеснице. Обижатся» [Климкова, Гузнова 2022: 341], *Фараон* ‘житель с. Озерки, Сараевский р-н Рязанской обл., в роду которого были полицейские’ [Самоделова 2019: 258]. Разумеется, столь малое количество фиксаций во многом определяется недостаточностью сбора материала. Кроме того, прозвище *Фараон*, несомненно, отмечается в иных социолингвистических стратах, чем наш материал, т. е. за пределами народной традиции (преимущественно крестьянского именника): так, автору статьи известно два прозвища *Фараон*, называющих учителей истории в городских школах Екатеринбургa и Москвы. Но если говорить о традиционном антропонимиконе, то в нем соотношение коллективных и индивидуальных прозвищ от основы *фараон*- весьма наглядно. Так, в [АКТЭ] на 16 293 фиксации индивидуальных и семейных прозвищ приходится одна «фараонская» номинация, а на 3 333 фиксации коллективных прозвищ — 19 таких номинаций (в долевым отношении практически в сто раз больше).

Мотивы, организующие семантическое пространство, связанное с «фараонскими» антропонимами

Выявляя основные мотивы, организующие семантическое пространство, стоящее за приведенными выше антропонимами, мы ориентируемся на иллюстративные контексты, на системные связи имен (семантические микро-системы наименований смежных объектов, лексические варианты имени),

локализацию объектов номинации и др. Разумеется, принимается во внимание характер информации, содержащейся в контексте: во многих случаях она вторична, должна быть учтена как мотивационная возможность, а не реальный мотив данной конкретной номинации. Отсекаются лишь такие контекстные показания, которые описывают единичные ситуации (как правило, заведомо выдуманные), ср.: «В Унже луковники, фараоны. Они всю жизнь выращивали лук и отправляли его даже в Египет», «Из Фараонии приехал <кто-то из них>». При выделении мотивационных линий в ономастическом пространстве мы ищем подтверждения и развития им в нарицательной лексике, фольклоре, книжной традиции. Порядок подачи мотивационных доминант определяется, во-первых, частотностью реализации мотива, во-вторых, смысловой близостью мотивов, их связью между собой.

Рассмотрим их последовательно.

Водная стихия: море, река, озеро; затопление → водные демоны

Мотив водной стихии напрямую указан в комментариях к «фараонскому» прозвищу жителей с. Холуй (ныне Южский р-н Ивановской обл.). Одно объяснение апеллирует к разливам р. Теза, якобы напоминающим разливы Нила; второе представлено в замечательной легенде, повторяющей ветхозаветный сюжет: крестьянам, стремившимся поселиться на берегах Тезы, соседи (возглавляемые неким Мосеем) предрекли судьбу фараонова войска.

Косвенную реализацию мотива водной стихии можно усмотреть в тех прозвищах, которые называют коллективы людей, живущих у реки или моря. Этот мотив может эксплицироваться в контекстах типа «У самого озера жили», «Фараоны жили на реке, как в Фараонии» (о жителях г. Галич и с. Унжа в Костромской области), в указании на плавание сельчан на лодках (жители с. Варзуга на Терском берегу Белого моря), в параллелизме имен *фараоны* и *водохлёбы* (жители д. Кеврола на Пинеге). Когда такой экспликации нет, мы тем не менее можем установить факт наличия реки, озера или моря по местоположению того населенного пункта, жители которого являются объектом прозвищной номинации. Во многих случаях гидрообъект обнаруживается:

- Архангельская обл.: д. Борисовская — р. Пуя; д. Чудиново — р. Пинега; куст д. Тордокса — р. Тордокса, оз. Воже; д. Кимжа — р. Кимжа; д. Нименьга — р. Нименьга; д. Красная Гора — оз. Красное (недалеко Двинская губа Белого моря); дд. Белоусово, Наволок — р. Устья;
- Вологодская обл.: д. Нижняя — р. Вожега; д. Наволок — р. Кихть; пос. Кузино — р. Малая Северная Двина; с. Лоха — р. Юг;
- Кировская обл.: д. Герасимово — р. Кумужваш;

- Костромская обл.: д. Тренино — р. Погорелица; дд. Федорково и Высоково — р. Шача, р. Волга;
- Новгородская обл.: д. Новый Скребель — оз. Селигер;
- Свердловская обл.: д. Бучина — р. Нейва; пос. Крылатовский — р. Кунгурка;
- Тверская обл.: г. Торопец — р. Торопа.

Разумеется, это не значит, что в каждом из этих случаев близость к воде послужила реальным мотивом номинации. Такой вариант более правдоподобен для тех ситуаций, когда перед нами крупный гидрообъект, во многом определяющий образ жизни населения: к примеру, *фараонами* могли назвать жителей куста д. Тордокса (на берегу р. Тордокса, впадающей с востока в огромное оз. Воже), живших преимущественно рыбалкой, — но невозможно говорить об этом уверенно. Однако мы знаем, что ономастическая мотивация носит принципиально вероятностный характер, и приведенных фактов достаточно, чтобы говорить о релевантности «водного» мотива номинации для изучаемой группы имен.

Говоря об истоках рассматриваемого мотива, вернемся к ветхозаветному прецеденту: только он может объяснить связку «фараон — вода» (ясно, что мотивировка «река X разливается, подобно Нилу» является позднейшей). Точнее, нас интересует не сам прецедент, а условия и обстоятельства его трансляции / трансформации, ведь далеко не все значимые ветхозаветные сюжеты оставили след в русской крестьянской традиции.

Разумеется, логичнее всего предположить, что знакомство носителя традиционной культуры с сюжетом потопления войска фараона могло произойти при посещении церкви. Этот сюжет был представлен в иконописи и храмовой живописи⁷, в практике богослужений⁸ и др. Помимо этих источников информации, транслировавших непосредственно (конечно, очень фрагментарно и со своими акцентами) ветхозаветный сюжет, были другие источники, кото-

⁷ Так, в знаменитой церкви Спаса на Городу в Ярославле есть фреска «Гибель войск фараона» («Фараон, всплеснув в отчаянии руками, погружается в золоченой колеснице в пучину вод, испуганные кони рывком пытаются выплыть на поверхность» [РИРЖ: 357]). Аналогичные сюжеты можно встретить в росписи Богоявленского собора в Елохове, Благовещенского собора в Сольвычегодске и др.; в Семигородней Успенской пустыни в Вологодской области был двойной ковчег с мозаичным воплощением сцены потопления фараона.

⁸ Сюжет гибели фараонова войска отражен в ирмосах первой песни канона ряда праздников, первых ирмосах взрослого и младенческого чинов погребения и др., а эти инициальные строки всегда на слуху во время богослужения, ср.: «Яко по суху пешешествовав Израиль, по бездне стопами, гонителя фараона видя потопляема, Богу победную песнь поим, вопияше...», «Колесницегонителя фараона погрузи, чудотворяй иногда, / Моисейский жезл, крестообразно поразив и разделив море...» и др.

рые передавали существенно трансформированную, переработанную версию, встраивавшую сюжет в принимающую фольклорную традицию, приспособливавшую его к логике этой традиции. Речь идет о мифопоэтическом образе фараона и родственных образах в русской (и отчасти инославянской) фольклорной и языковой традиции. Этот образ отражен, в первую очередь, в этиологических сказках и легендах, а также в лексике, обозначающей демонических существ. Об этом есть обширная литература [см., например: Белова 2000; 2002; Белова, Кабакова 2014: 74–76; 2019; Власова 2008: 508–510; Киселев 2003: 45–46; Кузнецова 2012; Померанцева 1975: 77–79; Раденкович 2008: 100; Черепанова 1983: 94–97; 1996: 187–188; 2005: 109–116], библиография вопроса наиболее полно представлена в [Белова, Кабакова 2019; Кузнецова 2012; Черепанова 2005]. Эта тема очень велика, поэтому, отсылая читателя к названной литературе, процитируем обобщающую статью О. В. Беловой и Г. И. Кабаковой: «“Фараоны” — персонажи низшей мифологии славян, пришедшие в устную традицию из апокрифического “Сказания о переходе Чермного моря”. Моисей, выводя евреев из Египта, проклиная преследователей-египтян или осеняет их крестным знаменем, и, захваченные водой, они превращаются в “фараонов”. Их представляют в облике полулюдей, полурыб (рус. влад., смол.; укр. подол., киев.) или в виде одноглазых людоедов (рус. смол.), маленьких людей, кошек или рыб (сев.-рус.). “Фараоны” населяют моря и океаны, реке реки, отсюда их другие названия: *морськи люды* (Подкарпатье, Подолия), *вадзяные люди* (блр. гомел.), *водяные* (рус. ряз.). <...> “Фараонов” могут сблизать и с русалками (рус. Киров., русские в Эстонии, Астрах.; блр. гродн.)» [Белова, Кабакова 2019: 413–414]; в этот ряд важно поставить хорв. *faraunovi ljudi* ‘водные демоны’ [Раденкович 2008: 100]⁹.

В качестве иллюстративной этиологической легенды приведем текст этнографа И. И. Железнова, записанный у уральских казаков и цитируемый сравнительно редко: «В ину пору корабль плывет, хоша и по облаковенной воде, но зато по сторонам-то его бесперечь выныривают чудовища: от головы до пояса — человек, а от пояса до головы — соминый плеск. Вынырнет это чудовище, встряхнет зелеными длинными волосами, индо брызги на версту летят, да и закричит глухим хриплым голосом: “Фараон!” Это фараоны

⁹Надо сказать, что описываемые мифопоэтические представления могли так далеко уйти от ветхозаветных аллюзий, что связи утрачивались даже в сознании образованных людей, в том числе этнографов, ср. построения М. А. Дикарева относительно происхождения *фараонов-русалок*: «... нимфы, покровительницы пахоты, называются у малоросов “русалками” и “фараонамы”, “фарыйонамы”, “фаляронамы”, или “войском фараона”, от *фарáω* ‘орать, пахать’» [Дикарев 1899: 47].

воины, что за Мысеим гнались, да потонули. В ину пору эти самыя чудовища, их тоже зовут фараонами, ухватятся за корабль ручищами, словно граблями, да и спрашивают: “Когда Осподь с судом сойдет?” — “Завтра” ильбо “после завтра”, скажут им с корабля, чтобы только отвязаться <...> Им, вишь, узаконено жить в море до преставленья света. Тогда, вишь, их и рассудят с царем фараоном: из-за него ведь погибли и сделались получеловеками. Это море так и прозывается: Фараонское море» [Железнов 1910: 55–56]¹⁰.

Образ водяных «фараонских» существ представлен не только в фольклорном коде символического языка народной культуры, но и в изобразительном (и отражающем его лексическом), ср. *фараон*, *фараонка* — изображения (как правило, резные деревянные) человеческих существ с рыбьими хвостами; «обычно *фараонкой* завершается орнаментальная композиция на концах лобовой доски; она держит в руках либо конечный завиток акантовой ветви, либо рыбу или змею» [Бломквист 1956: 377]. Эти изображения обнаруживаются в Нижегородской, Костромской, Владимирской областях, ср. влад. «Такие изображения фараонов крестьяне в старину часто вырезывали на “перьях (досках)”, украшавших кровли домов; разные изображения эти в д. Федорковой Вязниковского у. и ныне зовутся фараоны» [Завойко 1914: 102], нижегор. «У меня мужик фараонк всё на наливниках вырезал» [Балова 1999: 52]¹¹. Еще один лексический след анализируемых верований — имена животных, связанных с водой: лягушки назывались *фараонами* и *фараоновым войском* (влад. «По народной вере, это <лягушки> — такие древние люди, как фараоново войско, потопленное Израильским Богом в пучинах Чермного моря, оно не погибло телесно; оно лишь “обратилось в лягушек”. Посему некоторые из крестьян Вязниковского уезда лягушек называют просто “фараоны” или

¹⁰ Отметим, что «фараононь» сюжеты представлены и в текстах других фольклорных жанров — не только в ожидаемых в связи с этим духовных стихах («<Осип Прекрасный (Иосиф)> Увы, увы, моя матушка Рахилия! / Возьми, мати, меня к себе во гроб: / Не могу служить царю я Харавону, / Не умею я тяжкой работы работати» (Петрозаводский и Повенецкий у.) [НДС: 59]), но и в загадках (*Замок водян, ключ деревян, заяц ушел, ловец потонул* <Черное море, жезл Моисея, народ его, Фараон> [Даль ПРН 1: 25]), пословицах (*Фараон гордился — и в море утонулся, а мы гордимся — куда годимся?* [Бурцев 1902: 341], *Иуда удавился, Фараон утонулся* [Симони 1899: 110]), заговорах (нижегор. «...идут они сухим берегом, подходят они к синему морю, идут они синим морем как посуху, проходили они во Израильскую землю, к тому царю Фараону, проходили они во Израильския горы» <чтоб водились пчелы> [НЗ: 53]), быличках (прикам. «Еще отец был маленьким, с ним такое было: русалки на деревьях будто бы сидели и чесали волосы. Сидят и кричат: “Фараон!” Не заманивают, а кричат они к плохой погоде. А Фараон — это дьявол какой-то, идет против бога» [Шумов 1991: 43]) и др.

¹¹ Фиксируется в нижегородской лексике и мифоним *фараонка*, но он, как пишет К. Е. Корепова, лишь «проскользнул» в речевом потоке [МРНП: 308].

“фараоново войско”» [Завойко 1914: 102]), а тюлени¹² — *фараоновой силой* и *фараоновым войском* (арх., новг.) [Бернштам 2009: 180; Власова 2008: 342].

Встает вопрос о том, какова география описываемых фактов. О. А. Черепанова отмечает особую «сохранность образа и наименования именно на Северо-Западе, <что> можно связать с влиянием новгородского “Сказания о знамении от иконы Пресвятой Богородицы”, сделавшегося впоследствии достоянием “всей земли русской”. В нем говорится о победе новгородцев под предводительством Романа Мстиславича, сына киевского великого князя Мстислава Изяславича, над войском Андрея Боголюбского, пришедшим брать с двинян дань: “Якоже и лютый онъ Фараонъ многими ранами отъ Бога Моисеемъ наказуемъ, никакоже преста отъ прежняго злаго и звѣрскаго своего начинания, дондеже богоотступнымъ гнѣвомъ потоплень бысть; такоже и сей князь Андрей никакоже преста, но гнѣвомъ дыша посылаетъ сына своего со всѣмъ воинством суждальския земли” <...>. Эмоционально-метафорическое использование образа фараона в старой русской литературе не редкость. Но в данном случае развернутый параллелизм библейского злодея-фараона и врага Новгородско-Псковской земли Андрея Боголюбского, связь с памятными для этих мест историческими событиями могли способствовать стабилизации мифологического образа в указанном регионе» [Черепанова 1983: 97]. Из коллекции наших примеров видно, что география шире (ср. также данные в специальном исследовании В. С. Кузнецовой [2012]), и это должно быть темой отдельной работы.

Инородцы, мифические чужаки

В семантико-мотивационном пространстве, связанном с анализируемыми коллективными прозвищами, весьма определенно звучат мотивы инородчества, особенно «цыганства». Этот мотив иногда обозначен эксплицитно («Бущинских у нас фарафонами прозвали: щѣрные всё больше, как сыганы»), иногда — имплицитно (ср. приводившееся выше описание ленивых рабочих на лесосплаве, сидящих «табором» у лесных заторов: «Здесь вместе с крестьянами из других селений образуется табор иногда до 150 человек. Такие лентяи, называемые “фараонами”, строят себе шалаши и ждут, пока какое судно сядет на мель»). Мотив поддерживается и за пределами коллективных прозвищ — во вторичных этнонимах, ср. этническую кличку *фараоны* (смол., пск., ленингр., арх.) с дефиницией ‘прозвище цыган’, которая приводится

¹² «Среди поморов существовало предание о том, что морские звери происходят от “фараонова войска”, погибшего в море; при этом зверобои указывали на форму плечевой части тюленя, которая при растяжке как бы образует человеческие руки, называемые катары» [Бернштам 2009: 180].

в [СРНГ 49: 59]: «Цыгане, полагая, что они происхождения от египтян, называют себя фараонами» (смол.), «Фараоны — так зовут цыган» (ленингр.). Если учесть распространенный стереотип, становится ясно, почему *фараоны* отмечаются и как ‘прозвище молдаван’ (бессараб.) [Там же], ср.: «...воры, цыгане-конокрады и “фараоны” — самое позорное из бранных прозвищ для молдаванина» [Яцимирский 1896: 59]. География, приводимая в [СРНГ 49: 59], явно может быть расширена, ср. хотя бы свидетельство из Богучарского уезда Воронежской губернии: «...цыгане — остатки Фараоновой армии, потопленной в Черном море. Потому цыган зовут фараонами, — хотя, впрочем, прозвище это употребляется в смысле шутки или презрения. Цыгане не так обижаются за название “фараон”, как за попреки родством с остальной частью фараоновой армии, члены которой, по уверению богучарцев, живут теперь на дне моря и часто, всплывая на поверхность воды, ужасным и жалобным голосом у кого-то спрашивают: “Чи скоро кінець світу?”» [Ткачев 1867: 177].

Вообще с квалификацией этого факта как диалектного можно поспорить. Думается, более корректно поступил Н. И. Епишкин, предлагая в своем «Историческом словаре галлицизмов русского языка» для *фараон* ‘цыган’ пометы «разг., шутол., устар.» [Епишкин 2010: *фараон*], ср. контексты из художественной литературы: «Все кругом так и ахнули, фараоны даже петь перестали, и глаза у них от жадности блестят» <А. И. Куприн>; «Цыгане, по словам Араса, оказывается, что не просто так себе фараоны, как их звали московские купцы, а есть цыгане-люди, те, которые у нас в России лошадей продают, и есть цыгане-боги, те, которые песни поют» <К. А. Коровин> и др. Фиксируются в литературном языке и просторечии и другие родственные образования, ср. *фараоново племя* ‘цыгане’¹³, *фараонка* ‘цыганка’¹⁴ [Михельсон 1912: 937], *фараонит* ‘цыган’, *фараонита* ‘цыганка’¹⁵, а также более грубое выражение *фараоново отродье* (к примеру, в реплике Петрушки из пьесы народного театра) [НТ: 255]. *Фараон* ‘цыган’ «отметился» даже в арго [Приемышева 2: 658].

¹³ Например: «Маша вполголоса заговорила с матерью, показывая ей серьги. Фараоново племя — вон! — крикнул Псищев. Вон, чтобы и не пахло!» <Вас. И. Немирович-Данченко>; «Фараоново племя ходит следом и смотрит в глаза: подари да подари...» <А. В. Амфитеатров>; «Явилось, фараоново племя, — сказал бужетчик, — хотите, посмотрите, какие они, может, и не годятся» <А. С. Грин> и др.

¹⁴ Например: «Ах, я помню, но ужасно / Вспоминать лукавый сон; / Фараонка, не напрасно / Тяготит мне душу он» <А. И. Полежаев> [Михельсон 1912: 937].

¹⁵ Например: «Дорогою встречались нам интересные крестьянки в изорванных сарафанах, как толпа фараонитов, с граблями на плечах и с громкими звуками национальных песен, сладостных в своей дикости...» <О. М. Сомов>; «Василью Львовичу пение Надежды Осиповны напомнило хрипчатое пение цыганок, смуглых фараонит, а не песни милых женщин, но, впрочем, очень понравилось» <Ю. Н. Тынянов>.

Образования с этим корнем могли принадлежать не только разговорно-сниженной речи, но и высокому стилю: так, А. С. Шишков при моделировании своих знаменитых параллелей «старого и нового слога» использовал пару *цыганка / фараонита* («Деревенским девкам навстречу идут цыганки», «Пестрые толпы сельских оред сретаются с смуглыми ватагами пресмыкающихся фараонит») [цит. по: Тынянов 1926: 97–98].

Перейдем к мотивологической стороне вопроса. Стоит вспомнить, что в разных европейских языках отмечается тесная связь между обозначениями Египта и цыган, т. е. «египетская» / «фараонская» мотивация названия цыган: тур. *farawni*, венг. *fáraó*, англ. *gypsy*, фр. *egyptien*, исп. *gitano* ‘египтянин’, макед. диал. *agynmi*, *gynци* ‘египтяне’ и др. Она объясняется тем, что одна из зон, где, по преданию, кочевали цыгане (территория Сирии, Ливана и Кипра), называлась *Малый Египет*.

«Цыганскому» компоненту семантики, думается, обязаны своим появлением такие производные, как рус. одесск. *фараонить* ‘воровать’: «Фараонят в селе часто», кубан. *фараончик* ‘жулик, мошенник, обманывающий людей на территории порта’ (1916) [СРНГ 49: 59]. Аналогичное поведение приписывается прозвищным *фараонам*, ср., к примеру, указание на «особенное лукавство и большую страсть к обманам», наличествующие якобы у жителей Торопца.

Помимо «цыганского эпизода», прозвищные *фараоны* обнаруживают и иные «инородческие» ассоциации, которые не сводятся к каким-то конкретным образам. Речь идет о «заморскости» («В Нименьге жили фараоны. Одевались по-французски, ездили в Норвегию, обратно привозили заморские вещи») или о негативно оцениваемой обобщенной «чуждости», проявляемой в параллелизме прозвищ *фараоны / шведы* (жители д. Березовые Мосты в Карелии), *фараоны / евреи* (жители д. Лихунино в Рязанской области), *фараоны / лопари* (жители беломорской Варзуги, которую зовут еще *Китаем*), а также в наличии семантических микросистем смежных названий — *фараоны / зырь* («Народ зырь прозывается в Кузнецове, а в Наволоке — фараоны»). На периферии этого ассоциативного поля указания на «не нашу речь» *фараонов*, их вымирание («Фараоны какие-то были за рекой, да вывелись, передохли»), — а это очень важно для представлений об инородцах на Русском Севере, в Поволжье и ряде других регионов, где распространены образы мифических «вымерших» народов — *чуди*, *панов* и др. (контекст о *фараонах*, которые «передохли», как раз записан на Вологодско-Костромском пограничье), см. также рубрику **Неопределенно давнее время → искоренение, вымирание**. Более того, на основе описанного семантического «субстрата» А. Л. Шилов предлагает свою этимологию прозвища *фараоны* на Русском Севере: «иноязычное

слово с отрицательной коннотацией (в частности, семой чуждости) и неясной внутренней формой было адаптировано фонетически к известному (хотя и экзотичному для Русского Севера) слову *фараон* (ср. типологически с образом панов — чужаков, первопоселенцев). <...> Исходным же “чудским” словом видится какое-то из производных (или вариантов) приб.-фин. *vieras* ‘чужой, не свой, иного рода’, ср. фин. *vieras*, вариант *vierainen*, ливв. *vieraz*, род. п. *vierahan*, вепс. *veraz*, род. п. *verhan*» [Шилов 2008: 26]. Системный сбор «фараонского» материала, представленный в этой статье, обнаруживает сомнительность этой версии, но само появление ее симптоматично.

В заключение стоит вспомнить, что народное сознание может демонизировать инородцев, превращая их в мифологических персонажей. Не избежали этой участи и *фараоны*, ср. костр. *фараоты* ‘мифическое германское племя, представители которого имеют туловище лошади, а голову обезьяны’: «Фараоты, по представлению крестьян, германское племя, живет в болотах и озерах; тулово лошадиное, задние ноги с копытами, передних нет, голова обезьянья» [СРНГ 49: 59]. Яркой иллюстрацией к положению о демонизации *фараонов-инородцев* служит следующая легенда о «египетских цыганах», превратившихся морских животных-людоедов: смол. «Ягипитскіи цыгани гнались за жидами, каторыхъ изъ Ягипта Маисей увадилъ. Жиды узышли на моря, вада разступилась пирядь ими и идуть яны по суху; цыгани услѣдь за жидами. Маисей якъ пирахстить жазломъ, такъ цыгани и патонють. И таперь тыи цыгани живы у води, тольки на палавину на людей пахожи: голывы и руки у ихъ челавѣчьи, па аднаму глазу, а кара рыббя; яны людаѣды, ажидають свѣтапристаўленія и датуль жить будутъ. Якъ нинастя, цыгани давольны, што дажжокъ; якъ пагода, тады аны гаворють: — “Пупрашу свайго Фараона объ нинастю”. Такжа яны у Фараона спрашють: — “Ти скоро будить пристаўленія свѣта, Фараоня, Фараоня?” Ихъ ловють и пристаўляють ў чанахъ: на суши яны травать ни магутъ, патаму что полурыбы» [Добровольский СЭС 1: 147, № 82].

Колдовство

Мотив колдовства проявляется в параллелизме прозвищ *фараоны* и *колдуны* (по отношению к жителям карельской д. Березовые Мосты), в контексте к названию жителей Рыбной Слободы в Галиче («Говорят, среди фараонов этих колдуны были»). Этот мотив реализуется и в диалектной лексике, ср., к примеру, орл. *фараонка* ‘колдунья’: «Фъраонкъ апячь калдуит», ‘мешочек с ладаном, с талисманом или с записочкой, содержащей заговор, молитву и т. п., который носят на груди; ладанка’ [СОГ 16: 143]. Представления о колдовстве естественным образом связаны с восприятием *фараонов* как мифологических персонажей и/или инородцев (особенно цыган).

Неопределенно давнее время → искоренение, вымирание

В ряде прозвищных контекстов звучит мотив давнего времени — и в абсолютном, и в относительном измерении: «Давно поселились там», «Мы их называем фараоны, потому что они возникли раньше нас», «Нименьжана раньше заселились». Косвенное проявление этого же мотива — указание на представленность *фараонов* многими поколениями, династиями («Коренные местные жители, поколениями живущие в Унже, с гордостью называют себя “фараонами”»; ср. также «фараонские» прозвища потомственных стеклоделов). Логическим продолжением мотива давнего времени служит мотив искоренения, вымирания: «Фараоны какие-то были за рекой, да вывелись, передохли». Разумеется, мотив давнего времени представлен и в нарицательной лексике — в литературном языке (ср. устойчивое сочетание *времена фараонов*¹⁶) и говорах (ср. томск. *фарамо́нска эра* [Гордеева и др. 1981: 140]).

Полицейские, военные ← преследователи, гонители

В ряде прозвищных мотивировочных контекстов отражены представления о связи *фараонов* с полицейскими или военными: «Воевали дак, называли фараонами», «Один из них в армии и в полиции служил», «Эту деревню ещё называли Фараоны, так как многие жители, высокие очень, служили в гренадерских войсках». Наиболее определенно эта связь прослеживается в «фараонском» прозвище, которое носили первокурсники Александровского военного училища в Москве (см. выше). Разумеется, полицейский ассоциируется с преследователем, «конкретизирует» представления о преследователе, поэтому к указанной смысловой группе можно отнести контексты, описывающие *фараонов* (в данном случае жителей с. Унжа в Макарьевском районе Костромской области) как гонителей преп. Макария Желтоводского, который будто бы и дал им это имя.

Производным от «военно-полицейского» мотива можно считать и признак драчливости («Дрались по деревням. <...> Почему они фараоны? <...> Туда не появись — изуродуют, сюда приедут — здесь будут драки»), агрессивности («Всё братаны двоюродные — и друг на друга крысились, фараонами их звали»); ср. в нарицательной лексике: селигер. *фараон* ‘об озорном подростке’: «Бабушка на нас скажет “фармазон”, “фараон”: мало ли там мы, дети, чудим, ругаемся, между собой дерёмся» [Селигер 8: 6].

«Полицейская» семантика *фараона* широко известна, в третьем издании словаря В. И. Даля ей соответствует дефиниция ‘*простонар. проzv.*

¹⁶Ср.: «Жаль, что во времена фараонов водотрубные котлы “Фицнер и Гампер” еще не были известны» <Р. Э. Классон>.

полицейский, городской' [Даль 4: 1132]¹⁷. Во второй половине XIX в. *фараон* 'городовой; полицейский; будочник' отмечается как факт не только просторечия, но и арго [Приемышева 2: 46, 160, 426–427, 434]. В советское время (особенно в первые десятилетия, но не только) *фараон* и производные эстафетно стали ассоциироваться с милицией (и тем, что «рядом», — сыском, охраной): жарг. (арго) *фараон* 'начальник милиции, руководящий работник органов внутренних дел', 'работник милиции, сыска', 'сторож (вооруженный)', *фараоново племя* 'служащие милиции', *фараонить* 'работать в милиции или на милицию', 'выслеживать, охранять, шпионить', *фараонка* 'отделение милиции, милицейская машина, милиция' [Козловский 3: 128; Бурик, Шелестюк 1979: 210, 363; Грачев 2003: 950–951; Елистратов 2000: 496; ЯСМ: 538] и т. п. Это слово и его «периферия» обильно представлены в художественной литературе второй половины XIX — начала XX в.¹⁸; именно оно используется, к примеру, для перевода на русский язык названия рассказа О'Генри «The Cop and the Anthem» — «Фараон и хорал» (пара англ. жарг. *cop* — рус. *фараон* лишний раз подчеркивает социолингвистическую привязку обоих слов).

Что касается смежной «военной» семантики, то она представлена тоже арготическим (жаргонным) значением 'солдат', которое фиксируется, кажется, только у С. В. Максимова [2010: 546]. М. А. Грачев переформулировал данную фиксацию в виде 'полицейский солдат' [Грачев 2003: 950–951] — и это, думается, более точно.

Вероятно, анализируемая группа значений появилась на основе смысловых компонентов 'мучитель', 'тот, кто взимает поборы', 'преследователь'¹⁹, которые обязаны своим происхождением ветхозаветному образу фараона и фараонова войска: «Так спокойно и величаво изводить людей, как он беспрестанно делал на веку своем, не всякий может.

¹⁷Интересно, что в более ранних изданиях словаря Даля нет не только формулировки этого значения, но и вообще статьи «Фараон». Однако анализируемое значение было известно великому лексикографу: *фараон* упоминается в ряду *городовой*, *будочник* в статьях «Байка» и «Мазурик».

¹⁸«Когда его шаги затихают на лестнице и хлопает за ним парадная дверь, Эмма Эдуардовна фыркает носом и говорит презрительно: “Фараон! Хочет и здесь и там взять деньги...”» <А. И. Куприн>; «На петербургских вокзалах и других местах скопления извозчиков “фараон”, наметив чересчур строптивого нарушителя, старается вразумить его без большого скандала, не устраивая публичного зрелища» <К. М. Станюкович>, «Фараон триклятуший, и побалакать не даст, — того и гляди “под шары” угодишь, а там и “к дяде”!» <Вл. А. Гиляровский>; «Если уйдем сквозь этот лаз все трое, — подумал он, — фараоны сейчас же погонятся за нами, побегут и вдогон, и наперерез, тут нам и — шабаш: схватают всех троих...» <А. В. Амфитеатров>; «Появились еще двое городских, потревоженные свистком своего товарища. Ишь, фараоново войско! — не без иронии пробурчал себе сквозь зубы Лука Летучий» <В. В. Крестовский> и т. п.

¹⁹Ср. гурьев. «Шёл Моисей, дошёл до моря, за нём шли враги, фараоновы люди» [СРНГ 49: 59].

Воплощенный Ассур, Сарданапал и Фараон» <П. В. Анненков>; «И мучительство фараоново, говорит малорусская летопись, — ничего не значит против ляшского тиранства» <Н. И. Костомаров>; «По его <возницы> словам, фараоны — удивительно драчливые и придирчивые господа. Они теснили возниц и облагали их податью, так называемой “фараоновой”. Чтобы иметь право стоять около храмов и других зданий, по словам моего возницы, основательно знакомого, как видно, с историей извозного дела при фараонах, надо было уплачивать дань фараону, иначе стоять нельзя было; в случае нарушения этих правил ни одна часть тела не была гарантирована от искомования» <К. М. Станюкович> и т. п. Соответствующие метафорические значения есть в разных культурно-языковых традициях, для которых важен ветхозаветный текст, ср., к примеру, англ. *pharaoh* ‘используется образно как наименование тирана или надсмотрщика’ [OED 11: 661]. Можно найти характерные контексты, где «овеществлен» переход ‘мучитель’ → ‘жандарм («ундер»)’, например: «Жил вблизи, от нас по соседству, такой мучитель-гонитель, настоящий фараон, ундер четвертого околотка, Иван Петров Утриносов. Очень уж он, аспид, доедал всякими закорючками: тут грязно, там санитарности нет, — так и норовит из кармана, где полтинник, а где и целковый на санитарность протоколами выудить» <А. А. Богданов>.

Некоторые популярные интернет-ресурсы предлагают (без ссылок на доказательную литературу) различные версии, согласно которым *фараоны* ‘жандармы’ обязаны этим названием деталям внешнего вида: специфическому головному убору, отсылающему к египетскому немесу или какому-либо другому головному убору фараона; «дубинке», напоминающей некое «орудие», с которым иногда изображали фараонов; наконец, неподвижной позе стоящего на посту полицейского, ассоциирующегося с египетской мумией. Думается, все эти версии несостоятельны — хотя бы по причине их множественности. Если названные детали и сыграли какую-то роль в появлении «жандармских» мотивов, то явно вторичную. Нет оснований также полагать, что *фараон* ‘полицейский’ — заимствование (например, из американского варианта английского языка): поиск в самых крупных словарях английского языка (в том числе словарях сленга) не позволяет обнаружить этимон; наоборот, в американском интернет-пространстве проскальзывает версия о русском заимствовании²⁰.

²⁰Ср.: «Использование термина “фараон” в качестве жаргонного обозначения полицейского не является распространенным или широко документированным явлением в истории США. Наиболее прямая ассоциация “фараона” с полицией, по-видимому, имеет свои истоки в другой культуре. Распространенное объяснение использования этого термина в других частях мира, особенно в России в позднюю царскую эпоху, заключается в том, что городские полицейские неподвижно и безэмоционально стояли на своих постах, подобно мумиям, в то время как город суетился вокруг

Богатство, зажиточность → «барство», лень

Мотив богатства, состоятельности, зажиточности, приписываемых *фараонам*, безусловно, является одним из актуальных и понятных для современного культурно-языкового сознания, ср.: «Фараонами звали варзужан, они жили за счёт сёмги очень богато», «Фараоны, потому что обеспеченные», «Там жили зажиточные, богатые и недобрые люди» и т. п. Этот мотив поддерживается и диалектной лексикой, ср., к примеру, орл. *фара́нка* ‘состоятельная, зажиточная женщина’: «Фъраонка. Багатъ живёт», «Ана фъраонкъ, багачка», *фара́н* ‘о важном, влиятельном человеке’: «Васькъ большой фъраон» [СОГ 16: 143]. Мотив богатства → «барства» закономерно порождает в крестьянской среде мотив лени, что отражается, к примеру, в новг. *фара́н* ‘о лентяе’: «Фараон — лентяй, барин» [СРНГ 49: 59]. Это свойство приписывается и «прозвищным» *фараонам*, ср. характеристику варнавинских рабочих на лесосплаве: «Такие лентяи, называемые “фараонами”, строят себе шалаши и ждут, пока какое судно сядет на мель». Как следует из приведенных выше контекстов, в глазах крестьян-номинаторов любые соседи, не занимающиеся или мало занимающиеся сельским хозяйством (т. е. нерегламентированной физической работой), могут выглядеть лентяями (или, по крайней мере, сибаритами): таковы рабочие-стекольщики, работники винного завода, иконописцы, рыбаки и даже те, кто «больше обычного» занимается собирательством («Красоцких мы называем *фараоны*, они всё берут в лесу, клюквы натопчут на болоте»).

Связь со стекольным производством

Имя *фараоны* как прозвище рабочих стекольных заводов зафиксировано во Владимирской, Московской, Нижегородской, Саратовской, Смоленской областях. Стоит предполагать, что перед нами именно проприальное слово, а не апеллятив, поскольку пока не обнаружено словарных данных и контекстов, подтверждающих, что любой рабочий-стеклодел назывался *фараоном*. Эти прозвища отчасти связаны по происхождению — и можно говорить о фактах переноса имен, что релевантно в первую очередь для трех (как минимум) прозвищ, отмеченных в бывшей Владимирской губернии (Мещера): ‘стекольные мастера в поселении при Анопинском заводе, Судогодский у. (ныне р-н)’, ‘стекольные мастера завода купцов Голубевых, г. Судогда’,

них. Это привело к тому, что люди стали называть их “фараонами”. Хотя в Соединенных Штатах существует множество жаргонных словечек для обозначения полицейских, таких как “коп”, “свинья”, “жара” и “5-0”, “фараон” не входит в число исторически или широко используемых. Термин “фараон” в полицейском контексте — это скорее этимологический курьез из другой культуры, чем признанная часть истории американского сленга [Gemini].

‘семьи потомственных стеклоделов пос. Мишеронь, Покровский у. Владимирской губ. (ныне г. Мишеронский, Шатурский р-н Московской обл.)’. Заводы создавались на территории Мещеры в XVIII–XIX вв. по примеру заводов династии Мальцовых, при этом мастера могли переезжать с завода на завод (зачастую их «переманивали») [Белов 2015; Сеницына 2019: 99]. Номинативную преемственность можно предположить и для смоленского имени *фараоны*: дело в том, что на Смоленщину (в числе других мест) заводчики Мальцовы переносили свои заводы из окрестностей Москвы²¹ [Сеницына 2019: 99]. Вопрос о том, какова почва для эстафеты имени *фараоны* (как обозначения стеклоделов) в Саратовскую и Нижегородскую губернии, слишком сложен для нас и требует специальных разысканий в области истории промышленности (к тому же мы вряд ли владеем всей информацией о «стекольных» *фараонах* в России, их имена просто могли быть не зафиксированы), но решение этого вопроса не имеет существенного значения для нашего исследования (хоть и было бы небезынтересно). Основное ясно: *фараоны* — нередкое прозвище для различных территориальных групп русских стеклоделов; появляться это имя могло с XVIII в.; в некоторых случаях было перенесенным.

Важнее вопрос о мотивации — и здесь обнаруживается любопытное обстоятельство: стекольные *фараоны* имеют, по всей видимости, самостоятельную мотивационную линию, выделяющую их из остального тезоименного «фараонского сообщества». Мотивировка связана, думается, с обстоятельствами культурной истории: Древний Египет был знаменит своим стеклоделием, считается его колыбелью. Разумеется, археологи могут внести коррективы в это утверждение, говоря о находках стеклянных изделий и в других мировых центрах, но существование историко-культурного стереотипа, утверждающего египетский приоритет, бесспорно, как и факт употребления в Египте стекла еще в первой половине III тыс. до н. э. (ср., к примеру, находки глазурованных стеклом фаянсовых плиток для внутренних облицовок погребального сооружения фараона Джессера [Качалов 1959: 42]); подробнее о стеклоделии в Египте см. [Там же: 42–60]. Стоит учесть и то, что русские стеклоделы интересовались египетским стеклом. Так, один из самых известных представителей «стеклянной империи» Мальцовых, Юрий Степанович Нечаев-Мальцов, имел знаменитую египетскую коллекцию, переданную им в Музей изящных искусств в Москве.

²¹ Это происходит после указа Сената 1747 г., запрещающего размещать стекольные производства в радиусе 200 верст от Москвы.

Повозка (колесница)

Атрибутом «фараонского сценария» признается колесница. Ярче всего этот мотив проявляется в контекстах к прозвищу жителей поморского села Варзуга: «Когда варзужанин поднимается по порогам с помощью шеста в лодке, это внешне напоминает изображение фараона, управляющего колесницей. Недаром сложена поговорка: “Варзужан — на поезднице (лодке), что фараон на колеснице”». Непременной деталью езды на повозке носителям традиции видится кнут (*понюжálка* [КСГРС]), потому *фараоны* из другой поморской деревни — Красной Горы — имеют параллельное прозвище *понюжáлочники*: «Наверно, с понюжалками ездили, почту возили».

Специфический головной убор

Этот мотив является центральным в образе московских шляпников: «Шляпники или шляпочники в Москве назывались фараонами за фантастический головной убор, состоящий из надетых одна в другую шляп или шляпок» [Епишкин 2010: *фараон*]. В шляпах (особенно женских) ценится разнообразие форм, и в этом плане трудно представить более подходящий образ, чем образ фараонов, у которых были, как отмечают исторические описания, разные варианты корон причудливых форм, предписанные церемониалом для конкретных случаев²² (не говоря о специфическом платке — немесе).

Карточная игра

Одно из объяснений прозвища *фараоны*, приложимого к жителям вологодской д. Нижняя, — «От карточной игры». Это объяснение наверняка является вторичным, но стоит пояснить, что речь идет об игре в *фараона* (*банк*) [Вахитов 2006: 171–172]. Судя по контекстам в [НКРЯ], эта игра была очень популярна в XVIII–XIX вв.; самый известный контекст (с метафорой на основе карточного термина) принадлежит А. С. Пушкину: «И постепенно в усыпленье / И чувств и дум впадает он, / А перед ним Воображенье / Свой

²²Указываются, в частности, такие варианты: белая корона Верхнего Египта (*хеджет*), напоминающая по форме кеглю или бутылку; красная корона Нижнего Египта (*деширет*), которая представляла собой усеченный перевернутый конус с плоским днищем и высокой приподнятой задней частью; двойная корона (*тиент*), сочетавшая в себе две первые и символизировавшая единство страны; синяя с красными лентами «боевая корона»; «корона Амона» из двух перьев с золотым диском между ними; двойная корона *атеф*, появившаяся после объединения Верхнего и Нижнего Египта; «тростниковая корона» (*хемхемет*) — сложное сооружение из золотых перьев, бараньих рогов, змеек и солнечных дисков и др. Все это дополнялось *уреем* — золотым изображением кобры, а иногда и золотой головой коршуна [Монтэ 2000: 266–267].

пестрый мечет фараон». Термин заимствован²³ из фр. *pharaon* ‘карточная игра’ (1691): «Игра названа по изображению фараона в качестве карточного червового короля на французских картах, первоначально использовавшихся в этой игре» [Багриновский 2020: 974].

Общая негативная оценка

Прозвище *фараоны* нередко несет общую пейоративную оценку — как внешнюю, так и внутреннюю (со стороны самих объектов номинации), ср. квалификацию прозвища «как позорной клички, которой они <жители с. Лихунино в Рязанской обл.> крайне недовольны». Такого рода оценка обнаруживается и в нарицательной лексике, выливаясь в бранные употребления интересующего нас слова, встречающиеся и в литературном языке («Даже глядеть на тебя жалко. Фараон фараоном — чистое наказание!» <А. П. Чехов>, «Всех вас, мерзавцев, в одной помойной яме надо утопить, — фараоны вы, мазурики, арапы!» <В. В. Вересаев>), и в говорах (карел. *фарао́н* ‘бранно’: «Вот наился, настоящий фармазон да фараон» [СРГК 6: 678], костр. *фарао́ты-мазу́ры* ‘бранное выражение’ [СРНГ 49: 59], селигер. «Бабушка Аксенья ругала нас: “фараоны”, “фармазоны”, “возьми вас лихорадка”» [Селигер 8: 6])²⁴. Оценка вырастает на основе ряда смысловых компонентов, выделенных выше, — «мучительство» → «связь с полицией», «инородство», «барство», «колдовство»; эти смыслы интерферируют и усиливают друг друга. Могут сыграть роль и формальные факторы: скажем, в бранных конструкциях на разных территориях (см. выше карельский и селигерский контексты) соседствуют *фараон* и *фармазон* (иногда еще и *фарисей*): эти слова не просто имеют звуковую близость, но и несут фонетическую экспрессию, накладывающуюся на смысловую.

Есть случай, когда за «фараонской» номинацией стоит не генерализованная бранная семантика, а конкретное значение, но тоже обнаруживающее сгущение негативной экспрессии, — ‘таракан’: влг. *фарао́н, фараво́н* ‘большой черный таракан’: «Сколько фаравоноу напоўзло, их не выживешь. Фаравоноў-то звали прусские тараканы», «Стёпушки русские-те тараканы, а фараоны-те прусские» [КСГРС]. В этом значении учитываются смысловые компоненты появления во множестве, «враждебности», преследования и пр. [подробнее см.: Березович 2007: 426, 452–453].

²³ Соответствия есть в разных европейских языках; в словацких говорах у слова *faraon* ‘род азартной игры в карты’ отмечен характерный вариант *cigan* [Кралик 2006: 165].

²⁴ Ср. словац. диал. *farahún* с бранной семантикой [Кралик 2006: 166].

Возвращаясь к «фараонским» прозвищам, отметим, что общая негативная оценка может подпитываться также представлением об удаленном, обособленном проживании той или иной группы людей (что типично для любого коллективного прозвища, образованного от обозначения «чужих»).

Итоги. Вопрос о «старшей» мотивации и субъекте номинации

Итак, в семантико-мотивационном пространстве, стоящем за русским коллективным прозвищем *фараоны* (39 прозвищ в различных регионах), выявляются следующие мотивы и смысловые компоненты: ▪ «Водная стихия: море, река, озеро; затопление → водные демоны»; ▪ «Иногородцы, мифические чужаки»; ▪ «Колдовство»; ▪ «Неопределенно давнее время → искоренение, вымирание»; ▪ «Полицейские, военные ← преследователи, гонители»; ▪ «Богатство, зажиточность → “барство”, лень»; ▪ «Связь со стекольным производством»; ▪ «Повозка (колесница)»; ▪ «Специфический головной убор»; ▪ «Карточная игра»; ▪ «Общая негативная оценка».

Обнаруженные мотивы отсылают к прецедентному тексту Ветхого Завета (преследование фараоном и его воинством — фараонитами — евреев, потопление фараона и фараонитов), а также к эпизодам и деталям внетекстовой культурной истории, связанной с Древним Египтом. Эти детали иногда выделяются достаточно объективно (например, связь с производством стекла в Египте, специфический головной убор фараона), что не исключает, конечно, субъективизма номинативной интерпретации (безусловно, московские шляпники не ставили задачу точного воспроизведения корон египетских фараонов), но чаще перед нами легендарные преобразования исторических эпизодов (ср. представления о происхождении цыган из Египта). Есть ситуации, когда мотив можно считать как текстовым, так и внетекстовым (мотив богатства).

Как же происходит формирование мотивной базы отдельных антропонимов? Для ряда прозвищ мотивировка, кажется, устанавливается однозначно (в том понимании однозначности, которое присуще мотивации имен собственных). Это относится в первую очередь к именам, для которых можно предполагать первенство объективных предметных признаков (см. выше): «фараонским» обозначениям стеколделов Владимирской, Нижегородской, Саратовской, Смоленской губерний, а также московских продавцов шляп. В основу имени *фараоны* ‘первокурсники Александровского военного училища’ положено, вероятно, сопоставление первокурсников с низшими чинами военно-полицейской машины — городовыми, будочниками, что подчеркивается противопоставлением прозвищу старшекурсников — *обер-офицеры*. Но во всех остальных случаях однозначности нет: либо надо

предполагать комплекс признаков, допуская, что какой-то один несколько «сильнее» остальных (скажем, для имени жителей поморского с. Варзуга: высокий достаток + обособленное и удаленное место проживания + связь с водной стихией), либо в комплексе признаков ведущий не устанавливается (для имени жителей поморской д. Красная Гора: езда в повозках, напоминающих колесницы + связь с водной стихией), либо назвать два-три признака невозможно (за нехваткой информации) — и приходится предполагать множество вариантов. Более того, те прозвища, которые мы только что обозначили как мотивационно однозначные, могут иметь второе дно: так, хочется согласиться с краеведом Л. П. Беловым, предполагавшим, что для «фараонских» прозвищ стекольщиков важны признаки состоятельности рабочих (на фоне соседних крестьян), связи с водной стихией (стекольные заводы стояли на реках) [Белов 2015: 97–98].

Тот факт, что в этих попытках выбора мотивационной базы для отдельных имен нам часто приходится называть м о т и в в о д н о й с т и х и и, не случаен. Думается, что этот мотив, отсылающий к ветхозаветному прецеденту, играет роль пускового механизма, запустившего «фараонские» номинации в системе русских коллективных прозвищ. Иначе говоря, это «с т а р ш а я» м о т и в а ц и я, обусловившая появление всего комплекса имен (отдельные компоненты которого затем могут утратить с ней связь). Как было показано выше, практически все «крестьянские» (и некоторые «заводские») *фараоны* проживают у моря, реки, озера. Это характеристика объекта номинации, а кто же был ее субъектом? Можно ли предположить, в какой среде чаще возникали «фараонские» номинации?

Логично думать, что это среда, где ветхозаветные сюжеты имели наибольшую сохранность и актуальность. На этом этапе рассуждений стоит вспомнить о с т а р о о б р я д ч е с к о й среде, которую мы не раз упоминали при подаче прозвищ, но не привлекали пока к рассмотрению связанный с ней дискурс. Во-первых, встречаются примеры соотносительности *фараонов* и обозначений старообрядцев: в Верхнетоемском районе Архангельской области рядом с *фараонами* проживали *кержаки*; в Покровском уезде Владимирской губернии — *кулугуры* (см. выше). Во-вторых, при описании особенностей денотативной отнесенности прозвищ, контекста, в котором они функционируют, мы приводили свидетельства источников о том, что среди стекольщиков Подмосковья (три прозвища) было много старообрядцев (а поскольку стекольщики переезжали с места на место, то, возможно, этот фактор релевантен для наследующих традиции московского стеклоделия мастеров Смоленщины и др.). Развивая эту тему, отметим, что г е о г р а ф и я «фараонских» прозвищ соотносима с географией русского старообрядчества.

Еще раз приведем перечень регионов, где встретились прозвищные *фараоны*: Архангельская, Владимирская, Вологодская, Ивановская, Кировская, Костромская, Московская, Мурманская, Нижегородская, Новгородская, Рязанская, Саратовская, Свердловская, Смоленская, Тверская области, Республика Карелия. По данным [ПЭ 3: 483; 9: 62–63, 269; 16: 135–144; 31: 74–77; 35: 48–50; 38: 338–339; 49: 283–289; 51: 460–462; 57: 435–437; 60: 709–712; 61: 624–629; 64: 475–476; 66: 116–117]²⁵, это зоны расселения старообрядцев (в большинстве своем лидирующие по количеству последних), особенно беспоповцев — и такой значимой их ветви, как п о м о р ц ы. Поморцы не могут не интересовать нас особо, ведь самое большое скопление *фараонов* наблюдается именно в тех местах, где они первоначально селились (десять прозвищ в Архангельской области, одно — в Карелии, одно — в Мурманской области)²⁶ и куда в дальнейшем продвигались (это можно показать на примере Костромской области, где фиксируется шесть прозвищных *фараонов*, отмеченных на территории бывших Макарьевского, Юрьевоцкого, Галичского, Буйского уездов, т. е. там, где расселились костромские поморцы [Наградов 2008: 85]).

Одной из зон проживания поморцев была Нижегородская область. В фольклоре нижегородских старообрядцев поморского согласия (Тонкинский р-н) записан следующий чрезвычайно интересный для нас текст: «Бежал Моисей с нашими, то есть с христианами, от фараона по пустыне. Долго шли. А Моисей уже руку держать не может. Так её двое поддерживают, чтоб не упала. Дошли до берега моря и не знают, что делать. А Господь ангела Моисею послал. Тот и говорит: “Перекрести море”. Моисей послушался и перекрестил море. Вода и разошлась в разные стороны. А фараон с войском уже нагоняет. Побежали Моисей с нашими через море. И вот когда уже почти все вышли на другой берег, то последнего из наших фараон почти догнал. Море снова сошлось. Нашего-то на берег выбросило, а фараон и всё его войско утонули. Так Моисей расселился по берегу моря. П о э т о м у м ы и з о в е м с я п о м о р ц а м и <выделено нами. — Е. Б.>» [СФНО: 116–117, № 46]²⁷.

²⁵Приведена пагинация статей в «Православной энциклопедии», посвященных конфессиональной ситуации в отдельных областях страны, а также некоторым старообрядческим согласиям.

²⁶Внутри этого «сгущения» *фараонов* выделяется собственно «беломорское» сгущение с общеизвестным старообрядческим прошлым (центры — Соловки и Выг), а также «пинезско-тоемско-устьянское» — в бассейнах рр. Пинега, Верхняя Тойма и Устья. Это территория Пинежского уезда Архангельской губернии, ср. свидетельство П. С. Ефименко: «Раскол развился в Пинежском уезде более, чем где-либо в Архангельской губернии. <...> К расколу расположены почти все жители Пинежского уезда» [Ефименко 1877: 211].

²⁷Вообще сюжет о Моисее, ведущем свой народ через море, популярен в нижегородском старообрядческом фольклоре [СФНО: 42, 47, 99, 116–117; и др.].

Аналогичный текст записан у старообрядцев Амурской области: «Моисей, старичок, вывел из моря этот войск, к морю, вот это, в нёбо крикнул: “Как я через море?” А ему Бох ответил, что “прэкрести кресным знаменем этот, море”. Он с костылем был. Он пэрэкрестил, и мост состроился. Вот оне через этый мост перевели п о м о р ц е в <выделено нами. — Е. Б.>. А <...> фараоны какие-то, оне все утонули. Оне неправедные» [СФДА: 81].

По свидетельству канд. ист. наук С. А. Белобородова (устное сообщение), подобная мотивация названия *поморцы* («принадлежат к “своему” народу, который Моисей расселил у моря») встречается также у представителей поморского согласия в Ижевске и Верхней Туре (1990-е гг.).

Этот эпизод весьма показателен, но, конечно, не является решающим в рассмотрении вопроса о сохранности ветхозаветных сюжетов в старообрядческой среде. Главная причина — высокий уровень богослужебной грамотности старообрядцев, бóльшая сохранность в их среде библейских сюжетов в силу общего религиозного консерватизма. Согласно формулировке канд. ист. наук, протоиерея П. И. Мангилева (устное сообщение), старообрядцы знакомились с Ветхим Заветом непосредственно (через паремии, отрывки, которые читаются за богослужением) и опосредованно (через богослужебные песнопения, где ветхозаветные образы и символика весьма активны). Стоит добавить, что определенную роль сыграла апокрифическая литература, фольклор старообрядцев²⁸, транслирующий среди прочих те верования, которые не связаны напрямую со Священным Писанием²⁹.

Внимание старообрядцев к образу фараона имеет, как представляется, и дополнительную мотивацию. Дело в том, что «центральное место во взглядах беспоповцев занимает учение об А н т и х р и с т е <выделено нами. — Е. Б.>. Большинство представителей этого течения в старообрядчестве проповедует воцарение духовного Антихриста, трактуемого ими как совокупность разнообразных ересей, проникших в русскую церковь» [ПЭ 4: 702]. Антихрист имел разные ипостаси, и одной из них был *фараон*, ср. в текстах старообрядцев: «... сила Христова креста не от чувственного токмо Фараона избави и избавляет, но от мысленного Фараона, глаголю дьявола, и бесов его» <протопоп Аввакум> [МИР: 275]; «Фараон же мучитель — той же бе антихрист, но и преобразует самага Князя Тьмы, погруженный в Чермнем мори» <К. Васильев> [Дутчак 2007: 244]; «Моисей есть мысль, Фараон — дьявол,

²⁸Помимо прозаических жанров, образ фараона упоминался и в поэтическом фольклоре, ср. текст из среды поморян-беглоповцев: «Фараон — детоубийца, / Ирод — злобный кровопийца, / Трех легчае сотворили, / Мужеск пол один убили» [ДСС: 113].

²⁹К примеру, по сообщению П. И. Мангилева, представления о русалках = фараонах существуют у старообрядцев поморского согласия в Курганской области.

море — мир» <С. Гулин> [Кальнев 1911: 71]; «Лишистесь бодрого вожда, аки втораго Моисея, не чрезь море Чермное, но чрезь многоволнующееся волнами напастными настоящее мира сего море безбѣдно руководящаго, не фараона бѣжати чювственнаго, но мысленнаго вселютѣйшаго фараона дьявола премудро гонзати учащаго...» <Д. Матвеев> [Юхименко 2002: 182, 429]; «О, премудра, преблагая / Чиста, девственна душа / <...> /, Об всех верных просила, / Трубой в небо прогласила, / А мысленна фараона / В синем море потопила» <из песни «сектантов-мистиков»> [ПРСМ: 526] и т. п.³⁰ Конечно, Антихрист фигурирует не только в текстах старообрядцев, но и в сочинениях православных христиан, не придерживавшихся старой веры; мы говорим лишь об особой роли его в старообрядческом дискурсе.

Фараон = дьявол мог отождествляться с патриархом Никоном (тогда его слуги, фараониты, понимались как преследовавшие старообрядцев никониане³¹), с русским царем³² и др. Понимание *фараона* как дьявола сложилось задолго до раскола³³, но старообрядческая среда стала наиболее благодарной восприимницей такой трактовки.

Разумеется, сказанное ни в коем случае нельзя абсолютизировать, поскольку ветхозаветная образность была известна и вне старообрядческой традиции. Не следует видеть жесткую зависимость между фактом наличия на какой-либо территории антропонима *фараоны* и присутствием поблизости (в качестве субъектов номинации) староверов (особенно поморцев). Но все-таки география прозвищ и их семантико-мотивационная специфика делают вполне релевантной версию о том, что для «фараонских» прозвищ старообрядцы могли быть наиболее активными субъектами

³⁰Кстати, показательно, что в легендах о фараонах как мифических водных существах подчеркивается тема конца света, второго пришествия и т. п.: после второго пришествия у этих существ есть шанс снова принять свой человеческий облик [см. об этом: Кузнецова 2012: 10–11].

³¹Ср.: «Чюдно, батюшки, извол божий и попущение велиару нас дьявол видимый мучит, а вас душевныя и телесныя страсти, и везде фараониты» [Аввакум 1987: 353].

³²Ср.: «Помни всяк начало страшного суда божия, который вскоре внезапно падет на русского царя, якоже и тогда нечаянно пал на египетского царя Фараона <...> Вот почему я и смело указываю вам здесь ныне тот злейший фараонов пример — прямо на русского кровьями пьяного царя» <М. Рудометкин> [Клибанов 1965: 132].

³³«Этот традиционный штамп наблюдаем уже у Кирилла Туровского: “...они же оубо изъбывшие телесные работы, понавляху празднующе день опрѣсночный; мы же владыкою спасени от работы мысленаго фараона дьявола, понавляем побѣдныи па враги день” (Кирилл Туровский. Слово на антипасху). В стиле “плетения словес”, связанном со вторым южнославянским влиянием, происходит упрочение этого традиционного штампа, расширение набора метафорических образов, возрастание степени их абстракции. Слово *фараон* выступает в ряду со словами *змий*, *дьявол* для обобщенного именованя греха, греховных помыслов, соблазна, дьявольского искушения. Так, в “Житии Иосифа Волоцкого”: “мысленаго змия побѣдити”, “потопил еси <...> фараона мысленаго”, “побѣди <...> мысленаго дьявола” [Черепанова 2005: 113–114].

н о м и н а ц и и, инициировавшими или поддерживавшими описываемую номинативную традицию.

Кто бы ни был субъектом, изучаемые имена изначально обозначали, по всей видимости, группы людей, связанных с водной стихией (живущих у реки, моря, озера, в подтапливаемых местах), отличающихся от соседей как местом проживания, так и образом жизни, и воспринимаемых с изрядной долей экспрессии, поскольку они ассоциируются с героями Ветхого Завета и/или сформировавшимися на основе этого текста мифическими персонажами. Когда прозвище оказалось «запущенным» в номинативное пространство (а это могло произойти, к примеру, в Беломорье и шире — где-то на Русском Севере), оно, разумеется, втянулось в мощную воронку разнообразных до- и переосмыслений, поскольку происходила сильнейшая интерференция образа из прецедентного текста и образа, складывавшегося во «внетекстовой» истории.

Важно отметить, что последняя стала доступнее для «широкого пользователя» в России с 1860-х гг.: после отмены крепостного права наблюдался рост грамотности населения, развитие различных форм обучения. Введение доступного всесословного образования (возникновение наряду с государственными земских, церковно-приходских, воскресных и частных школ) обеспечивало хотя бы начальное знакомство с историей, в том числе древнего мира (а значит, в «низовую» среду могли проникать знания, скажем, о стеклоделии в Египте или об одежде фараонов). Нельзя не учесть и того факта, что прозвища (особенно крестьянские) записывались преимущественно в XX в., комментировались теми, в чьем информационном поле могли оказаться новости об обнаружении гробниц фараонов (например, раскопки известнейшей гробницы Тутанхамона были осуществлены лишь в 1922 г.), которые не могли не повлиять на формирование комплекса представлений, стоящих за словом *фараон*. Поэтому в мотивационной истории *фараонов* произошло своеобразное переворачивание связей: ветхозаветные аллюзии деактуализировались в сознании носителей традиции, а на первый план вышли более ясные для современного сознания смысловые компоненты, соотносимые с реальной историей.

Сокращения

В названиях языков и диалектов

арх.	архангельские говоры русского языка	ливв.	ливвиковское наречие карельского языка
астрах.	астраханские говоры русского языка	нижегор.	нижегородские говоры русского языка
бессараб.	русские говоры Бессарабии	новг.	новгородские говоры русского языка
вепс.	вепский язык	оdessк.	русские говоры Одессы
влад.	владимирские говоры русского языка	орл.	орловские говоры русского языка
влг.	вологодские говоры русского языка	пенз.	пензенские говоры русского языка
гомел.	гомельские говоры белорусского языка	подол.	подольские говоры украинского языка
гродн.	гродненские говоры белорусского языка	приб.-фин.	прибалтийско-финские языки
гурьев.	говор Гурьевского уезда Уральской губернии	прикам.	русские говоры Прикамья
карел.	русские говоры Карелии	пск.	псковские говоры русского языка
киев.	киевские говоры украинского языка	ряз.	рязанские говоры русского языка
киров.	русские говоры Кировской области	сарат.	саратовские говоры русского языка
костр.	костромские говоры русского языка	сев.-рус.	севернорусские говоры
кубан.	русские говоры бассейна р. Кубань	селигер.	русские говоры бассейна оз. Селигер
курс.	курские говоры русского языка	симб.	симбирские говоры русского языка
ленингр.	ленинградские говоры русского языка	смол.	смоленские говоры русского языка
		томск.	томские говоры русского языка
Прочие			
жарг.	жаргонный	простонар.	простонародный
насм.	насмешливый	шутл.	шутливый
прозв.	прозвище	юнкер.	юнкерский

Источники

- Аввакум (Петров)*. Совет святым отцем преподобным // Красноречие Древней Руси. (XI–XVII вв.) / сост., вступ. ст., подгот. др.-рус. текстов и комм. Т. В. Черторицкой. М. : Советская Россия, 1987. С. 352–356.
- АКТЭ — антропонимическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).
- АЛПБ — архив Л. П. Батыревой (Шуйский филиал Ивановского государственного университета, Шуя).
- Анищенко О. А.* Словарь русского школьного жаргона XIX века. М. : ЭЛПИС, 2007.
- Бурик В. И., Шелестюк В. Г.* Жаргон преступников: Лексико-фразеологический словарь справочник. Киев : Ред.-изд. отдел МВД СССР, 1979.

- Бурцев А. Е. Обзор русского народного быта северного края: его нравы, обычаи, предания, предсказания, предрассудки, притчи, пословицы, присловия, прибаутки, перегудки, припевы, сказки, присказки, песни, скороговорки, загадки, счеты, задачи, заговоры и заклинания. Т. 1. СПб. : Тип. Брокгауз-Ефрон, 1902.
- Вахитов С. В. Карточная терминология и жаргон XIX века : словарь. 2-е изд., испр. и доп. Уфа : Вагант, 2006.
- Виноградов Н. Н. Галивонские алеманы. Условный язык галичан (Костромской губернии). Петроград : Тип. Имп. АН, 1915.
- Власова М. Энциклопедия русских суеверий. СПб. : Азбука-классика, 2008.
- Воронцова Ю. Б. Словарь коллективных прозвищ. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2011.
- ВС — Ветлужская сторона. Вып. 6 : Традиционный фольклор Варнавинского района Нижегородской области / под ред. А. В. Кулагиной. М. ; Варнавино : Вектор ТиС : Московия, 2005.
- Грачев М. А. Словарь тысячелетнего русского арга. М. : РИПОЛ КЛАССИК, 2003.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 3-е изд., испр. и знач. доп. / под ред. [и с предисл.] проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. СПб. ; М. : Т-во М. О. Вольф, 1903–1909.
- Даль ПРН — Пословицы русского народа : в 2 ч. / сб. В. Даля. СПб. ; М. : Изд. М. О. Вольфа, 1879.
- Добровольский 1914 — Смоленский областной словарь / сост. В. Н. Добровольский. Смоленск : Тип. П. А. Силина, 1914.
- Добровольский СЭС — Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник. Ч. 1. СПб. : Тип. Е. Евдокимова, 1891.
- ДСС — Два сектантских стихотворения о браке и безбрачии // Этнографическое обозрение. 1903. № 1. С. 113.
- Елистратов В. С. Словарь русского арга: Материалы 1980–1990 гг. М. : Русские словари, 2000.
- Епишкин Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. М. : ЭТС, 2010.
- Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. 1 : Описание внешнего и внутреннего быта. М. : Тип. Ф. Б. Миллера, 1877.
- Железнов И. И. Уральцы. Очерки быта уральских казаков. СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1910.
- Завойко Г. К. Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии // Этнографическое обозрение. 1914. № 3–4. С. 81–178.
- Засухинпоздеев С. Старинные прозвища выйских деревень // Проза.ру : литературный портал. 2015. URL: <https://proza.ru/2015/02/18/2351> (дата обращения: 15.01.2026).
- КАОС — картотека «Архангельского областного словаря» (кабинет русской диалектологии кафедры русского языка филологического факультета Московского государственного университета).
- Климкова Л. А., Гузнова А. В. Неофициальная антропонимия Нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья : словарь. Ч. 2. Ульяновск : Зебра, 2022.
- Козловский — Собрание русских воровских словарей : в 4 т. / сост. В. Козловский. New York : Chalidze publications, 1983.
- КСГРС — картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).
- Кушков Н. Д. Топонимы возвышенного берега, а также личные имена, фамилии и прозвища терских поморов. Умба : Опимах, 2015.
- Максимов С. В. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 2 : Сибирь и каторга : ч. 2–4. М. : Книговек, 2010.

- Меркурьев И. С.* Пословицы и поговорки Поморья. СПб. : [б. и.], 1997.
- Михельсон М. И.* Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии : сб. образных слов и иносказаний. СПб. : Тип. АО «Брокгауз-Ефрон», 1912.
- МРНП — Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья / сост. К. Е. Корепова, Н. Б. Храмова, Ю. М. Шеваренкова. СПб. : Тропа Троянова, 2007.
- МИР — Материалы для истории раскола за первое время его существования / под ред. Н. И. Субботина. Т. 5. М. : Тип. Э. Лисснер и Ю. Роман, 1879.
- НДС — Народные духовные стихи / сост. Ф. М. Селиванов, А. В. Кулагина. М. : Рус. книга, 2004.
- НЗ — Нижегородские заговоры (в записях XIX–XX вв.) / отв. ред. К. Е. Корепова. Н. Новгород : ННГУ, 1997.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/>
- Новиков Е. А.* Этнографические заметки из села Унжа // Губернский дом : историко-краеведческий и литературный журнал. 2020. № 2 (119). С. 3–15.
- НТ — Народный театр / сост., вступ. ст., подгот. текстов и комм. А. Ф. Некрыловой, Н. И. Савушкиной. М. : Советская Россия, 1991.
- Примьшева М. Н.* Тайные и условные языки в России XIX в. : в 2 ч. СПб. : Нестор-История, 2009.
- ПРСМ — Песни русских сектантов-мистиков : сб. / сост. Т. С. Рождественский, М. И. Успенский. СПб. : Тип. П. П. Сойкина, 1912.
- ПЭ — Православная энциклопедия / под общ. ред. патриарха Московского и всея Руси Алексия II ; патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М. : Церк.-науч. центр «Православная энциклопедия», 2000–. Т. 1–.
- РИРЖ — Святая Русь : большая энциклопедия русского народа. Русская икона и религиозная живопись : в 2 т. / гл. ред. О. А. Платонов. Т. 2 : Неувядаемый цвет – Я. М. : Ин-т русской цивилизации, 2011.
- РКЖБН — Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы : материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 1 : Костромская и Тверская губернии / сост. И. И. Шангина, Е. Л. Мадлевская. СПб. : Деловая полиграфия, 2004.
- СБО — Словарь библейских образов / под ред. Л. Райкена, Д. Уилхойта, Т. Лонгмана. СПб. : Библия для всех, 2005.
- Селигер : материалы по русской диалектологии : словарь : в 8 вып. / под ред. А. С. Герда. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003–2020.
- Сивков И.* Половодье в слободе Холуе Вязниковского уезда и народное предание о старике Седне и отчего холуяне называются фараонами // Владимирские губернские ведомости. 1874. № 15. С. 4–5.
- Симони П. К.* Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVIII–XIX столетий. СПб. : Тип. Имп. АН, 1899.
- СОГ — Словарь орловских говоров / под ред. Т. В. Бахваловой. Ярославль ; Орел : ЯГПИ им. К. Д. Ушинского : ОГПУ, 1989–. Вып. 1–.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 вып. / гл. ред. А. С. Герд. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1994–2005.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22) ; Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42) ; С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.
- Стрельцова Е. П., Уланова А. Ю., Емец О. Ю., Стрельцов А. И.* Экспедиция в Вельский район Архангельской области // Живая старина. 2016. № 1. С. 49–51.
- СФДА — Слово : фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 4 : Амурское старообрядчество. Речевые портреты. Речевые жанры. Словарь. Язык фольклора / под ред. Н. Г. Архиповой, Е. А. Оглезневой. Благовещенск : АмГУ, 2006.

- СФНО — «Взойду ли я на гору высокую, увижу ли я бездну глубокую...»: Старообрядческий фольклор Нижегородской области / [сост. О. А. Савельева, Л. Н. Новикова] ; отв. ред. Г. В. Любимова. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2001.
- Ткачев Г. Этнографические очерки Богучарского уезда // Памятная книжка Воронежской губернии на 1865–1866. Воронеж : Тип. Ворон. губ. правл., 1867. С. 159–232.
- Толстогузова В. Материал в группе «Яранский уезд. Эхо старины» // Одноклассники : социальная сеть. URL: <https://ok.ru/yaranskyue/topic/65234801333512>. Дата публикации: 06.08.2016
- ХЗФР — материалы группы «Холуй — земля фараонов и русалок» // ВКонтакте : социальная сеть. URL: <https://vk.com/zemlyafaraonov> (дата обращения: 10.01.2026).
- Церетели Т. Фараоны из Холуя // Газета «Культура». 05.12.2014. URL: <https://portal-kultura.ru/articles/country/73101-faraony-iz-kholuya/> (дата обращения: 10.01.2026).
- Шумов К. Э. Былички и бывальщины: Старозаветные рассказы, записанные в Прикамье. Пермь : Перм. кн. изд-во, 1991.
- ЯСМ — *Елистратов В. С.* Язык старой Москвы : лингвоэнциклопедический сл. : ок. 7000 слов и выражений. 2-е изд., испр. М. : АСТ : Астрель : Русские словари : Гранзиткнига, 2004.
- Яцимирский А. И. Разбойники Бессарабии в рассказах о них // Этнографическое обозрение. 1896. № 1. С. 54–90.

Исследования

- Багриновский Г. Ю. Большой этимологический словарь русского языка. М. : КоЛибри : Азбука-Аттикус, 2020.
- Балова Е. Ю. Демонологическая лексика в говорах правобережья Нижегородской области : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Арзамас. гос. пед. ин-т. Арзамас, 1999.
- Белов Л. П. «Калганники» и «Фараоны»: к истории прозвищ в поселениях при стекольных заводах подмосковной и владимирской Мещеры // Юго-восточное Подмосковье: история, культура, люди : материалы II межрег. науч.-практ. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения основателя музея в Егорьевске М. Н. Бардыгина (20 ноября 2014 г.) / сост. С. Э. Динер. Егорьевск : Егорьевск. ист.-худ. музей, 2015. С. 95–99.
- Белова О. В. Представление о монстрах и полулюдях в народной традиции славян // Миф в культуре: человек — не-человек / ред. Л. А. Софронова, Л. Н. Титова. М. : Индрик, 2000. С. 47–57.
- Белова О. В. Фараонки // Славянская мифология : энцикл. сл. / под ред. С. М. Толстой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Междунар. отношения, 2019. С. 480.
- Белова О. В. «Народная Библия»: Восточнославянские этимологические легенды. М. : Индрик, 2004.
- Белова, Кабакова 2014 — У истоков мира: Русские этимологические сказки и легенды / сост. и коммент. О. В. Беловой, Г. И. Кабаковой. М. : ФОРУМ : НЕОЛИТ, 2014.
- Белова О. В., Кабакова Г. И. «Фараоны» // Восточнославянские этимологические сказки и легенды : энцикл. слов. / под общ. ред. Г. И. Кабаковой. М. : Неолит, 2019. С. 413–414.
- Беляев В. В. История города Макарьева на Унже и о пребывании в Макарьевском монастыре царя Михаила Феодоровича. СПб. : И. М. Чумаков, 1907.
- Березович Е. Л. Язык и традиционная культура. Этнолингвистические исследования. М. : Индрик, 2007.
- Бернштам Т. А. Народная культура Поморья. М. : ОГИ, 2009.
- Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в. / отв. ред. С. А. Токарев. М. : Изд-во АН СССР, 1956. С. 3–460.

- Вальтер Х., Мокиенко В. М. Русские прозвища как объект лексикографии // Вопросы ономастики. 2005. № 2. С. 52–69.
- Власова И. В. Русский Север: историко-культурное развитие и идентичность населения. М. : ИЭА РАН, 2015.
- Воронцова Ю. Б. Коллективные прозвища в русских говорах : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. Екатеринбург, 2002.
- Гордеева О. И., Озегович С. И., Охолина Н. М., Палагина В. В. Вторичные заимствования в говорах Среднего Приобья. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1981.
- Дикарев М. А. Заметки по истории народной ботаники // Этнографическое обозрение. 1899. № 1–2. С. 19–53.
- Дутчак Е. Е. Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX — начало XXI в.). Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2007.
- Зеленин Д. К. Великорусские народные присловья как материал для этнографии // Живая старина. 1905. Вып. 1. С. 57–75.
- Кальнев М. А. Русские сектанты, их учение, культ и способы пропаганды. Одесса : Тип. Е. И. Фесенко, 1911.
- Качалов Н. Стекло. М. : Изд-во АН СССР, 1959.
- Киселев А. В. Формирование и развитие традиционных религиозных представлений русского населения Верхнего Поволжья в XIX–XX вв. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Ярослав. гос. ун-т. Ярославль, 2003.
- Клибанов А. И. История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX в. — 1917 г.). М. : Наука, 1965.
- Кралик Л. Из словацкой диалектной лексики: deethnonymica // Ad fontes verborum. Исследования по этимологии и исторической семантике. К 70-летию Жанны Жановны Варбот / под ред. А. Ф. Журавлева. М. : Индрик, 2006. С. 461–468.
- Кузнецова В. С. О Моисее и «фараонах»: фольклорные и книжные версии сюжета // Сибирский филологический журнал. 2012. № 4. С. 5–14.
- Кучко В. С. Фараоны, англичане и другие прозвища Терского берега // Ономастика Поволжья : материалы XIX Междунар. науч. конф., посвящ. 220-летию со дня рождения лексикографа, собирателя фольклора и русского писателя В. И. Даля (Оренбург, 11–12 ноября 2021 г.) / науч. ред. Е. Н. Бекасова, В. И. Супрун. Оренбург : Оренб. книга, 2021. С. 140–146.
- Михайлова Л. П. История края в народном слове. Русские говоры Карелии. Петрозаводск : КГПУ, 2004.
- Монтэ П. Повседневная жизнь египтян во времена великих фараонов / пер. с фр. ; науч. ред. О. В. Томашевич. М. : Молодая гвардия : Палимпсест, 2000.
- Мызников С. А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М. ; СПб. : Нестор-История, 2019.
- Мызников С. А. Русские говоры Беломорья в контексте этноязыкового взаимодействия: опыт комплексного исследования. М. ; СПб. : Нестор-История, 2021.
- Наградов И. С. Старообрядческий мир Костромской губернии (II четверть XIX — начало XX в.). Кострома : Авантитул, 2008.
- Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М. : Наука, 1975.
- Раденкович Л. Великаны, дикие и иные «чужие» люди // Etnolingwistyka: Problemy języka i kultury. 2008. No. 20. S. 95–106.
- Самодолова Е. А. Образ ребенка и матери в рязанском фольклоре и этнографии : в 2 т. Рязань : Ряз. обл. науч.-метод. центр народного творчества, 2019. Т. 2.

- Синицына Л. В. Стекольные заводы Смоленщины в XIX–XXI веках // IV Всерос. конгресс фольклористов (Тула, 1–5 марта 2018 г.) : сб. науч. ст. : в 3 т. Т. 2 : Многообразии фольклорных традиций: история и современность / сост. В. Е. Добровольская, А. Б. Ипполитова. М. : ГРДНТ им. В. Д. Поленова, 2019. С. 99–105.
- Тынянов Ю. Н. Архаисты и новаторы. Л. : Прибой, 1926.
- Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л. : Изд-во ЛГУ, 1983.
- Черепанова 1996 — Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / сост. и авт. коммент. О. А. Черепанова. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1996.
- Черепанова О. А. Культурная память в древнем и новом слове : исследования и очерки. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2005.
- Чичагов В. К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий (Вопросы русской исторической ономастики XV–XVII вв.). М. : Гос. уч.-пед. изд-во Мин-ва просвещения, 1959.
- Шилов А. Л. Материалы к словарю ранних прибалтийско-финских, чудских и саамских заимствований русского языка. М. : Наука, техника, образование, 2008.
- Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература. М. : Языки славянской культуры, 2002. Т. 1.
- OED — The Oxford English Dictionary. Vols. 1–20 / ed. by J. Simpson, E. Weiner. 2nd ed. Oxford ; New York : Clarendon Press : Oxford Univ. Press, 1989.

References

- Bagrinovsky, G. Yu. (2020). *Bol'shoi etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [The Comprehensive Etymological Dictionary of the Russian Language]. Moscow: KoLibri; Azbuka-Attikus.
- Balova, E. Yu. (1999). *Demonologicheskaja leksika v govorakh pravoberezh'ia Nizhegorodskoi oblasti* [Demonological Vocabulary in the Dialects of the Nizhny Novgorod Region (Right Bank of the Volga River)] (Doctoral dissertation). Arzamas State University, Arzamas.
- Belyaev, V. V. (1907). *Istoriia goroda Makar'eva na Unzhe i o prebyvanii v Makar'evskom monastyre tsaria Mikhaila Feodorovicha* [The History of the City of Makaryev and of the Stay of Tsar Michael I of Russia in the Makaryev Monastery]. St Petersburg: I. M. Chumakov.
- Belov, L. P. (2015). “Kalganniki” i “Faraony”: k istorii prozvizhch v poseleniiakh pri stekol'nykh zavodakh podmoskovnoi i vladimirskoi Meshchery [“Kalganniki” and “Faraony”: Towards the History of Nicknames in the Settlements near Glass Factories in the Area of Meshchera in the Moscow and Vladimir Regions]. In S. E. Diner (Ed.), *Iugo-vostochnoe Podmoskov'e: istoriia, kul'tura, liudi* [South-Eastern Part of the Moscow Region: History, Culture, People] (pp. 95–99). Egoryevsk: Egoryevsk History and Art Museum.
- Belova, O. V. (2000). Predstavlenie o monstrakh i poluljudiakh v narodnoi traditsii slavian [Monsters and Half-humans in the Popular Tradition of the Slavs]. In L. A. Sofronova, & L. N. Titova (Eds.), *Mif v kul'ture: chelovek — ne-chelovek* [Myth in Culture: Human — Non-Human] (pp. 47–57). Moscow: Indrik.
- Belova, O. V. (2004). “Narodnaia Bibliia”: Vostochnoslavianskie etiologicheskie legendy [Popular Bible: East-Slavic Etiological Legends]. Moscow: Indrik.
- Belova, O. V. (2019). Faraonki [Pharaohs]. In S. M. Tolstaya (Ed.), *Slavianskaia mifologija: entsiklopedicheskii slovar'* [Slavic Mythology: An Encyclopedia] (2nd ed., p. 480). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.
- Belova, O. V., & Kabakova, G. I. (2014). *U istokov mira: Russkie etiologicheskie skazki i legendy* [At the Origin of the World: Russian Etiological Fairy Tales and Legends]. Moscow: Forum; Neolit.
- Belova, O. V., & Kabakova, G. I. (2019). “Faraony” [“Pharaohs”]. In G. I. Kabakova (Ed.), *Vostochnoslavianskie etiologicheskie skazki i legendy: entsiklopedicheskii slovar'* [At the Origin

- of the World: Russian Etiological Fairy Tales and Legends: An Encyclopedia] (pp. 413–414). Moscow: Neolit.
- Berezovich, E. L. (2007). *Iazyk i traditsionnaia kul'tura. Etnolingvistiicheskie issledovaniia* [Language and Traditional Culture. Ethnolinguistic Studies]. Moscow: Indrik.
- Bernshtam, T. A. (2009). *Narodnaia kul'tura Pomor'ia* [Popular Culture of Pomorye]. Moscow: OGI.
- Blomkvist, E. E. (1956). Krest'ianskie postroiki russkikh, ukrainsev i belorusov (poseleniia, zhilishcha i khoziaistvennye stroeniia) [Peasant Buildings of Russians, Ukrainians, and Belarusians (Settlements, Dwellings, and Utility Structures)]. In S. A. Tokarev (Ed.), *Vostochnoslavianskii etnograficheskii sbornik. Ocherki narodnoi material'noi kul'tury russkikh, ukrainsev i belorusov v XIX — nachale XX v.* [East Slavic Ethnographic Collection. Essays on the Folk Material Culture of Russians, Ukrainians, and Belarusians in the 19th — Early 20th Century] (pp. 3–460). Moscow: Izd-vo AN SSSR.
- Cherepanova, O. A. (1983). *Mifologicheskaiia leksika Russkogo Severa* [Mythological Vocabulary of the Russian North]. Leningrad: Izd-vo LGU.
- Cherepanova, O. A. (1996). *Mifologicheskie rasskazy i legendy Russkogo Severa* [Mythological Tales and Legends of the Russian North]. St Petersburg: Izd-vo SPbGU.
- Cherepanova, O. A. (2005). *Kul'turnaia pamiat' v drevnem i novom slove: issledovaniia i ocherki* [Cultural Memory in Old and New Words: Studies and Essays]. St Petersburg: Izd-vo SPbGU.
- Chichagov, V. K. (1959). *Iz istorii russkikh imen, otchestv i familii (Voprosy russkoi istoricheskoi onomastiki XV–XVII vv.)* [From the History of Russian Given Names, Patronymics, and Surnames (Issues of Russian Historical Onomastics of the 15th–17th Centuries)]. Moscow: Gos. uch.-ped. izd-vo Min-va prosveshcheniia.
- Dikarev, M. A. (1899). *Zametki po istorii narodnoi botaniki* [Notes on the History of Folk Botany]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 1–2, 19–53.
- Dutchak, E. E. (2007). *Iz "Vavilona" v "Belovod'e": adaptatsionnye vozmozhnosti taezhnykh obshchin staroverov-strannikov (vtoraia polovina XIX — nachalo XXI v.)* [From "Babylon" to "Belovodie": Adaptive Capacities of Taiga Communities of Old Believer Wanderers (Second Half of the 19th — Early 21st Century)]. Tomsk: Tomsk University Press.
- Gordeeva, O. I., Olegovich, S. I., Okholina, N. M., & Palagina, V. V. (1981). *Vtorichnye zaimstvovaniia v govorakh Srednego Priob'ia* [Secondary Borrowings in the Dialects of the Middle Ob Region]. Tomsk: Tomsk University Press.
- Kachalov, N. (1959). *Steklo* [Glass]. Moscow: Izd-vo AN SSSR.
- Kalnev, M. A. (1911). *Russkie sektanty, ikh uchenie, kul't i sposoby propagandy* [Russian Sectarians: Their Doctrine, Cult, and Methods of Propagation]. Odessa: Tip. E. I. Fesenko.
- Kiselev, A. V. (2003). *Formirovanie i razvitie traditsionnykh religioznykh predstavlenii russkogo naseleniia Verkhnego Povolzh'ia v XIX–XX vv.* [Formation and Development of Traditional Religious Beliefs of the Russian Population of the Upper Volga Region in the 19th–20th Centuries] (Doctoral dissertation), Yaroslavl State University.
- Klibanov, A. I. (1965). *Istoriia religioznogo sektantstva v Rossii (60-e gody XIX v. – 1917 g.)* [History of Religious Sectarianism in Russia (1860s — 1917)]. Moscow: Nauka.
- Kralik, L. (2006). *Iz slovatskoi dialektnoi leksiki: deethnonymica* [From Slovak Dialect Vocabulary: Deethnonymica]. In A. F. Zhuravlev (Ed.), *Ad fontes verborum. Issledovaniia po etimologii i istoricheskoi semantike. K 70-letiiu Zhanny Zhanovny Varbot* [Ad fontes verborum. Studies in Etymology and Historical Semantics. To the 70th Anniversary of Zhanna Zhanovna Varbot] (pp. 461–468). Moscow: Indrik.
- Kuchko, V. S. (2021). *Faraony, anglichane i drugie prozvischa Terskogo berega* [Pharaohs, Englishmen, and Other Nicknames of the Tersky Coast]. In E. N. Bekasova, & V. I. Suprun

- (Eds.), *Onomastika Povolzh'ia* [Onomastics of the Volga Region] (pp. 140–146). Orenburg: Orenburgskaia kniga.
- Kuznetsova, V. S. (2012). O Moisee i “faraonakh”: fol’klornye i knizhnye versii siuzheta [On Moses and the “Pharaohs”: Folklore and Literary Versions of the Plot]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, 4, 5–14.
- Mikhailova, L. P. (2004). *Istoriia kraia v narodnom slove. Russkie govory Karelii* [Regional History in Folk Speech: Russian Dialects of Karelia]. Petrozavodsk: KGPU.
- Montet, P. (2000). *Povsednevnaia zhizn’ egiptian vo vremena velikikh faraonov* [Everyday Life of the Egyptians in the Times of the Great Pharaohs]. Moscow: Molodaia gvardiia; Palimpsest.
- Myznikov, S. A. (2019). *Russkii dialektnyi etimologicheskii slovar’. Leksika kontaktnykh regionov* [Russian Dialect Etymological Dictionary: Vocabulary of Contact Regions]. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Myznikov, S. A. (2021). *Russkie govory Belomor’ia v kontekste etnoiazykovogo vzaimodeistviia: opyt kompleksnogo issledovaniia* [Russian Dialects of the White Sea Region in the Context of Ethnolinguistic Interaction: A Comprehensive Study]. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Nagradov, I. S. (2008). *Starobriadcheskii mir Kostromskoi gubernii (II chetvert’ XIX — nachalo XX v.)* [The Old Believer World of Kostroma Province (Second Quarter of the 19th — Early 20th Century)]. Kostroma: Avantitul.
- Pomerantseva, E. V. (1975). *Mifologicheskie personazhi v russkom fol’klore* [Mythological Characters in Russian Folklore]. Moscow: Nauka.
- Radenkovic, L. (2008). Velikany, dikie i inye “chuzhie” liudi [Giants, Wild and Other “Alien” People]. *Etnolingvistyka: Problemy jazyka i kultury*, 20, 95–106.
- Samodelova, E. A. (2019). *Obraz rebenka i materi v riazanskom fol’klore i etnografii* [The Image of the Child and Mother in Ryazan Folklore and Ethnography] (Vol. 2). Ryazan: Ryazan Regional Scientific and Methodological Center of Folk Art.
- Shilov, A. L. (2008). *Materialy k slovariu rannikh pribaltiisko-finskikh, chudskikh i saamskikh zaimstvovanii russkogo iazyka* [Materials for a Dictionary of Early Baltic-Finnic, Chud, and Sami Borrowings in the Russian Language]. Moscow: Nauka, tekhnika, obrazovanie.
- Simpson, J., & Weiner, E. (Eds.). (1989). *The Oxford English Dictionary* (2nd ed., Vols. 1–20). Oxford; New York: Clarendon Press; Oxford University Press.
- Sinitsyna, L. V. (2019). Stekol’nye zavody Smolenshchiny v XIX–XXI vekakh [Glass Factories of the Smolensk Region in the 19th–21st Centuries]. In V. E. Dobrovolskaya, & A. B. Ippolitova (Eds.), *IV Vserossiiskii kongress fol’kloristov (Tula, 1–5 marta 2018 g.): sbornik nauchnykh statei* [4th All-Russian Congress of Folklorists (Tula, 1–5 March 2018)] (Vol. 2, pp. 99–105). Moscow: GRDNT im. V. D. Polenova.
- Tynyanov, Yu. N. (1926). *Arkhaisty i novatory* [Archaists and Innovators]. Leningrad: Priboi.
- Vlasova, I. V. (2015). *Russkii Sever: istoriko-kul’turnoe razvitie i identichnost’ naseleniia* [The Russian North: Historical and Cultural Development and Population Identity]. Moscow: IEA RAN.
- Vorontsova, Yu. B. (2002). *Kollektivnye prozvishcha v russkikh govorakh* [Collective Nicknames in Russian Dialects] (Doctoral dissertation). Ural State University, Ekaterinburg.
- Walter, H., & Mokienko, V. M. (2005). Russkie prozvishcha kak ob’ekt leksikografii [Russian Nicknames as an Object of Lexicography]. *Voprosy onomastiki*, 2, 52–69.
- Yukhimenko, E. M. (2002). *Iygovskaia starobriadcheskaia pustyn’: Dukhovnaia zhizn’ i literatura* [The Vyg Old Believer Hermitage: Spiritual Life and Literature] (Vol. 1). Moscow: Iazyki slavianskoi kul’tury.
- Zelenin, D. K. (1905). Velikorusskie narodnye prislov’ia kak material dlia etnografii [Great Russian Folk Sayings as Material for Ethnography]. *Zhivaia starina*, 1, 57–75.

https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2026.23.1.003
УДК 811.161.1'373.2 + 811.161.1'373.42 + 81'276.6 + 811.161.1'37 + 591.5:81.373.222

Евгения Николаевна Варникова

кандидат филологических наук, доцент кафедры общественных дисциплин, Вологодский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (160017, Вологда, ул. Ленинградская, 71)

E-mail: e-varnikova@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7612-1306>

О зоонимической терминологии

Аннотация

Термин *зооним*, вошедший в научный оборот в 1960-е гг., создан по продуктивной ономастической модели и является основным для самостоятельного раздела ономастики — зоонимики, которая изучает клички животных, закономерности их возникновения, развития и функционирования. В настоящее время зоонимика является наименее разработанной отраслью ономастики в сравнении с другими ее направлениями, прежде всего топонимикой и антропонимикой. Отсутствие поступательного развития зоонимики, нерегулярное применение термина *зооним* по прямому назначению повлияли на его употребление в современных работах по языкознанию. В статье рассматриваются особенности использования традиционного для ономастики термина *зооним* в современной отечественной лингвистической литературе, отмечается необоснованное расширение семантики этого термина, указывается на необходимость координирования его применения. По данным всех лингвистических словарей, он имеет одно-единственное значение — 'вид онима; собственное имя (кличка) животного'. Между тем наблюдается возрастание частотности употребления термина *зооним* по отношению к нарицательной лексике, обозначающей животных, что, безусловно, затрудняет его использование по прямому назначению, так как приводит к неразличению онимов и апеллятивов, разных во многих отношениях, требующих, соответственно, и разных подходов в изучении и описании; делает неопределенными границы и состав зоонимии; разрушает системные связи ономастической номенклатуры. В статье также анализируются перспективы создания и употребления видовых зоонимических наименований, которые все чаще появляются в работах по зоонимике последних лет. Отмечается приоритет создания таких терминов для обозначения имен домашних животных традиционных для России видов.

Ключевые слова

ономастическая терминология; координирование терминологии ономастики; зооним; зоонимия; зоонимикон; зоонимика; видовые зоонимические термины

Для цитирования

Варникова Е. Н. О зоонимической терминологии // Вопросы ономастики. 2026. Т. 23, № 1. С. 74–98. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2026.23.1.003

Рукопись поступила в редакцию 18.04.2025

Рукопись принята к печати 10.09.2025

© Варникова Е. Н., 2026

Evgeniya Nikolaevna VARNIKOVA

PhD, Associate Professor, Department of the Social Sciences, Vologda Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (71, Leningradskaya St., 160017 Vologda, Russia)

E-mail: e-varnikova@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7612-1306>

On Zoonymic Terminology

Abstract

In Russian linguistics, the term zoonym, introduced into scholarly use in the 1960s, was formed according to a productive onomastic model and serves as the key term for a distinct branch of onomastics — zoonymics, the study of animal names and of the patterns governing their emergence, development, and functioning. At present, however, zoonymics remains one of the least developed areas of onomastic research when compared with other branches, most notably toponymy and anthroponymy. The lack of sustained development in this field, together with the inconsistent use of the term zoonym in its proper sense, has influenced the way it is employed in contemporary linguistic scholarship. The article examines the use of this traditional onomastic term in modern Russian linguistic literature. It highlights the increasingly widespread and largely unjustified expansion of the term's semantic scope and argues for the need to coordinate and standardise its usage. According to linguistic dictionaries, zoonym has a single established meaning — ‘a type of proper name; the proper name (nickname) of an animal’. Nevertheless, the term is increasingly applied to common nouns denoting animals. Such usage inevitably complicates its application in its proper sense, as it leads to the confusion of onyms and appellatives, which differ in many respects and therefore require different methodological approaches to their analysis and description. It also blurs the boundaries and composition of zoonymy and disrupts the systemic relationships within onomastic terminology. The article further discusses the prospects for the development and use of more specific zoonymic terms, which have begun to appear with increasing frequency in recent studies in this field. Particular attention is given to the priority of developing such terms for the designation of the names of domestic animals belonging to species traditionally common in Russia.

Keywords

onomastic terminology; coordination of onomastic terminology; zoonym; zoonymy; zoonymicon; zoonymic studies; specific zoonymic terms

For citation

Varnikova, E. N. (2026). On Zoonymic Terminology. *Voprosy onomastiki*, 23(1), 74–98. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2026.23.1.003

Received on 18 April 2025

Accepted on 10 September 2025

Введение

При рассмотрении вопросов, связанных с формированием, функционированием и унификацией ономастической терминологии, основные затруднения обычно возникают по причине неоднозначного понимания терминов и/или их

определений в разных ономастических школах. Чаще всего эти затруднения вызывают наименования ономастических разрядов, интенсивное изучение которых началось лишь в последнее время: *хремотонимы*, *прагматонимы*, *дромонимы* и др. Однако и с терминами, ставшими в ономастике традиционными, могут быть связаны расхождения в их толковании и употреблении. «Такие расхождения являются следствием неодинаковой степени проработки теоретических подходов к именам собственным и разных мнений о них и представляют серьезное препятствие как для межъязыковых контрастных исследований, так и для дальнейшего развития принципов общей теории ономастики» [Гарвалик 2007: 6].

В статье рассматриваются особенности употребления традиционного для ономастики термина *зооним* в современной отечественной литературе по лингвистике, отмечается необоснованное расширение семантики этого термина, указывается на необходимость координирования его использования. Кроме того, анализируются перспективы создания и употребления видовых зоонимических наименований, которые все чаще появляются в работах по зоонимике последних лет.

Термин *зооним* ‘вид онима; собственное имя (кличка) животного’ является основным для самостоятельного раздела ономастики — зоонимики, изучающей зоонимы, закономерности их возникновения, развития, функционирования [Подольская 1988: 59; ЛЭС: 347, 473; РОиОР: 77–78]. Однако зоонимика значительно отстает от других ономастических дисциплин и в теоретическом, и в практическом отношении. Это отставание обнаружилось уже в период формирования ономастики как особой отрасли языкознания. В 1967 г. на первой конференции «Ономастика Поволжья» В. А. Никонов при определении перспектив развития новой науки и ее разделов с присущей ему прямотой отметил, что «зоонимика в нашей стране, можно сказать, еще не начиналась» [Никонов 1969: 272].

По общему признанию ономатологов, и в настоящее время зоонимика является наименее разработанной отраслью ономастики в сравнении с другими ее направлениями, прежде всего топонимикой и антропонимикой. К анализу зоонимов «лингвисты обращаются <...> спорадически, обследованные территории дисперсны, неравномерно изучены системы кличек в разных этнических группах» [Боброва 2021: 6]. Работы по зоонимике, большая часть которых относится к концу XX в., написаны преимущественно в жанре статей. Насколько известно, пока на материале кличек животных выполнены только три диссертационных исследования. Это диссертации Т. П. Романовой «Система русских официальных иппонимов и формирование ее типологических черт» [Романова 1988], Е. В. Гусевой «Социально-культурные

факторы номинации (на материале современных городских зоонимов)» [Гусева 2004] и О. А. Васильевой «Ономастическое поле зоонимов с гиперсемой “свинья”» [Васильева 2019]. В трех диссертациях зоонимия, наряду с антропонимией и топонимией, рассматривается как часть региональных ономастических систем. Это диссертации Д. Б. Лугового [2003], Т. Б. Кузнецовой [2005] и М. Ю. Беляевой [2010], посвященные описанию русской ономастики разных районов Ставропольского края. Отставание в развитии зоонимической теории ученые связывают со сложностями фиксации фактического материала, «собрать который гораздо труднее, чем топонимический и антропонимический, ибо клички животных, находящихся в личном владении, нигде не фиксируются, а собрать большой материал с помощью опроса сложно» [Поротников 1972: 211].

Такое положение дел в зоонимике усугубляют, проявляясь в ней наиболее отчетливо, общеономастические проблемы: «спад в развитии теории ономастики и утрата престижности ономастических исследований», «отрыв ономастической теории от конкретного материала», «“антифункциональное” рассмотрение ономастической системы и др.» [Березович 2001: 34].

Отсутствие поступательного развития зоонимики, нерегулярное использование термина *зооним* по прямому назначению повлияли на его употребление в современных работах по языкознанию.

Вкратце проследим историю этого термина.

О термине *зооним*

По свидетельству Н. Г. Рядченко, термин *зооним* вошел в лингвистическое употребление в начале 1960-х гг. и заменил слово *кличка* как обозначение собственных имен животных [Рядченко 1994: 77]. Слово *зооним* создано по продуктивной в ономастике модели и состоит из греческих по происхождению компонентов *зоо-* (< греч. ζῷον ‘животное’) и *оним* (< греч. ὄνυμα ‘собственное имя’). По этой же модели, как известно, созданы и другие родовые и видовые ономастические термины: *антропоним* ‘любое собственное имя, которое может иметь человек (или группа людей), в том числе личное имя, отчество, фамилия, прозвище, псевдоним, криптоним, кличка, андроним, гинеконим, патроним’ [Подольская 1988: 31]; *топоним* ‘собственное имя природного объекта на Земле, а также объекта, созданного человеком на Земле, который четко зафиксирован в данном регионе (город, деревня, обработанный участок земли, территория как часть государства, коммуникация и т. п.), в том числе гидроним, ойконим, ороним, спелеоним, хороним, урбаноним, дромоним, агрооним, дримоним, инсулоним, некроним’ [Там же: 127] и др.

Необходимо подчеркнуть, что терминологический элемент *оним* определяется как имя собственное — ‘слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта из ряда подобных, индивидуализируя и идентифицируя данный объект’ [ЛЭС: 473; Подольская 1988: 91; РЯЭ: 288]. Этот элемент является категориальным показателем принадлежности любого термина к ономастической номенклатуре.

В 1970-е гг. термин *зооним* активно используется в работах по зоонимике. При этом авторы отмечают его однозначность. Так, П. Т. Поротников пишет:

Термин *зооним* однозначен. Это кличка любого животного, птицы или иного живого существа. Однако слово *зооним* не обладает необходимой гибкостью по сравнению с термином *кличка*; нельзя сказать: «коровьи, лошадиные, собачьи и т. п. зоонимы» или «зоонимы коров»¹ [Поротников 1972: 212].

Однозначную трактовку этот термин получает и в вышедшем в 1978 г. «Словаре ономастической терминологии» Н. В. Подольской:

Зооним — вид онима. Собственное имя (кличка) животного, в том числе домашнего, содержащегося в зоологическом саду, «работающего» в цирке, в охране, подопытного или дикого [Подольская 1978: 58–59].

Аналогичным образом рассматриваются зоонимы в «Лингвистическом энциклопедическом словаре»:

К собственным именам относятся антропонимы (собственные имена людей), топонимы (собственные имена географических объектов), теонимы (собственные имена божеств), зоонимы (собственные имена (или клички) животных)... [ЛЭС: 473].

В специальном словаре «Русская ономастика и ономастика России», опубликованном в 1994 г., зоонимам посвящаются две статьи — «Зоонимика» и «Зоонимия русская» [РОиОР: 77–84]. Первая статья начинается словами «Зоонимика — наука о зоонимах, собственных именах (кличках) животных» [Там же: 77], во второй говорится, что «термин *зоонимия* в отличие от *зоонимика* означает совокупность собственных имен животных» [Там же: 78–79]. Как вид онимов зоонимы трактуются в энциклопедии «Русский язык»:

...класс зоонимов составляют клички животных: лошадь *Бойцун*, лев *Кинули*, попугай *Лима*, собака *Букет* (большая часть объектов фауны имен собственных не имеет) [РЯЭ: 289].

¹ К сожалению, некоторые современные авторы так говорят.

Эта точка зрения представлена и в пособии для учителя «Современный русский язык: словарь-справочник» Л. Л. Касаткина, Е. В. Клобукова и П. А. Леканта:

Собственные имена — индивидуальные названия, служащие для выделения данного объекта из ряда подобных. К ним относятся: антропонимы, топонимы, а также зоонимы — клички животных: *Барсик, Мурка* [Касаткин и др. 2004: 39].

Таким образом, все указанные словари единодушно относят зоонимы к именам собственным и фиксируют одно-единственное значение — ‘клички животных’. Попутно отметим, что и производное прилагательное *зоонимический* ‘относящийся к зоонимике’ [Подольская 1988: 60] также однозначно, поэтому словосочетание *зоонимическая лексика* обозначает клички животных, а не их нарицательные наименования.

Между тем с конца 1980-х гг., когда научный интерес к кличкам животных пошел на спад и сократилось количество работ по зоонимике, термин *зооним* начинает употребляться в вымышленном, не фиксируемом в словарях значении ‘нарицательное название животного’. Особенно активно использование этого термина в таком значении наблюдается в публикациях, посвященных зоометафорам во фразеологии разных языков:

Объектом нашего исследования являются фразеологизмы, включающие в свой состав компонент-зооним, т. е. субстантивный компонент, обозначающий представителей фауны. Термин «зооним», распространенный в лингвистике, является общим наименованием всех существ, способных двигаться и ощущать (млекопитающих, птиц, рыб, земноводных и пресмыкающихся) [Малафеева 1989: 5];

Реферируемая работа посвящена комплексному анализу анималистической фразеологии русского языка. Материал диссертации составили анималистические фразеологические единицы с компонентом-зоонимом (название животного) — *стреляный воробей, не тяни kota за хвост, как с гуся вода, воловь² нервы, хоть волком вой, черепаший шаг* и т. п. [Бирюкова 1990: 3].

Эта тенденция прослеживается и в диссертациях начала XXI в.:

Предметом исследования являются единицы с компонентом-зоонимом в английском и русском языках. В литературе употребляются синонимичные определения, сегментарно совпадающие: анимализмы, зоонимы, орнитонимы³.

²Как видно, автор считает «зоонимами» и притяжательные прилагательные, образованные от нарицательных названий животных.

³Данные термины не могут быть синонимами: слова *зооним* и *орнитоним* находятся в родовых отношениях.

Дефиниция термина *зооним* включает в себя все номинации, связанные с животным миром, в том числе признаки существ живой природы⁴ [Тишкина 2008: 3]

и мн. др.

Обычно у термина *зооним* постулируются два или даже три значения: 'название животного', 'кличка животного', 'эмоционально-оценочная характеристика человека':

Большинство ученых приходят к мнению, что наиболее удобным при выявлении этнокультурной специфики зоонимической лексики, характеризующей человека, является термин «зооним», понимаемый как лексико-семантический вариант слова, выступающий в качестве родового названия животного, и как метафоричное именование при анализе лексики с точки зрения эмоционально-оценочной характеристики человека, эталонным носителем которого для языкового сознания людей выступает определенный представитель фауны [Каланаш 2009: 94];

Термин «зооним» является самым удобным и универсальным, потому что так можно назвать лексему, отражающую не только видовые названия животных в качестве семантического стержня, но и их переносные значения при метафоризации, передающие национально-культурную специфику. К зоонимам можно отнести как наименования и клички домашних животных, так и названия диких зверей, птиц, грызунов, включая обозначения мифологических животных [Николаева 2022: 10]⁵.

Количество подобных статей и диссертаций исчисляется уже десятками, если не сотнями. В. И. Супрун приводит список таких публикаций и указывает на расплывчатость или даже сомнительность с точки зрения лингвистики определений, которые дают некоторые авторы термину *зооним* [Супрун 2015: 116–117].

Во многих случаях даются совершенно разные дефиниции термина *зооним*. Но этот факт авторов нисколько не смущает и не вызывает у них желания заглянуть в лингвистические словари. Правда, данные словарей иногда приводятся, однако интерпретируются как частное мнение составителей:

По мнению Н. В. Подольской, «зооним — это собственное имя (кличка) животного...» [Николаева 2022: 15].

⁴Под признаками автор подразумевает такие номинации, как *крыло*, *лапа*, *перо* и пр. (см. об этом далее).

⁵Это первое положение, выносимое автором на защиту.

Для подкрепления предлагаемой ими точки зрения авторы ссылаются на работы известных ученых:

О. Н. Трубачев изучал зоонимы в славянских языках [Николаева 2022: 18].

Книга О. Н. Трубачева, однако, как известно, называется «Происхождение названий домашних животных в славянских языках (Этимологические исследования)» [Трубачев 1960], и ни в названии, ни в тексте книги термин *зооним* для обозначения нарицательных наименований животных не употребляется. Более того, под редакцией О. Н. Трубачева вышел в свет словарь «Русская ономастика и ономастика России», где зоонимам уделяется особое внимание: кроме указанных ранее статей Н. Г. Рядченко «Зоонимика» и «Зоонимия русская», в нем есть еще большая статья Л. М. Щетинина «Клички лошадей» [РОиОР: 107–114]⁶. В предисловии главного редактора О. Н. Трубачев отмечает клички животных (зоонимию) среди других онимических классов (русских отчеств, фамилий донского казачества, теонимов и др.), «никогда прежде не освещавшихся в энциклопедиях» [Там же: 5].

Расплывчатыми становятся не только новые определения термина *зооним*, но и границы «зоонимии». Авторы работ рассматриваемой тематики почему-то не задумываются о том, что собственные и нарицательные имена животных различны по объему и составу номинируемых реалий: нарицательные названия имеют все известные человеку представители фауны, а собственные имена — только домашние животные и звери, так или иначе связанные с человеком (экзотические дикие животные, которые содержатся в домашних условиях,

⁶Случаи некорректного или даже неверного цитирования научной классики нередко встречаются в публикациях на рассматриваемую тему. Так, У. К. Кадыркулова в статье «Фразеологические единицы с компонентом-зоонимом в русском и кыргызском языках» пишет:

Под термином «фразеологизм с компонентом-зоонимом» мы подразумеваем как собственно зоонимы, т. е. фразеологизмы, имеющие в своем составе названия птиц, насекомых, грызунов, т. е. всех существ живой природы. Мы включаем в эту категорию и фразеологизмы, в составе которых имеются лексические единицы, использующиеся для наименования признаков существ живой природы, как-то «хвост, перо и т. п.» [Кадыркулова 2020: 181], —

и дает ссылку на [Телия 2004] без указания страницы. В приведенной в списке литературы статье В. Н. Телия не употребляется термин *зооним* и не говорится о хвостах и перьях [см.: Там же: 19–29]. В. М. Каменская в статье «Особенности стержневых компонентов зооморфных фразеологизмов в испанском и русском языках» отмечает:

Вслед за Телия под зоонимами мы понимаем лексические единицы, являющиеся прямыми наименованиями животных [Каменская 2007: 89].

В тексте статьи ссылки отсутствуют, в списке литературы есть указания на две монографии под редакцией В. Н. Телия, но в принадлежащих перу исследовательницы главах этих монографий о зоонимах не говорится, термин *зооним* не употребляется [см.: Телия 1988: 26–52; 1991: 5–35, 26–66].

звери в цирках, зоопарках и т. п.). В состав «наименований-зоонимов» включаются такие слова, как *крыло, лапа, перо, пух, хвост, чешуя, яйцо* [Тишкина 2008: 13, 15], а также притяжательные прилагательные, образованные от названий животных [Бирюкова 1990: 3]. Если добавить сюда же нарицательные названия животных, употребленные в качестве характеристик людей, то получается какое-то невообразимо хаотичное множество.

Сфера использования термина *зооним* в «модифицированном» значении неуклонно расширяется, постепенно в нее включаются все исследования, так или иначе связанные с названиями фауны:

Объект исследования — названия животных (зоонимы) трех языков (русского, французского и немецкого)... [Солнцева 2004: 3];

Термин *зооним* применяется в работе по отношению к нарицательным именам существительным, обозначающим как название животного (прямое значение), так и его употребление в метафорической функции (переносное значение — «о человеке») [Болгова 2021: 5]

и др.

Многочисленны публикации, заголовки которых включают в себя компоненты «зооним *блоха...*», «зооним *воробей...*», «зооним *индейка...*», «зооним *кот / кошка...*», «зооним *лошадь...*», «зооним *медведь...*», «зооним *собака...*» и под. Авторы этих публикаций часто уже не дают каких-либо комментариев к подобному терминопотреблению, принимая его как данное, ссылки на словари также отсутствуют. Иногда вместо словарных трактовок термина приводятся отсылки к более ранним работам, где термин *зооним* уже использовался применительно к нарицательной лексике:

Под зоонимом в данной статье вслед за О. В. Лавровой понимается «лексико-семантический вариант слова, выступающий в роли родового названия животного, и метафоричное именование при анализе лексики с точки зрения характеристики человека» [Яковлева 2019: 94].

Использование термина *зооним* в таком «расширенном» значении вызывает правомерный протест ономастологов [Супрун 2015: 116–117; Ковалев 2022а: 27; 2022б: 224], поскольку приводит к неразличению собственных и нарицательных имен, разных во многих отношениях, требующих разных подходов в изучении и описании.

Расширение семантики данного термина разрушает системные связи ономастической номенклатуры: распадаются словообразовательные пары *зооним* — *зоонимия* ‘совокупность зоонимов’ [Подольская 1988: 60] (ср.: *антропоним* — *антропонимия*, *топоним* — *топонимия* и т. д.), *зооним* — *зоонимика*

‘раздел ономастики, изучающий зоонимы, закономерности их возникновения, развития’ [Подольская 1988: 60] (ср.: *антропоним* — *антропонимика*, *топоним* — *топонимика* и т. д.), *зоонимика* — *зоонимикон*⁷ ‘список зоонимов’ [Там же] (ср.: *ономастика* — *ономастикон*, *антропонимика* — *антропонимикон*, *топонимика* — *топонимикон* и т. д.).

Некоторые термины, прошедшие апробацию в зоонимических исследованиях, применительно к именам нарицательным просто утрачивают свой смысл: *антропозооним* ‘зооним, образованный от любого антропонима’: *Васька* (кот), *Базилий* (кот), *Ада*, *Джим*, *Ирма*, *Ральф* (служебные собаки); *топозооним* ‘зооним, образованный от любого топонима’: *Байкал* (собака), *Зоя* (кошка), *Дунай*, *Дон*, *Волга* (корова, лошадь) [Подольская 1988: 59]; *городская зоонимия* ‘клички животных, функционирующие в городах’, *сельская зоонимия* ‘клички животных, функционирующие в сельской местности’ [Шмелева 2013: 56], *реальная зоонимия* ‘клички животных, функционирующие в реальности’, *литературная зоонимия* ‘клички животных, функционирующие в произведениях литературы’ [Там же: 59]; и др.

Не совсем понятно, зачем исследователям нарицательных названий животных и фразеологических зоометафор понадобился ономастический термин: в их работах нет недостатка в номенклатуре, напротив, наблюдается избыток, при этом разные авторы используют разные термины: *анималистическая лексика*, *анималистический компонент*, *анималистический фразеологизм*, *анималионим*, *анимализм*, *зоолексика*, *зооним*, *зоонимный компонент*, *зоонимический компонент*, *зоонимосодержащая лексема*, *зоофразеологическая единица*, *зоохарактеристика*, *зооморфный образ*, *зооморфический элемент*, *зоологизм*, *зоосемизм*, *зооморф*, *зооморфизм*, *фауноним*⁸, *фразеологический зооним* и др. [Дорогайкина 2020: 3; Бабанова, Воробьева 2022: 152; Николаева 2022: 14–15]. Безусловно, это терминологическое множество требует упорядочения. Р. А. Карам в статье «Термины зооним и зоологизм и их различительные признаки» определяет, на наш взгляд, четкие критерии для разграничения номинаций *зооним*, *зоологизм*, *зооморфизм*, *зооморфное слово*, *зооморф* [Карам 2009: 271–278]. Термин *зоологизм* представляется и нам наиболее приемлемым для обозначения нарицательных названий животных⁹.

⁷Отдельные авторы умудряются использовать даже производные зоонимические термины для обозначения нарицательных названий животных: см., например, [Иванищева, Митина 2015] (заголовочные слова словарных статей — *белка*, *волк*, *заяц*, *лиса*, *лось*, *медведь*, *олень*, *собака*).

⁸Как видно, некоторые из приведенных терминов созданы по ономастическим моделям, что тоже нельзя признать правильным.

⁹Одноструктурный видовой термин *гиппологизм* используется, например, в работах Г. Ф. Одинцова, посвященных изучению истории гиппологической лексики [см.: Одинцов 1978; 1980].

Термин *зооним* называется «дискуссионным», выделяются два подхода к его определению — узкий (его именуют ономастическим или ономатологическим) и широкий (иногда он почему-то называется лексико-семантическим), отмечается «специфический дуализм» термина: «он вмещает в себя и ономатологический, и апеллятивный смыслы» [Николаева 2022: 14]. Беспредметной «дискуссии» о термине *зооним* посвящаются специальные статьи, количество этих статей, к сожалению, возрастает. В одной из статей уже провозглашается новая наука — «инвективная зоонимика» [Осадчук 2016: 1150]. В результате совмещения в термине *зооним* несовместимых «ономатологического и апеллятивного смыслов» размывается его понятие, термин перестает быть термином и требует, как отмечают сами пишущие, «дополнительных уточнений в конкретных речевых актах и ситуациях» [Николаева 2022: 14].

Нельзя не согласиться с мнением М. Гарвалика:

Неопределенная терминология не может удовлетворительно выполнять свои функции. С течением времени, однако, термины уточняются и стабилизируются, но если этот процесс не будет координироваться, то стабилизация станет долгосрочным процессом с неопределенным результатом. Поэтому употребляемая терминология должна стать результатом коллективной работы и соглашения или же можно предусматривать ее обязательное закрепление законом [Гарвалик 2007: 8].

И если бы такой закон существовал, то по отношению к терминам *зооним*, *зоонимика*, *зоонимикон*, *зоонимия* его следовало бы ввести в действие незамедлительно.

О видовых зоонимических терминах

Видовые зоонимические термины появляются во втором издании «Словаря ономастической терминологии» Н. В. Подольской. Их два: *гиппоним* (< греч. ἵπλος ‘лошадь’ + греч. ὄνομα ‘собственное имя’) ‘вид зоонима; кличка лошади’: *Булат, Звездочка, Апрелька, Ягода, Шайтан* [Подольская 1988: 51] и *киноним* (< греч. κύων, κύωνος ‘собака’ + греч. ὄνομα ‘собственное имя’) ‘вид зоонима; кличка собаки’: *Лютня, Ругай, Леди, Ганс* [Там же: 65]. Появление этих терминов не было случайным: клички лошадей и собак в 1970–1980-е гг. были в поле внимания ученых. Термины *гиппоним* и *киноним* представлены в самостоятельных словарных статьях.

Термин *гиппоним* / *иппоним*¹⁰ функционирует в настоящее время в двух этих вариантах. Первый вариант воспринимается уже как устаревший

¹⁰Для обозначения собственных имен лошадей предлагались также номинации *эквоним* и *кабаллоним* [Линко 1989: 7; Беляева 2016: 46], но они не получили практического применения.

(ср. совр. *ипподром*, *иппология*), но иногда употребляется в соответствии с традицией научных исследований второй половины XX в., если они используются в рамках одной публикации. Кличкам лошадей посвящены работы Л. М. Щетинина [1966: 176–180; 1994], Т. П. Романовой [1988], Т. Н. Чибирова [2018] и др. Благодаря указанным исследованиям установлены основные мотивировочные признаки, лежащие в основе иппонимов, определена производящая база русской иппонимии, описаны основные способы образования иппонимов и пр. Нужно отметить, что в большей мере изучена официальная иппонимия — паспортные клички породистых лошадей. Почти не исследована сельская иппонимия — клички колхозных и совхозных лошадей, которые начиная с 1960-х гг. были постепенно ликвидированы в связи с механизацией сельскохозяйственного труда. В последние десятилетия этот вид зоонимов исчезает бесследно, поэтому очень важно успеть собрать и изучить хотя бы то, что сохранилось. Не менее актуальны выявление и анализ архивной иппонимии XVI–XX вв.

Русские кинонимы стали предметом специального рассмотрения в работах Л. М. Щетинина [1966: 181–184], Н. Г. Дубовой [1980], Е. М. Николаенко [2010], С. А. Залужанской, О. С. Попцовой и Т. В. Шереметы [2019], Н. А. Бородиной [2019], И. В. Островерхой [2024] и др. В результате была выявлена зависимость кинонимии от породного состава животных, описаны особенности кличек некоторых видов служебных и охотничьих собак. Кинонимы других видов изучены еще недостаточно. Актуальны также описания региональных кинонимиконов, дальнейшие исследования исторической и литературной кинонимии.

В статье, посвященной родовому термину *зооним*, Н. В. Подольская отмечает:

...могут быть предложены термины для животных различных семейств, например *бизонтонимы* — клички бизонов, *кинонимы* — клички собак, *гиппонимы* — клички лошадей, *орнитонимы* — клички птиц, *инсектонимы* — имена насекомых и т. д., но зоонимика еще недостаточно разработанная область, чтобы применить и выделить все эти термины как самостоятельные, кроме терминов *гиппоним*, *киноним* [Подольская 1988: 59].

Как показал дальнейший ход событий, термин *бизонтоним* не был востребован — очевидно, по причине экзотичности этих животных для нашей страны. В настоящее время в России проводится восстановление популяции бизонов на территории Сибири. В питомниках, заповедниках и зоопарках бизоны, по-видимому, имеют клички, но работ, где бы они рассматривались, пока нет.

Термины *орнитоним* и *инсектоним*, к сожалению, повторяют печальную судьбу термина *зооним*: они используются по отношению к нарицательным именам птиц и насекомых. За последние десятилетия появились сотни работ о фразеологизмах, содержащих в своем составе названия пернатых. Также многочисленны публикации, заголовки которых включают в себя компоненты «орнитоним *аист...*», «орнитоним *ворона...*», «орнитоним *гусь...*», «орнитоним *кукушка...*», «орнитоним *курица...*», «орнитоним *орел...*», «орнитоним *петух...*», «орнитоним *соловей...*», «орнитоним *утка...*» и под. Специальных исследований, посвященных настоящим орнитонимам — кличкам птиц, к сожалению, пока нет, хотя в региональных зоонимических материалах они, конечно же, фиксируются. Множится, приближаясь к сотенным показателям, и количество работ, в которых используется термин *инсектоним*¹¹. Как правило, они из той же сферы: «Фразеологизмы с компонентом-инсектонимом в...», «инсектоним *блоха...*», «инсектоним *мошка...*», «инсектоним *муравей...*», «инсектоним *муха...*», «инсектоним *оса...*», «инсектоним *пчела...*», «инсектоним *паук...*»¹² и др. До изучения реальных инсектонимов / энтономимов, полагаем, еще далеко, но на сайтах «энтомофилов» такой материал уже имеется.

Таким образом, из всего перечня предложенных Н. В. Подольской видовых зоонимических терминов по прямому назначению используются только два — *гиппоним* и *киноним*¹³.

В словаре «Русская ономастика и ономастика России» ряд видовых зоонимических наименований пополняется термином *фелиноним* (< лат. *felis* ‘кошка’ + греч. *ὄνομα* ‘собственное имя’) [РОиОР: 77]. Термин *фелиноним* используется как в комплексных зоонимических описаниях, так и в специальных работах, посвященных зоонимам данного вида [Гусева 2002; Боброва, Посохина 2021; Энгель 2024; Завьялова 2024; Медведева 2024; и др.]. Он фиксируется также в пособиях по ономастике [Сызранова 2013: 176; Шмелева 2013: 56]. Нужно отметить, что клички кошек в последние годы все чаще привлекают внимание исследователей. Анализируются мотивы номинации животных и способы образования их имен [Островерхая 2023а; 2023б],

¹¹ Хотелось бы заменить его на греческий по происхождению аналог *энтомоним* (< греч. *εντομα* ‘насекомое’ + греч. *ὄνομα* ‘собственное имя’), чтобы привести в соответствие с названием науки о насекомых — *энтомологии*.

¹² Так сказать нельзя и с точки зрения зоологии: пауки не относятся к насекомым, а составляют особый зоологический класс.

¹³ Но и эти термины, к сожалению, начинают употребляться по отношению к нарицательным именам. См., например, словарь П. В. Романца, где собраны слова, так или иначе связанные с содержанием и использованием лошадей, но нет кличек этих животных [Романец 2024].

выявляются новые тенденции в именовании кошек [Медведева Д., Медведева Т. 2024]. Для обозначения кличек кошек некоторые авторы используют еще один термин — *фелисоним*. Этот термин впервые был предложен в работе Т. В. Линко [1989: 7], но в дальнейшем он не был востребован. Лишь в 2016 г. термин *фелисоним* фиксируется в пособии Г. Б. Мадиевой и В. И. Супруна [2016: 92], а также в статье М. Ю. Беляевой, которая указывает на возникшую дублетность номинаций, обусловленную выбором латинских производящих наименований подсемейства и рода кошачьих [Беляева 2016: 45]. В работах И. В. Островерхой предпочтение отдается термину *фелисоним*, что мотивируется более точным соблюдением биологической систематики:

...термин «фелиноним» соотносится с латинским названием *Felinae*, используемым для обозначения подсемейства малых кошек, к которому наряду с домашними кошками относятся также гепарды, каракалы, мраморные кошки, катопумы, южноамериканские и азиатские кошки, сервалы, рыси, манулы, пумы, ягуарунди. В свою очередь, термин «фелисоним» восходит к латинскому названию *Felis catus*. Таким образом, термины «фелиноним» и «фелисоним» находятся в гиперо-гипонимических отношениях [Островерхая 2023б: 400].

Мотивы выбора гипонима *фелисоним* вполне понятны, непонятна цель: де-факто речь идет о замене одного термина другим, причем дублетным. Целесообразность такой замены, на наш взгляд, весьма сомнительна. Во-первых, термин *фелиноним*, прошедший апробацию временем, уже является единицей ономастической номенклатуры. Во-вторых, он соответствует продуктивной терминологической модели и идеально соотносится с названием науки о домашних кошках: *фелиноним* — *фелинология*. Такое соотношение прослеживается в других видовых наименованиях зоонимики и способствует их узнаваемости: *иппоним* — *иппология*, *киноним* — *кинология*, *орнитоним* — *орнитология*. В-третьих, родо-видовая пара *фелиноним* / *фелисоним* избыточна. Термин *фелиноним* в случае предполагаемой замены оказывается ненужным: в природе гепарды, каракалы и пр. кличек не имеют, для описания нетипичных случаев содержания некоторых видов малых кошек в домашних условиях он вряд ли будет востребован. Следовательно, ничего, кроме путаницы, такое противопоставление терминов не привносит, поэтому, думается, вполне достаточно только наименования *фелиноним*.

Для обозначения одного из основных видов сельской зоонимии — кличек коров — был предложен ранее термин *вакконим* (< лат. *vassa* ‘корова’ + греч. ὄνομα ‘собственное имя’) [Варникова 2010: 312]. Как правило, зоонимы этого вида анализируются в общей массе кличек животных той или иной местности [Поротников 1972; Мокиенко, Фонякова 1976; Романова, Салмина

2003; Боброва, Посохина 2021]. Специальные работы, в которых рассматриваются видовые характеристики кличек коров, пока единичны. Между тем этот материал требует безотлагательного сбора и изучения: в связи с запустением огромного количества деревень на многих территориях России клички коров выходят из активного употребления.

Клички быков отличаются от кличек коров некоторыми мотивами номинации, производящей базой, структурно-семантическими моделями, что, по-видимому, обусловлено особенностями содержания и хозяйственного использования этих животных. Очевидно, под воздействием указанных причин в научный оборот вводится особый термин для номинации кличек быков — *тавроним* (< лат. *taurus* ‘бык’ + греч. ὄνομα ‘собственное имя’) [Кутачева 2022]. В такой форме термин невольно ассоциируется с нарицательным *тавро* ‘клеймо, выжигаемое на коже, рогах или копытах сельскохозяйственных животных как отличительный знак данного животного’. Подобные ассоциации для ономастической номенклатуры нежелательны [Васильева 2014: 374]. На наш взгляд, в случае востребованности этого термина была бы уместнее более близкая к латинскому источнику его форма — *тауроним*. Возможно, по причине различий между кличками коров и быков общий термин *бооним*, предлагавшийся для обозначения кличек крупного рогатого скота [Линко 1989: 7], не получил впоследствии широкого применения.

В статьях об ономастической номенклатуре приводятся и другие видовые зоонимические термины: *порконим* ‘кличка свиньи’¹⁴ (термин предлагается болгарскими ономатологами) [Супрун 2011: 135], *капроним* ‘кличка козла’, *овоним* ‘кличка барана’ [Беляева 2016: 45]. Однако в описаниях сельской зоонимии эти термины не употребляются: клички животных соответствующих видов являются периферийными, характеризуются ограниченным репертуаром, у стадных животных встречаются редко, их функции обычно выполняют подзывные слова. Тем не менее сбор и изучение периферийных классов сельских зоонимов крайне необходимы: наряду с кличками лошадей и коров, относящимися к ядерной зоне, клички свиней, коз и овец исчезают из активного употребления.

В связи с увеличением разнообразия представителей фауны, содержащихся в домашних условиях, в статье М. Ю. Беляевой предлагается ряд новых видовых зоонимических наименований:

Конструирование нами недостающих зоономенов, за отсутствием таковых в классических ономастических источниках, дало следующие результаты:

¹⁴Клички свиней предлагалось также называть словом *судоним* [Линко 1989: 7], но термин не был использован в дальнейшем.

крицетонимы, от рода *Cricetulus* ‘Хомячки’ (собственные имена хомячков); *мусонимы*, от рода *Mus* ‘Мышь’ (собственные имена мышей); *муронимы* / *муринонимы* от подсемейства *Murinae* ‘Мышиные’; *мустелонимы*, от рода *Mustela* ‘Хорьки’ (собственные имена хорьков); *ратонимы*, от рода *Rattus* ‘Настоящие крысы’ (собственные имена серых и черных крыс); *тестудонимы*, от отряда *Testudines* ‘Черепахи’ (собственные имена черепах) [Беляева 2016: 46–47].

Изучение кличек всех этих животных, конечно же, актуально и интересно, но конструирование видовых зоонимических терминов, как показывает практика, дело неблагодарное: термины, созданные в кабинетных условиях, при отсутствии качественного сбора и описания зоонимов соответствующих видов оказываются нежизнеспособными.

Безусловно, «появление новых терминов — неизбежное следствие научного прогресса» [Супрун 2011: 134], но зоонимику пока трудно назвать прогрессирующей отраслью отечественной ономастики. Сбор и изучение конкретного зоонимического материала для ее современного состояния являются первостепенными задачами. По-видимому, на данном этапе создание новых видовых зоонимических наименований нецелесообразно: термины, обозначающие клички животных традиционных для нашей страны видов, имеются. Необходимо использовать эти термины по прямому назначению. И совершенно недопустимо создание по ономастическим моделям новых наименований для обозначения нарицательных названий животных: «зоонимы-родентонимы», «зоонимы-рептилионимы» и пр. [Николаева 2022: 226, 237].

Заключение

В связи с использованием номенклатурных наименований зоонимики по отношению к нарицательным названиям животных ее терминологическая система в сравнении с терминологиями других ономастических дисциплин еще десять лет назад определялась как «наименее устойчивая» [Супрун 2015: 116]. На фоне резкого увеличения в последние годы количества публикаций, посвященных общим названиям представителей фауны, и расширения пагубной практики ошибочного использования терминов зоонимики она рискует остаться без собственной номенклатуры, что, безусловно, не будет способствовать ее развитию и межъязыковым контрастивным исследованиям кличек животных.

Вопреки распространенному мнению об отсутствии теоретической и практической значимости изучения зоонимов подчеркнем, что зоонимия заслуживает не меньшего внимания, нежели какой-либо иной класс ономастической лексики. По своему информационному потенциалу она ничуть не уступает

другим классам имен собственных. Современная зоонимия отражает многие процессы, происходящие в языке в настоящее время. Историческая зоонимия хранит в себе факты, связанные с последовательным развитием языка и общества.

Источники

- Касаткин Л. Л., Клобуков Е. В., Лекант П. А.* Современный русский язык : словарь-справочник : пособие для учителя. М. : Просвещение, 2004.
- ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Сов. энциклопедия, 1990.
- Мадиева Г. Б., Супрун В. И.* Теоретические основы ономастики : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Алматы : Казак. университети, 2016.
- Подольская Н. В.* Словарь русской ономастической терминологии. М. : Наука, 1978.
- Подольская Н. В.* Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Наука, 1988.
- РОиОР — Русская ономастика и ономастика России : словарь / под ред. О. Н. Трубачева. М. : Школа-Пресс, 1994.
- РЯЭ — Русский язык : энцикл. / гл. ред. Ю. Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Большая Российская энциклопедия : Дрофа, 1997.
- Сызранова Г. Ю.* Ономастика : учеб. пособие. Тольятти : Изд-во ТГУ, 2013.
- Шмелева Т. В.* Ономастика : учеб. пособие. Славянск-на-Кубани : Изд. центр филиала ФГБОУ ВПО «КубГУ», 2013.

Исследования

- Бабанова С. Ю., Воробьева П. Н.* Понятие «зооморфизм» и особенности употребления зооморфизмов в немецком языке // Наукосфера. 2022. № 9 (2). С. 150–155.
- Беляева М. Ю.* Ономастикон западных районов Краснодарского края: полисистемный аспект : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Ставроп. гос. ун-т. Ставрополь, 2010.
- Беляева М. Ю.* Проблемы зоонимической терминологии // Проблемы общей и региональной ономастики : материалы X Междунар. науч. конф. / гл. ред. Р. Ю. Намитокова. Майкоп : РИО АГУ, 2016. С. 45–48.
- Березович Е. Л.* Русская ономастика на современном этапе: критические заметки // Известия АН. Сер. литературы и языка. 2001. Т. 60, № 6. С. 34–46.
- Бирюкова Н. В.* Анималистическая фразеология русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ташкент. гос. ун-т. Ташкент, 1990.
- Боброва М. В.* Современный сельский зоонимикон в деривационном аспекте // Вестник Пермского университета. 2021. Т. 13, № 2. С. 5–13. <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2021-2-5-13>
- Боброва М. В., Посохина Ю. Ю.* Зоонимы Троельжанского сельского поселения Пермского края: принципы номинации // Филология в XXI веке. 2021. № 2 (8). С. 45–52.
- Болгова Е. В.* Зоонимы русского языка в современном речевом употреблении: семантико-прагматический подход : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Мурман. арктич. гос. ун-т. Мурманск, 2021.
- Бородина Н. А.* Зоонимия произведений М. М. Пришвина // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2019. № 3 (34). С. 10–17.

- Варникова Е. Н. Вакконимы как зоонимический класс // Ономастика Поволжья : сб. материалов XII Междунар. науч. конф. (Казань, 14–16 сентября 2010 г.) / под ред. И. А. Гилязова. Казань : Отечество, 2010. С. 312–316.
- Васильева Н. В. О координировании ономастической терминологии // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 2 (1). С. 373–377.
- Васильева О. А. Ономастическое поле зоонимов с гиперсемой «свинья» : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Башкир. гос. ун-т. Уфа, 2019.
- Гарвалик М. К вопросу о современной ономастической терминологии // Вопросы ономастики. 2007. № 4. С. 5–13.
- Гусева Е. В. Традиционные и частотные клички животных в языковой картине мира современного горожанина // Вестник Московского университета. Сер. 9 : Филология. 2002. № 4. С. 91–104.
- Гусева Е. В. Социально-культурные факторы номинации (на материале современных городских зоонимов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Моск. гос. ун-т. М., 2004.
- Дорогайкина Е. М. Языковая репрезентация зоонимов в художественном тексте: диахронический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2020.
- Дубова Н. Г. Некоторые особенности кличек охотничьих собак // Вопросы ономастики. Вып. 14 / под ред. А. К. Матвеева. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1980. С. 145–149.
- Завьялова Е. Е. Фелинонимы как тренд ТикТок // Ономастика Поволжья : материалы XXII Междунар. науч. конф. (Саратов, 26–29 сентября 2024 г.) / под ред. Н. И. Данилиной, В. И. Супруна. Саратов : Сарат. гос. мед. ун-т, 2024. С. 363–366.
- Залужанская С. А., Попцова О. С., Шеремета Т. В. Употребление зоонимов в служебной кинологии // Ономастика Поволжья : материалы XVII Междунар. науч. конф. (Великий Новгород, 17–20 сентября 2019 г.) / под ред. В. Л. Васильева. Великий Новгород : Печатный двор, 2019. С. 433–437.
- Иванищев О. Н., Митина О. С. Зоонимикон кильдинского диалекта саамского языка : учеб. культурологический словарь. Мурманск : МГГУ, 2015.
- Кадыркулова У. К. Фразеологические единицы с компонентом-зоонимом в русском и кыргызском языках // Вестник Иссык-Кульского университета. 2020. № 18. С. 181–185.
- Каланаиш О. П. Двойственный аспект зоонима в лингвокультурологии // Lingua mobilis. 2009. № 5 (19). С. 91–94.
- Каменская В. М. Особенности стержневых компонентов зооморфных фразеологизмов в испанском и русском языках // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. : Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 2 (2). С. 89–92.
- Карам Р. А. Термины *зооним* и *зоологизм* и их различительные признаки // И. А. Бунин и русский мир : материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 75-летию присуждения Нобелевской премии писателю (23–25 октября 2008 г.) / отв. ред. Е. Т. Атаманова. Елец : ЕГУ, 2009. С. 271–278.
- Ковалев Г. Ф. Особенности зоонимов в творчестве Л. Н. Толстого // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. : Филология. Журналистика. 2022а. № 4. С. 27–31.
- Ковалев Г. Ф. Особенности зоонимов в творчестве русских писателей // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования / под ред. А. М. Мезенко. Витебск : Изд-во Витеб. гос. ун-та им. П. М. Машерова, 2022б. С. 223–229.
- Кузнецова Т. Б. Русский ономастикон Ставропольского края как фрагмент языковой картины мира (на материале антропо-, топо- и зоонимов Шпаковского, Кочубеевского и Грачевского районов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ставроп. гос. ун-т. Ставрополь, 2005.

- Кутачева А. Ю.* Некоторые вопросы зоонимии быков (на примере племенных центров Смоленской, Могилевской и Гродненской областей) // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования / под ред. А. М. Мезенко. Витебск : Изд-во Витеб. гос. ун-та им. П. М. Машерова, 2022. С. 374–377.
- Линко Т. В.* Зоонимы в казахском и русском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.06; 10.02.01 / Ин-т языкознания АН КазССР. Алма-Ата, 1989.
- Луговой Д. Б.* Русский ономастикон Ставропольского края : на материале антропо-, топо- и зоонимии Северо-Западного региона : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ставроп. гос. ун-т. Ставрополь, 2003.
- Малафеева Е. Р.* Семантическая структура фразеологизмов с компонентом-зоонимом в современном русском литературном языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ленингр. гос. ун-т им. А. И. Герцена. Л., 1989.
- Медведева Д. И.* Семантический перенос в номинации (на материале российских фелинонимов) // Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики : сб. науч. тр. VII Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. М. Яхина. Елабуга : [б. и.], 2024. С. 262–266.
- Медведева Д. И., Медведева Т. С.* Лингвокреативная деятельность номинатора в российских фелинонимах // Многоязычие в образовательном пространстве. 2024. Т. 16, № 2 (21). С. 197–205. <https://doi.org/10.35634/2500-0748-2024-16-2-197-205>
- Мокиенко В. М., Фоякова О. И.* Способы называния в зоонимии // Ономастика Поволжья. Вып. 4 / отв. ред. В. А. Никонов, Н. Ф. Мокшин. Саранск : Морд. гос. ун-т им. Н. П. Огарева, 1976. С. 317–322.
- Николаева Н. В.* Функционирование зоонимов в сравнениях и метафорах разносистемных языков (на материале русского, чувашского, английского и немецкого языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Чуваш. гос. ун-т. Чебоксары, 2022.
- Николаенко Е. М.* Отражение межкультурных особенностей обозначения признаков действия в кличках охотничьих собак // Лингвистический вестник. 2010. Вып. 6. С. 62–67.
- Никонов В. А.* Нерешенные вопросы ономастики Поволжья // Ономастика Поволжья : материалы I Поволж. конф. по ономастике / отв. ред. В. Ф. Барашков, В. А. Никонов. Ульяновск : [б. и.], 1969. С. 265–274.
- Одинцов Г. Ф.* К истории русских гиппологических цветообозначений // Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка / отв. ред. Р. И. Аванесов. М. : Наука, 1978. С. 172–221.
- Одинцов Г. Ф.* Из истории гиппологической лексики в русском языке. М. : Наука, 1980.
- Осадчук Н. В.* Зооним как оскорбление в русском, французском и немецком языках // Молодой ученый. 2016. № 8 (112). С. 1150–1152.
- Островецкая И. В.* Трансонимизация как процесс образования фелисонимов // Филология и культура. 2023а. № 4 (74). С. 48–57. <https://doi.org/10.26907/2782-4756-2023-74-4-48-57>
- Островецкая И. В.* Фелисонимы: мотивы номинации // Преподаватель XXI век. 2023б. № 3 (2). С. 398–411. <https://doi.org/10.31862/2073-9613-2023-3-398-411>
- Островецкая И. В.* Кинонимы космического отряда // Вестник Самарского университета. Сер. : История, педагогика, филология. 2024. Т. 30, № 4. С. 172–180. <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-4-172-180>
- Поротников П. Т.* Из уральской зоонимии // Восточнославянская ономастика / отв. ред. А. В. Суперанская. М. : Наука, 1972. С. 210–250.
- Романец П. В.* Мир лошади. Словарь ипсонимов русского языка. Кострома : КОПИР, 2024.

- Романова Т. П. Система русских официальных иппонимов и формирование ее типологических черт : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 1988.
- Романова Т. П., Салмина О. В. Традиционный пласт русской зоонимии (на материале кличек животных с. Покровка Самарской области) // Proceedings of the 3rd International Congress of Dialectologists and Geolinguists (Lublin, 24–29 July 2000). Vol. 1 / ed. by S. Warchol. Lublin : Maria Curie-Skłodowska University Press, 2003. S. 221–231.
- Рядченко Н. Г. Зоонимика. Зоонимия русская // Русская ономастика и ономастика России : словарь / под ред. О. Н. Трубачева. М. : Школа-Пресс, 1994. С. 77–84.
- Солнцева Н. В. Сопоставительный анализ зоонимов русского, французского и немецкого языков в этносемантическом аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Омск. гос. пед. ун-т. Омск, 2004.
- Супрун В. И. Размышления над ономастической терминологией // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. : Филологические науки. 2011. № 8 (62). С. 133–138.
- Супрун В. И. Архивная зоонимия: материалы колхозных документов, содержащие клички животных // Диалог культур: Россия — Польша : материалы междунар. науч. конф. (Смоленск, 20–22 ноября 2014 г.) / отв. ред. В. С. Картавенко. Смоленск : Маджента, 2015. С. 116–127.
- Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте / отв. ред. В. Н. Телия. М. : Наука, 1988. С. 26–52.
- Телия В. Н. Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности. М. : Наука, 1991.
- Телия В. Н. Культурно-языковая компетенция, ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках / под ред. Э. М. Береговской. М. : Языки славянской культуры, 2004. С. 19–29.
- Тишкина Д. А. Фразеологические единицы с компонентом-зоонимом в английском и русском языках: сопоставительный анализ : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Татар. гос. гум.-пед. ун-т. Казань, 2008.
- Трубачев О. Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках (Этимологические исследования). М. : Изд-во АН СССР, 1960.
- Чибиров Т. Н. Классификация иппонимов в осетинской, русской и английской лингвокультурах // Вестник Владикавказского научного центра. 2018. Т. 18, № 1. С. 10–18. <http://doi.org/10.23671/VNC.2018.1.12019>
- Щетинин Л. М. Слова, имена, вещи: очерки об именах. Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1966.
- Щетинин Л. М. Клички лошадей // Русская ономастика и ономастика России : словарь / под ред. О. Н. Трубачева. М. : Школа-Пресс, 1994. С. 107–114.
- Энгель Е. И. Фелинонимы в русском языке: лексико-семантический анализ // Вопросы права. 2024. № 2. С. 171–175.
- Яковлева Е. С. Компонент-зооним *turkey* (индейка) через призму английских фразеологических единиц // Известия Чеченского государственного университета им. А. А. Кадырова. 2019. № 1 (13). С. 93–98.

References

- Babanova, S. Yu., & Vorobyova, P. N. (2022). Poniatie “zoomorfizm” i osobennosti upotrebleniia zoomorfizmov v nemetskom iazyke [The Notion of Zoomorphism and the Use of Zoomorphisms in German]. *Naukosfera*, 9(2), 150–155.
- Belyaeva, M. Yu. (2010). *Onomastikon zapadnykh raionov Krasnodarskogo kraia: polisistemnyi aspekt* [Onomasticon of the Western Areas of the Krasnodar Region: A Polysystemic Aspect] (Doctoral dissertation). Stavropol State University, Stavropol.
- Belyaeva, M. Yu. (2016). Problemy zoonimicheskoi terminologii [Issues in Zoonymic Terminology]. In R. Yu. Namitokova (Ed.), *Problemy obshchei i regional'noi onomastiki: materialy XI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Issues in General and Regional Onomastics: Proceedings of the 10th International Conference] (pp. 45–48). Maikop: RIO AGU.
- Berezovich, E. L. (2001). Russkaia onomastika na sovremennom etape: kriticheskie zametki [Russian Onomastics at the Current State of its Development: Critical Notes]. *Izvestiia AN. Ser. literatury i iazyka*, 60(6), 34–46.
- Biryukova, N. V. (1990). *Animalisticheskaiia frazeologiiia russkogo iazyka* [Anomalistic Phraseology of the Russian Language] (Doctoral dissertation). Tashkent State University, Tashkent.
- Bobrova, M. V. (2021). Sovremennyi sel'skii zoonimikon v derivatsionnom aspekte [Contemporary Rural Zoonymicon: A Derivational Aspect]. *Vestnik Permskogo universiteta*, 13(2), 5–13. <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2021-2-5-13>
- Bobrova, M. V., & Posokhina, Yu. Yu. (2021). Zoonimy Troel'zhanskogo sel'skogo poseleniia Permskogo kraia: printsipy nominatsii [Zoonymy of Troelzhansky Rural Settlement, Perm Region: Principles of Naming]. *Filologiiia v XXI veke*, 2, 45–52.
- Bolgova, E. V. (2021). *Zoonimy russkogo iazyka v sovremennom rechevom upotreblenii: semantiko-pragmaticheskii podkhod* [Russian Zoonymy in Current Speech Use: Semantic and Pragmatic Approach] (Doctoral dissertation). Murmansk Arctic University, Murmansk.
- Borodina, N. A. (2019). Zoonimiia proizvedenii M. M. Prishvina [Zoonymy in the Works of Mikhail Prishvin]. *Aktual'nye voprosy sovremennoi filologii i zhurnalistiki*, 3, 10–17.
- Chibirov, T. N. (2018). Klassifikatsiia ipponimov v osetinskoii, russkoi i angliiskoi lingvokul'turakh [A Classification of Ipponyms in Ossetian, Russian, and English Linguocultures]. *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra*, 18(1), 10–18. <http://doi.org/10.23671/VNC.2018.1.12019>
- Dorogaikina, E. M. (2020). *Iazykovaia reprezentatsiia zoonimov v khudozhestvennom tekste: diakhronicheskii aspekt* [Zoonyms in a Literary Text: A Diachronic Aspect] (Doctoral dissertation abstract). Voronezh State University, Voronezh.
- Dubova, N. G. (1980). Nekotorye osobennosti klichek okhotnich'ikh sobak [Some Features of the Names of Hunting Dogs]. In A. K. Matveyev (Ed.), *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics] (Iss. 14, pp. 145–149). Sverdlovsk: Ural University Press.
- Engel, E. I. (2024). Felinonimy v russkom iazyke: leksiko-semanticheskii analiz [Russian Cat Names: Lexical and Semantic Analysis]. *Voprosy prava*, 2, 171–175.
- Guseva, E. V. (2002). Traditsionnye i chastotnye klichki zhivotnykh v iazykovoii kartine mira sovremennogo gorozhanina [Frequent Traditional Animal Names in the Language Worldview of a Modern City Dweller]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9: Filologiiia*, 4, 91–104.
- Guseva, E. V. (2004). *Sotsial'no-kul'turnye faktory nominatsii (na materiale sovremennykh gorodskikh zoonimov)* [Social and Cultural Factors of Naming (Based on Modern City Animal Names)] (Doctoral dissertation abstract). Moscow State University, Moscow.
- Harvalík, M. (2007). K voprosu o sovremennoi onomasticheskoi terminologii [On Modern Onomastic Terminology]. *Voprosy onomastiki*, 4, 5–13.

- Ivanishcheva, O. N., & Mitina, O. S. (2015). *Zoonimikon kil'dinskogo dialekta saamskogo iazyka: uchebnyi kul'turologicheskii slovar'* [Zoonymy in the Kildinsky Dialect of the Sami Language: A Dictionary]. Murmansk: MGPU.
- Kadyrkulova, U. K. (2020). Frazеологические единицы с компонентом-зоонимом в русском и кыргызском языках [Phraseological Units Containing a Zoonym in Russian and Kyrgyz]. *Vestnik Issyk-Kul'skogo universiteta*, 18, 181–185.
- Kalanash, O. P. (2009). Dvoistvennyi aspekt zoonima v lingvokul'turologii [The Twofold Nature of Zoonyms in Linguistic Anthropology]. *Lingua mobilis*, 5, 91–94.
- Kamenskaya, V. M. (2007). Osobennosti sterzhnevnykh komponentov zoomorfnykh frazeologizmov v ispanskom i russkom iazykakh [Some Features of the Components in Russian and Spanish Phraseological Units Containing Zoonyms]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*, 2, 89–92.
- Karam, R. A. (2009). Terminy *zoonim* i *zoologizm* i ikh razlichitel'nye priznaki [The Terms *Zoonym* and *Zoologism* and Their Distinct Features]. In E. T. Atamanova (Ed.), *I. A. Bunin i russkii mir: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (23–25 oktiabria 2008 g.)* [Ivan Bunin and Russian World: Proceedings of the Conference] (pp. 271–278). Elets: EGU.
- Kovalev, G. F. (2022a). Osobennosti zoonimov v tvorchestve L. N. Tolstogo [Peculiarities of Zoonyms in Leo Tolstoy's Works]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya. Zhurnalistika*, 4, 27–31.
- Kovalev, G. F. (2022b). Osobennosti zoonimov v tvorchestve russkikh pisatelei [Features of Zoonyms in Russian Writers' Works]. In A. M. Mezenko (Ed.), *Regional'naia onomastika: problemy i perspektivy issledovaniia* [Regional Onomastics: Problems and Prospects of Research] (pp. 223–229). Vitebsk: Vitebsk State University named after P. M. Masherov Press.
- Kutacheva, A. Yu. (2022). Nekotorye voprosy zoonimii bykov (na primere plemennykh tsentrov Smolenskoi, Mogilevskoi i Grodnenskoi oblastei) [Some Issues in Bull Names (Based on Data from the Breeding Farms of the Smolensk, Mogilev, and Grodno Regions)]. In A. M. Mezenko (Ed.), *Regional'naia onomastika: problemy i perspektivy issledovaniia* [Regional Onomastics: Problems and Prospects of Research] (pp. 374–377). Vitebsk: Vitebsk State University named after P. M. Masherov Press.
- Kuznetsova, T. B. (2005). *Russkii onomastikon Stavropol'skogo kraia kak fragment iazykovoï kartiny mira (na materiale antropo-, topo- i zoonimov Shpakovskogo, Kochubeevskogo i Grachevskogo raionov)* [Russian Onomasticon of the Stavropol Region (Based on Athropo-, Topo- and Zoonymy of the Shpakovsky, Kochubeevsky, and Grachevsky Districts)] (Doctoral dissertation). Stavropol State University, Stavropol.
- Linko, T. V. (1989). *Zoonimy v kazakhskom i russkom iazykakh* [Zoonymy in the Russian and Khazakh Languages] (Doctoral dissertation). Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of Kazakh SSR, Almaty.
- Lugovoy, D. B. (2003). *Russkii onomastikon Stavropol'skogo kraia: na materiale antropo-, topo- i zoonimii Severo-Zapadnogo regiona* [Russian Onomasticon of the Stavropol Region: Based on Athropo-, Topo- and Zoonymy of the North-Western Area] (Doctoral dissertation). Stavropol State University, Stavropol.
- Malafeyeva, E. R. (1989). *Semanticheskaiia struktura frazeologizmov s komponentom-zoonimom v sovremennom russkom literaturnom iazyke* [Semantic Structure of Phraseological Units Containing Zoonyms in the Modern Russian Language] (Doctoral dissertation). Herzen Leningrad State University, Leningrad.
- Medvedeva, D. I. (2024). Semanticheskii perenos v nominatsii (na materiale rossiiskikh felinonimov) [Semantic Shifts in Naming (Based on Russian Felinonyms)]. In A. M. Yakhina (Ed.),

- Sovremennye problemy filologii i metodiki prepodavaniia iazykov: voprosy teorii i praktiki* [Problems of Contemporary Philology and Language Teaching Methods: Theory and Practice] (pp. 262–266). Elabuga: [s. n.].
- Medvedeva, D. I., & Medvedeva, T. S. (2024). Lingvokreativnaia deiatel'nost' nominatora v rossiiskikh felinonimakh [Linguistic Creativity in Cats' Naming Practices in Russia]. *Mnogoiazychie v obrazovatel'nom prostranstve*, 16(2), 197–205. <https://doi.org/10.35634/2500-0748-2024-16-2-197-205>
- Mokienko, V. M., & Fonyakova, O. I. (1976). Sposoby nazyvaniia v zoonimii [Naming Modalities in Zoonymy]. In V. A. Nikonov, & N. F. Mokshin (Eds.), *Onomastika Povolzh'ia* [Onomastics of the Volga Region] (Iss. 4, pp. 317–322). Saransk: N. P. Ogarev Mordovia State University.
- Nikolaenko, E. M. (2010). Otrazhenie mezhkul'turnykh osobennosti oboznachenii priznakov deistviia v klichkakh okhotnich'ikh sobak [Ways of Expressing Action Modalities in Dog Names]. *Lingvisticheskii vestnik*, 6, 62–67.
- Nikolaeva, N. V. (2022). *Funktsionirovanie zoonimov v sravneniiakh i metaforakh raznosistemnykh iazykov (na materiale russkogo, chuvashskogo, angliiskogo i nemetskogo iazykov)* [Zoonyms in Comparative Constructions and Metaphors in the Russian, Chuvash, English, and German Languages] (Doctoral dissertation). Chuvash State University, Cheboksary.
- Nikonov, V. A. (1969). Nereshennye voprosy onomastiki Povolzh'ia [Unsolved Problems of the Onomastics of the Volga Region]. In V. F. Barashkov, & V. A. Nikonov (Eds.), *Onomastika Povolzh'ia* [Onomastics of the Volga Region] (pp. 265–274). Ulyanovsk: [s. n.].
- Odintsov, G. F. (1978). K istorii russkikh gippologicheskikh tsvetooboznachenii [Towards the History of Russian Colour Names Related to Horses]. In R. I. Avanesov (Ed.), *Issledovaniia po slovoobrazovaniuu i leksikologii drevnerusskogo iazyka* [Studies in Word-formation and Lexicology of the Old Russian Language] (pp. 172–221). Moscow: Nauka.
- Odintsov, G. F. (1980). *Iz istorii gippologicheskoi leksiki v russkom iazyke* [From the History of Hippological Vocabulary in the Russian Language]. Moscow: Nauka.
- Osadchuk, N. V. (2016). Zoonim kak oskorblenie v russkom, frantsuzskom i nemetskom iazykakh [Insulting Zoonyms in the Russian, French, and German Languages]. *Molodoi uchenyi*, 8, 1150–1152.
- Ostroverkhaya, I. V. (2023a). Transonimizatsiia kak protsess obrazovaniia felisonimov [Transonymization as a Process of Felisonym Formation]. *Philology and Culture*, 4, 48–57. <https://doi.org/10.26907/2782-4756-2023-74-4-48-57>
- Ostroverkhaya, I. V. (2023b). Felisonimy: motivy nominatsii [Felisonyms: Motives for Nomination]. *Prepodavatel XXI vek*, 3(2), 398–411. <https://doi.org/10.31862/2073-9613-2023-3-398-411>
- Ostroverkhaya, I. V. (2024). Kinonimy kosmicheskogo otriada [Cynonyms of the Space Squad]. *Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology*, 30(4), 172–180. <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-4-172-180>
- Porotnikov, P. T. (1972). Iz ural'skoi zoonimii [From the Uralic Zoonymy]. In A. V. Superanskaya (Ed.), *Vostochnoslavianskaia onomastika* [East Slavic Onomastics] (pp. 210–250). Moscow: Nauka.
- Ryadchenko, N. G. (1994). Zoonimika. Zoonimiiia russkaia [Zoonymy. Russian Zoonymy]. In O. N. Trubachev (Ed.), *Russkaia onomastika i onomastika Rossii: slovar'* [Russian Onomastics and Onomastics of Russia: A Dictionary] (pp. 77–84). Moscow: Shkola-Press.
- Romanets, P. V. (2024). *Mir loshadi. Slovar' ipponimov russkogo iazyka* [A Dictionary of Russian Hipponyms]. Kostroma: KOPIR.
- Romanova, T. P. (1988). *Sistema russkikh ofitsial'nykh ipponimov i formirovanie ee tipologicheskikh chert* [The System of Russian Official Hipponyms and the Development if its Typological Features] (Doctoral dissertation). Voronezh State University, Voronezh.

- Romanova, T. P., & Salmina, O. V. (2003). Traditsionnyi plast russkoi zoonimii (na materiale klichek zivotnykh s. Pokrovka Samarskoi oblasti) [Traditional Russian Zoonymy (Based on Animal Names of the Pokrovka Village, Samara Region)]. In S. Warchol (Ed.), *Proceedings of the 3rd International Congress of Dialectologists and Geolinguists (Lublin, 24–29 July 2000)* (Vol. 1, pp. 221–231). Lublin: Maria Curie-Sklodowska University Press.
- Shchetinin, L. M. (1966). *Slova, imena, veshchi: ocherki ob imenakh* [Words, Names, Things: Essays on Names]. Rostov-on-Don: Rostov University Press.
- Shchetinin, L. M. (1994). Klichki loshadei [Horse Names]. In O. N. Trubachev (Ed.), *Russkaia onomastika i onomastika Rossii: slovar'* [Russian Onomastics and Onomastics of Russia: A Dictionary] (pp. 107–114). Moscow: Shkola-Press.
- Solntseva, N. V. (2004). *Sopostavitel'nyi analiz zoonimov russkogo, frantsuzskogo i nemetskogo iazykov v etnosemanticheskom aspekte* [A Comparative Analysis of Zoonyms in Russian, French, and German Languages: An Ethnosemantic Aspect] (Doctoral dissertation). Omsk State Pedagogical University, Omsk.
- Suprun, V. I. (2011). Razmyshleniia nad onomasticheskoi terminologiei [Reflections upon Onomastic Terminology]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Ser.: Filologicheskie nauki*, 8, 133–138.
- Suprun, V. I. (2015). Arkhivnaia zoonimii: materialy kolkhoznykh dokumentov, soderzhashchie klichki zivotnykh [Archival Zoonymy: An Analysis of Animal Names Attested in Archival Documents of Collective Farms]. In V. S. Kartavenko (Ed.), *Dialog kul'tur: Rossiia — Pol'sha* [A Dialogue of Cultures: Russia — Poland] (pp. 116–127). Smolensk: Magenta.
- Teliya, V. N. (1988). Metafora kak model' smysloproizvodstva i ee ekspressivno-otsenochnaia funktsiia [Metaphor as a Model of Creating Meaning: Its Expressive and Evaluative Functions]. In V. N. Teliya (Ed.), *Metafora v iazyke i tekste* [Metaphor in Language and Text] (pp. 26–52). Moscow: Nauka.
- Teliya, V. N. (1991). *Chelovecheskii faktor v iazyke: iazykovye mekhanizmy ekspressivnosti* [Human Factor in Language: Linguistic Mechanisms of Expressivity]. Moscow: Nauka.
- Teliya, V. N. (2004). Kul'turno-iazykovaia kompetentsiia, ee vysokaiia veroiatnost' i glubokaia sokrovennost' v edinitsakh frazeologicheskogo sostava iazyka [Linguo-cultural Competence as Reflected in Phraseological Units of a Language]. In E. M. Beregovskaya (Ed.), *Kul'turnye sloi vo frazeologizmakh i diskursivnykh praktikakh* [Cultural Stratification in Phraseology and Discursive Practices] (pp. 19–29). Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.
- Tishkina, D. A. (2008). *Frazeologicheskie edinitsy s komponentom-zoonimom v angliiskom i russkom iazykakh: sopostavitel'nyi analiz* [Phraseological Units Containing a Zoonym in the English and Russian Languages: A Comparative Analysis] (Doctoral dissertation). Tatar State University of Humanities and Education, Kazan.
- Trubachev, O. N. (1960). *Proiskhozhdenie nazvanii domashnikh zivotnykh v slavianskikh iazykakh (Etimologicheskie issledovaniia)* [The Origin of Nouns Designating Domestic Animals in Slavic Languages]. Moscow: Izd-vo AN SSSR.
- Varnikova, E. N. (2010). Vakkonimy kak zoonimicheskii klass [Vacconyms as a Category of Zoonyms]. In I. A. Giliazova (Ed.), *Onomastika Povolzh'ia* [Onomastics of the Volga Region] (pp. 312–316). Kazan: Otechestvo.
- Vasilyeva, N. V. (2014). O koordinirovanii onomasticheskoi terminologii [On Coordinating Onomastic Terminology]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2 (1), 373–377.
- Vasilyeva, O. A. (2019). *Onomasticheskoe pole zoonimov s gipersemoi "svin'ia"* [Onomastic Field of Zoonyms Containing the Generic Seme 'Pig'] (Doctoral dissertation). Bashkir State University, Ufa.

- Yakovleva, E. S. (2019). Komponent-zoonim *turkey* (*indeika*) cherez prizmu angliiskikh frazeologicheskikh edinits [The Zoonym *turkey* in English Phraseological Units]. *Izvestiia Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. A. Kadyrova*, 1, 93–98.
- Zaluzhanskaya, S. A., Poptsova, O. S., & Sheremeta, T. V. (2019). Upotreblenie zoonimov v sluzhebnoi kinologii [The Use of Zoonyms in Service Dog Training]. In V. L. Vasilyev (Ed.), *Onomastika Povolzh'ia* [Onomastics of the Volga Region] (pp. 433–437). Veliky Novgorod: Pechatnyi dvor.
- Zavyalova, E. E. (2024). Felinonimy kak trend TikTok [Felinonymy as a TikTok Trend]. In N. I. Danilina, & V. I. Suprun (Eds.), *Onomastika Povolzh'ia* [Onomastics of the Volga Region] (pp. 363–366). Saratov: Saratov State Medical University.

https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2026.23.1.004

UDC 81'373.211.5 + 811.222.6(560:567) + 811.512.161(560) + 323.73 + 316.722

Süleyman KASAP

PhD, Associate Professor, Department of English Language Teaching, Van Yuzuncu Yil University
(Bardakçı, Yüzüncü Yıl Üniversitesi Kampüsü, 65090 Tuşba/Van Türkiye)

Email: suleymankasap@yyu.edu.tr

<https://orcid.org/0000-0001-8367-8789>

Between Two Names: A Study of Kurdish Naming Practices and Identity in Türkiye

Abstract

This study explores the experiences of Kurdish individuals in Van, Türkiye, who were given both Kurdish and Turkish names by their parents. Twelve participants, aged 43 to 56 (6 men and 6 women), were interviewed to understand how this practice shaped their sense of self and culture. Utilizing a qualitative, phenomenological approach, the interviews focused on why their parents chose to give them two names, the emotional effects of having two names, and how it impacted their Kurdish identity. The findings showed that this dual naming practice was a direct parental strategy for navigating state-led assimilationist policies. Consequently, many participants used their Turkish names in public as a protective mechanism to avoid discrimination and secure access to education and employment. In contrast, their Kurdish names were cherished as important, intimate symbols of cultural pride and heritage, used within the private sphere of family and community. Some participants reported internalizing a sense of fear or shame about their Kurdish identity due to pervasive negative perceptions and securitization of Kurds in Turkish society. Despite these challenges, many expressed a deep, resilient sense of pride in their Kurdish roots and harbored hope for positive changes in the future, particularly energized by recent political shifts that might offer greater recognition of Kurdish culture and language. This study highlights the complex, dualistic relationship between naming and identity, revealing how anthroponomic practices serve as a site of both struggle and resilience for Kurdish individuals navigating an often-marginalizing societal landscape.

Keywords

socio-onomastics; anthropological linguistics; anthroponymy; dual naming; Kurdish identity; cultural resistance; Türkiye

For citation

Kasap, S. (2026). Between Two Names: A Study of Kurdish Naming Practices and Identity in Türkiye. *Voprosy onomastiki*, 23(1), 99–115. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2026.23.1.004

Received on 15 February 2025

Accepted on 23 April 2025

© Kasap S., 2026

Сулейман КАСАП

PhD, доцент кафедры методики преподавания английского языка, Университет Ван Юзюнчу Ыыл (Bardakçı, Yüzüncü Yıl Üniversitesi Kampüsü, 65090 Tuşba/Van Türkiye)

E-mail: suleymankasap@yyu.edu.tr

<https://orcid.org/0000-0001-8367-8789>

Между двух имен: практики именованья и конструирование идентичности у курдов Турции

Аннотация

Данная статья посвящена исследованию социокультурной ситуации, в которой представители курдского населения турецкого города Ван получают от родителей как курдские, так и турецкие имена. В исследовании приняли участие 12 респондентов в возрасте от 43 до 56 лет (шесть мужчин и шесть женщин). Цель автора статьи — выявить, каким образом наличие у человека двух имен — турецкого и курдского — влияет на формирование индивидуальной и коллективной идентичности. Использовался качественный феноменологический подход, в рамках интервью обсуждались три ключевых вопроса: мотивы родителей, обусловившие выбор двух имен; эмоциональные последствия наличия двух имен; влияние данного явления на курдскую идентичность респондентов. Результаты показали, что двуименность — осознанная родительская стратегия, ставшая ответом на проводимую государством политику ассимиляции. В публичной сфере большинство участников исследования используют турецкие имена в качестве защитного механизма, позволяющего избежать дискриминации и получить доступ к образованию и трудоустройству. В то же время курдские имена продолжают служить маркерами культурной принадлежности и символами этнической гордости, значимыми элементами внутрисемейного и внутригруппового общения. Часть респондентов отметила, что в результате общественного давления и бытующих в социуме негативных стереотипов о курдах у них сформировалось чувство страха или стыда, связанное с собственной этнической принадлежностью. Тем не менее многие участники подчеркивали чувство гордости своими курдскими корнями, а также выражали надежду на позитивные изменения, обусловленные недавними политическими трансформациями, которые могут способствовать признанию курдской культуры и языка. Исследование высвечивает сложный, двунаправленный характер взаимосвязи между именованьем и идентичностью и демонстрирует, что антропонимические практики функционируют как пространство одновременно символической борьбы и культурной преемственности в условиях маргинализирующего социального контекста.

Ключевые слова

социономастика; антропологическая лингвистика; антропонимия; двуименность; курдская идентичность; культурное сопротивление; Турция

Для цитирования

Kasap S. Between Two Names: A Study of Kurdish Naming Practices and Identity in Türkiye // Вопросы ономастики. 2026. Т. 23, № 1. С. 99–115. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2026.23.1.004

Рукопись поступила в редакцию 15.02.2025

Рукопись принята к печати 23.04.2025

1. Introduction

The practice of dual naming — where individuals use different names in varying social contexts — is not unique to any single culture but rather a widespread sociolinguistic strategy found across historical and geographical settings. While existing scholarship often examines Kurdish dual naming in Türkiye through the lens of ethnic discrimination and state repression, this study situates the phenomenon within a broader theoretical framework, emphasizing its typological relevance across cultures. Dual naming arises from diverse motivations, including spiritual and secular distinctions (e.g., African ritual names), colonial impositions vs indigenous resistance (e.g., Native American autonyms), migration-driven identity negotiation (e.g., Chinese diaspora naming practices), and even everyday social hierarchies (e.g., Russian formal and diminutive name forms). By engaging with anthropological literature — such as Fredrik Barth’s work on ethnic boundary-making, James C. Scott’s concept of “hidden transcripts”, and Jean Jackson’s studies on indigenous naming as resistance — this analysis moves beyond a narrow focus on discrimination to explore how dual naming functions as a dynamic tool for navigating complex identity landscapes. In doing so, the discussion not only enriches the understanding of Kurdish naming practices but also contributes to comparative scholarship on onomastic strategies worldwide.

Names are more than mere identifiers; they are deeply embedded in cultural, political, and social structures, serving as markers of belonging, resistance, or adaptation. The Kurdish case, where individuals may conceal ethnic names under state pressure while preserving them in private, exemplifies a pattern seen in other marginalized communities. For instance, Native American and First Nations peoples often retain traditional names within their communities while using state-imposed legal names in official contexts — a duality reflecting both colonial legacies and cultural resilience [Jackson 1995]. Similarly, in Indonesia, the coexistence of Christian *nama baptis* with local names illustrates how naming mediates religious and ethnic affiliations [Keane 1997]. These examples align with Barth’s [1969] theory that ethnic identity is maintained through symbolic boundaries, where names act as key demarcations.

However, dual naming is not solely a response to oppression. In many African societies, individuals bear separate spiritual and public names, with the former often concealed to protect sacred identity [Geschiere 1998]. Likewise, Chinese diaspora communities frequently adopt Western names for integration while retaining given names for familial and cultural continuity [Eickmann 2020]. Even in non-marginalized contexts, such as Russia, the interplay between formal names and intimate diminutives (e.g., *Aleksandr* vs. *Sasha*) reflects social

hierarchies and relational dynamics [Ury 1993]. These cases demonstrate that dual naming operates along a spectrum of intentionality — from resistance to pragmatic adaptation — and is shaped by the interplay of power, tradition, and mobility.

James C. Scott’s [1990] notion of “hidden transcripts” proves particularly useful here, as it captures how subordinate groups employ discreet cultural practices — like concealed naming — to assert agency under constraint. Meanwhile, Jean Jackson’s [1995] research on indigenous Amazonian naming reveals how “unofficial” names sustain collective memory despite external erasure. Applying these frameworks to Kurdish naming practices underscores their universality while highlighting their local specificities. By placing Kurdish examples in dialogue with global cases, this study not only broadens the discourse beyond Türkiye-specific analyses but also reinforces the anthropological significance of naming as a lens into identity negotiation across cultures.

2. Methodology

This research adopts a qualitative approach, which is well-suited for exploring complex social phenomena like identity, language, and culture [Denzin & Lincoln 2011]. A qualitative methodology allows for a deeper understanding of the personal and cultural implications of dual naming practices, providing rich insights into the lived experiences of Kurdish individuals in Türkiye. Semi-structured interviews were used as the primary data collection method, enabling the researcher to engage with participants while also allowing flexibility to explore emergent themes [Kvale & Brinkmann 2009]. This method is particularly effective for exploring sensitive topics, as it facilitates open and in-depth discussion [Charmaz 2006].

2.1. Participants

The study includes 12 Kurdish individuals (6 male, 6 female), aged between 43 and 56, living in Van, a Kurdish-majority province in eastern Türkiye. This sample was selected to represent a variety of experiences and backgrounds, ensuring that generational differences in the practice of dual naming were captured. The participants were chosen based on their personal histories with Kurdish and Turkish names, which allowed the research to encompass a range of perspectives from those who have experienced the direct effects of state policies on Kurdish identity. The inclusion of both male and female participants further helped to ensure gender diversity and the consideration of any gender-specific experiences related to the topic [Britten 1995].

Participants details

	Kurdish Name	Meaning	Age	Gender
1.	<i>Xalid</i>	'Eternal', 'Immortal'	48	Male
2.	<i>Baran</i>	'Rain'	52	Female
3.	<i>Dilan</i>	'Love', 'Heart'	45	Male
4.	<i>Rojin</i>	'Daylight', 'Sunlight'	50	Female
5.	<i>Azad</i>	'Free', 'Freedom'	54	Male
6.	<i>Şiyar</i>	'Conscious', 'Aware'	46	Female
7.	<i>Nalin</i>	'Flower', 'Delicate'	43	Male
8.	<i>Lavin</i>	'Pray', 'Beg'	56	Female
9.	<i>Jiyan</i>	'Life', 'Existence'	51	Male
10.	<i>Heval</i>	'Friend', 'Companion'	49	Female
11.	<i>Avesta</i>	'Holy book', 'Scriptures'	47	Male
12.	<i>Berfin</i>	'Snow', 'Pure as snow'	44	Female

The Table presents the Kurdish names of the 12 participants, along with their meanings, ages, and genders. These names reflect the cultural heritage and identity of the individuals, offering insight into the symbolic importance of names within Kurdish communities in Türkiye. The meanings of the Kurdish names also highlight the cultural values tied to identity, resilience, and family. While the official Turkish names of the participants are omitted for reasons of anonymity and sensitivity, the table still provides useful information about how Kurdish names help people express their cultural identity in a difficult social and political environment.

2.2. Data Analysis

The interviews were transcribed and analyzed using thematic analysis, a widely used approach in qualitative research that allows for the identification of recurring patterns and themes within the data [Braun & Clarke 2006]. This method is particularly effective for examining cultural and identity-related issues, as it provides flexibility in analyzing complex experiences and emotions [Guest et al. 2012]. Through this process, we identified key themes that reflected the participants' experiences of having to navigate their Kurdish identity in a largely Turkish society. Thematic analysis was employed to systematically explore the data, highlighting both shared and individual experiences, and categorizing them into overarching themes [Fereday & Muir-Cochrane 2006]. Preliminary analysis revealed five significant themes related to dual naming: dual naming as a coping mechanism; fear

and shame of being Kurdish; Kurdish name as part of cultural identity; disconnection and isolation; pride in Kurdish heritage and desire for change.

3. Results and Discussion

The theme of dual naming as a coping mechanism emerged strongly in the interviews with Kurdish individuals in Türkiye. The use of two names — one Kurdish and one Turkish — appeared as a strategic response to navigate the complex socio-political landscape that required conformity to the state's policies while simultaneously preserving one's ethnic and cultural identity in private settings. The dual naming system enabled Kurdish individuals to adapt to the demands of an oppressive regime while maintaining their Kurdish heritage within their families and communities.

3.1. Dual Naming as a Coping Mechanism

The interviews clearly revealed that the Turkish name was primarily used in public spaces such as schools, workplaces, and official documents, as it was legally mandated and socially accepted. In contrast, the Kurdish name was generally kept private, used only at home or within intimate social circles. This practice reflects the survival mechanism adopted by individuals to avoid discrimination, social ostracism, and even legal consequences. Example quotes:

We used our Turkish names because we had to. The government told us we had to. It was on our ID card, and we had to use it at school, when we went to the hospital, or when we talked to strangers (Şeyma, 45).

At school, my Turkish name was required. But my Kurdish name, I only used it when I was at home (Hasan, 47).

These interviews indicate that Kurdish individuals, from an early age, learned that using a Turkish name was essential to be accepted by society. In particular, this was enforced through the education system and state bureaucracy. The compulsory use of a Turkish name in official and public spaces exemplifies how the state systematically imposed assimilation practices on its Kurdish citizens. The fact that individuals felt obligated to use a different name in private settings highlights the tension between conforming to the state's demands and maintaining one's authentic identity.

The practice of dual naming can be traced back to the state policies following the establishment of the Republic of Türkiye in 1923, when the government aimed to create a homogenous national identity. The Kurdish language and culture were actively suppressed, and the state implemented policies that forced Kurdish people

to adopt Turkish names [Aslan 2010]. The adoption of a Turkish name became a symbol of compliance with state policies and was often seen as necessary for social and legal survival.

Historically, the adoption of Turkish names served as a way to blend into the larger Turkish society and avoid the negative consequences that often accompanied an overt expression of Kurdish identity. McDowall [1996] explains that the forced assimilation of Kurds, including the erasure of Kurdish names, was part of a broader attempt by the Turkish state to suppress ethnic minority identities and foster a unified Turkish national identity. For many Kurds, however, this duality was not just about survival; it was a way of negotiating their place in a society that consistently marginalized their cultural and ethnic roots. While the dual naming system served as a coping mechanism, it also came at a significant emotional cost. The need to separate one's Kurdish name from public life and the requirement to adopt a Turkish name in official contexts led to feelings of alienation and internal conflict. This is reflected in the interviewees' statements about the emotional strain of living with two identities. Example quotes:

When I used my Turkish name outside, I felt like I was not really myself. It was like I was wearing a mask (Ayhan, 53).

It was like I was pretending to be someone else. My Kurdish name felt more real to me, but I had to hide it (Veli, 44).

These experiences suggest that the practice of dual naming was not without its psychological toll. The forced adoption of a name that did not reflect their cultural identity created a sense of disconnection, as individuals felt like they had to live two separate lives. The "mask" they wore in public by using a Turkish name symbolized a denial of their true selves, which led to a loss of connection to their Kurdish heritage in public spaces. In line with Zapf's [2002] research, this emotional dissonance between the public and private self is a common result of forced assimilation. It is a form of cultural adaptation where the individual conforms outwardly to the dominant cultural norms while struggling internally to preserve their identity. As a result, the dual naming system was not just a functional adaptation, but a daily negotiation of personal identity within the context of a larger social and political system that sought to erase it.

While the public use of the Turkish name was a survival strategy, the private use of the Kurdish name served as a sanctuary for cultural preservation. The home became a space where individuals could express their true ethnic identity, free from the constraints of state-imposed policies. This pattern is evident in the interviews, where participants described how they maintained their Kurdish names in private settings to keep their cultural identity intact:

My Kurdish name was only for my family and close friends. It felt like a secret, but it was also part of who I am. When I said it, I felt like I was in the right place (Sibel, 46).

At home, my Kurdish name was a way to connect to my roots. It was the name my parents gave me, and it meant something important to them (Emine, 48).

The family, therefore, played a crucial role in preserving Kurdish culture and language. The private use of the Kurdish name helped individuals maintain a connection to their heritage in an environment that was not influenced by the pressures of the state. These interviews show that the family and close community bonds became spaces of resistance, where Kurdish identity could be safeguarded. This aspect aligns with Cengiz Güneş [see Gunes 2012], who argues that the family structure, while being a source of cultural resilience, also became the primary space where Kurdish identity was transmitted and preserved in the face of state oppression. The use of dual names in the context of Kurdish individuals in Türkiye reflects a powerful coping mechanism for navigating an environment where their ethnic identity was not only marginalized but actively suppressed. As the interviews demonstrate, the Turkish name was used publicly to conform to state regulations and to avoid social and legal repercussions. This practice allowed individuals to maintain some semblance of normalcy in their interactions with the state, even if it meant concealing their Kurdish identity. However, the emotional and psychological costs of this dual identity were significant. The constant tension between the public and private selves led to feelings of alienation and identity fragmentation. The Kurdish name, while providing a sense of connection to one's cultural roots in private settings, was rendered invisible in public life, symbolizing the broader cultural and political erasure of the Kurdish people in Türkiye.

3.2. Fear and Shame of Being Kurdish

A second key theme that emerged from the interviews was the fear and shame that Kurdish individuals felt when using their Kurdish names in public. Many participants shared how using their Kurdish names outside the home could lead to negative consequences, such as discrimination, bullying, or even punishment. As a result, the fear of revealing their Kurdish identity became a strong reason for using their Turkish names exclusively in public spaces. The interviews clearly showed that the use of a Kurdish name in public created anxiety among many Kurdish individuals. The fear was not just about being different, but also about facing potential social rejection or even legal problems. Participants described how they avoided using their Kurdish name because it could bring unwanted attention or trouble. This fear of being identified as “Kurdish” was deeply tied to the social and political risks of standing out from the majority Turkish population. Example quotes:

If I used my Kurdish name in school, the teacher would get angry, and other students would look at me funny (Murat, 50).

We felt scared to use our Kurdish names outside. It felt like we were showing we were different, and that could bring problems (Ayşe, 50).

These statements illustrate how the use of a Kurdish name, even in a seemingly neutral setting like school, could lead to immediate negative reactions. Participants recalled how their teachers and peers would either treat them harshly or make them feel uncomfortable, creating a constant fear of being singled out. The fear of revealing one's Kurdish identity went beyond just personal embarrassment. Many participants expressed concern that using their Kurdish name could lead to serious social or political consequences. In an environment where Kurdish identity was suppressed, showing any sign of being Kurdish could invite discrimination or even punishment. This fear was deeply ingrained in Kurdish individuals' daily lives, influencing everything from their interactions with classmates to their relations with authorities. For example, many participants feared that their Kurdish identity might be reported to the authorities, which could result in negative consequences, such as being ostracized or punished. This fear often led individuals to suppress their Kurdish names, even though those names were central to their sense of self and cultural identity. Example quotes:

I never used my Kurdish name outside because I didn't want to be treated like a criminal. We were always taught that being Kurdish was something wrong (Fatma, 55).

My Kurdish name could make me stand out. If I said it in public, people might ask me where I was from, and that could be dangerous (Veli, 44).

This fear of being associated with Kurdishness in a negative way is tied to the broader history of Kurdish marginalization in Türkiye. The Turkish state has long viewed expressions of Kurdish identity with suspicion, often associating it with political activism or separatism [McDowall 1996]. As a result, many individuals learned to conceal their Kurdishness to avoid being caught up in political or social problems.

The fear of using a Kurdish name in public was not only about avoiding discrimination; it was also linked to feelings of shame. Many interviewees discussed how the state's policies — such as banning the use of the Kurdish language and forcing people to adopt Turkish names — created an environment where being Kurdish was seen as something to be ashamed of. This sense of shame was often reinforced by family members, schools, and broader society, who told individuals that being Kurdish was something to hide. The interviews revealed that the shame surrounding being Kurdish was internalized by many individuals, leading them

to feel embarrassed about their heritage. This is consistent with the work of Aktaş [2008], who argues that state-sponsored policies of assimilation not only tried to erase Kurdish culture but also created a social atmosphere in which Kurdishness was viewed as inferior or undesirable. Example quotes:

We were told not to speak Kurdish in school. If we did, we were punished. It made me feel like being Kurdish was bad, like there was something wrong with us (Emine, 48).

At home, my parents told me not to speak Kurdish outside, because it was dangerous. We were made to feel ashamed of our language and our names (Şeyma, 45).

These experiences suggest that Kurdish people, especially younger generations, were taught that their cultural and linguistic practices were undesirable, fostering feelings of shame about their ethnic identity. For these individuals, the Turkish name served as a way to distance themselves from that shame, offering a means of protection and safety from the stigma associated with being Kurdish.

While many Kurdish individuals hid their Kurdish names out of fear, this practice also came with hidden costs. In the interviews, participants shared how constantly concealing their true identity caused emotional distress and contributed to feelings of self-alienation. Many described how they felt torn between two identities — the Kurdish name they used at home and the Turkish name they used in public — and this conflict created an ongoing internal struggle. Cf.:

It felt like I was living two lives. My Turkish name was for the world, but my Kurdish name was who I really was. It was tiring to hide that part of me all the time (Zeynep, 52).

I was always worried about who I was showing myself to be. It felt like I couldn't be fully me, like I was hiding something important (Ayhan, 53).

This internal conflict between their public and private selves left many Kurdish individuals feeling disconnected from both their cultural heritage and the larger Turkish society. It also created a deep sense of frustration, as they were forced to live in a way that did not align with their true identity.

The theme of fear and shame associated with being Kurdish highlights the emotional and social challenges faced by many Kurdish individuals in Türkiye. The fear of using a Kurdish name in public was not just about avoiding negative reactions from others; it was also deeply connected to the broader political and cultural environment that marginalized Kurdish people. The suppression of Kurdish identity through state policies, such as forcing individuals to adopt Turkish names and restricting the use of the Kurdish language, contributed to a climate where being Kurdish was not only discouraged but often stigmatized. As demonstrated

in the interviews, the fear and shame of being Kurdish were powerful motivators for individuals to conceal their true identities. By using Turkish names in public, many Kurdish people could avoid discrimination and potential punishment, but this came at a significant emotional cost. The constant need to hide one's cultural identity led to feelings of alienation, internal conflict, and even shame, as participants struggled to reconcile their private Kurdish selves with their public Turkish personas. The internalization of shame about being Kurdish shows how deeply state policies can affect the personal and cultural identities of marginalized groups. While the use of a Turkish name allowed individuals to navigate a hostile environment, it also revealed the painful realities of living under a system that sought to erase their cultural identity. Despite this, the desire to preserve their Kurdish names in private spaces reflects the resilience and strength of Kurdish identity, even in the face of ongoing oppression.

3.3. The Kurdish Name as Part of Cultural Identity

A third theme that emerged from the interviews is the idea of the Kurdish name as an integral part of an individual's cultural identity. Despite the challenges associated with using a Kurdish name in public spaces, many participants emphasized that their Kurdish names held significant personal and cultural meaning. These names were seen as symbols of pride, cultural heritage, and family connection, representing not only their true selves but also their historical roots. For many participants, the Kurdish name was a tangible link to their family history and cultural roots. The name was seen as an embodiment of the Kurdish community, its traditions, and values. As participants shared, their Kurdish name was not just a label but a part of their larger identity, carrying with it the weight of generations and the legacy of their ancestors. This connection to family heritage provided a sense of belonging, even when the individual was forced to conceal the name in public spaces. Example quotes:

My Kurdish name made me feel close to my family. It was part of who I am, part of my identity (Emine, 48).

Even though I had to use my Turkish name outside, my Kurdish name was always something I held dear. It made me feel connected to my roots (Hasan, 50).

These responses suggest that the Kurdish name served as a marker of cultural identity, a symbol of continuity, and a reminder of the participant's origins, particularly in the face of assimilation pressures. The Kurdish name was also seen as a source of pride for many participants. It represented not only personal identity but also the broader Kurdish community's perseverance, resilience, and cultural

richness. Despite the political and social pressures to conform to a Turkish identity, many participants maintained a deep pride in their Kurdish heritage, which they felt was reflected in their names. Example quotes:

My Kurdish name is who I am. It's the name I want the world to know me by. But I had to hide it (Fatma, 55).

Using my Kurdish name was like honoring my ancestors. It was my way of resisting assimilation (Veli, 44).

Here, participants reflect on the tension between the pride they felt in their Kurdish names and the necessity to hide them. The name was not only an expression of personal pride but also a political act of resistance to cultural erasure. Despite the pride and cultural connection associated with their Kurdish names, many participants described the painful inner conflict of having to hide this name in public spaces. The fear of social rejection, discrimination, or punishment led them to suppress their true identity in favor of the Turkish name in official and formal settings. This dual identity often caused emotional distress, as individuals felt torn between honoring their Kurdish heritage and protecting themselves in a society that devalued their cultural identity. Example quotes:

It was always difficult to hide my Kurdish name. I felt like I was lying about who I really am. But at the same time, I couldn't risk the consequences (Murat, 50).

I was proud of my Kurdish name, but it felt dangerous to use it outside of my home. I had to keep it hidden to stay safe (Ayşe, 50).

The inner conflict highlighted by these quotes reveals the psychological toll of living in a society that demands cultural assimilation while still holding on to personal identity. For some, the Kurdish name was not only a part of personal identity but also a subtle act of defiance against state-sponsored efforts to suppress Kurdish culture and language. In a society where Kurdish identity was often marginalized, retaining and using a Kurdish name in private or family settings was seen as an assertion of cultural pride and resistance. Example quotes:

Even if I couldn't use my Kurdish name at school, I used it proudly at home. It was my way of resisting the system (Şeyma, 45).

When I called my children by their Kurdish names, I was sending a message. I wasn't going to let them forget who they were (Zeynep, 52).

These examples suggest that for some individuals, holding on to their Kurdish name was not only about personal identity but also about making a statement in the face of political oppression. Using the Kurdish name, even in private,

was an act of maintaining control over one's identity and culture. The theme of the Kurdish name as part of cultural identity reveals the deep emotional and cultural significance attached to names within the Kurdish community in Türkiye. Despite the societal pressures to conform to Turkish norms and suppress Kurdish identity, the Kurdish name was regarded as an essential part of personal and cultural identity. It represented a connection to one's family, heritage, and community, and for many, it was a symbol of pride and resistance to the pressures of assimilation. This theme also highlights the emotional cost of having to hide such a significant part of one's identity. The inner conflict of using a Turkish name in public while holding on to a Kurdish name in private caused psychological stress, as individuals were forced to live a divided life between their cultural roots and the demands of the state. As participants shared, the act of concealing their Kurdish names created a constant tension, leading to feelings of shame, frustration, and alienation.

3.4. Disconnection and Isolation

A recurring theme that emerged from the interviews is the profound sense of disconnection and isolation that many Kurdish individuals experienced as a result of having to hide their Kurdish names in public. This duality of identities — using a Turkish name in public and a Kurdish name in private — created a deep emotional divide, making many feel as though they were torn between two worlds. The public and private identities were not seamlessly integrated, which led to feelings of being disconnected from both their Kurdish community and the wider Turkish society.

For many participants, using their Turkish name in public spaces felt like a form of deception. It was as though they were hiding their true self, making them feel like they were wearing a mask or pretending to be someone they were not. The tension between these identities made them feel estranged, as if they didn't belong fully to either group. Example quotes:

When I used my Turkish name outside, I felt like I was not really myself. It was like I was wearing a mask (Ayhan, 53).

It was hard because I couldn't be true to who I was. I felt like I was living in two worlds, but not fully belonging to either (Ali, 50).

Ayhan's statement reflects the feeling of disguising one's true identity, as if adopting a different name was equivalent to adopting a different persona. It illustrates the emotional strain of living a life where one must constantly hide a part of themselves.

Ali's quote highlights the psychological toll of trying to navigate between two conflicting worlds — one defined by the Kurdish identity and the other shaped

by societal expectations. The sense of not belonging fully to either identity led to a feeling of alienation, causing emotional distress.

Many participants mentioned how this separation between their Kurdish and Turkish identities resulted in feelings of emotional dissonance — they felt disconnected from both cultures. This disconnection was not just about a name but about how their whole sense of self was divided. In private, they could embrace their Kurdish heritage and feel at home with their family and community. In public, however, their Turkish name forced them to conform to a society that often viewed their Kurdish identity with suspicion or disdain. This contradiction led to a sense of isolation, as participants struggled to reconcile these two conflicting aspects of their identity. For example, Hasan (48) shared:

It was difficult to have these two identities. At times, I even felt that I was losing myself. I was neither completely Kurdish nor fully accepted by the Turkish society.

His experience reflects how the duality of identity can lead to a sense of alienation, as individuals are not fully accepted by either group, making them feel marginalized from both sides. This feeling of being neither fully Kurdish nor fully Turkish further intensified the sense of isolation, making it harder for individuals to build a strong connection to either community. The lack of acceptance from both sides often led to deep emotional distress and a longing for belonging that was never fully realized

3.5. Pride in Kurdish Heritage and Desire for Change

The final theme that emerged from the interviews was a deep sense of pride in Kurdish heritage and a strong desire for change in the future. While many individuals had to hide their Kurdish names out of fear of social rejection or punishment, there was an underlying desire for a future where they could openly embrace and celebrate their Kurdish identity without fear or shame.

The participants expressed a strong hope that one day they would be able to use their Kurdish names publicly and without consequence. This desire for freedom of expression was tied to a larger wish for recognition and respect of Kurdish identity within Turkish society. Many felt that they should not have to hide a crucial part of who they are simply to fit into a society that has long marginalized their culture and language. Example quotes:

I hope one day, we won't have to hide our Kurdish names. I want to be proud of who I am, and I want others to accept it too (Zeynep, 52).

I wish that people would see us for who we really are. I don't want to feel like I'm hiding anymore (Aylin, 49).

Zeynep's statement expresses a longing for acceptance and recognition, not just within the Kurdish community but in the wider Turkish society as well. The hope for a day when being Kurdish would no longer be something to hide reflects a desire for social change.

Aylin shares the pain of living in hiding and the desire to be seen authentically by the society around her. This desire for visibility and acceptance reflects the participants' yearning for a society that honors their true identity.

For many of the interviewees, pride in their Kurdish heritage was strong and unwavering, despite the pressures to conform. The Kurdish name was seen as a symbol of resistance, and the desire for cultural recognition and acceptance was tied to a larger hope for societal change. These individuals expressed hope that, in the future, they could pass on their Kurdish names and cultural heritage to the next generation without fear of discrimination [cf. Kasap 2025]. This thematic analysis reveals the emotional complexity of Kurdish naming practices in Türkiye. The use of dual names — a Kurdish one in private and a Turkish one in public — was largely a survival strategy to navigate a society that sought to erase Kurdish identity. However, the fear and shame associated with using a Kurdish name in public led to deep emotional distress and a sense of disconnection and isolation. Many participants felt torn between two identities and could not fully embrace either, leading to feelings of alienation from both their Kurdish community and the broader Turkish society. Despite these struggles, the Kurdish name remained a powerful symbol of cultural pride and resistance. The interviews also revealed a strong desire for change, with participants expressing hope for a future where they could proudly use their Kurdish names and be accepted for who they truly are.

Conclusion

This study shows how Kurdish people in Türkiye face deep struggles — and find resilience — through their names. For them, a name is more than a label; it's a connection to culture, family, and pride. Yet, many must hide their Kurdish names in public, using Turkish names instead to avoid discrimination or trouble with authorities. This “dual naming” acts as a survival tactic but comes at a heavy emotional cost. Participants described feeling split between two identities — like “wearing a mask” or “living two lives” — which left them isolated or disconnected from their true selves. Despite this pain, their Kurdish names remained powerful symbols of resistance. At home, these names kept their heritage alive, serving as a quiet rebellion against decades of policies that erased Kurdish culture. As one participant shared, their Kurdish name “felt like a secret, but part of who I am”.

Families became safe spaces to pass down traditions, showing how ordinary acts of naming can defy oppression.

Hope also emerged strongly. Many participants dreamed of a future where their children could use Kurdish names freely, in a society that respects diversity. This mirrors broader research: when minorities reclaim their language and culture, it strengthens identity and fosters pride.

In the end, this dual naming practice reveals both vulnerability and strength. It highlights the harm of forcing people to hide who they are, but also the courage of those who keep their culture alive against the odds. Their stories remind us that dignity lies in being seen fully — name, heritage, and all. Creating a world where everyone belongs starts with simple acts: respecting names, celebrating differences, and listening to those long silenced.

References

- Aktaş, E. (2008). *The Role of the European Union in the Democratization of Turkey: The Case of Cultural Rights of Kurds* (Unpublished master's thesis). University of East Anglia, Norwich.
- Aslan, S. (2010). Incoherent State: The Controversy over Kurdish Naming in Türkiye. *European Journal of Turkish Studies*, (11). <https://journals.openedition.org/ejts/4142>
- Barth, F. (1969). *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference*. Boston: Little, Brown and Company.
- Braun, V., & Clarke, V. (2006). Using Thematic Analysis in Psychology. *Qualitative Research in Psychology*, 3(2), 77–101. <https://doi.org/10.1191/1478088706qp063oa>
- Britten, N. (1995). Qualitative Interviews in Medical Research. *BMJ*, 311(6999), 251–253.
- Charmaz, K. (2006). *Constructing Grounded Theory: A Practical Guide through Qualitative Analysis*. London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications.
- Chiang, H. (2000). Name and Identity: A Cross-cultural Study of Chinese Diaspora Naming Practices. *Journal of Asian Pacific Communication*, 10(2), 217–231.
- Denzin, N. K., & Lincoln, Y. S. (Eds.). (2011). *The SAGE Handbook of Qualitative Research* (4th ed.). London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications.
- Eickmann, W. (2020). One Person, Two Names: A Study of Naming Practices in Hong Kong and the Use of English and Chinese Names. *Inquiries Journal*, 12(11). Retrieved from <http://www.inquiriesjournal.com/articles/1840/one-person-two-names-a-study-of-naming-practices-in-hong-kong-and-the-use-of-english-and-chinese-names>
- Fereday, J., & Muir-Cochrane, E. (2006). Demonstrating Rigor Using Thematic Analysis: A Hybrid Approach of Inductive and Deductive Coding and Theme Development. *International Journal of Qualitative Methods*, 5(1), 80–92. <https://doi.org/10.1177/160940690600500107>
- Geschiere, P. (1998). Globalization and the Power of Indeterminate Meaning: Witchcraft and Spirit Cults in Africa and East Asia. *Development and Change*, 29(4), 811–837.
- Guest, G., MacQueen, K. M., & Namey, E. E. (2012). *Applied Thematic Analysis*. London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications.
- Gunes, C. (2012). *The Kurdish National Movement in Türkiye: From Protest to Resistance*. London; New York: Routledge.

- Jackson, J. E. (1995). Culture, Genuine and Spurious: The Politics of Indianness in the Vaupés, Colombia. *American Ethnologist*, 22(1), 3–27.
- Kasap, S. (2025). Her Name, Her Identity: Exploring the Challenges of Kurdish Women with Minority-Specific Names in Turkish Society. *Women's Studies*, 1–13. <https://doi.org/10.1080/00497878.2025.2579310>
- Keane, W. (1997). *Signs of Recognition: Powers and Hazards of Representation in an Indonesian Society*. Berkeley: University of California Press.
- Kvale, S., & Brinkmann, S. (2009). *InterViews: Learning the craft of qualitative research interviewing* (2nd ed.). London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications.
- McDowall, D. (1996). *A Modern History of the Kurds*. London: New York: I. B. Tauris.
- Scott, J. C. (1990). *Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts*. New Haven; London: Yale University Press.
- Ury, W. (1993). *Getting Past No: Negotiating with Difficult People*. New York: Bantam Books.
- Zapf, D. (2002). Emotion Work and Psychological Well-being: A Review of the Literature and Some Conceptual Considerations. *Human Resource Management Review*, 12(2), 237–268. [https://doi.org/10.1016/S1053-4822\(02\)00048-7](https://doi.org/10.1016/S1053-4822(02)00048-7)

https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2026.23.1.005
UDC 81'373.2 + 81'38 + 659.126 + 659.123

Lorena PÉREZ-HERNÁNDEZ

PhD, Professor, Department of Modern Languages, University of La Rioja (33, C/San José de Calasanz, 26004 Logroño (La Rioja), Spain)
Email: lorena.perez@unirioja.es
<https://orcid.org/0000-0001-6500-0157>

David HUGUET VAREA

Brand Communications Manager, Atica Redex (58, Rúa Romana, 31390 Olite, Navarra, Spain)
Email: dhuguet8@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1967-2574>

A Cognitive Approach to Commercial Brand Names of Basic and Luxury Products

Abstract

While the global branding industry increasingly relies on sophisticated naming strategies, the underlying cognitive mechanisms remain under-researched from a linguistic perspective. This study addresses this gap by investigating the pervasiveness and productivity of conceptual operations and conceptual interaction patterns — specifically metaphors, metonymies, metaphonymies, and metonymic chains — in the branding of basic versus luxury products. Utilizing a corpus of 200 brand names (100 basic/utilitarian and 100 luxury products), the research employs a Cognitive Linguistics framework to determine how the nature of a product influences its naming strategy. Quantitative and qualitative analyses reveal a predominant reliance on metonymy (79.84%) over metaphor (20.16%) across both categories. This preference is attributed to the cognitive efficiency of metonymic operations, which maximize communicative effects with minimal cognitive cost. However, significant asymmetries emerge when comparing product types. Basic products (namely, water and milk) primarily utilize simpler metonymic chains and domain reduction operations to emphasize origin and naturalness while maintaining a low cognitive load. Conversely, luxury products (namely, wine and chocolate) exhibit higher conceptual complexity, showing a significantly greater frequency of metaphonymies and comparison-based metaphors. These complex patterns serve to imbue luxury items with additional emotional and evaluative attributes that justify their premium status and price. The findings demonstrate that brand naming is not a random creative process but is systematically grounded in cognitive operations tailored to the product's market category. This research contributes to both cognitive onomastics and marketing theory by providing empirical evidence of how specific conceptual interaction patterns are strategically deployed to steer consumer interpretation and brand differentiation.

Keywords

commercial onomastics; cognitive semantics; brand names; naming; conceptual operations; conceptual interaction

Acknowledgements

The research was supported by the Social Sciences and Humanities Research Council of Canada (Grant No. #895-2021-1016).

© Pérez-Hernández L., Huguet Varea D., 2026

For citation

Pérez-Hernández, L., & Huguet Varea, D. (2026). A Cognitive Approach to Commercial Brand Names of Basic and Luxury Products. *Voprosy onomastiki*, 23(1), 116–139. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2026.23.1.005

Received on 3 February 2025

Accepted on 4 October 2025

Лорена Перес-Эрнандес

PhD, профессор кафедры современных языков, Университет Ла-Риохи (33, C/San José de Calasanz, 26004 Logroño (La Rioja), Spain)
E-mail: lorena.perez@unirioja.es
<https://orcid.org/0000-0001-6500-0157>

Давид Угет Вареа

бренд-менеджер, компания «Atica Redex» (58, Rua Romana, 31390 Olite, Navarra, Spain)
E-mail: dhuguet8@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1967-2574>

Коммерческие наименования товаров повседневного спроса и класса люкс: КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД

Аннотация

Данное исследование посвящено продуктивности концептуальных операций и схем взаимодействия когнитивных структур — в частности, метафор, метонимий, метафтонимий и метонимических цепочек — в нейминге товаров повседневного спроса и товаров класса люкс. В статье на основе анализа корпуса из 200 наименований брендов (сто — базовых / утилитарных и сто — класса люкс) с опорой на методологию когнитивной лингвистики изучается, как сегмент рынка, для которого предназначен продукт, влияет на стратегию его именования. Количественный и качественный анализ выявил преобладание метонимии (79,84 %) по сравнению с метафорой (20,16 %) в обеих категориях. Это предпочтение объясняется когнитивной эффективностью метонимических операций, которые максимизируют коммуникативный эффект при минимальных когнитивных затратах. Однако при сравнении типов продуктов обнаруживаются значимые различия. Для именования базовых продуктов (в частности, воды и молока) в основном используются более простые метонимические цепочки и операции сужения семантической области, что помогает подчеркнуть происхождение и натуральность продукта, при этом минимизируя когнитивную нагрузку. Напротив, для названий товаров класса люкс (а именно, вина и шоколада) характерна более высокая концептуальная сложность, проявляющаяся в значительно большей частоте использования метафтонимий и метафор, основанных на сравнении. Эти сложные паттерны служат для надделения предметов роскоши дополнительными эмоциональными и оценочными атрибутами, которые оправдывают их премиальный статус и цену. Результаты показывают, что создание названий брендов — не случайный творческий процесс, а система, основанная на когнитивных операциях, адаптированных к рыночной категории продукта. Данное исследование вносит вклад как в когнитивную ономастику, так и в теорию маркетинга, демонстрируя, как конкретные паттерны концептуального взаимодействия могут использоваться для управления потребительской интерпретацией и дифференциации бренда.

Ключевые слова

коммерческая ономастика; когнитивная семантика; названия брендов; нейминг; концептуальные операции; концептуальное взаимодействие

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Совета по социальным и гуманитарным исследованиям Канады (грант № #895-2021-1016).

Для цитирования

Pérez-Hernández L., Huguet Varea D. A Cognitive Approach to Commercial Brand Names of Basic and Luxury Products // Вопросы ономастики. 2026. Т. 23, № 1. С. 116–139. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2026.23.1.005

Рукопись поступила в редакцию 03.02.2025

Рукопись принята к печати 04.10.2025

1. Introduction

In recent years, there has been an increasing interest in the field of branding and, especially, in the strategies used by marketing experts in the name creation process [Beverland 2005]. However, little research has been carried out from a linguistic, or much less from a Cognitive Linguistics, perspective. The general objective of this paper is to provide empirical evidence for the claim that the use of certain cognitive operations in the naming process is related to the nature of the target product. This piece of research is guided by the following research questions:

Research Question 1: Which cognitive model — i.e., metaphor or metonymy — is more prevalent in a limited corpus of brand names? Are the aforementioned cognitive models more frequent in the brand names of basic or luxury products?

Research Question 2: Which cognitive operations underlying metaphoric and metonymic cognitive models are more productive when dealing with the brand names of essential versus luxury products?

Research Question 3: Do the brands in our corpus exhibit patterns of conceptual interaction? What is the productivity of these patterns in relation to each of the analytical categories under scrutiny?

The remainder of this paper is organized as follows. Section 2 offers a description of the main theoretical tools needed for the analysis of the corpus data, including a detailed description of the conceptual models under scrutiny and their corresponding cognitive operations. Section 3 offers a brief overview of the yet scarce literature on the topic. Section 4 describes the corpus of analysis. Section 5 reports on the results of the analysis based on the research questions guiding this investigation. The final section summarises the results and establishes new lines for further research.

2. Conceptual Metaphor, Conceptual Metonymy, and Conceptual in Onomastics: Theoretical Framework for Brand Names

Within Cognitive Linguistics, Lakoff [1997] defined *cognitive models* as “conventional conceptual representations of the way we perceive and organize reality (encyclopaedic knowledge)”. He distinguished four types of *cognitive models* — i.e., frame-like structures, image schemas, metaphor and metonymy — considered as consistent conceptual structures that capture any aspect of reality that is relevant for cognition and for communication. Nevertheless, of these four kinds of cognitive models, metaphorical and metonymic cognitive models are of special relevance to our study. Let us, therefore, offer a characterisation of each of them, as well as of the cognitive operations underlying these models of knowledge organization.

2.1. Conceptual Metaphor

Contrary to the traditional view of metaphor as a rhetorical figure of speech used mainly for embellishment and literary purposes, Lakoff and Johnson [1980] defined conceptual metaphor as a mental mapping (a set of correspondences) from a source domain (usually a concrete and easy to understand notion) to a target domain (i.e., an abstract complex concept).

This description is illustrated in Figure 1 in relation to the LOVE IS A JOURNEY conceptual metaphor as analysed in Lakoff & Johnson [1980].

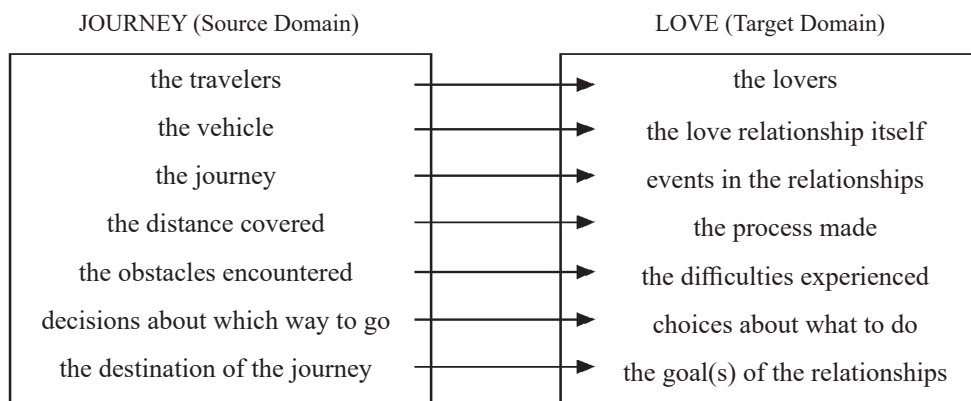

Figure 1. Set of correspondences for LOVE IS A JOURNEY conceptual metaphor

An abstract domain — i.e., an emotion — is conceptualised in terms of a physical experience — i.e., a journey. From previous experiences in our

interaction with the real world, a series of internal projections have been established between the domains of LOVE RELATIONSHIPS and the domain of JOURNEYS. The ontological correspondences between those domains (see Figure 1) enable us to talk, and most importantly, to reason about the abstract notion of love.

Based on this approach, Ruiz de Mendoza Ibáñez & Galera Masegosa [2014] highlighted the idea that conceptual metaphor has been used as a cover term for two types of metaphorical operations: (1) Resemblance Metaphors and (2) Correlation Metaphors. Let us explain each of them in detail.

Resemblance metaphor has been defined in terms of perceptual similarity. Characterised by a contrastive nature, its source and target domains possess a series of common traits — either physical or conceptual. In linguistic expressions such as “Achilles is a lion”, *Achilles* and *lion* are individual entities that share a series of traits (aggressiveness, ferocity or instinct), which are clustered together under the umbrella of the notion of “courage” [Ruiz de Mendoza Ibáñez & Galera Masegosa 2014: 41]. This cognitive process enables the mapping of attributed behavioural features of lions onto corresponding features of Achilles as a warrior.

On the contrary, *correlation metaphors*, which correspond to Grady’s [1997] *Primary Metaphors*, are characterised by the fact that their source domains are bodily grounded in sensory-motor experiences; which gives rise to metaphorical expressions such as “I was feeling low but he knew how to cheer me up”, which is based on the primary metaphor HAPPY IS UP. Grady [1997] describes primary metaphors as the pairing of different concepts during childhood because of their tendency to occur together in reiterated experiences. Consequently, metaphors of this kind are acquired automatically and unconsciously. In his 1997 foundational work, Grady offered a comprehensive list of primary metaphors. However, recent studies [Pérez-Hernández & Huguet Varea 2022] have elaborated on this initial list of primary metaphors, adding further primary mappings such as IMPORTANT IS BRIGHT, which is based on a recurring experiential correlation between the things that are bright and their cognitive salience.

2.2. Conceptual Metonymy

Ruiz de Mendoza Ibáñez & Galera Masegosa define conceptual metonymy as a “cognitive process in which one conceptual entity, the vehicle, provides mental access to another conceptual entity, the target, within the same conceptual domain” [Ruiz de Mendoza Ibáñez & Galera Masegosa 2014: 13]. Additionally, Ruiz de Mendoza Ibáñez [2000] revealed the existence of two possible kinds of metonymic operations that can be established between a matrix domain and subdomain: source-in-target and target-in-source metonymies.

On the one hand, source-in-target metonymies are based on a domain expansion operation. It consists in “broadening the amount of conceptual material that we associate with the initial point of access to a concept, which is intrinsically prominent” [Ruiz de Mendoza Ibáñez & Galera Masegosa 2014: 92]. As Figure 2 shows, the source domain in the metonymy is more specific than the target domain, thus offering an increasing amount of relevant conceptual material.

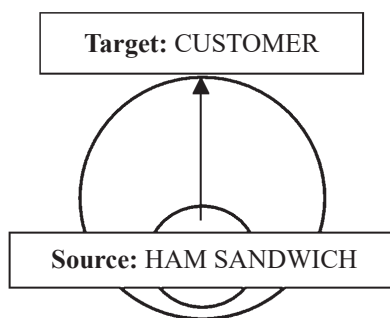

Figure 2. Domain expansion operations based on Ruiz de Mendoza Ibáñez’s [2003: 114] example “The ham sandwich is waiting for his check”

On the other hand, target-in-source metonymies are based on a domain reduction operation, which involve “cutting down the amount of conceptual material used to construct the meaning interpretation” [Ruiz de Mendoza Ibáñez 2011: 106]. See Figure 3:

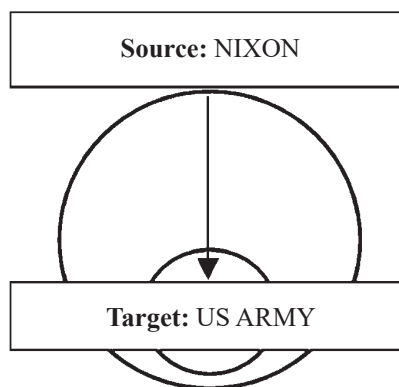

Figure 3. Domain reduction operation based on Ruiz de Mendoza Ibáñez’s [2003: 114] example “Nixon bombed Hanoi”

2.3. Patterns of Conceptual Interaction

The productivity of patterns of conceptual interaction has received much less attention. The first attempt to analyse metaphor-metonymy interactional patterns was carried out by Goossens [1990], setting the basis for subsequent studies [Ruiz de Mendoza Ibáñez 1997; Ruiz de Mendoza Ibáñez & Díez Velasco 2002; Galera Masegosa 2010; Ruiz de Mendoza Ibáñez & Galera Masegosa 2011; 2012; 2014; Herrero 2009; Pérez-Sobrino 2017]. The following patterns included in [Ruiz de Mendoza Ibáñez & Galera Masegosa 2014: 110] are of special relevance to the present study:

(1) Metonymic expansion of the metaphoric source. This pattern of interaction is characterised by an expansion of the conceptual material of the metaphoric source by means of a metonymy. The metonymic expansion provides access to the whole scenario, “used as the source domain for a metaphoric mapping onto another domain that denotes the situation that speaker wants to reason about” [Ruiz de Mendoza Ibáñez & Galera Masegosa 2014: 108].

(2) Metonymic expansion of a metaphoric target. The present interaction pattern is also intended to strike a balance between meaning effects and conceptual effort. This combination is displayed in expressions such as “to zip his lip”, in which the metonymy in the target domain develops partial conceptual material for a proper meaning decoding. Therefore, the metonymic expansion facilitates the reasoning process based on the previous metaphor.

(3) Metonymic reduction of a metaphoric source. In this case, the metaphor-metonymy interaction is based on an operation of metonymic reduction of the source domain of the metaphor. If we take the idiomatic expression *to have a nose for something*, we will observe that the nose of a person used as the source domain of the metaphor under scrutiny, stands for the ability to smell, directly associated to the sense. In this connection, a metonymic reduction is being applied to highlight this ability from all the possibilities associated to the instrument — i.e., the nose. As a consequence of this metonymic process, a metaphoric connection is developed between the sense of smelling and a person’s intuition — i.e., the target domain.

(4) Metonymic reduction of one of the correspondences of the metaphoric target. This interaction pattern “involves the highlighting of a relevant aspect of the metonymic matrix domain within the metaphorical target domain” [Ruiz de Mendoza Ibáñez & Galera Masegosa 2014: 115].

2.4. Brand Names in Onomastics

While conceptual metaphor and metonymy have been widely explored within Cognitive Linguistics, their implications for onomastics, particularly in the context

of brand names, have been less systematically addressed. The remainder of this section aims to outline why the nature of brand names as a peripheral yet functionally significant onomastic category demands a closer look into the particularities of their metaphorical and metonymic grounding.

From an onomastic perspective, proper names — especially anthroponyms and toponyms — are a distinct conceptual and functional category. They primarily serve a referential function, anchoring unique individuals or places in discourse. Unlike common nouns, which denote categories or general concepts, proper names typically lack internal compositional semantics, and their meaning is often context-dependent, relying heavily on shared cultural knowledge or social indexing [Coates 2006; Van Langendonck 2007]. Brand names are often positioned between proper and common nouns, functioning as quasi-proper names. In the onomastics field, they are usually treated as non-prototypical proper names [Van Langendonck & Van de Velde 2016], given that they both refer to individual entities (e.g., Nike, Evian) and carry descriptive or emotional content, especially in advertising contexts.

In this hybrid position, metonymy becomes the dominant cognitive operation [Pérez-Sobrino 2016a; 2016b; 2017]. Many brand names exploit place-for-product, producer-for-product, or ingredient-for-product mappings (e.g., *Monte Cantabria* = wine from the Monte Cantabria area in La Rioja-Spain), which aligns with how proper names can encode indexical or associative meaning.

Conceptual metaphor also plays a relevant role in brand names where the evaluative or evocative function of the name becomes central. As Pérez-Hernández [2011; 2013] has shown, such metaphorical operations found in brand names tend to be strategically deployed to increase affective and emotional impact [Pérez-Hernández 2019]. However, they are also often anchored in metonymic base structures, confirming the productive interaction (e.g., metaphonymy) between the two processes in commercial naming. While metonymy has been shown to be relevant for brand name design regardless of the nature of the target product or service, the type and role of metaphors involved in brand names may be sensitive to the need of highlighting descriptive, evaluative or emotional aspects of the target product. These needs, in turn, may vary depending on the nature of the latter, e.g., utilitarian *vs.* luxury products. This paper seeks to shed some light into this matter.

3. State of the Art

Specific research on naming from a cognitive linguistics perspective is not extensive. Several authors, however, have focused their attention on the role

of cognitive operations in connection with brand names design [Felices Lago 1999; Coulter et al. 2001; Gontijo & Zhang 2007; Kraljevic Mujic 2009; Hidalgo-Downing & Kraljevic Mujic 2011; Pérez-Hernández 2011; 2013; 2014; 2015; 2019; Pérez-Hernández & Huguet 2022].

Pérez-Hernández [2011: 369] explained that “a finite set of cognitive operations <...> can account for the drawing of inferences on the basis of the cue provided by the brand name”, yet professional naming experts fail to identify them. In this regard, in her paper she highlights the importance of cognitive operations and their role within the process of brand name creation. In fact, her results were, later, corroborated by Kim and Ko’s [2012] analysis of the role of conceptual metaphors in brand names.

Pérez-Hernández [2013] also brought awareness on the relationship between cognitive operations and the naming process; and its importance in explaining how consumers understand, interpret and respond to certain stimuli. In the same vein, authors such as Kraljevic Mujic and Hidalgo-Downing [2013] have analysed multimodal metaphors in ICT advertisements.

More recent studies include [Pérez-Hernández 2015], which focuses on two specific cognitive operations: strengthening and mitigation in a corpus of Spanish and English brand wine names; and [Azzahraa El Yamlahi & Cortés de los Ríos 2022] which examined the metonymic grounding of several Moroccan cosmetics brand names.

Finally, it is worth highlighting specific research in the conceptual interaction of cognitive models. For instance, Pérez-Hernández [2019] observed the existence of metaphor-metonymy interactions in the context of fast food advertisements. Along the same lines, Pérez-Sobrino [2016] studied new meaning-making practices based on cognitive models and their conceptual interaction in multimodal contexts.

Most of these studies, however, are of a generic nature. To the best of our knowledge, the cognitive operations and conceptual interactions underlying brand names in relation to different product categories has not been the object of investigation to date.

4. Corpus of Study

The data used in this study consists of 200 brand names, which include those of basic and luxury products. To guarantee the diversity of our corpus of study, we have compiled 100 brand names for each of the aforementioned product categories, selecting two representative samples to synthesise the significant list of products that make up each category. The category of basic (utilitarian) products

includes brand names for water and milk companies. The luxury products chosen for analysis are chocolate and wine. Brand names for water, milk, and chocolate products were extracted from simple searches carried out on the Google website. Wine brands were taken from *Lavinia*, an Internet site that compiles national and international wines and wineries. Yet, in all cases, their legitimacy was consulted on the OEPM, a search engine that contain a complete list of national and international registered brands.

As concerns the corpus selection, the initial list of brands for each of the four categories was first manually analysed in search of those brands involving at least one of the cognitive operations listed in Section 2. After this initial stage, the first 50 brand names for each of the categories under scrutiny — i.e., milk, water, chocolate and wine — were selected, in the exact order in which they were retrieved from our web searches.

The selected brands were then examined to determine the cognitive operations and patterns of conceptual interaction at work.

Tables 1 and 2 summarise the brand names selected for each of the categories (basic vs. luxury products) and corresponding products (water, milk vs. chocolate and wine).

Table 1

Basic products: categories and brand names

Category	Brand names
Water	<i>Abbey Well, Agua Mineral Natural Tipperary, Vida, Aqcuá Santa María, Aqua Panna, Aquabona, Aquafina, Bezoya, Cabreiroa, Crystal Clear, Crystal Geyser, Callawey Blue, Clean Alaskan Glacial, Deer Park, Dasani, Deep River Rock, Déjà Blue, Ethos Water, Evian, Font D'Or, FJORD, FIJI, Glaceau Smartwater, Gallowey Blue, Hint, Ice Mountain, Icelandic Glacial, Mountain Valley Spring Water, Jermuk, Lauretana, Lurisa Water, Lanjaron, Malvem Water, Ozarka, Oasis, Pump, Sant Aniol, San Pellegrino, Selters, Solán de Cabras, Solares, Spa, Volvic, Vichy Catalan, Vidago, Viladrau, Vittel, Voss, Zephyrhills</i>
Milk	<i>Alteza, Beyena, Blensir, Bomilk, Borden Milk, Califia, Campobueno, Central Lechera Asturiana, Clover, Cornish Moo, COVAP, Cowhead, Cravendale, Cremosita, Dairyland, Darigold, Deleite, El Buen Pastor, El Castillo, El Cubillo, Fairlife, Feiraco, Gandy's, Gippy La Vaquera, Lacpur, Lacturale, Leche Celta, Llet Nostra, Lucerne, Maple Hill, Mayfield Dairy Farms, Meadow Fresh, Muu, Moo, Notrel, Oat Yeah, Oatly, Organic Valley, Pascual, Puleva, Ram, Rude Health, Shamrock farms, Snapea, Thirsty Cow, Tierra de Sabor, Trader Joe's, Vaqueros del Sur, Vega Oro</i>

Table 2

Luxury products: categories and brand names

Category	Brand names
Chocolate	<i>Almond Joy, Aphrodite chocolates, Aztec, Baixas, Bounty, Cadbury, Caffarel, Camilla Bloch, Charbonnel and Walker, Chiradelli, Côte d'Or, Delaviuda, Double Decker, Duffy's, Ferrero, Galaxy, Godiva, House of Dorchester, Hershey's, La Joya, Lacasa, Land, Leonidas, Lindt, MAHALI, M&M's, Maychoco, Mendaro Saint-Gerons, Milka, Monper chocolate, Montezuma's, Natrul, Neuhaus, Nestlé, Nicks, Oriol Balaguer, Reese's, Sal de Ibiza, Simon Coll, The Chocolatier, Thorntons, Toblerone, Tony's Chocolate, Trapa, Twirl, Valor, Valrhona, Venchi, Whitakers, Willie's Cacao</i>
Wine	<i>Abel Mendoza, Alto Moncayo, Alonso y Pedrajo, Amancio, Azabache, Bajoz, Baynos, Bienvenido Muñoz, Blanco y en Botella, Chaval, Confesor, Loco, Cucú cantaba la rana, Dominio de Eguren, El Rayo, El Grillo, El Hombre Vala, El Marciano, El Nido, El Pacto, Imperial, La Charla, La Escucha, La Gresca, La Pelea, Lola, Luis Cañas, Luna Lunera, Macho Man, Macán, Malbec, Marlo, Mencía y Godello, Miguel Merino, Mirto, Muga, Múrice, Ontañón, Paco, Pata Negra, Peleón, Pláçet, Predicador, Que bonito cacareaba, Ramón Bilbao, Rias Baixas, Ribera del Duero, San Vicente, Sierra Cantabria, Viñas de Monte</i>

5. Results and Discussion

This section offers the results of our analysis of the brand names in the corpus by following the organization of our specific research questions listed in Section 1.

5.1. Distribution of Cognitive Models

The first line of enquiry of this study (Research Question 1) concerns the identification and prevalence of conceptual metonymy, metaphor, and their patterns of interactions, within the scrutinized corpus. We would expect a higher level of conceptual complexity in the case of luxury products, since conceptual complexity has often been shown to correlate with an increase in consumers' attraction to the products.

Figure 4 shows the frequency of occurrence (in percentages) of a total of 243 cognitive models identified in the corpus. As can be observed, metonymy is more abundant than metaphor in the brand names under scrutiny. A total of 79.84% of all the brand names in our corpus have been annotated as cases of metonymy or related complexes — i.e., metonymic chains — whereas the 20.16% of the names have been classified as cases of metaphor. As previous studies have demonstrated,

“this is probably due to the conceptually basic nature of metonymy as a reference point” [Pérez-Sobrino 2016a: 78].

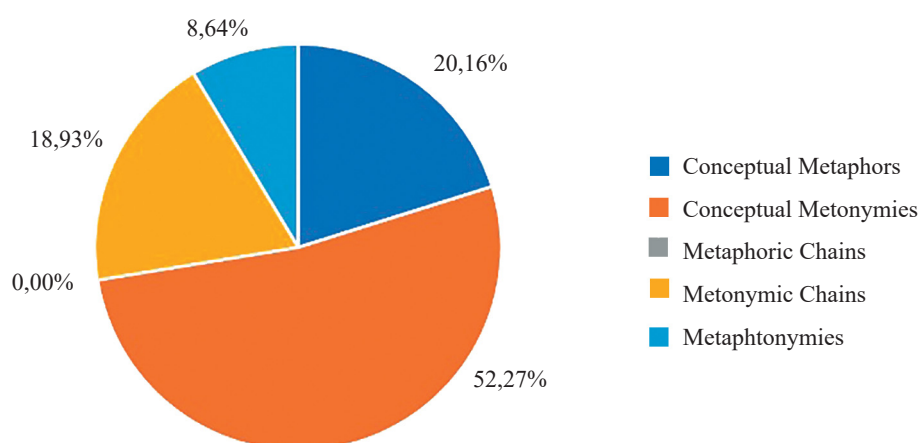

Figure 4. Distribution of cognitive models in the corpus

Metonymic chains are almost as frequent (18.93%) as conceptual metaphors (20.16%) within the corpus. This preference for the combination of metonymies could be based on the ability to supply a point of access to the product to which the brand name designates.

Finally, it is worth noting that the number of *metaphonymies* is the lowest among the cognitive operations identified in the corpus of analysis, reaching just an 8.64% of the total amount of cognitive models found in our corpus.

Even though the frequency of occurrence varies in relation to the category under study, as illustrated in Figure 5, this output shows that the use of metonymies is more extended in the corpus of analysis, thus highlighting its relevance for the field of naming [cf. Pérez-Sobrino 2016a].

Although it comes as no surprise, the frequency of occurrence of conceptual metaphors and metonymies for each of the categories under scrutiny — i.e., basic and luxury products — shows some slight variations as can be observed in Figure 5.

As evidenced above, although the use of conceptual metaphor is lower than that of conceptual metonymy in all categories, luxury products make a slightly more extensive use of this conceptual model than basic products. The use of metaphonymies is also slightly more frequent in the case of brand names belonging to the category of luxury products.

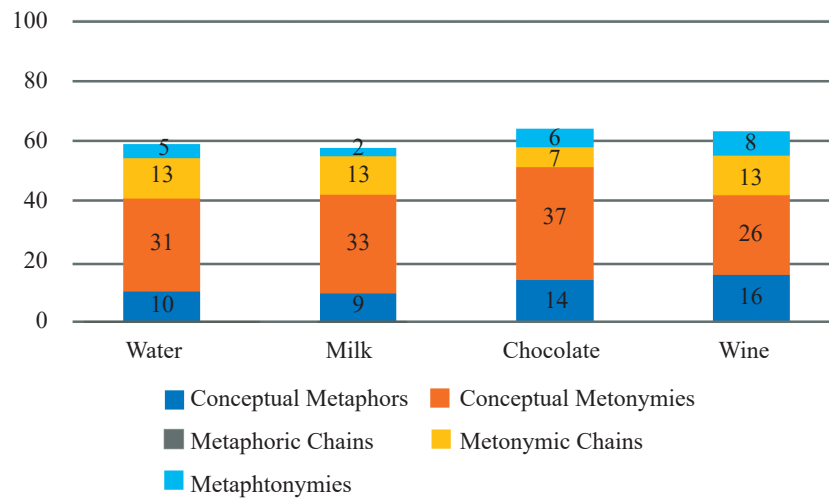

Figure 5. Graphic overview of the distribution of cognitive models for each category under analysis

5.2. Cognitive Operations in Brand Names Design

The second research question guiding this study is related to the quantification and discussion of those cognitive operations that underlie the conceptual fabric of water, milk, chocolate and wine brands. In this connection, essential and luxury brands yield the results displayed in Table 3 and Table 4, respectively.

For reasons that shall be made apparent in the subsequent sections (Sections 5.2.1 to 5.2.4), domain reduction and domain expansion operations have been found to be more abundant in the brand names of basic products. These cognitive operations are involved in the design of more than 85% of the total amount of basic brands under analysis, while only 74% of luxury products brand names make use of them. In contrast with these results, comparison and correlation operations are more productive in the brand names of luxury products. Over 25% of luxury brands are grounded on these cognitive operations against less than 15% of basic brands.

However, it is worth highlighting that the most abundant cognitive operation in both cases still is that of domain reduction, with over a 50% share in both categories. This abundance of domain reduction operations as naming strategies may find a justification in the fact that conceptual operations of this kind “are closely connected with the conceptualisation of reality and can, thus, fulfil a representational and referential function” [Pérez-Hernández 2015: 140]. In the context of naming, the lack of complexity — i.e., conceptual effort — involved in domain reduction operations helps to easily understand the *raison*

d'être behind the brand names and, therefore, those positive features associated to the product itself [Pérez-Hernandez 2013].

Table 3

**Frequency of occurrence of conceptual operations
in the brand names of basic products**

Cognitive operations	Number	Percentage
Domain Reduction	84	60.4
Domain Expansion	35	25.2
Correlation	5	3.6
Comparison	15	10.8
Total	139	100.0

Table 4

**Frequency of occurrence of conceptual operations
in the brand names of luxury products**

Cognitive operations	Number	Percentage
Domain Reduction	70	51.9
Domain Expansion	30	22.2
Correlation	7	5.2
Comparison	28	20.7
Total	135	100.0

The remainder of this section offer a discussion of the results for each of the aforementioned cognitive operations.

5.2.1. Domain Reduction Operations

Domain reduction has been proved to be the most productive mechanism underlying the brand names of both basic products and luxury products.

Results come to confirm Pérez-Hernandez's [2013: 36] contributions as concerns the presence of *eponymies*¹ in most of the examples that have been annotated as cases of domain reduction. Source domains of eponymic brand names include owners or founders (e.g., *Baynos*, *Bienvenido Muñoz*, *Borden Milk*), geographical

¹Eponymy has been defined as a “special subclass of metonymic mappings, in which a proper name stands for a place, a thing, or an institution” [Pérez-Hernandez 2013: 36].

area/origins (*Lanjarón, Mayfield Dairy Farms, Ozarka, Valrhona*), vineyards (e.g., *Viñas de Monte*) or the winery/dairy company (e.g., *C.O.V.A.P., Ontañón*).

As Figure 6 illustrates, in all the examples, the conceptual fabric of the matrix domain includes a rich amount of information that provides the consumer with an ample number of traits that will be associated to the product or target subdomain.

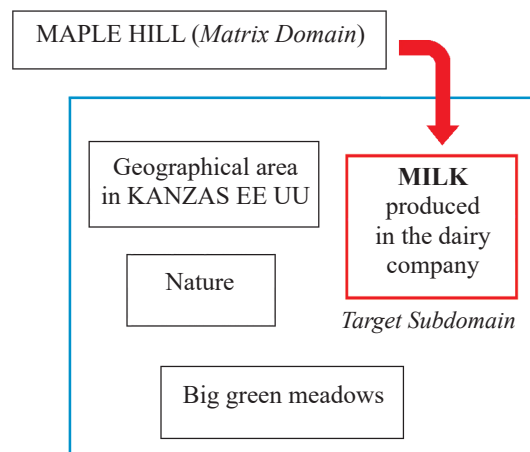

Figure 6. Domain Reduction Operation:
GEOGRAPHICAL AREA FOR PRODUCT

In the case under scrutiny, the name of a geographical area (i.e., *Maple Hill*) functions as an access point to additional conceptual frames which include information about the specific location, the landscape that surrounds the area, the dairy tradition, and of course, the milk produced in it. Of these subdomains, the last one is chosen as the target concept of the metonymic mapping, acting as the reference point for the product that it designates (i.e., milk).

Naming a brand by using metonymic operations such as domain reduction has obvious advantages in terms of distinctiveness. The brand name inherits a collection of connotations derived from the semantic fabric of the matrix domain. In the case under scrutiny the geographical area not only designates and identifies the product (i.e., milk), but it also makes use of the semantic connotations that remain inactive in the background such as his “natural/organic origin” or the “traditional atmosphere that surrounds the product”. The latter concerns conceptual effort. Metonymic mappings imply a straightforward conceptual connection between the matrix domain and the resulting subdomain. Therefore, the cognitive cost involved in these

cases is low. Nevertheless, “the inferences generated by the brand name are limited by the semantic scope of the matrix domain” [Pérez-Hernandez 2013: 37].

5.2.2. Domain Expansion Operations

In sharp contrast with domain reduction operations, domain expansion operations are described as the kind of metonymy in which one of the subdomains is made to stand for the whole domain. Thus, limited information is being provided under the assumption that the consumer will develop it into the relevant conceptual representation (i.e., the matrix target domain). Figure 7 illustrates a brand name based on a domain expansion operation.

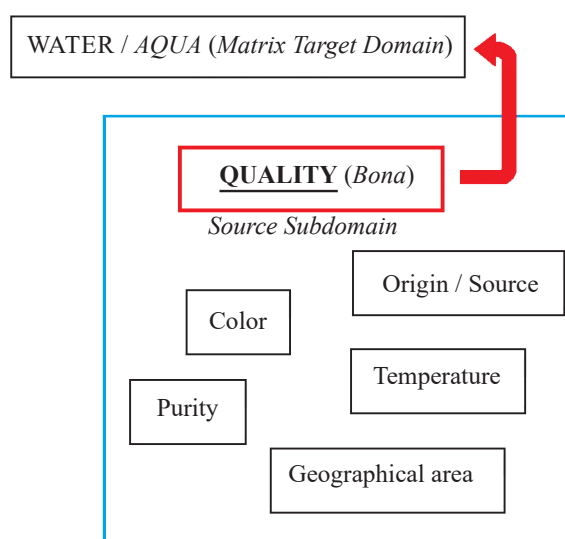

Figure 7. Domain Expansion Operation:
QUALITY FOR PRODUCT

Consider the brand name *Aquabona*. As Figure 7 illustrates, in the case under analysis one of the subdomains (i.e., quality) has become the source domain of the metonymy. By using *bona*, meaning ‘good’, all the relevant semantic content of the qualifying adjective will thus be inherited by the product (i.e., water). In this connection, positive connotations such as ‘healthy’, ‘good’, ‘light’, and ‘pure’, will be inherited by the target product. In fact, the nature of the target product (i.e., water) emphasizes the connection and facilitates the inference-deriving process.

Together with quality-based notions, another productive source domain in domain expansion-based brand names is that of (1) the ingredients or variety

of grape — in the case of wines — and (2) the composition of the product they designate. In this regard, chocolate brand names such as *Milka* and wine brands including *Mencía y Godello* or *Marló* belong to this category. In all these examples, some of the ingredients that form the product are being used as the source domain of the metonymy, thus presenting the product as something desirable. In fact, presenting the consumer with the composition and ingredients of the product enables the brand to stand out from the rest of the products being advertised by highlighting its uniqueness.

Domain expansion operations are a productive tool for the creation of new brand names. They can help to differentiate the product from its competitors through a careful selection of the most relevant and/or salient subdomains of the product.

5.2.3. Comparison Operations

Let us now deal with comparison operations, those mappings that involve a resemblance between the attributes of the source and target domains.

Out of the 43 instances of comparison operations found in our corpus, one metaphorical mapping stands out as more productive in both basic and luxury products: NON-LIVING ENTITIES ARE LIVING ENTITIES. This high-level metaphor is based on a projection of attributes from animate entities to inanimate entities (i.e., the product), thus attributing the specific traits, processes and behaviours of the former to the latter. In this connection, more specific low-level metaphors comprised by the aforementioned generic mapping, such as PRODUCTS ARE PEOPLE, PRODUCTS ARE GODS and PRODUCTS ARE ANIMALS, have appeared repetitively in our sub-corpus of comparison operations.

Metaphors of this kind are illustrated in milk brands such as *Ethos Water*. As Figure 8 shows, the noun *Ethos* activates the domain of ‘ethics’, a moral discipline associated to human beings (i.e., living entities). For this reason, a comparison process is conceptually prompted between the source domain (i.e., humans) and the target domain (i.e., water). In this process, some of the most significant attributes of human ethos are borrowed to enrich the concept of the labelled water and, thus, its brand. However, in order to parametrize the selection process and prevent the transfer of negative features, two techniques are additionally implemented. The first one is the question mark [?]. An allusion to the consumer is inherent in this approach, by questioning them about their ethos — i.e., *Are you ethic?* The second technique is the use of a slogan. In this case, “helping children get clean water”. In this connection, the consumer conceptually selects those positive features associated to human ethos.

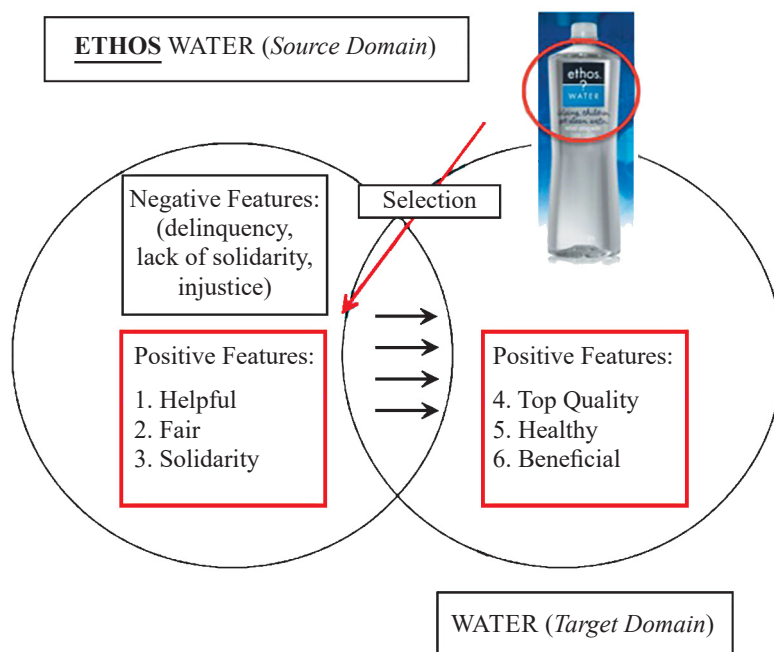

Figure 8. Comparison Operation: PRODUCTS ARE PEOPLE

Other brand names that exploit the NON-LIVING ENTITIES ARE LIVING ENTITIES metaphor focus on animals, e.g., *El Grillo*, *El Nido*, *Pata Negra* — these wine brands activate a mental image of an animal which prompts the consumer to find similarities between the attributes of the animal and the nature of the wine. Thus, the product is endowed with those positive features attributed to the animal. *Pata negra*, for instance, refers to a high-quality pork ham. The wine thus named inherits this sense of quality. Finally, as in the previous example, a selection of those useful attributes is carried out, thus enriching the semantics of the brand. Comparison operations are less productive due to the complex reasoning schema that operations of this kind involve.

5.2.4. Correlation Operations

Finally, brands like *Darigold*, *Galaxy*, *Rayo*, *Viñas de Monte* or *Voss* seem to hold correlation operations, which are based on co-occurrences between different dimensions of experience. A brand such as *Voss* is a proper name that triggers the activation of an image of the Voss Mountain Lodge, including relevant parts of the consumers' long-termed knowledge about it, namely their knowledge about its height. This further activates the notion of verticality. As shown in [Grady 1997],

the upper and lower parts of the so-called image schema of verticality have corresponding axiological values: the upper part is associated with positive notions and the lower part with negative ones. This correlation is based on our bodily experience in real-life situations. High positions are usually vantage points associated with protection and control. Therefore, since a brand like *Voss* is associated with an upper position, through its connection with the corresponding mountain, the aforementioned axiologically positive connotations are inherited by the brand, conveying a sense of quality, superiority and excellence.

Correlation operations have some characteristics that make them especially suitable for the creation of brand names. Since correlation operations are based on bodily experience, they are shared by members of different cultures to a large extent. Therefore, this turns them into an apt marketing and branding strategy in terms of efficiency, economy and global reach.

5.3. Patterns of Conceptual Interaction

The last research question sought to determine the productivity of patterns of conceptual interaction underlying the brand names under analysis. Results have shown the presence of two main interaction patterns within the corpus of analysis (1) metonymic chains and (2) metaphonymies. Out of the 67 instances annotated as cases of conceptual interactions, 46 (68.6%) of them have been classified as cases of metonymic complexes — i.e., cases of metonymic interactions — and 21 (31.4%) as examples of metaphor-metonymy interactions (i.e., metaphonymies).

Having explored each of the categories individually, we have observed that metonymic chains are more frequent in relation to basic brands, reaching a total amount of 26 instances, in contrast to the 20 instances compiled from the category of luxury brand names. Metaphonymies, on the contrary, are more pervasive in relation to luxury brands (14 instances) than basic products (7 instances).

The overall assessment of the results gives pride of place to metonymic chains as a suitable mechanism to connect the product with the brand name. Naming experts tend to recur to branding strategies that provide a cost-effect balance, and allow them to achieve the maximum effect with the minimum conceptual effort. The pervasive use of metaphonymies, however, responds to a different objective. Luxury products, such as chocolate and wine, seem to use conceptual operations that provide the product with additional attributes that justify both their price and differentiation.

5.3.1. Metonymic Chains

Metonymic chains constitute a combination of cognitive operations by which the target domain of the first metonymy provides simultaneous access to the source domain of the following one [Pérez-Sobrino, 2016a].

The wine brand *Macán* combines two different metonymies that interact to reach the final target domain: the wine. On the one hand, a domain expansion operation is carried out: one of the subdomains — the demonym used to identify the inhabitants of *San Vicente de La Sonsierra* — becomes the source domain of the metonymy in which all the relevant semantic content associated to the gentilic is inherited by the location — i.e., PEOPLE FOR LOCATION. At this point, a second metonymy is activated: by means of a domain reduction operation the target matrix domain of metonymy 1 (i.e., *San Vicente de La Sonsierra*) functions as an access point to additional conceptual frames which include information about the specific location, the landscape that surrounds the area, the tradition, and of course, the wine produced in it. Of these subdomains, the last one is chosen as the target concept of the metonymic mapping, acting as the reference for the product — wine. As a matter of fact, all the positive connotations such as ‘tradition’, ‘quality’, ‘diversity’ and ‘the prestige of the specific location’ (namely, the wine region of La Rioja), will characterise the target product.

In the case of the brand names of basic products, the metonymic activation follows a similar procedure, yet the semantic load seems to be reduced. In this regard, brand names such as *Moo*, *Icelandic Water*, *Glaceau SmartWater*, *Gippy* or *Madow Fresh* seem to highlight attributes to emphasize the source of the product — i.e., the natural spring or the animal, — magnifying the quality of the product.

Given that consumers count on more than one point of access to the product, metonymic chains offer naming experts a much safer way to steer consumers in the interpretation of the brand name, attributing the brand with ample amounts of positive connotations.

5.3.2. Metaphtonymies

Finally, the role of metaphtonymies in brand names such as *La Gresca*, *La Palea*, *La Escucha*, *Confesor* or *Almond Joy* is also worth highlighting. As we have previously explained, luxury products need to stand out from similar brands to (a) legitimise their difference in term of price and value and (b) persuade the consumer to buy them. In this regard, operations of this kind seem to be effective as a marketing technique. Let us examine the case of the wine brand name *La Charla* which refers to the act of chatting or talking with someone.

As shown in Figure 9, through a domain reduction operation, the term *charlar* (“chat or talk”) metonymically stands for the person doing the action. Subsequently, the source domain ‘people’ is projected onto the target domain ‘wine’. This is an instance of the WINES ARE PEOPLE metaphor, which is based on the high-level metaphor NON-LIVING ENTITIES ARE LIVING ENTITIES. In this connection, the product is endowed with all the attributes — i.e., comfort,

confidence, serenity or friendly attitude — that are associated with the action of “charlar” (to chat).²

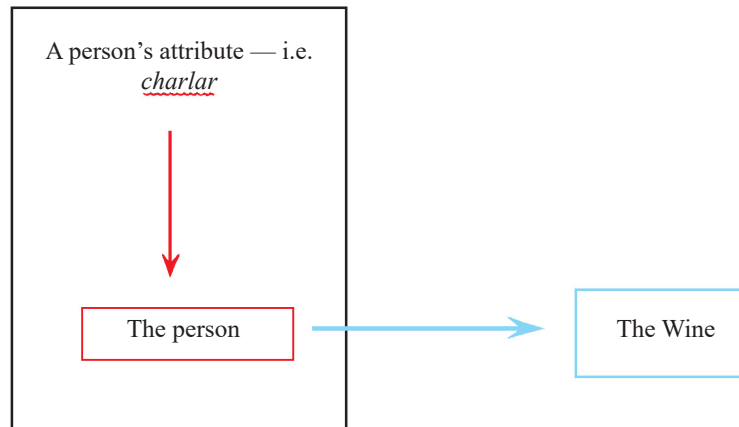

Figure 9. Metaphonymy: Metonymic reduction of metaphoric Source

On the basis of the above discussion, it can be argued that the brand names of basic and luxury products can both make use of metaphonymies as a branding strategy. However, the conceptual complexity involved explains the absence of this pattern of conceptual interaction in the brand names of basic categories.

6. Conclusion

The present investigation analyses the occurrences of two idealised cognitive models (conceptual metaphors and conceptual metonymy), their related conceptual operations (domain reduction, domain expansion, correlation, and comparison), and two patterns of conceptual interaction (metonymic chains and metaphonymies) in a finite collection of luxury and basic brand names.

The quantitative analysis of the corpora has revealed that conceptual metonymies are the most productive naming strategy, adding up to over 50%

² While this brand name could also be interpreted as a situational part-for-part metonymy (chatting as part of the drinking event standing for the wine that is being drunk), we contend that the branding strategy relies on metaphonymy. The term *charlar* first undergoes a metonymic reduction (Action for Agent), identifying a ‘chatter’. This ‘chatter’ is then metaphorically mapped onto the wine. While wines do not ‘chat’, they are endowed with the social persona of a conversationalist — serene, friendly, and approachable. This goes beyond mere situational association; it personifies the product to justify a premium brand personality.

of the items in our corpus of analysis. Our study also corroborates Pérez-Sobrino's [2016a] findings about the role and effects of metaphonymies in advertising.

The qualitative analysis of the data has offered a detailed description of the formal configurations and the correspondent functions carried out by each of the conceptual operations under analysis, as well as the productivity of interaction patterns such as metonymic chains and metaphonymies.

Finally, the study of idealised cognitive models and conceptual operations of our corpus of commercial brand names has also raised some quantitative and qualitative implications regarding their frequency of occurrence in relation to different product categories — basic *vs.* luxury products. The results obtained show that:

(1) Metaphoric instances are scarce in the brand names of basic products. Due to their essential and functional nature, basic products tend to resort to simple conceptual strategies that maintain a balance between cognitive effort (“cost”) and conceptual effect (“benefit”). In this connection, it has been attested that:

a. Domain reduction operations are a powerful naming tool: the use of one word (i.e., the brand name) activates realms of conceptual domains and corresponding semantic associations, which provides the target product with a vast collection of inferences.

b. Domain expansion operations are a productive tool for the creation of new brand names. A careful selection of the most salient subdomains increases the semantic efficiency of the resulting brand name.

(2) On the other hand, metaphoric operations have been found to be more productive in the category of luxury products. In comparison operations, the independent nature of their domains allows the generation of a wealth of new conceptual material that enhances the semantic load of the brand. Along the same lines, since correlation operations are based on experiential basis, they are shared by speakers of different cultures. This turns them into an apt marketing and branding strategy in terms of efficiency and economy.

(3) Finally, metonymic clusters seem to be a safer way to steer consumers in the interpretation of the brand name, adding positive connotations to the brand name.

(4) Metaphonymies, which have also been found to be more productive in the category of luxury products, use domain reduction and expansion operations to guarantee the interpretation of the metaphoric expression with a larger semantic effect.

The use of conceptual operations in the naming process plays a productive role in the creation of a suitable commercial brand name. However, further studies along the lines of the present investigation could help assess the advantages and disadvantages of using different types of cognitive operations and patterns of conceptual interaction with different product categories.

References

- Azzahraa El Yamlahi, F., & Cortés de los Ríos, M. E. (2022). Examining the Metonymic Relation between a Brand Name and a Product: A Case Study of Moroccan Cosmetic Brand Names. *Ibérica*, 44, 391–416. <https://doi.org/10.17398/2340-2784.44.39>
- Beverland, M. (2005). Brand Management and the Challenge of Authenticity. *Journal of Product & Brand Management*, 14(7), 460–461.
- Coates, R. (2006). Properhood. *Language*, 82(2), 356–382. <https://doi.org/10.1353/lan.2006.0084>
- Coulter, R. A., Zaltman, G., & Coulter, K. S. (2001). Interpreting Consumer Perceptions of Advertising: An Application of the Zaltman Metaphor Elicitation Technique. *Journal of Advertising*, 30(4), 1–21. <https://doi.org/10.1080/00913367.2001.10673648>
- Felices Lago, A. (1999). Axiological Linguistics Applied to Branding: Analysis of Trade Names Related to Personal Care, Cloth and Footwear. *Unesco Aلسed-LSP Newsletter*, 22(2), 16–27.
- Galera Masegosa, A. (2010). Metaphoric Complexes: A Spanish-English Contrastive Analysis of Metaphor and Metonymy in Interaction. *Revista Española de Lingüística Aplicada (RESLA)*, 23, 175–194.
- Gontijo, P. F. D., & Zhang, S. (2007). The Mental Representation of Brand Names: Are Brand Names a Class by Themselves? In T. M. Lowrey (Ed.), *Psycholinguistic Phenomena in Marketing Communications* (pp. 23–37). Mahwah, NJ; London: LEA.
- Goossens, L. (1990). Metaphonymy: The Interaction of Metaphor and Metonymy in Expressions for Linguistic Action. *Cognitive Linguistics*, 1(3), 323–342. <https://doi.org/10.1515/cogl.1990.1.3.323>
- Grady, J. E. (1997). *Foundations of Meaning: Primary Metaphors and Primary Scenes* (Doctoral dissertation). University of California, Berkeley.
- Herrero Ruiz, J. (2009). *Understanding Tropes: At the Crossroads between Pragmatics and Cognition*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Hidalgo-Downing, L., & Kraljevic Mujic, B. (2011). Multimodal Metonymy and Metaphor as Complex Discourse Resources for Creativity in ICT Advertising Discourse. *Review of Cognitive Linguistics*, 9(1), 153–178. <https://doi.org/10.1075/rc1.9.1.08hid>
- Kim, A. J., & Ko, E. (2012). Do Social Media Marketing Activities Enhance Customer Equity? An Empirical Study of Luxury Fashion Brand. *Journal of Business Research*, 65, 1480–1486. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2011.10.014>
- Kraljevic Mujic, B. (2009). *Linguistic and Pictorial Metonymy in Advertising*. Retrieved from <https://burjcdigital.urjc.es/handle/10115/4648>
- Kraljevic Mujic, B., & Hidalgo-Downing, L. (2013). Multimodal Metonymy and Metaphor as Complex Discourse Resources for Creativity in ICT Advertising Discourse. In F. González-García, M. S. Peña Cervel, & L. Pérez Hernández (Eds.), *Metaphor and Metonymy Revisited beyond the Contemporary Theory of Metaphor* (pp. 147–168). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins.
- Lakoff, G. (1997). The Internal Structure of the Self. In U. Neisser, & D. A. Jopling (Eds.), *The Conceptual Self in Context: Culture, Experience, Self-understanding* (pp. 92–113). Cambridge: Cambridge University Press.
- Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press.
- Pérez-Hernández, L. (2011). Cognitive Tools for Successful Branding. *Applied Linguistics*, 32(4), 369–388. <https://doi.org/10.1093/applin/amr004>
- Pérez-Hernández, L. (2013). A Pragmatic-Cognitive Approach to Brand Names: A Case Study of Rioja Wine Brands. *Names*, 61(1), 33–46. <https://doi.org/10.1179/0027773812z.000000000038>

- Pérez-Hernández, L. (2014). Cognitive Grounding for Cross-cultural Commercial Communication. *Cognitive Linguistics*, 25(2), 203–248. <https://doi.org/10.1515/cog-2014-0015>
- Pérez-Hernández, L. (2015). The Role of Mitigation and Strengthening Cognitive Operations in Brand Names Design: A Case Study of Spanish and American Wine Brands. *Social Semiotics*, 26(2), 128–150. <https://doi.org/10.1080/10350330.2015.1080015>
- Pérez-Hernández, L. (2019). XL Burgers, Shiny Pizzas, and Ascending Drinks: Primary Metaphors and Conceptual Interaction in Fast Food Printed Advertising. *Cognitive Linguistics*, 30(3), 531–570. <https://doi.org/10.1515/cog-2018-0014>
- Pérez-Hernández, L., & Hugueta Varea, D. (2022). Primary Metaphors in Advertising: An Analysis of Tangible vs. Intangible Product Printed Advertisements. *Pragmalinguística*, 30, 331–354. <https://doi.org/10.25267/pragmalinguistica.2022.i30.15>
- Pérez-Sobrino, P. (2016a). Multimodal Metaphor and Metonymy in Advertising: A Corpus-Based Account. *Metaphor and Symbol*, 31(2), 73–90. <https://doi.org/10.1080/10926488.2016.1150759>
- Pérez-Sobrino, P. (2016b). “Shockvertising”: Conceptual Interaction Patterns as Constraints on Advertising Creativity. *Círculo de Lingüística Aplicada A la Comunicación*, 65, 257–290. https://doi.org/10.5209/rev_clac.2016.v65.51988
- Pérez-Sobrino, P. (Ed.). (2017). *Multimodal Metaphor and Metonymy in Advertising*. Amsterdam: John Benjamins.
- Ruiz de Mendoza Ibáñez, F. J. (1997). Metaphor, Metonymy and Conceptual Interaction. *Atlantis*, 19(1), 281–295.
- Ruiz de Mendoza Ibáñez, F. J. (2000). The Role of Mappings and Domains in Understanding Metonymy. In A. Barcelona (Ed.), *Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective* (pp. 109–132). Berlin; New York: Mouton de Gruyter.
- Ruiz de Mendoza Ibáñez, F. J. (2003). Patterns of Conceptual Interaction. In R. Dirven, & R. Pörings (Eds.), *Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast* (pp. 489–532). Berlin; New York: Mouton de Gruyter.
- Ruiz de Mendoza Ibáñez, F. J. (2011). Metonymy and Cognitive Operations. In R. Benczes, A. Barcelona, & F. J. Ruiz de Mendoza Ibáñez (Eds.), *Defining Metonymy in Cognitive Linguistics: Towards a Consensus View* (pp. 103–124). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins.
- Ruiz de Mendoza Ibáñez, F. J., & Díez Velasco, O. I. (2002). Patterns of Conceptual Interaction. In R. Dirven, & R. Pörings (Eds.), *Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast* (pp. 489–532). Berlin; New York: Mouton De Gruyter.
- Ruiz de Mendoza Ibáñez, F. J., & Galera Masegosa, A. (2011). Going beyond Metaphonymy: Metaphoric and Metonymy Complexes in Phrasal Verb Interpretation. *Language Value*, 3(1), 1–29.
- Ruiz de Mendoza Ibáñez, F. J., & Galera Masegosa, A. (2012). Modelos cognitivos, operaciones cognitivas y usos figurados del lenguaje. *Forma y Función*, 25(2), 11–38.
- Ruiz de Mendoza Ibáñez, F. J., & Galera Masegosa, A. (2014). *Cognitive Modeling. A Linguistic Perspective*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins.
- Van Langendonck, W. (2007). *Theory and Typology of Proper Names*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter.
- Van Langendonck, W., & Van de Velde, M. (2016). Names and Grammar. In C. Hough (Ed.), *The Oxford Handbook of Names and Naming* (pp. 17–38). Oxford: Oxford University Press.

https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2026.23.1.006
УДК 930(510)“4/5” + 81*373.2 + 913:911.3 + 94(515)“4/5”-055.2 + 398.223

Мария Дмитриевна Сохина

старший преподаватель кафедры иностранных языков и образовательных технологий, Уральский федеральный университет (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51)

E-mail: mariam1388@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0005-9463-2336>

***Nü guo* китайской историографии: К вопросу о локализации «Женских царств» Тибета**

Часть II: Западный Тибет и Верхний Ладакх

Аннотация

В китайских текстах V–XI вв. (хрониках, трактатах, энциклопедиях, сообщениях путешественников) неоднократно встречается макротопоним *Nü guo* «Царство женщин», употреблявшийся применительно к мифическим и реальным государствам, где из поколения в поколение правит женщина-царь. Статья представляет собой вторую часть исследования, цель которого — локализация тех Царств женщин, которые располагались в Тибете или в непосредственной близости от него. Анализ письменных источников, произведенный автором в первой части, показал, что в хрониках речь идет о Царствах женщин по разные стороны Тибетского нагорья. В ходе работы было установлено географическое положение Царства женщин, которое действительно существовало в Восточном Тибете в определенный исторический период — до середины VIII в. Во второй части исследования рассматривается возможность локализации топонима *Nü guo* в регионе Западный Тибет и прилегающей к нему юго-восточной части Ладакха. Данные территории объединялись древней цивилизацией, оставившей после себя многочисленные жилые и церемониальные памятники. В начале VII в. самым сильным государственным образованием на этом обширном пространстве было царство Шангшунг, где сосуществовали различные культурные группы. В царство входили некогда процветавшие земледельческие территории в долинах бассейнов верхнего течения рек Инд и Сатледж. Уклад жизни, характерный для местного населения в недавнем прошлом, обнаруживает несколько параллелей с Царством женщин китайских хроник, при этом в верховьях Сатледжа поклоняются локальным божествам женского пола. На основании этнографических и археологических материалов, а также данных письменных источников автором выдвигается гипотеза, что в верхнем течении рек Инд и Сатледж в древности могли проживать носители матриархально ориентированной культуры, вероятно, прекратившей свое существование еще до расцвета Шангшунга.

© Сохина М. Д., 2026

Ключевые слова

историческая ономастика; Западный Тибет; Шангшунг; Гуге; Ладакх; Лех; историческая география; средневековая китайская историография

Для цитирования

Сохина М. Д. *Nü guo* китайской историографии: К вопросу о локализации «Женских царств» Тибета. Часть II: Западный Тибет и Верхний Ладакх // Вопросы ономастики. 2026. Т. 23, № 1. С. 140–166. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2026.23.1.006

Рукопись поступила в редакцию 16.03.2025

Рукопись принята к печати 15.08.2025

Mariia Dmitrievna SOKHINA

Senior Lecturer, Department of Foreign Languages and Educational Technologies, Ural Federal University (51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia).

Email: mariam1388@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0005-9463-2336>

Nü guo in Chinese Historiography: The Localisation of Tibetan “Women’s Kingdoms”

Part II: Western Tibet and Upper Ladakh

Abstract

In Chinese texts of the 5th–11th centuries (chronicles, treatises, encyclopedias, and travel accounts), the macro-toponym *Nü guo* ‘Kingdom of Women’ appears repeatedly. It was used in reference to both mythical and real polities in which women-rulers governed from generation to generation. This article is the second part of a study aimed at localising those Kingdoms of Women that were situated in Tibet or in its immediate vicinity. An analysis of written sources carried out by the author in the first part of the study demonstrated that the chronicles refer to Women’s Kingdoms located on different sides of the Tibetan Plateau. The research made it possible to establish the geographical location of one such kingdom that actually existed in Eastern Tibet during a certain historical period, namely until the mid-8th century. The second part of the study examines the possibility of locating the toponym *Nü guo* in the region of Western Tibet and the adjacent south-eastern part of Ladakh. These territories were once united by an ancient civilisation that left numerous residential and ceremonial monuments. At the beginning of the 7th century, the most powerful political formation in this vast area was the kingdom of Zhangzhung, where different cultural groups coexisted. The kingdom included once-prosperous agricultural lands situated in the valleys of the upper basins of the Indus and Sutlej rivers. The way of life characteristic of the local population until relatively recent times reveals several parallels with the Women’s Kingdom described in the Chinese chronicles; moreover, in the upper Sutlej region local female deities are venerated. On the basis of ethnographic and archaeological evidence and data from written sources, the author advances the hypothesis that bearers of an ancient matriarchally oriented culture may have lived in the upper courses of the Indus and Sutlej rivers. This culture probably ceased to exist even before the rise of Zhangzhung.

Keywords

historical onomastics; Western Tibet; Zhangzhung; Guge; Ladakh; Leh; historical geography; medieval Chinese historiography

For citation

Sokhina, M. D. (2026). *Nü guo* in Chinese Historiography: The Localisation of Tibetan “Women’s Kingdoms”. Part II: Western Tibet and Upper Ladakh. *Voprosy onomastiki*, 23(1), 140–166. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2026.23.1.006

Received on 16 March 2025

Accepted on 15 August 2025

Как было сказано в первой части исследования [Сохина 2024], китайский буддийский ученый и путешественник Сюаньцзан пишет о Царстве Золотого клана (蘇伐刺拏瞿咄羅 *Sufalanaqudalu*, на санскрите восстанавливается как *Suvarṇagotra*) к северу от страны Полосимобуло (婆羅吸摩補羅 *Poluoximobuluo*), лежащей в области истоков Ганга. Сюаньцзан утверждает, что Царство Золотого клана носило такое название, поскольку в этой стране добывали превосходное золото [Pelliot 1963: 699]. По сведениям паломника, это государство одновременно являлось Царством женщин (女國 *Nü guo*). Важно отметить, что Сюаньцзан не слышал о Женском царстве, пребывая в стране Цюйлудо (屈露多 *Quluduo*), которая примерно соответствует долине Куллу в верховьях р. Биас (здесь и далее см. карту). Страны Лохуло (洛護羅 *Luohuluo*) и Молосо (抹邏娑 *Moluosuo*) в горах к северу от Цюйлудо он с Царством женщин не отождествляет [Сюань-цзан 2012: 114–115], что может служить основанием для локализации Царства женщин именно в Западном Тибете, а не в Ладакхе.

Корейский паломник Хечо, побывавший в Индии в 720-х гг., спустя почти сто лет после Сюаньцзана, также упоминает о Суварнаготре (蘇跋那具怛羅 *Subanajudalu*). Он говорит о ней как о маленькой стране с очень холодным климатом, зависимой от Тибета, и размещает ее за Гималаями, в месяце пути на восток от царства Джаландхара (*Jālandhara* — восстановленное название на санскрите, у Хечо — 閻蘭達羅 *Shelandalu*). Он добавляет, что одежда жителей Суварнаготры похожа на одежду обитателей Северной Индии, но их язык другой [Wegehaupt 2012: 106]. Хечо не приравнивает Суварнаготру к Царству женщин: о последнем он совершенно умалчивает.

Царство Джаландхара (у Сюаньцзана — 閻爛達羅 *Shelandalu*), где побывали оба паломника, согласно маршруту Сюаньцзана, находилось к юго-западу от Цюйлудо / Куллу [Сюань-цзан 2012: 114]. По всей вероятности, оно включало современный город Джаландхар и окружающие территории. Возможно, царство доходило до Кангры к западу от Куллу. В любом случае

Рассматриваемые территории в Западном Тибете, Ладакхе и регионе Гиндукуш — Каракорум

общее направление движения на восток из региона к юго-западу от Куллу неизбежно приводит путника в Западный Тибет, если быть точнее — в Гуге (*Gu ge*), бассейн верхнего течения р. Сатледж к северу от истоков Ганга, и это возвращает нас к повествованию Сюаньцзана¹.

¹ Впрочем, учитывая, что путешественники прошлого не имели современных навигационных устройств, не следует воспринимать обозначенное ими направление буквально: например, восток может оказаться северо-востоком или юго-востоком. Так, в песне, приписываемой тибетскому

Мирза Хайдар, военный деятель Яркендского ханства, вторгшийся в Гуге в 1530-е гг., писал, что там «...повсюду можно найти золото. Везде, где они копают землю и высыпают ее на подстилку, они находят золото. Самые маленькие кусочки размером с чечевицу или маш, и говорят, что иногда попадаются комки размером с баранью печень»² [Elias 1895: 411]. По словам полководца, местное золото не уменьшается в объеме, что бы с ним ни делали, «только огонь имеет на него какое-то воздействие» [Ibid.: 412]. Несмотря на возможное преувеличение, повествование Мирзы Хайдара однозначно свидетельствует о добыче золота в верховьях Сатледжа и его высоком качестве. Следы досовременных золотых рудников действительно встречаются в Гуге. Напротив одного из таких участков, протянувшегося на расстояние более 2 км, находится скопление обитаемых в прошлом пещер [Bellezza 2014a: A-61], в которых, вероятно, жили золотодобытчики.

Примечательно, что Мирза Хайдар, описывая образ жизни тибетских кочевников, сообщает, что зимой они спускались с нагорья в Индию для торговли. Среди тибетских товаров он упоминает соль и золото [Elias 1895: 408]. Судя по всему, речь идет об обширной трансгималайской торговле, заключавшейся в обмене соли из многочисленных озер Тибетского плато на зерно и продукты ремесла приграничных районов Индии и Непала. Некоторые гималайские общины накопили исключительный опыт в качестве посредников, приобретая соль у тибетских скотоводов и продавая ее жителям равнин и предгорий [Rizvi 1996: 97].

Могло ли население дотибетского Гуге принимать активное участие в торговле солью, подобно обитателям Царства женщин? Ответ кроется в самом расположении бассейна Сатледжа на юге Западного Тибета: к северо-востоку от него простирается плато Чангтан (*Byang thang*) с соляными озерами, а к югу высится стена Гималаев, отделяющая его от Индии. Между Гуге на западе и Пурангом (*Spu hreng*) на востоке находился старый центр тибетско-индийской торговли *Rgya nyi ma*, действовавший вплоть до закрытия тибетской границы в середине XX в. На этот рынок со своей солью и шерстью приходили даже из Рутога (*Ru thog*) [Khenrap 2000: 57], богатого золотом района на севере Западного Тибета, непосредственно к югу от Хотана. Скорее всего, эта традиция восходит к доисторическому периоду и через торговцев зерном и солью рассказы о Царстве Золотого клана к югу

паломнику XIII в. *U rgyan pa Rin chen dpal*, поется, что он шел из Джаландхара на восток в *Mar yul* [Li 2011: 213], т. е. в Ладакх, фактически находящийся больше к северу, чем к востоку. Путь занял у него месяц. Следовательно, полученная Хечо информация о Суварнаготре может в равной степени указывать на расположение этой страны как в Западном Тибете, так и в Ладакхе.

²Здесь и далее перевод с английского наш. — М. С.

от Хотана и к западу от Центрального Тибета распространялись по царствам, лежавшим в верховьях Ганга³.

Расположение Гуге на юге Западного Тибета, которое согласуется со сведениями о Суварнаготре, полученными Сюаньцзаном и Хечо, наличие в нем золота и потенциальная вовлеченность его древних жителей в трансгималайскую торговлю солью наводят на мысль о возможном местонахождении на этой территории Царства женщин.

Однако есть данные, опровергающие эту гипотезу. В 630–640-х гг., когда Сюаньцзан путешествовал по Индии, верховья Сатледжа были ядром государства Шангшунг (*Zhang zhung*), о чем свидетельствуют не только устные предания и тексты религии бон, но и административно-территориальное деление Шангшунга после его присоединения к Тибетской империи. Согласно тибетским историческим трудам «*Rgya bod kyi chos 'byung rgyas pa*» («*Mkhas pa Lde'u*») и «*Mkhas pa'i dga'ston*», основанным среди прочего на источниках имперского периода, в середине VIII в. Гуге вместе с прилегающими районами — долиной р. Спити (*Spi ti / Snyi ti*), впадающей в Сатледж с севера у китайско-индийской границы, и местностью *Gu cog / Cog la* между Гуге и Спити — были округами Нижнего Шангшунга (*Zhang zhung smad*) [Dotson 2006: 162, 169, 190]. В эпическом тексте о «верхнем (т. е. западном. — М. С.) полке героев», сражавшемся с тюрками, *Gug ge* и *Gu cog* действуют как центры командования этой частью тибетской армии [Ibid.: 375].

Древнетибетская хроника содержит песни царицы *Sad mar kar*, сестры тибетского императора, выданной замуж за шангшунгского царя *Lig Myi rhya*. Своими песнями царица в иноказательной форме побуждает брата к решительным действиям — напасть на пренебрегающего ею и потому ненавистного *Lig Myi rhya* и завоевать Шангшунг. В первой песне есть такие слова: «Доля крепостных, которая была выделена (мне), — это *Gu ge rkang pran*» [Uray 1972: 8–10, PT 1287]. Сходный мотив встречается в древнетибетском ритуальном тексте, включающем рассказ о девушке из знатной семьи, которая совершила самоубийство из-за нежелания выходить замуж за правителя *Gu ge rkang phran* [PT 1136].

Истории этих девушек, вымышленные или реальные, определенно дают понять, что Шангшунгом и Гуге правил мужчина-царь. Во всех известных на сегодняшний день документах, среди которых древнетибетский список доимперских княжеств и Древнетибетские анналы [Vacot et al. 1940: 80,

³О древности торговых связей между бассейном Верхнего Сатледжа и влажными предгималайскими долинами Индии говорит открытие бамбукового ритуального предмета в одном из захоронений Гуге, которое относится к I тыс. до н. э. [Bellezza 2008: 112, 115].

PT 1286; Dotson 2009: 82, PT 1288], главой Шангшунга выступает правитель-мужчина, чаще всего носящий имя *Lig Snya shur / Lig Myi rhya*.

Древнетибетский ритуальный текст [PT 1060] утверждает, что царь *Lig Snya shur* правил в земле *Chab gyi Ya bgo*, название которой можно перевести как «Страна истоков». Очевидно, тут подразумевается область истоков Брахмапутры, Инда и Сатледжа, охватывающая в том числе район Гуге. Крепость земли *Chab gyi Ya bgo* носила название *Khyung lung Rngul mkhar*. Царица *Sad mar kar* в Древнетибетской хронике упоминает эту крепость как свое новое владение [Uray 1972: 7].

В соответствии с хроникой «*Mkhas pa'i dga' ston*» в *Khyung lung Rngul mkhar* размещалась резиденция губернатора Шангшунга в составе Тибетской империи [Dotson 2006: 300].

Бонское сочинение по истории и священной географии «*Tise'i dkar chag*», написанное в XIX в., содержит две классификации царей, правивших в разных землях Шангшунга. И в том и в другом списке правители Гуге ассоциируются с районом *Khyung lung* [Vitali 2008: 382–383, 385–386].

Таким образом, *Khyung lung* был важным политическим центром, откуда осуществлялось управление территорией Гуге и, вероятно, всем царством Шангшунг.

В деревне *Khyung lung* на востоке Гуге находится архаичный жилой комплекс, состоящий из более чем 250 пещер — как естественных, так и вырубленных человеком. Рядом стоят руины большого жилого сооружения под названием *Khyung lung mkhar rtse*, которые местные жители также именуют *Khyung lung dngul mkhar*. Сравнительно небольшая площадь памятника, его нестратегическое расположение в глубоком изолированном уголке долины Сатледжа, а также архитектурный стиль, не наблюдаемый на древних культурных объектах, позволяют сделать вывод, что этот комплекс не мог функционировать как столица региона и, скорее всего, был основан после 1000 г. н. э. [Bellezza 2014a: B-117].

Легендарная крепость Шангшунга, по всей видимости, располагалась выше по течению Сатледжа, примерно в 10 км к северо-востоку от деревни *Khyung lung*. Руины разрушенной цитадели *Mkhar gdong* занимают площадь 20 000 м² на стратегическом стыке широких долин районов Гар (*Sgar*) и Верхний Пуранг (*Spu hreng stod*) и каньонов Гуге⁴. Крепость возвышалась над

⁴По предварительным данным радиоуглеродного анализа, *Mkhar gdong* датируется 400–700 г. н. э. [Bellezza 2008: 112, fn. 111], что вписывается во время существования царства Шангшунг, окончательно завоеванного Тибетской империей в 640-е гг. На основании радиоуглеродного тестирования также можно предположить, что на участке были и более ранние периоды заселения [Ibid.].

слиянием четырех рек поблизости от захоронений *Gurugyam (Chu nag rdo ring)*, самого крупного кладбища, обнаруженного в Западном Тибете [Bellezza 2014a: A-45].

Как видно, в этом месте на востоке Гуге лежала столица царства Шангшунг, которое состояло по меньшей мере из нескольких крупных районов Западного Тибета.

Обширные пространства Западного Тибета, охватывающего часть населенного преимущественно скотоводами высокогорного плато Чангтан и значительные в прошлом сельскохозяйственные земли в речных долинах Гуге, Гара, Пуранга и Рутога, объединяются древней цивилизацией, которая характеризуется цельнокаменной архитектурой и особыми церемониальными памятниками в виде менгиров — вертикально стоящих камней — и каменных ограждений. Данные ритуальные сооружения широко распространены по всей территории от истоков Сатледжа до 90 меридиана к северу от Трансгималайского хребта и до 85 меридиана на юге, по течению Брахмапутры [Bellezza 2014c: 140, 143], — в более крупном регионе, называемом Верхний Тибет⁵. Здания с каменными крышами образовывали один из основных типов архаичных жилых строений практически на всей его площади [Bellezza 2014a; 2014b].

Природные условия в Гуге отличаются от таковых в других районах Западного Тибета, отсюда ряд особенностей архитектуры. Так, строительный камень в бассейне Верхнего Сатледжа не везде присутствует в достаточном количестве, поэтому при возведении стен в дополнение к каменным материалам издревле применяли саманные блоки, а для создания крыш использовали древесину. Многие древние поселения состоят из высеченных человеком пещер. Тем не менее на востоке Гуге представлены церемониальные постройки, типичные для всего Верхнего Тибета: каменные ограждения и столбы-менгиры внутри каменных ограждений [Bellezza 2014b: C-104, C-121]. Здесь также обнаружен внушительный памятник, подобный тем, что свойственны Чангтану, — ряды столбов с примыкающим сооружением [Ibid.: C-146]. На юге Гуге, на участке, где естественная среда напоминает Чангтан, имеются два больших прямоугольных ограждения в виде стен из нагроможденных камней [Ibid.: D-90]. В этой же местности вблизи индийской границы

⁵В ходе становления и развития цивилизации Верхнего Тибета ее носители, по-видимому, взаимодействовали с доскифским и скифским населением степей Центральной Азии бронзового и железного веков, оставившим после себя похожие церемониальные памятники [Bellezza 2008: 95–98]. Не исключено, что впоследствии, в середине I тыс. н. э., тюрки переняли у своих верхнетибетских современников некоторые особенности возведения ритуальных конструкций [Ibid.: 108].

есть цельнокаменная архитектура, свидетельствующая о культурной близости Гуге с высокогорным плато [Bellezza 2014a: A-102].

В центральной части района менгиры встречаются редко: похоже, сказалась близость буддийских центров Цапаранг (*Rtsa brang*) и Тхолинг (*Mtho lding*). Столб *Mon bu rdo ring* высотой 2,5 м уцелел в том числе и потому, что стоял в отдалении от крупных монастырей [Bellezza 2014b: C-169]. Знаменательно, что в непосредственной близости от менгира обнаружены руины цельнокаменных построек [Bellezza 2014a: B-125].

Важным типом древних церемониальных строений, распространение которых ограничивается Западным Тибетом, являются кубические гробницы на вершинах гор, которые, скорее всего, использовались для захоронения высокопоставленных жрецов. Гробницы этого вида присутствуют как в Чангтане на севере [Bellezza 2014b: E-24], так и в Пуранге [Ibid.: E-21] на юге региона; возводились они и в Рутоге — на крайнем северо-западе [Ibid.: E-28]. В Гуге такие памятники не зафиксированы, при этом нужно отметить, что в районе найдены остатки древних святынь, частью которых был кубический элемент [Bellezza 2014a: A-141, B-83]. Руины кубических святынь наблюдаются по всему Западному Тибету [Ibid.: B-37, B-49, B-33], что предполагает схожие верования и обряды на всей протяженности региона.

Как показывают вышеперечисленные архаичные объекты в Гуге, на определенном этапе истории район Верхнего Сатледжа действительно представлял собой органичную часть цивилизационной общности Западного и — шире — Верхнего Тибета, хотя и, несомненно, обладал культурной самобытностью.

Принадлежность к рассматриваемой цивилизации, судя по всему, объединяла земли, где правили цари Шангшунга, перечисленные в бонском тексте «Tise'i dkar chag». Среди этих земель фигурируют не только различные районы Верхнего Тибета, но и Ладакх [Vitali 2008: 385–387]. Материалы археологии подтверждают, что цивилизация Верхнего Тибета простиралась на запад, за границы современного округа Нгари Тибетского автономного района.

В долине Нубры, входящей в регион Ладакх, обнаружены руины древнего поселения, характеризующиеся теми же чертами, что и архаичные постройки Верхнего Тибета: маленькие комнаты без окон, стены из беспорядочных камней, топографическая интеграция [Devers et al. 2015: 13]. Древние захоронения Нубры, состоящие из прямоугольных или круглых массивов вбитых в землю камней, напоминают захоронения Западного Тибета [Ibid.: 57–59, 123–125]. Долина Нубры географически связана с Рутогом: озеро Пангонг-Цо в Рутоге раньше имело сток в р. Шайок, в которую впадает Нубра. По всей

вероятности, миграция из Западного Тибета в долину Нубры осуществлялась прежде всего из Рутога⁶.

В собственно Ладакхе — долине Инда от границы с Западным Тибетом до Линии контроля между Индией и Пакистаном — цельнокаменные строения встречаются вниз по течению Инда до впадения в него р. Занскар (*Zangs dkar*). Меньшее количество подобных построек и менее разнообразные техники каменной кровли указывают на то, что эта часть Ладакха находилась на краю ареала верхнетибетской архитектурной традиции [Devers 2018: 104]. Должно быть, носители цивилизации Верхнего Тибета проникали в регион еще до его присоединения к Тибетской империи, двигаясь вниз по долине Инда, а также из Рутога. В последнем случае им приходилось бы пересекать хребет Ладакх по перевалам. Самый легкий перевал — Чангла (*Byang la*) — открыт круглый год и ведет в долину Чемре, богатую древними оборонительными сооружениями, среди которых есть укрепления с каменными крышами [Devers 2016: 45; 2017: 322, 333, fig. 3].

Учитывая цель настоящего исследования, особый интерес вызывают древние захоронения, обследованные немецким миссионером А. Г. Франке в начале XX в. в долине Леха (*Gle*). Эти выложенные камнем камеры глубиной не менее 180 см содержали глиняные сосуды, заполненные человеческими

⁶Тесные контакты между Нуброй и Рутогом отражены в наскальном искусстве. Среди наскальных изображений Нубры есть уникальный для Ладакха сюжет: женщина на корточках рождает ребенка; аналогичные сцены присутствуют в Рутоге и Центральной Азии [Bellezza 2014c: 176–177; Devers et al. 2015: 40]. Другой поразительный общий мотив петроглифов — маскоиды. В Рутоге задокументировано около 50 разных лиц, причем в остальной части Верхнего Тибета они полностью отсутствуют [Bellezza 2014c: 182]. Маскоиды — редкость в наскальном искусстве Ладакха, однако на памятнике Мурги Токпо в Нубре их зарегистрировано около сотни [Devers et al. 2015: 72]. Это еще одна линия, связывающая территории Рутога и Нубры друг с другом и с Центральной Азией. Очевидно, долина Нубры служила одним из каналов, по которым центральноазиатское влияние из Таримского бассейна достигало Рутога и Верхнего Тибета в целом. Другим таким каналом, соединявшим Рутог и современный Синьцзян, могла быть восточная дорога через Пулу и Керю — хороший маршрут, проходивший по равнинам Чангтана в местности, где доступны вода и корм для скота [Johnson 1867: 10, 12–13]. Рутог — единственный район Верхнего Тибета, в петроглифах которого четко просматриваются мотивы, созвучные наскальному искусству доскифского и скифского населения Центральной Азии позднего бронзового и железного веков (1200–300 гг. до н. э.) [Bellezza 2008: 190–193, 196]. На более поздние контакты с Центральной Азией могут указывать обнаруженные в Рутоге захоронения, которые, скорее всего, принадлежали древним уйгурам и ориентировочно датируются IV–VIII вв. н. э. [Ibid.: 197, fn. 210]. Связь Рутога с кочевым миром степей прослеживается и в устной традиции района: согласно легенде, передаваемой из поколения в поколение, главную цитадель Рутога на холме *Rdzong ri* основал *Bshan pa* («Мясник») *sme ru rtse*, тюркский или монгольский полководец, один из героев эпоса «Гесар». То, что считалось его забальзамированным телом, хранилось в крепости до середины XX в. [Khenrap 2000: 35–36; Bellezza 2014a: A-17]. Историческая роль Рутога состоит в том, что благодаря своему расположению он стал своего рода воротами в Тибет, через которые перемещалось население, вторгались центральноазиатские завоеватели и передавались культурные достижения.

костями, и черепа долихоцефалической формы [Francke 1914: 71–72], в общем не характерные для тибетского населения Ладакха. Захоронение костей в сосудах можно воспринимать как прямую отсылку к погребальному обряду Царства женщин, описанному в китайских хрониках [Pelliot 1963: 695, 701].

По сведениям, предоставленным миссионеру уроженцами поселения Гья (*Rgya*) и его окрестностей, в этой местности древние могилы тоже обладали стенами из каменной кладки и были весьма глубокими, там размещалось множество черепов на сосновых досках [Francke 1914: 64–65], при этом информанты ничего не сообщили о наличии в захоронениях керамических сосудов с костями.

Как Лех, столица региона, так и деревня Гья находятся в Верхнем Ладакхе, выше слияния Инда и Занскара, — в области, охваченной памятниками верхнетибетского типа. В самом деле, захоронения кладбища *Gurugyam* рядом с предполагаемой столицей Шангшунга имеют сходные с могилами в Лехе и Гья прямоугольные каменные камеры. Однако способ захоронения останков в корне отличается от погребений Леха — это ингумация, в том числе в деревянных гробах [Tong et al. 2016: 28–29]. Кроме того, археологи отмечают, что в целом в каменных камерах *Gurugyam* керамические изделия редки, они довольно маленькие и грубые [Ibid.: 47]⁷.

Керамика, извлеченная из лехских захоронений, включала образцы с темно-красной росписью и сосуды с «отпечатанными» линейными орнаментами [Francke 1914: 71–72]. Линейные орнаменты, о которых писал А. Г. Франке, могут соответствовать отметкам шнура, тем более что общий вид горшков из Леха очень похож на шнуровую керамику, которая наблюдается на многих археологических памятниках Верхнего Ладакха и Занскара, а также Западного Тибета и прилегающих к нему районов Западных и Центральных Гималаев [Broglia de Moura 2020: 19–23]. Наиболее вероятно, что шнуровые изделия сначала появились в Западном Тибете, так как там были найдены самые ранние образцы, а затем керамика этого вида распространилась по соседним областям [Ibid.: 26, 28]. В основном шнуровые сосуды находят в погребальном контексте. Достаточно большое количество шнуровой керамики обнаружили на кладбище *Chuvthag* у города Тхолинг в центральной

⁷ Любопытно, что среди нескольких могил кладбища *Gurugyam* III–IV вв., вскрытых археологами, есть совместное захоронение восьми человек, из которых семь — близкие родственники по материнской линии [Zhang et al. 2020: 445]. На кладбище *Qulongszaha*, расположенном в этой же местности и схожем по погребальному инвентарю, в семейном захоронении IV в. были останки мужчины, связанного с семьей только материнским родством [Bai et al. 2024: 2600, 2601, fig. 4B]. Данные открытия могут свидетельствовать о существовании сообществ, где предпочтение отдавалось матрилинейному родству, на востоке Гуте.

части Гуге, причем некоторые из этих сосудов были украшены нарисованными узорами [Tong et al. 2016: 37–40], похожими на роспись в виде завитков на одном из экземпляров, найденных в Лехе [Broglia de Moura 2020: 21, fig. 1].

Отдельные типы керамических изделий на кладбище *Chuvthag* — крупные сосуды и небольшие расписные горшки с резным декором — демонстрируют по-настоящему высокое качество и отражают развитую местную традицию, не получившую широкого распространения в других районах Западного Тибета [Tong et al. 2016: 47]. Отсюда напрашивается вывод, что древнее производство керамики в регионе достигло наивысшего расцвета в центре Гуге.

Продолжая сопоставление лехских могил и захоронений кладбища *Chuvthag*, необходимо обозначить еще одну их общую черту — обилие бронзовых украшений примерно одинаковой формы [Francke 1914: 73, plate XXIXa; Tong et al. 2016: 34, 37, 43–44]. Вместе с тем способ погребения останков на кладбище *Chuvthag* принципиально иной: людей хоронили в деревянных гробах в согнутом положении, лежа на боку. Эти могилы — пещерные захоронения с вертикальным ходом [Tong et al. 2016: 32–37, 47].

Пещерные погребения кладбища *Chuvthag* напоминают обряд захоронения знати в пещерах с сопутствующим жертвоприношением людей и животных, описанный в энциклопедии «Тундянь» (801), в заметке о царстве Большой Янтун (大羊同 *Da Yangtong*) [Pelliot 1963: 708]. Золотые маски, обнаруженные на кладбищах *Chuvthag* и *Gurugyam* (а также в захоронениях Западных и Центральных Гималаев, смежных с Западным Тибетом), отдаленно перекликаются с наложением золотого носа и серебряных зубов на лицо умершего в Большом Янтуне [Tong & Li, 2016: 85–87]. «Тундянь» говорит о том, что люди в царстве Большой Янтун заплетали волосы в косы. В могилах *Chuvthag* множество мелких косичек окружали черепа умерших [Tong et al. 2016: 34–37].

По-видимому, существует непосредственная связь между захоронениями кладбища *Chuvthag* и царством Большой Янтун. В соответствии с энциклопедией «Тундянь», царство Большой Янтун на востоке граничило с Тибетом (吐蕃 *Tufan*), на западе — с Малым Янтуном (小羊同 *Xiao Yangtong*), на севере простиралось в сторону Хотана (于阗 *Yutian*) [Pelliot 1963: 708]. Северные и восточные границы Большого Янтуна фактически совпадают с границами Суварнаготры / Царства женщин у Сюаньцзана. Южная граница Большого Янтуна не определена, то же самое можно сказать и о Суварнаготре, с тем лишь уточнением, что страна лежит где-то в горах к северу от царства Полосимобуло на северо-западе Уттаракханда. Расхождение наблюдается лишь относительно западных рубежей. Согласно маршруту из Китая в Непал, приведенному в буддийском географическом справочнике «Шицзя фанчжи» (650),

царство Малый Янтун находилось непосредственно к юго-западу от Тибетского государства [Pelliot 1963: 710]. Это напрямую противоречит сведениям, изложенным в «Тундянь». Царство Саньбохэ (三波訶 *Sanbohe*, оно же Молосо 抹邏娑 *Moluosuo*, по утверждению Сюаньцзана), западный сосед Суварнаготры, выглядит не менее загадочно. Оно приравнивается к Ладакху чисто гипотетически, исходя из его местоположения к северу от Лахула.

Если энциклопедия «Тундянь» четко разграничивает Царство женщин и Большой Янтун (о чем свидетельствует наличие в ней отдельного описания Женского царства), то «Шицзя фанчжи», частично повторяя рассказ Сюаньцзана о Суварнаготре / Царстве женщин, добавляет: «Оно (Царство женщин. — М. С.) вне пределов Индии, и его также называют Царство Большой Янтун (大羊同 *Da Yangtong*)» [Pelliot 1963: 699].

Как бы там ни было, принимая во внимание границы царств и их погребальные обычаи, кажется очевидным, что и Царство женщин, и Большой Янтун входили в цивилизационное пространство, объединявшее Верхний Тибет, Верхний Ладакх и прилегающие гималайские районы. В связи с этим следует привести еще несколько фактов о Большом Янтуне. Энциклопедия «Тундянь» сообщает, что в этом царстве не было письменности. В Верхнем Тибете также не было обнаружено следов дотибетской письменности [Bellezza 2014c: 221–222]. Холодный климат Большого Янтуна вполне соответствует суровым условиям Верхнего Тибета, а разведение скота как основное занятие жителей царства — образу жизни кочевников Чангтана. Надо полагать, именно кочевники составляли основную силу внушительной армии Большого Янтуна: царство собирало войско в 80–90 тысяч обученных солдат, что сопоставимо с армией Тибетской империи [Pelliot 1963: 705–706, 708].

Располагая военной мощью, Большой Янтун выступал политическим лидером на очерченном выше цивилизационном пространстве. Китайский макротопоним *Янтун* (羊同 *Yangtong*) явно соответствует тибетскому *Шангшунг* (*Zhang zhung*). Древнетибетские анналы гласят, что, когда *Lig Snya shur* потерпел поражение, весь Шангшунг был покорен [Dotson 2009: 82]. Несмотря на то что в «Тундянь» клановое имя царя Большого Янтуна записано как Цзян Гэ (姜葛 *Jiangge*) [Pelliot 1963: 708], маловероятно, чтобы на западных границах зарождающейся Тибетской империи существовало еще одно царство, способное практически на равных ей противостоять. Поэтому логично предположить, что Шангшунг, которым управлял *Lig Snya shur* из центра на востоке Гуге, соответствует Большому Янтуну энциклопедии «Тундянь». Будучи самым сильным царством в регионе, Шангшунг, должно быть, оказывал влияние на соседние государственные образования и союзы племен. Что касается Царства женщин, то оно могло располагаться на одной из территорий,

подконтрольных Шангшунгу, и, возможно, прекратило свое существование еще до его расцвета.

Возвращаясь к теме захоронений, нельзя не упомянуть о том, что сосуды с человеческими костями, по словам местных жителей, видели как минимум в двух местах в Гуге. Оба участка размещаются непосредственно к северу от истоков Ганга, где, судя по информации Сюаньцзана, лежало царство Полосимобуло. Один из них находится всего в нескольких километрах к востоку от Цапаранга, столицы буддийского царства Гуге с XV в. по 1630 г., и представляет собой когда-то обитаемый пещерный комплекс вблизи заброшенных полей [Bellezza 2014a: A-62]. Другой расположен к юго-западу от Цапаранга и состоит из руин, отождествляемых устной традицией с замком и деревней древних жителей территории [Ibid.: A-111].

Невдалеке от второго участка раскинулись остатки впечатляющего буддийского монастырского комплекса. Похожее на столовую гору образование, покрытое руинами, напоминает близлежащий Цапаранг, хотя и обладает меньшими размерами. Стратегическое положение объекта и его ассоциация с древним мифическим монстром *smi* говорят о том, что этот комплекс на вершине мог быть главным архаичным центром, полностью переработанным буддистами, а второстепенные памятники (такие как руины, возле которых были найдены сосуды, полные костей) просто не стали объектами последующего переселения буддистов [Ibid.].

Аналогичным образом, несмотря на то что в Цапаранге не обнаружено останков архаичных построек, на его месте могла выситься крепость, откуда осуществлялось управление окрестностями в древние времена. Об этом говорит местонахождение Цапаранга в центре некогда процветавшего сельскохозяйственного района, а также предположения приверженцев религии бон о том, что здесь была важная добуддийская цитадель [Ibid.: A-62].

Помимо археологических объектов буддийской эпохи, отдельные из которых, возможно, являют собой более древние места поселения, район Гуге богат и бесспорно архаичными крепостями и поселениями на вершинах. Жилые комплексы *Phi'a mkhar* площадью около 2 200 м² на западе Гуге выделяются исключительным качеством каменной кладки и необычно длинной куртиной [Ibid.: A-101]. Несколько севернее расположена величественная цитадель *Ma ni thang mkhar*, возвышающаяся над окружающими ее руинами большого поселения и заброшенными сельскохозяйственными угодьями, — один из самых важных архаичных памятников района [Ibid.: A-121]. Другой крупнейший археологический объект в Гуге — *Rgyu mgul mkhar*, состоящий из шести скальных обнажений и примыкающих к ним территорий, на которых размещалось множество зданий с сотнями комнат.

Достаточно плотное скопление построек занимает территорию не менее 30 000 м² [Bellezza 2014a: A-60].

Опираясь на данные Сюаньцзана, можно допустить, что одно из древних укрепленных поселений Гуге к северу от истоков Ганга послужило прообразом столицы Царства женщин, о которой в «Книге Суй» сказано: «На горе они построили городскую стену площадью пять или шесть ли» [Pelliot 1963: 694]⁸.

В самом сердце Гуге, примерно в 10 км от Цапаранга ниже по течению Сатледжа, в одной из пещер находится старинный буддийский храм, который до недавних пор украшали фрески, относящиеся к периоду 1200–1400 гг. На стене возле входа были изображены территориальные божества (*yul lha*). Большинство этих фигур — женские, что отражает преобладание местных божеств женского пола в Гуге к югу от Сатледжа [Bellezza 2015: figs. 18–26]⁹. Среди них представлена и *Rdo rje chen mo* [Ibid.: fig. 20], территориальное божество Тхолинга, покровительница выдающегося религиозного деятеля и переводчика X–XI вв. *Rin chen Bzang po*, защитница монастырей и храмов в Западном Тибете, Верхнем Ладакхе и долине Спити.

В числе монастырей, охраняемых *Rdo rje chen mo*, — монастырь Табо в Спити, один из старейших в Гималаях. В его входной часовне, датируемой около 996 г., имя богини-защитницы главного храма значитсся как *Wi nyu myin* [Jahoda 2006: 19]. Как соотносятся богини *Wi nyu myin* и *Rdo rje chen mo*,

⁸ Вместе с тем стоит принять к сведению, что крепости и жилые комплексы на возвышениях, часто над земледельческими анклавами, образуют древнюю модель расселения во всем Западном Тибете [Bellezza 2014a]. В Верхнем Ладакхе, который испытывал сильное культурное влияние со стороны Западного Тибета, также встречаются остатки укрепленных поселений такого рода; яркий пример — *Stok mon mkhar*, крупная архаичная цитадель, включавшая здания с каменными крышами верхнетибетской традиции [Vernier 2013].

⁹ Есть указания на то, что в прошлом божества женского пола господствовали и в некоторых других районах Западного Тибета. На восточных границах Гуге, недалеко от котловины *Rgya nyi ma*, досовременного центра тибетско-индийской торговли, высится гора *Jo mo ri rang* с большой цельнокаменной цитаделью. *Jo mo ri rang* — местное божество женского пола, считающееся очень опасным и влиятельным. Похоже, *Jo mo ri rang* является буддийской формой почти забытой и демонизированной древней бонской богини *Sgra bla'i rgyal mo*, связанной с озером Ланга-Цо (*La lnga mtsho*) приблизительно в 40 км к востоку от этого места [Bellezza 2014a: A-54, B-132]. Одна из главных резиденций царицы-воительницы *Sgra bla'i rgyal mo* — массив *Stag ri khra bo*, вздымающийся к юго-востоку от озера. Горная обитель богини намного выше и больше, чем знаменитый Кайлас на севере [Bellezza 2008: 326]. Как справедливо заметил Дж. В. Беллецца, *Sgra bla'i rgyal mo*, находясь и в озере (озера в тибетской культуре обычно ассоциируются с женским началом. — М. С.), и в горе, охватывает основные символы дихотомической вселенной, тогда как мужские божества чаще всего обитают только на горах верхней сферы [Ibid.]. Другой пример былого могущества женских божеств просматривается в районе *Rgod tshang stod*, в области истоков Инда. Расположенная здесь гора *An 'bri rtse*, на которой размещаются руины не менее 24 кубических гробниц, — локальное божество женского пола. По утверждению местного жителя, раньше *An 'bri rtse* была главным территориальным божеством района [Bellezza 2014b: E-11].

доподлинно неизвестно. Возможный ответ кроется в биографии *Rin chen Bzang po*, которому приписывается строительство главного храма Табо. В жизнеописании великого переводчика есть следующий эпизод: когда он намеревался построить храм у себя на родине, на крайнем западе Гуге, ему пришлось подчинить местного духа воды женского пола и трех ее сестер. Он связал их клятвой и назначил покровителями буддийских храмов [Jahoda 2006: 23]. Скорее всего, до распространения буддизма *Wi nyi myin* являлась влиятельным территориальным божеством в поселении Табо (*Ta pho*). Впоследствии она была оттеснена на второй план буддийской фигурой *Rdo rje chen mo* и в конечном итоге забыта. К тому же не исключено, что в древности в Спити, как и на значительной части Гуге, поклонялись в первую очередь женским божествам. В любом случае можно с уверенностью утверждать, что долина Спити была соединена с Гуге культурными узами: в погребениях района доминирует шнуровая керамика западнотибетского типа, притом местные образцы демонстрируют сходство с гончарными изделиями кладбища *Gurugyam* [Bellezza 2016]. Более того, в округе Лахул и Спити, как и в центре Гуге, сообщают о захоронениях костей в сосудах [Ibid.].

По крайней мере одно из мест в Гуге, где жители находили керамические сосуды, полные человеческих костей, ассоциируется ими с монами — древними обитателями района [Bellezza 2014a: A-111]. Согласно устной традиции, им принадлежали давно заброшенные поля в Гуге, Гаре и Рутуге [см., например: Ibid.: A-121, A-66, B-79]. Руины сооружений, связываемых с монами (*Mon* или *Skal mon*), широко распространены по всей территории Тибета к западу от 89 меридиана [Ibid.; 2014b]. Монам приписывают не только замки на возвышениях и другие архаичные жилые постройки [см., например: Ibid.: A-66, A-70, A-121, B-36, B-49, B-83], но и многочисленные церемониальные строения, включая кубические гробницы на вершинах гор [Bellezza 2014b: E-11, E-12, E-17, E-27, E-28; и др.]. Самое крупное кладбище в регионе, *Gurugyam*, раскинувшееся вблизи предполагаемой столицы Шангшунга, также соотносится с монами: по словам монахов соседнего монастыря, там находятся руины их древнего поселения [Ibid.: C-121]. Район, где размещаются эти обширные захоронения, носит название *Mon 'tsher* «Покинутый монами». Наименование происходит от местного поверья, что в далеком прошлом здесь проживало много монов, но в какой-то момент они полностью исчезли [Ibid.: C-146].

В Ладакхе памятники, связываемые с древними монами, расположены на той же территории, что и здания с каменными крышами, принадлежащие верхнетибетской архитектурной традиции, — вдоль долины Инда от границы с Тибетом до слияния Инда и Занскара [Devers 2018: 104–105, 121, fig. 2, 122, fig. 3].

Лежащие в этой области захоронения в окрестностях Гъя у местных жителей ассоциируются с монами [Francke 1914: 64].

Площадь распространения археологических объектов, соотносимых с монами, полностью вписана в ареал цивилизации Верхнего Тибета. Следовательно, монаы могли быть населением всего этого макрорегиона и царства Шангшунг в частности.

Этноним *Mon* в тибетском языке служит общим названием жителей предгималайских районов к югу от Тибета, издревле занимавшихся охотой [Das 1902: 976]. Однако жизнеописание тибетского религиозного деятеля *Mar lung pa*, созданное в XIII в., сообщает, что *Mon* и другая этническая группа, известная как *Skal / Bskal*, являлись населением Севера. Будучи изгнанными из своей страны хорами (в тибетской литературе этноним *Hor*, как правило, обозначает тюрков или монголов. — М. С.), они прибыли в южные районы Западного Тибета и расселились в разных местах. Текст также упоминает, что у *Skal mon*, которые, очевидно, слились в единое племенное образование на новой родине, был царь и что они построили большой замок [Bellezza 2014a: fn. 14]. Данное сообщение обеспечивает историческую основу для повсеместной в Верхнем Тибете устной традиции, в соответствии с которой Чанган когда-то был широко заселен *Skal mon* [Ibid.]. Согласно преданиям Чангма (*Byang ma*) и Гердзе (*Sger rtse*), в этих районах Чангтана когда-то проживали две группы — *Mon* и *Byang ba ha shes*. Они были тесно связаны друг с другом и исчезли задолго до прибытия в эти края тибетских кочевников [Bellezza 2014b: C-160, fn. 137]. Из вышесказанного следует, что на пастбищах высокогорного плато сосуществовало несколько этнических групп, по-видимому, близких друг другу по культуре. Принимая во внимание местные природные условия, в Чангане монаы неизбежно занимались бы прежде всего скотоводством, что контрастирует с большим количеством заброшенных полей, ассоциируемых с монами, на бывших сельскохозяйственных территориях Западного Тибета.

Китайские хронисты связывали население Янтуна / Шангшунга с древними цянами — преимущественно скотоводческими племенами Тибетского нагорья, по их мнению, положившими начало всему тибетскому народу. Например, в сообщении о совместной атаке Тибетского государства и Шангшунга на Тогон (туюйхуней. — М. С.) сказано, что тибетский царь напал с «янтунскими цянами» [Бичурин 1833/1: 131].

Общее происхождение жителей Шангшунга и Тибетского государства подтверждают проведенные в последние годы генетические исследования: предковые компоненты геномов древних обитателей Гуге и Пуранга оказались близки к другим древним популяциям нагорья, особенно юга его центральной

части, где ныне расположены округа Шаньнань и Шигадзе [Bai et al. 2024: 2595–2597] — место зарождения Тибетской империи в VII в. При этом по сравнению с самым ранним индивидом Гуге, датируемым XVI в. до н. э., более поздние образцы с юго-востока Западного Тибета — популяция *Pulanduowa* II в. н. э. и, видимо, популяция *Qulong sazha* IV в. н. э. — демонстрируют дополнительное генетическое влияние популяций Южного Тибета, которое, однако, не достигло центральных и западных областей Гуге [Ibid.: 2598–2599]. Следовательно, миграции людей из южной части Центрального Тибета вверх по течению Брахмапутры неоднократно осуществлялись задолго до имперского периода.

С другой стороны, у ряда индивидуумов Гуге зафиксировано значительное генетическое влияние из-за пределов плато. Люди, жившие в IV в. до н. э., которые были похоронены на участке *Piyangjiweng* к северу от Тхолинга, помимо преобладающих генетических компонентов с юга нагорья, имеют от 6 до 14 % родословной, восходящей к Центральной Азии бронзового века [Wang et al. 2023: 8]. Среди останков 19 человек, извлеченных из могил богатого кладбища *Sangdalongguo*, похожего по культурным артефактам на захоронения *Piyangjiweng* и *Chuvthag* в этой же области, обнаружен индивид I в. н. э., который несет в себе более половины генетических компонентов популяций цивилизации долины Инда и Центральной Азии [Bai et al. 2024: 2599, 2601]. Наконец, четыре из 26 исследованных образцов III–IV вв. н. э. из *Gurugyam* на востоке Гуге принадлежат гаплогруппам митохондриальной ДНК HV, H5 и U7, специфичным для Западной Евразии [Zhang et al. 2020: 443].

Кроме того, золотая маска, найденная в одной из гробниц высокого статуса в *Gurugyam*, обладает европеоидными чертами [Tong & Li 2016: 85, fig. 1]. К сожалению, ввиду плохой сохранности костей владельца невозможно определить, соответствует ли маска его внешности [Zhang et al. 2020: 448]. Другая европеоидная золотая маска сопровождала захоронение в *Malari* в уттаракхандских Гималаях, на границе с Западным Тибетом [Tong & Li 2016: 86, fig. 5]. Подобно многим погребениям Гуге, таким как *Chuvthag* и *Gurugyam*, эта гробница I в. до н. э. является шахтной [Aldenderfer 2013: 300–301], а сопутствующая керамика по типологии и декору аналогична западнотибетской [Broglia de Moura 2020: 23, 26] — это значит, оставившие ее люди могли принадлежать той же культурной общности, что и современное им население верховьев Сатледжа к северу от Гималаев. В противоположность упомянутым маскам, золотые маски из захоронений *Chuvthag* показывают скорее монголоидные признаки [Tong & Li 2016: 86, figs. 2, 4].

Немаловажную информацию о людях Шангшунга передают результаты лингвистических исследований. Тексты религии бон содержат фрагменты

на шангшунгском языке, относящемся, как было установлено, к западно-гималайской ветви тибето-бирманских языков, на которых говорят к югу и западу от Гуге [Widmer 2014: 47–56].

Предварительный анализ возможной несанскритской индоиранской заимствованной лексики в шангшунгском языке показал, что заимствования такого рода составляют не менее 1 % известных на данный момент шангшунгских слов. При этом они относятся главным образом к бытовой лексике, что явно указывает на интенсивность контактов между шангшунгским и индоиранскими языками [Kogan 2021: 161]. Исходя из доступного в настоящее время лексического материала, дардское влияние на шангшунгский язык представляется наиболее вероятным. По меньшей мере некоторые выявленные заимствования, похоже, имеют дардское происхождение [Ibid.: 162–163]. Есть среди шангшунгских слов и такие, первоисточником которых кажется язык бурушаски. Не исключено, что они вошли в шангшунгский язык через дардское посредство [Ibid.: 163, fn. 36].

Учитывая современный регион расселения дардских народов и буришей, естественно предположить, что их предки вступали в тесное соприкосновение с носителями шангшунгского языка в долине верхнего Инда в Ладакхе. Существует вероятность того, что дардские и, возможно, буришские группы проживали на территории, охватываемой верхнетибетской цивилизацией. Наличие черепов долихоцефалической формы в лехских захоронениях, содержащих кости в сосудах, наводит на мысль, что данные погребения принадлежали одной из упомянутых групп. Дарды и/или буриши могли проникать и в Западный Тибет, двигаясь вверх по Инду и его притокам, и доходить до верховьев Сатледжа.

Обобщая разрозненные сведения касательно населения Западного Тибета и Верхнего Ладакха до присоединения к Тибетской империи, нужно со всей определенностью сказать, что его основу образовывали общности, говорившие на западно-гималайских и тибетских диалектах. В Верхнем Ладакхе по соседству с ними, скорее всего, проживали носители дардских наречий и, возможно, некоторой формы языка бурушаски, которые по речным долинам могли продвигаться вглубь Западного Тибета. Принимая во внимание тысячелетние торговые отношения между долиной Верхнего Сатледжа и областями по южную сторону Гималаев, вполне можно допустить, что в Гуге оседали выходцы из Северной Индии. Перемещения степных скотоводов затрагивали в первую очередь Рутог, но в бронзовом веке связи с Центральной Азией, по-видимому, были более значительны, поскольку к культурным прототипам этой эпохи предположительно восходят церемониальные сооружения и часть зооморфного наскального искусства Верхнего Тибета, имеющие очевидные

параллели в степях [Bellezza 2008: 198–199]. За всем населением, принимавшим участие в формировании и развитии цивилизации Верхнего Тибета, в устной традиции закрепилось обозначение *Mon* или *Skal mon*¹⁰.

Еще один аспект культуры Западного Тибета, который следует отдельно рассмотреть, — это празднование Нового года. Как известно из «Книги Тан», в Царстве женщин год начинался в 11-м месяце по китайскому календарю. Приблизительно в это же время — на два месяца раньше общетибетского Лосара — встречают Новый год в долинах Инда и Сатледжа в Западном Тибете и в Ладакхе [Gergan 1978: 41–42]. В Рутго Лосар (*Lo gsar*) отмечают три раза: 1) *Rong po lo gsar* — в первый день 11-го лунного месяца по тибетскому календарю — так же, как в Гуге и Ладакхе; 2) *Byang thang lo gsar* — в первый день 12-го лунного месяца по тибетскому календарю; 3) *Rgyal po lo gsar*, общетибетский Новый год, — в первый день первого лунного месяца по тибетскому календарю¹¹. Последняя дата, так называемый Царский Новый год, по всей видимости, была официально введена в Тибете в период монгольского владычества [Stein 1972: 213].

Даты Лосара, самого важного праздника в году, наглядно свидетельствуют о контактах Рутго как с земледельцами долин Инда и Сатледжа, так и с кочевниками Чангтана. В древности в Рутго возделывались обширные пахотные земли, однако позднее они были заброшены из-за нехватки воды. Подобные изменения происходили по всему Западному Тибету (в том числе в Гуге и в районе истоков Инда, в долине Гар): длительный, постепенный процесс опустынивания охватил весь регион, и на многих сельскохозяйственных территориях люди вынуждены были полностью перейти на скотоводство. Тибетское географическое сочинение I половины XIX в. называет Рутго «страной кочевников» [Васильев 1895: 4]. Соседние территории Чангтана, Гердзе и Гегьэ (*Dge rgyas*), считались частями района Рутго [Shastri 1994: 755], и их жители прибывали в Рутго на ежегодные фестивали [Khenrap 2000: 57]. Поэтому неудивительно, что большинство населения Рутго отмечает *Byang thang lo gsar* «Чангтанский Новый год», также известный как *Sog lo* [Ibid.: 61–62].

¹⁰ Условность этого этнонима подтверждается тем, что в Западном Тибете ряд сооружений, ассоциируемых с монами, перестраивались и использовались тогда, когда процесс интеграции региона с Центральным Тибетом был уже давно завершен, — в XIII в. и даже позднее [Bellezza 2014a: A-33, A-92]. В Верхнем Ладакхе некоторые укрепления монов связаны с останками, датируемыми периодом западнотибетского буддийского царства Нгари, который начался в X в. и закончился к XIII в. [Devers 2018: 106].

¹¹ Информация любезно предоставлена руководителем Отдела астрологии Менцикханга Церинг Чозом в личном письме от 10 февраля 2022 г.

Интересно, что празднование Нового года в начале 12-го лунного месяца характерно и для Цанга, западной части Центрального Тибета, где оно носит наименование *So nam lo gsar* и отмечается преимущественно земледельцами. В Цанге с Лосаром сопряжен следующий обычай, возможно, имеющий отношение к новогоднему гаданию по птицам в Царстве женщин: в первый день наступающего года люди рассыпают на гумне разные виды зерна и ждут прилета птиц. Если птицы все съедят, год будет урожайным; если птицы не станут есть определенные культуры, значит, они не уродятся [LLC].

* * *

Завершая раздел о Западном Тибете и Верхнем Ладакхе, целесообразно будет высказать следующие соображения. В I половине VII в. Сюаньцзан, пребывая в районе верховьев Ганга, слышал о вытянутой с запада на восток стране за Гималаями. Фактически речь шла о землях по течению Сатледжа, входивших в состав царства Шангшунг, известного в китайской литературе как Большой Янтун (大羊同 *Da Yangtong*). В тот исторический период Шангшунг был самым сильным государственным образованием на цивилизационном пространстве, объединявшем Верхний Тибет, Верхний Ладакх и ряд гималайских территорий. В разных областях этого региона имелись богатые месторождения золота, рассказы о которых производили большое впечатление на жителей прилегающих к Западному Тибету районов Индии. Последние контактировали с представителями рассматриваемой цивилизации в ходе трансгималайской торговли, приобретая у них соль из озер Чангтана.

Местоположение столицы Шангшунга на востоке Гуге — бассейна Верхнего Сатледжа — подразумевает близость к Чангтану, что подкрепляется присутствием в этой местности характерного для высокогорного плато церемониального памятника — массива столбов с пристроенным сооружением. Уклад жизни кочевников плато, бесспорно (хотя бы в силу факторов природной среды), отличался от устройства жизни в долинах бассейна Верхнего Сатледжа и реки Гар-Дзангбо, которые, как и некоторые районы Чангтана, находились под властью Шангшунга.

Локальные культурные различия наблюдаются и в пределах земледельческих территорий: если на востоке бассейна Верхнего Сатледжа преобладают могилы с небольшим количеством сосудов, то в гробницах центральной части района обнаружено довольно много керамики, в том числе образцы достаточно высокого качества. Керамические изделия и обилие бронзовых украшений сближают погребения в центре Гуге с захоронениями человеческих костей в сосудах в Верхнем Ладакхе, открытыми в начале XX в. Показательно,

что в самом сердце Гуге (как и в округе Лахул и Спити в Гималаях) также сообщают о находках костей в сосудах.

Подобные захоронения могут быть связаны с матриархальными сообществами¹², одно из которых вошло в заметки Сюаньцзана как топоним «Восточное царство женщин» (東女國 *Dong Nü guo*). Есть основания полагать, что матриархальные сообщества проживали в долинах бассейнов верхнего течения рек Инд и Сатледж, где и поныне Новый год традиционно отмечают в 11-м месяце по тибетскому календарю — примерно тогда, когда начинался год в Царстве женщин. Над этими некогда процветавшими сельскохозяйственными территориями возвышались характерные для региона крепости на вершинах. Такая крепость вместе с окружающим ее поселением, возможно, стала прообразом столицы Царства женщин на горе в «Книге Суй». На востоке Гуге руины большой архаичной цитадели расположены на горе, считающейся могущественным женским территориальным божеством. В этой же части района выявлены два семейных захоронения родственников по материнской линии. Еще более важно, что на западе и в центре Гуге, к югу от Сатледжа и к северу от истоков Ганга, доминируют местные божества женского пола. Ко времени паломничества Сюаньцзана матриархальная культура в долинах Инда и Сатледжа, скорее всего, уже прекратила свое существование, а земли, где она ранее процветала, либо попали в сферу влияния царства Шангшунг, либо перешли под его прямое управление.

Особую сложность представляет вопрос об этническом происхождении носителей данной культуры. Судя по результатам генетических исследований, основу древнего населения Гуге сформировали люди тибетского происхождения, причем в восточной части района зафиксирована дополнительная миграция с юга Центрального Тибета. С другой стороны, в гробницах Гуге обнаружены индивиды, несущие гены из регионов к северу и западу от Тибетского нагорья, а в захоронениях Ладакха (вероятно, связанных с погребальным обрядом Царства женщин) найдены долихоцефальные черепа, в целом не свойственные тибетцам.

Суровые природные условия высокогорья осложняют работу археологов. В Западном Тибете раскопки доимперских захоронений были проведены в трех уголках региона: в центральной части Гуге — в местности к северу от Тхолинга, на востоке Гуге — поблизости от предполагаемой столицы Шангшунга, а также в Пуранге — в бассейне р. Карнали. Погребения Верхнего Ладакха пока не подвергались профессиональному исследованию. Вместе с тем лишь

¹²Под матриархальными сообществами в статье понимаются общества, в которых главные вопросы управления решают женщины. — М. С.

детальное научное обследование древних кладбищ и жилых памятников в разных областях Западного Тибета и в Верхнем Ладакхе позволит раскрыть полную картину того, какие этнические и культурные группы существовали в лоне цивилизации Верхнего Тибета.

Среди этих групп могли быть носители дардских наречий и языка бурушаски, о чем свидетельствуют лингвистические данные. Возможно, именно им принадлежали захоронения костей в сосудах в долине Леха. В настоящее время буриши и большинство дардоязычных народов проживают в смежном с Ладакхом регионе Гиндукуш — Каракорум. Дальнейшее исследование выявит культурные связи между этими регионами и попытается установить, может ли древнее население региона Гиндукуш — Каракорум иметь отношение к топониму «Царство женщин» (女國 *Nü guo*) в средневековых китайских источниках.

Источники

- Бичурин И.* История Тибета и Хухунора : в 2 ч. СПб. : Тип. Имп. АН, 1833.
- Васильев 1895 — География Тибета / пер. с тибетского сочинения «Миньчжул хутухты», с предисл. и примеч. В. Васильева. СПб. : Тип. Имп. АН, 1895.
- Сюань-цзан.* Записки о Западных странах [эпохи] Великой Тан (Да Тан си юй цзи) / введ., пер. с кит. и коммент. Н. В. Александровой. М. : Вост. лит., 2012.
- Bacot J., Thomas F. W., Toussaint C.* Documents de Touen-Houang. Relatifs a l’Histoire du Tibet. Paris : Librairie orientaliste Paul Geuthner, 1940.
- Bellezza J. V.* Antiquities of Zhang Zhung: A Comprehensive Inventory of Pre-Buddhist Archaeological Monuments in the Tibetan Upland. Vol. 1 : Archaic Residential Monuments. Sarnath : Central Univ. of Tibetan Studies, 2014a. URL: <http://www.thlib.org/bellezza> (date of access: 13.11.2023).
- Bellezza J. V.* Antiquities of Zhang Zhung: A Comprehensive Inventory of Pre-Buddhist Archaeological Monuments in the Tibetan Upland. Vol. 2 : Archaic Ceremonial Monuments. Sarnath : Central Univ. of Tibetan Studies, 2014b. URL: <http://www.thlib.org/bellezza> (date of access: 13.11.2023).
- Bellezza J. V.* The Dawn of Tibet: The Ancient Civilization on the Roof of the World. Lanham : Rowman & Littlefield Publishers, 2014c. <https://doi.org/10.5771/9781442234628>
- Bellezza J. V.* Senseless Greed: The irreparable loss of the ancient Buddhist murals of Mangdrak // Flight of the Khyung. 2015. URL: <https://www.tibetarchaeology.com/january-2015/> (date of access: 05.02.2024).
- Bellezza J. V.* The Ancient Burial Sites of Spiti: The indigenous socioeconomic and cultural order and trans-regional communications in the era before the spread of Buddhism // Flight of the Khyung. 2016. URL: <https://www.tibetarchaeology.com/january-2016/> (date of access: 10.04.2024).
- Das S. C.* A Tibetan-English Dictionary with Sanskrit Synonyms. Calcutta : Bengal Secretariat Book Depot, 1902.
- Devers Q.* Archaeological Ladakh: Recent Discoveries Redefining the History of a Key Region between the Pamirs and the Himalayas // Central Asiatic Journal. 2018. Vol. 61, No. 1. P. 103–132. <https://doi.org/10.13173/centasiaj.61.1.0103>

- Devers Q., Bruneau L., Vernier M. An Archaeological Survey of the Nubra Region (Ladakh, Jammu and Kashmir, India) // *Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines*. 2015. No. 46. <https://doi.org/10.4000/emscat.2647>. URL: <https://journals.openedition.org/emscat/2647> (date of access: 20.02.2024).
- Dotson B. The Old Tibetan Annals: An Annotated Translation of Tibet's First History. Wien : Verl. der Österreichischen Akad. der Wiss., 2009. <https://doi.org/10.1553/0x001a81e8>
- Elias 1895 — The Tarikh-i-Rashidi of Mirza Muhammad Haidar, Dughlát: a History of the Moghuls of Central Asia / ed. by N. Elias. London : Sampson Low, Marston and Company, Ltd. Publishers to the India Office, 1895.
- Francke A. H. Antiquities of Indian Tibet. Pt. 1 : Personal Narrative. Calcutta : Superintendent Government Printing, 1914.
- Johnson W. H. Report on His Journey to Ilchi, the Capital of Khotan, in Chinese Tartary // The Journal of the Royal Geographical Society of London. 1867. Vol. 37. P. 1–47.
- LLC — Local Losar Celebrations // Facts and Details. URL: <https://factsanddetails.com/china/cat6/sub35/entry-8428.html#chapter-3> (date of access: 21.01.2024).
- Pelliot P. Notes on Marco Polo. Vol. 2. Paris : Imprimerie National, 1963.
- PT 1060 // Old Tibetan Documents Online. http://www.aa.tufts.ac.jp/~hoshi/TSP_OTDO/texts_info/P1060.html (date of access: 12.12.2023).
- PT 1136 // Old Tibetan Documents Online. http://www.aa.tufts.ac.jp/~hoshi/TSP_OTDO/texts_info/P1136.html (date of access: 12.12.2023).
- Tong T., Li L.-H. The Himalayan Gold Masks from the Eurasian Perspective. Transl. by Liangren Zhang // *Chinese Archaeology*. 2016. Vol. 16. P. 85–90. <https://doi.org/10.1515/char-2016-0007>
- Tong T., Li L.-H., Tsering T., Yao Y. Gurugyam and Chuvthag Cemeteries in Ngari Prefecture, Tibet // *Chinese Archaeology*. 2016. Vol. 16. P. 27–48. <https://doi.org/10.1515/char-2016-0003>
- Vernier M. The Forgotten Citadel of Stok mon mkhar // *Revue d'Études Tibétaines*. 2013. No. 27. P. 81–102.
- Wegehaupt M. Memoirs of a Pilgrimage to the Five Indian Kingdoms. Translation // *Collected Works of Korean Buddhism*. Vol. 10 : Korean Buddhist Culture: Accounts of a Pilgrimage, Monuments, and Eminent Monks / ed. by R. Whitfield. Seoul : Jogye Order of Korean Buddhism, 2012. P. 69–174.

Исследования

- Сохина М. Д. *Nü guo* китайской историографии: К вопросу о локализации «Женских царств» Тибета. Часть I : Возможное расположение Царства женщин в Восточном Тибете // *Вопросы ономастики*. 2024. Т. 21, № 2. С. 51–72. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.2.016
- Aldenderfer M. Variation in mortuary practice on the early Tibetan plateau and the high Himalayas // *Journal of the International Association for Bon Research*. 2013. Vol. 1. P. 293–318.
- Bai F., Liu Y., Wangdue S., Wang T., He W., Xi L., Tsho Y., Tsering T., Cao P., Dai Q., Liu F., Feng X., Zhang M., Ran J., Ping W., Payon D., Mao X., Tong Y., Tsering T., Chen Z., Fu Q. Ancient genomes revealed the complex human interactions of the ancient western Tibetans // *Current Biology*. 2024. Vol. 34, No. 12. P. 2594–2605. <https://doi.org/10.1016/j.cub.2024.04.068>
- Bellezza J. V. Zhang zhung. Foundations of Civilization in Tibet. A Historical and Ethnoarchaeological Study of the Monuments, Rock Art, Texts, and Oral Tradition of the Ancient Tibetan Upland. Wien : Verl. der Österreichischen Akad. der Wiss., 2008. <https://doi.org/10.1553/0x003acd54>
- Brogli de Moura S. Preliminary Field Notes on the Ancient Ceramics of Ladakh // *Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines*. 2020. No. 51. <https://doi.org/10.4000/emscat.4191>. URL: <https://journals.openedition.org/emscat/4191> (date of access: 25.12.2023).

- Devers Q.* Fortifications of Ladakh: A Brief Chrono-Typology // *Visible Heritage: Essays on the Art and Architecture of Greater Ladakh* / ed. by R. Linrothe and H. Poell. Delhi : Bibliainpex, 2016. P. 41–64.
- Devers Q.* Charting Ancient Routes in Ladakh: An Archaeological Documentation // *Interaction in the Himalayas and Central Asia: Processes of Transfer, Translation and Transformation in Art, Archaeology, Religion and Polity* / ed. by E. Allinger, F. Grenet, C. Jahoda, M.-K. Lang, A. Vergati. Wien : Austrian Acad. of Sciences Press, 2017. P. 321–338. <https://doi.org/10.2307/j.ctt1pv891n.19>
- Dotson B.* Administration and Law in the Tibetan Empire: The Section on Law and State and its Old Tibetan Antecedents (PhD thesis). Oxford University, 2006.
- Gergan S. S.* The Lo-sar of Ladakh, Spiti, Lahul, Khunnu and Western Tibet // *The Tibet Journal*. 1978. Vol. 3, No. 3. P. 41–43.
- Jahoda C.* Bemerkungen zur Tradition einer weiblichen Schutzgottheit (srung ma) in Tabo (Spiti Tal, Himachal Pradesh, Indien) // *Der Rand und die Mitte: Beiträge zur Sozialanthropologie und Kulturgeschichte Tibets und des Himalaya* / ed. by A. Gingrich and G. Hazod. Wien : Verl. der Österreichischen Akad. der Wiss., 2006. P. 11–54.
- Khenrap K. L.* Ru thog District before the Chinese Occupation (1900–1958): A Preliminary Study of its Cultural History // *The Tibet Journal*. 2000. Vol. 25, No. 4. P. 33–77.
- Kogan A.* Towards the Reconstruction of Language Contact in the Pre-Tibetan Upper Indus Region // *Journal of Language Relationship*. 2021. No. 19 (3). P. 153–165.
- Li B. W. L.* A Critical Study of the Life of the 13th-Century Tibetan Monk U rgyan pa Rin chen dpal Based on his Biographies (PhD thesis). Oxford University, 2011.
- Rizvi J.* Ladakh: Crossroads of High Asia. 2nd ed. New Delhi : Oxford Univ. Press, 1996.
- Shastri L.* The Marriage Customs of Ru-thog (mNga'-ris) // *Tibetan Studies: Proceedings of the 6th Seminar of the International Association for Tibetan Studies (Fagernes 1992)* / ed. by P. Kvaerne. Oslo : Institute for Comparative Research in Human Culture, 1994. Vol. 2. P. 755–767.
- Stein R. A.* Tibetan Civilization. Stanford : Stanford Univ. Press, 1972.
- Uray G.* Queen Sad-mar-kar's Songs in the Old Tibetan Chronicle // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1972. No. 25. P. 5–38.
- Vitali R.* A Tentative Classification of the Bya ru can Kings of Zhang zhung // *Revue d'Etudes Tibétaines*. 2008. No. 15. P. 379–419.
- Wang H., Yang M. A., Wangdue S., Lu H., Chen H., Li L., Dong G., Tsring T., Yuan H., He W., Ding M., Wu X., Li S., Tashi N., Yang T., Yang F., Tong Y., Chen Z., He Y., Cao P., Dai Q., Liu F., Feng X., Wang T., Yang R., Ping W., Zhang Z., Gao Y., Zhang M., Wang X., Zhang C., Yuan K., Ko A. M.-S., Aldenderfer M., Gao X., Xu S., Fu Q.* Human genetic history on the Tibetan Plateau in the past 5100 years // *Science Advances*. 2023. Vol. 9, No. 11. P. 1–17. <https://doi.org/10.1126/sciadv.add5582>
- Widmer M.* A Descriptive Grammar of Bunan (PhD thesis). University of Bern, 2014.
- Zhang Y.-J., Zhang X., Zhao X., Tong T., Li L.* Craniometric evidence and ancient DNA analysis of the population origin of Ngari prefecture of Tibet Autonomous Region between 3rd and 4th century AD // *Acta Anthropologica Sinica*. 2020. Vol. 39, No. 3. P. 435–449.

References

- Aldenderfer, M. (2013). Variation in Mortuary Practice on the Early Tibetan Plateau and the High Himalayas. *Journal of the International Association for Bon Research*, 1, 293–318.

- Bai, F., Liu, Y., Wangdue, S., Wang, T., He, W., Xi, L., Tsho, Y., et al. (2024). Ancient Genomes Revealed the Complex Human Interactions of the Ancient Western Tibetans. *Current Biology*, 34(12), 2594–2605. <https://doi.org/10.1016/j.cub.2024.04.068>
- Bellezza, J. V. (2008). *Zhang zhung. Foundations of Civilization in Tibet. A Historical and Ethnoarchaeological Study of the Monuments, Rock Art, Texts, and Oral Tradition of the Ancient Tibetan Upland*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. <https://doi.org/10.1553/0x003acd54>
- Brogli de Moura, S. (2020). Preliminary Field Notes on the Ancient Ceramics of Ladakh. *Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines*, 51. <https://doi.org/10.4000/emscat.4191>
- Devers, Q. (2016). Fortifications of Ladakh: A Brief Chrono-Typology. In R. Linrothe, & H. Poell (Eds.), *Visible Heritage: Essays on the Art and Architecture of Greater Ladakh* (pp. 41–64). Delhi: Bibliampex.
- Devers, Q. (2017). Charting Ancient Routes in Ladakh: An Archaeological Documentation. In E. Allinger, F. Grenet, C. Jahoda, M.-K. Lang, & A. Vergati (Eds.), *Interaction in the Himalayas and Central Asia: Processes of Transfer, Translation and Transformation in Art, Archaeology, Religion and Polity* (pp. 321–338). Wien: Austrian Academy of Sciences Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctt1pv891n.19>
- Dotson, B. (2006). *Administration and Law in the Tibetan Empire: The Section on Law and State and its Old Tibetan Antecedents* (PhD thesis). Oxford University.
- Gergan, S. S. (1978). The Lo-sar of Ladakh, Spiti, Lahul, Khunnu and Western Tibet. *The Tibet Journal*, 3(3), 41–43.
- Jahoda, C. (2006). Bemerkungen zur Tradition einer weiblichen Schutzgottheit (srung ma) in Tabo (Spiti Tal, Himachal Pradesh, Indien). In A. Gingrich, & G. Hazod (Eds.), *Der Rand und die Mitte: Beiträge zur Sozialanthropologie und Kulturgeschichte Tibets und des Himalaya* (pp. 11–54). Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Khenrap, K. L. (2000). Ru thog District before the Chinese Occupation (1900–1958): A Preliminary Study of its Cultural History. *The Tibet Journal*, 25(4), 33–77.
- Kogan, A. (2021). Towards the Reconstruction of Language Contact in the Pre-Tibetan Upper Indus Region. *Journal of Language Relationship*, 19(3), 153–165.
- Li, B. W. L. (2011). *A Critical Study of the Life of the 13th-Century Tibetan Monk U rgyan pa Rin chen dpal Based on his Biographies* (PhD thesis). Oxford University.
- Rizvi, J. (1996). *Ladakh: Crossroads of High Asia* (2nd ed.). New Delhi: Oxford University Press.
- Shastri, L. (1994). The Marriage Customs of Ru-thog (mNga'-ris). In P. Kvaerne (Ed.), *Tibetan Studies: Proceedings of the 6th Seminar of the International Association for Tibetan Studies (Fagernes 1992)* (Vol. 2, pp. 755–767). Oslo: Institute for Comparative Research in Human Culture.
- Sokhina, M. D. (2024). *Nü guo* kitaiskoi istoriografii: K voprosu o lokalizatsii “Zhenskikh tsarstv” Tibeta. Chast' I: Vozmozhnoe raspolozhenie Tsarstva zhenshchin v Vostochnom Tibete [*Nü guo* in Chinese Historiography: the Localisation of Tibetan “Women’s Kingdoms.” Part I: Possible Location of The Kingdom of Women in Eastern Tibet]. *Voprosy onomastiki*, 21(2), 51–72. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.2.016
- Stein, R. A. (1972). *Tibetan Civilization*. Stanford: Stanford University Press.
- Uray, G. (1972). Queen Sad-mar-kar’s Songs in the Old Tibetan Chronicle. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, 25, 5–38.
- Vitali, R. (2008). A Tentative Classification of the Bya ru can Kings of Zhang zhung. *Revue d’Études Tibétaines*, 15, 379–419.

- Wang, H., Yang, M. A., Wangdue, S., Lu, H., Chen, H., Li, L., Dong, G., et al. (2023). Human Genetic History on the Tibetan Plateau in the Past 5100 Years. *Science Advances*, 9(11), 1–17. <https://doi.org/10.1126/sciadv.add5582>
- Widmer, M. (2014). *A Descriptive Grammar of Bunan* (Doctoral dissertation). University of Bern.
- Zhang, Y.-J., Zhang, X., Zhao, X., Tong, T., & Li, L. (2020). Craniometric Evidence and Ancient DNA Analysis of the Population Origin of Ngari Prefecture of Tibet Autonomous Region between 3rd and 4th Century AD. *Acta Anthropologica Sinica*, 39(3), 435–449.

Ирина Васильевна Крюкова

доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (400005, Волгоград, пр. Ленина, 27)
E-mail: kryukova-irina@ya.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9380-0693>

Василий Иванович Супрун

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (400005, Волгоград, пр. Ленина, 27)
E-mail: suprun@vspu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2489-9199>

«Человек созерцающий» в зеркале региональной ойконимии (на материале названий населенных пунктов Волгоградской области)

Аннотация

Статья посвящена выявлению региональных особенностей ойконимов, отражающих позицию номинатора — человека-созерцателя. Исследование дополняет полученные нами ранее данные об образе человека-деятеля. Такой подход согласуется с активно развивающимся антропоцентрическим направлением в отечественной топонимике, в рамках которого изучается восприятие окружающего пространства человеком в конкретном регионе: Русский Север, Урал, Сибирь и частично Центральная Россия. При этом топонимия юга России с этих позиций практически не исследована. Материалом послужили 530 официальных ойконимов Волгоградской области, отражающих мировосприятие человека-созерцателя (35,5 % от общего числа региональных ойконимов). Исходя из понятия «объект созерцания», мы выделяем три семантико-мотивировочные группы ойконимов, каждая из которых включает несколько подгрупп. Они рассмотрены в порядке убывания частотности. К первой группе относятся названия, выделяющие гидрообъект как важную доминанту жизни: 1) отгидронимные ойконимы; 2) названия, образованные от гидрографических терминов и нарицательных слов тематической группы «Река, вода». Вторую группу составляют ойконимы, которые характеризуют расположение поселения в конкретных географических условиях, определяющих качество жизни на территории региона: 1) особенности рельефа; 2) качество почвы; 3) растительность; 4) животный мир. К третьей группе отнесены ойконимы, описывающие сам населенный пункт: 1) относительно других населенных пунктов; 2) безотносительно других населенных пунктов; 3) с точки зрения эмоциональной или эстетической оценки населенного пункта. Полученные результаты вносят вклад в разработку общенаучной проблемы отражения особенностей мировосприятия человека в микросоциуме.

Ключевые слова

региональная топонимия; ойконимия; Волгоградская область; номинатор; модели номинации; семантико-мотивировочная группа, структурная модель

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Администрации Волгоградской области, проект № 25-28-20081 «Образ человека в зеркале региональной топонимии (на материале названий населенных пунктов Волгоградской области)», <https://rscf.ru/project/25-28-20081/>

Для цитирования

Крюкова И. В., Супрун В. И. «Человек созерцающий» в зеркале региональной ойконимии (на материале названий населенных пунктов Волгоградской области) // Вопросы ономастики. 2026. Т. 23, № 1. С. 167–185. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2026.23.1.007

Рукопись поступила в редакцию 29.05.2025

Рукопись принята к печати 30.09.2025

Irina Vasilyevna KRYUKOVA

DrHab, Professor of the Department of Linguistics,
Volgograd State Socio-Pedagogical University
(27, Lenin Ave., 400005 Volgograd, Russia)
Email: kryukova-irina@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9380-0693>

Vasily Ivanovich SUPRUN

DrHab, Professor of the Department of Russian
Language and Its Teaching Methods, Volgograd
State Socio-Pedagogical University (27, Lenin Ave.,
400005 Volgograd, Russia)
Email: suprun@vspu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2489-9199>

Homo Spectans in the Mirror of Regional Oikonymy (Based on Settlement Names of the Volgograd Region)

Abstract

This article examines regional features of oikonyms that reflect the perspective of the nominator as a contemplative observer. The study complements previous findings concerning the image of the nominator as an active agent. The approach adopted here aligns with the anthropocentric trend that has been actively developing in Russian toponymic studies, which focuses on how people perceive and conceptualize the surrounding space within particular regions, such as the Russian North, the Urals, Siberia, and, to some extent, Central Russia. By contrast, the toponymy of southern Russia has received little attention from this perspective. The material for the study consists of 530 official oikonyms of the Volgograd Region that reflect the worldview of the contemplative observer (35.5% of the total number of regional oikonyms). Based on the notion of an “object of contemplation,” three semantic and motivational groups of oikonyms are identified, each comprising several subgroups. These groups are analysed in order of decreasing frequency. The first group includes names that highlight water bodies as a key feature of local life: (1) oikonyms derived from hydronyms,

and (2) names formed from hydrographic terms and common nouns belonging to the semantic field “river, water.” The second group comprises oikonyms that characterize the location of a settlement within specific geographical conditions shaping the quality of life in the region: (1) relief features, (2) soil quality, (3) vegetation, and (4) fauna. The third group includes oikonyms that describe the settlement itself: (1) in relation to other settlements, (2) independently of other settlements, and (3) in terms of the emotional or aesthetic evaluation of the settlement. The results contribute to the broader scholarly discussion of how features of human perception of the surrounding world are reflected in the toponymy of a regional microcommunity.

Keywords

regional toponymy; oikonymy; Volgograd region; nominator; semantic-motivational group; structural model

Acknowledgements

The publication was prepared based on the results of a study within the framework of a grant from the Russian Science Foundation and the Administration of the Volgograd Region, project No. 25-28-20081 *The image of a person in the mirror of regional toponymy (based on the names of settlements in the Volgograd region)*, <https://rscf.ru/en/project/25-28-20081/>

For citation

Kryukova, I. V., & Suprun, V. I. (2026). *Homo Spectans* in the Mirror of Regional Oikonymy (Based on Settlement Names of the Volgograd Region). *Voprosy onomastiki*, 23(1), 167–185. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2026.23.1.007

Received on 29 May 2025

Accepted on 30 September 2025

Введение

Данная статья представляет собой часть исследования, посвященного воплощению образа человека в названиях населенных пунктов на территории, которую занимает современная Волгоградская область.

На первом этапе мы обратились к образу человека-деятеля (*Homo agens*), отраженному в ойконимии Волгоградской области [Крюкова, Супрун 2022]. При этом мы исходили из общефилософского понимания данного феномена, согласно которому деятельность *Homo agens* представляется как структура, основные элементы которой — субъект (отдельный человек или определенная социальная группа) с его мотивами, ценностями, навыками и объект как часть объективной реальности, на которую направлена деятельность субъекта [Мизес 2000; Климович, Стефанович 2022]. В результате были выделены две группы наименований, дающих представление о человеке-деятеле на рассматриваемой территории: 1) персонологические, изображающие человека как субъекта определенного вида деятельности, аксиологически значимой для конкретного региона (описывают человека с точки зрения его профессии / рода деятельности, отношения к воинской службе, религии, социального статуса);

2) функционально-атрибутивные, которые дают утилитарную характеристику объекту — конкретному населенному пункту — с точки зрения деятельности человека (свидетельствуют о приспособленности топообъекта к жизнедеятельности человека — земледельца, скотовода, рыболова и т. п.).

Образу человека-деятеля, отраженному в ойконимии, может быть противопоставлен образ человека-созерцателя (*Homo spectans* или *Homo contemplativus*). В данном случае мы ориентировались на понимание феномена «созерцание» в философии и психологии. Размышления о сути этого понятия и его особенностях представлены в философских трудах Аристотеля, И. Канта, Г. В. Ф. Гегеля, М. Хайдеггера, П. А. Флоренского и мн. др. [см.: Кессиди 1983; Шаповалова 2011; Бычков 2007; Марцинковская 2011]. Обобщая опыт прошлых лет, известный французский философ А. Конт-Спонвиль определяет созерцание как «внимательный и бескорыстный взгляд. Метафорически созерцание означает способность сознания познавать, не стремясь к обладанию, использованию или вынесению суждения о познаваемом. Созерцание есть вершина духовной жизни, чистая радость познания» [Конт-Спонвиль 2012: 559].

Большое внимание феномену созерцания уделяют психологи. Крупнейший отечественный ученый С. Л. Рубинштейн отмечает, что «величие человека, его активность проявляются не только в деятельности, но и в созерцании, в умении постичь и правильно отнестись к Вселенной, к миру, к бытию» [Рубинштейн 1997: 73]. По данным Г. В. Аكوпова [2021], созерцание чаще всего ассоциируется с визуальным сознанием. Проведенное автором анкетирование, направленное на выявление созерцательной активности, показало, что респонденты в большинстве своем определяют созерцание как «смирение»; «наслаждение», «умиротворение», «единение с миром, с окружающим пространством», «открытость миру» и т. д. А среди условий, стимулирующих процесс визуального созерцания, участники опроса примерно равным образом отметили «вид с высоты горной вершины», «морскую даль», «плывущие в небе облака», «даль горизонта», «течение реки» [Там же]. Таким образом, внимание современного человека-созерцателя направлено преимущественно на природные объекты, что, думается, было характерно и в прошлом для жителя сельской местности, пребывающего в постоянном контакте с окружающей природой.

Можно утверждать, что образ человека созерцающего универсален, он представлен во все времена, ярко проявляется в языке. В русском языке используется церковнославянизм *созерцать*, относящийся, как и большинство заимствований из церковнославянского языка, к высокому стилю речи (помета «книжное»), со следующим определением в современных словарях:

‘рассматривать, пассивно наблюдать’ [ТСРЯ: 914; БТС: 1230]. Авторы [БАС 26: 606–607] дают две дефиниции этого глагола (без стилистических помет): 1) ‘рассматривать, наблюдать’; 2) ‘мысленно представлять; проникать умом, мыслью во что-л.’ В. И. Даль так определил семантику русского глагола *созерцать*: ‘внимательно или продолжительно рассматривать, наблюдать, смотреть со смыслом, вникая, углубляясь в предмет, изучая его, любуясь им’ [Даль 4: 261]. Следовательно, хотя этимологически глагол связан с физиологическим процессом («из *со-зерцать*, родств. *зеркало*» [ТСРЯ: 914]), в его семантике воспроизведены и ментальные переживания. Таким образом, при всем многообразии трактовок созерцания, можно выделить три компонента значения слова, которые, как будет показано далее, нашли отражение в региональной ойконимии: 1) «физиологический процесс» (смотреть); 2) «ментальное восприятие» (размышлять); 3) «позитивная эмоциональная оценка объекта созерцания».

Анализ топонимического материала с позиций человека-созерцателя согласуется с активно развивающимся антропоцентрическим направлением в отечественной топонимике. Программой в этом отношении является работа Е. Л. Березович, в которой детально разработана методика извлечения этнокультурной информации из топонимических данных (в том числе модели «ближний — дальний», «правый — левый», «верхний — нижний» и др.). На основе полученной информации реконструируется система народных представлений о пространстве, окружающем человека: его протяженности, степени обжитости, точках и зонах, связанных с действиями человека [Березович 2009]. Таким образом, автор осуществляет раскодировку информации, заложенной в топониме в момент его возникновения. Подобный подход встречаем в трудах Л. М. Дмитриевой [2002], Т. В. Федотовой [2012], Е. Ф. Ковлакас [2009], С. А. Попова, Т. Ф. Пуховой и Е. А. Грибоедовой [2018], И. И. Муллонен [2008] и мн. др. Все перечисленные работы, выполненные на широком топонимическом материале, включающем микротопонимию, отражают особенности восприятия окружающего пространства человеком-номинатором в конкретном регионе: Русский Север, Карелия, Архангельская, Вологодская, Воронежская, Костромская области, Сибирь, Алтай и Урал. Топонимия юга России с этих позиций практически не изучалась. Между тем ойконимия юга России — региона, к которому относится Волгоградская область, — представляет интерес для исследования подобного рода по нескольким причинам.

Во-первых, в географических названиях отражена история заселения Волгоградской области, которая в далеком прошлом представляла собой перекресток цивилизаций, место кочевков ираноязычных савроматов, сарматов, скифов и пр. Затем это была территория Хазарского каганата и Золотой Орды.

Древняя история региона отражена прежде всего в гидронимии, от названий рек образованы и многие местные ойконимы. С XVI–XVII вв. начинается освоение Нижнего Поволжья и Среднего Дона русскими людьми, в 1589 г. строится город-крепость Царицын, на Дону появляются поселения казаков. Возникновение большей части рассмотренных далее ойконимов относится к этому периоду. Позже было несколько этапов переселенческого движения русских, украинских, мордовских и татарских крестьян из разных губерний Российской империи, что тоже оставило свой след в местной ойконимии.

Во-вторых, в региональной топонимии отражены особенности географического положения Волгоградской области, климатические и природные условия, разнообразие ландшафта. Волга разделяет территорию области на возвышенную правобережную часть, разделенную оврагами и балками, и низменную левобережную часть. Между руслом Волги и ее левым рукавом, р. Ахтуба, находится Волго-Ахтубинская пойма с многочисленными протоками, ериками, старицами. Большая часть области расположена в степной зоне, северная часть — в зоне лесостепи, юго-восточная часть — в зоне полупустынь. Нередки засухи, суховеи и пыльные бури.

Материалом нашего исследования стали официальные названия населенных пунктов Волгоградской области (в том числе исчезнувших поселений), зафиксированные в действующем в настоящее время «Реестре административно-территориальных единиц и населенных пунктов Волгоградской области» [РВО]. В нем 1 494 ойконима. Из них путем направленного поиска были отобраны ойконимы, в которых отражен образ человека-созерцателя, — всего 530 единиц, что составляет 35,5 % всех названий. С учетом доказанной в современной психологии связи созерцания с визуальным сознанием и направленностью созерцания прежде всего на природные объекты [Рубинштейн 2003; Акопов 2021] мы отбирали ойконимы, в которых отмечена связь с водными объектами, особенностями рельефа, почвы, растительного и животного мира или дана характеристика самого населенного пункта с точки зрения его внешних, визуально наблюдаемых признаков. При сборе информации о происхождении названий использовалась справочная литература [НПВО; САТДВО; ИАТДВО; ПВО], литература по краеведению [Самойлов, Супрун 1991] и материалы анкетирования местных жителей.

Данный материал в настоящее время обработан и подготовлен для публикации в виде словаря «Города и селения Волгоградской области: ойконимический словарь». Лексикографический метод анализа и обработки топонимического материала в сочетании с этимологическим анализом, применяемый при подготовке данного словаря, не только дает возможность систематизировать региональные ойконимы по нескольким основаниям, но и предоставляет

научно-обоснованные данные для новых теоретических обобщений и, возможно, новых словарей. По точному наблюдению О. И. Блиновой, таким образом работает модель перехода «теория — словарь — теория — словарь» [Блинова 2012: 22].

Результаты исследования

Исходя из понятия «объект созерцания», условно можно выделить три семантико-мотивировочные группы ойконимов, каждая из которых подразделяется на несколько подгрупп. Рассмотрим их в порядке частотной представленности в нашем материале.

1. Объект созерцания — гидрообъект

Наименования рек, озер, морей представляют собой наиболее устойчивые единицы, они редко подвергаются переименованиям, крупные реки сохраняют свои названия в течение веков и тысячелетий. При этом во все времена «река является не столько центром освоения пространства, сколько организатором пространственных связей, так как с рекой связана объективированная система ориентации, заданная естественной ориентированностью самого объекта» [Березович 1999: 23]. Иначе говоря, гидрообъект — это первое, на что направлен взгляд человека-созерцателя, который находится на еще не освоенном пространстве, река помогает ему сориентироваться в этом пространстве. По нашим данным, в ойконимии рассматриваемого региона представлены названия практически всех объектов водной системы Волгоградской области. Выделяются подгруппа отгидронимных названий и подгруппа номинаций от апеллятивов.

Ойконимы **первой подгруппы** созданы по нескольким структурным моделям.

1. Прямой перенос гидронима — названия реки (по основному руслу) или ее притока: *Акса́й, Анти́повка, Безымя́нка, Бе́рдия, Бу́рлук, Грязну́ха, Ела́нь, Ельша́нка, Ерзо́вка, Зензева́тка, Илова́тка, Йо́вля, Котлуба́нь, Липовка, Лыча́к, Медве́дица, Ольхо́вка, Пичу́га, Терса́, Торгу́н* и др. Гидронимы адъективного характера могут в ойкониме получать окончание, согласованное с типом населенного пункта: р. *Оле́нья* — с. *Оле́нье*.

Не останавливаясь на этимологии гидронимов, рассмотренных нами ранее в словаре «Реки и водоемы Волгоградской области» [Крюкова, Супрун 2009], отметим, что для человека, номинирующего свое поселение, значим сам факт его расположения у реки, название которой ему уже известно. По результатам проведенного анкетирования ойконимы отфитонимного происхождения

в сознании местных жителей связываются с названиями растений, а не с одноименной рекой, что становится причиной возникновения топонимических легенд. Даже в известном словаре А. Н. Минха утверждается: «Название свое Дубовка получила от дубового леса, росшего на месте ее нынешнего расположения» [ИГС: 247]. Эта этимология подхвачена краеведами, которые приводят ее без ссылок на первоисточник. Однако отфитонимное название р. *Дубóвка* упоминается в источниках конца XVII в. [Крюкова, Супрун 2009: 125], а первое поселение с этим ойконимом появляется только в 1721 г. [Самойлов, Супрун 1991].

Сложнее установить преемственность между ойконимами и микрогидронимами — названиями ручьев, балок, буераков и т. п.; последние могут получить наименование по расположенному на их берегах поселению. Обычно микрогидронимы в письменных источниках встречаются редко, поэтому не всегда легко понять, какое название было первичным. Так, исчезнувшие хутора *Дóлгий Буера́к* и *Дóлгинский* были названы по микрогидронимам [ИГС: 160]. Такое же происхождение у многих ойконимов со словом *ба́лка*: *Весёлая Ба́лка*, *Вишнёвая Ба́лка*, *Пого́жья Ба́лка*, *Прямáя Ба́лка*, *Стáрая Ба́лка*. В случае отсутствия письменного подтверждения следует опираться на семантику исходного этимона, которую зачастую подтверждают результаты опроса местных жителей. Например, хут. *Вертя́чий* получил название по оврагу, в котором, по словам местных жителей, во время весеннего половодья «вода *вёртится*», т. е. образует водовороты.

2. Образование ойконима от гидронима с помощью суффикса -ци и. Значительную часть Волгоградской области составляют земли бывшей Области Войска Донского. У казаков деривационная модель топонимов содержит адъективный суффикс *ск-* и по роду соотносится с типом поселения: мужской род — *хутор*, женский род — *станция*: *А́кчерненский*, *Арче́дýнский*, *Бузулу́жский*, *Кирхи́нский*, *Криу́шинский*, *Кумь́лженская*, *Хопёрский* и др. Более сложные деривационные модели представлены в ойконимах *Заво́лжский*, *Черномóровский*. Менее частотна модель с суффиксом *-к(а)* и интерфиксами: *Волжа́нка*, *Дони́ца*, *Терси́нка*.

3. Отдельно выделим образование парных ойконимов отгидронимного происхождения в оппозиции «верхний — нижний», в которых отражено не столько расположение населенного пункта в верховьях или низовьях реки, сколько его положение относительно соседнего населенного пункта по течению реки с позиции именуемого субъекта. Здесь встречаем парные названия, однородные по словообразовательным моделям (двухосновные или двухсловные): *Верхнекарда́йльский* — *Нижнекарда́йльский*, *Верхнебезымя́новский* — *Нижнебезымя́новский*,

Верхнеоси́новский — *Нижнеоси́новский*, *Верхнесоло́новский* — *Нижнесоло́новский*, *Вёрхняя Грязну́ха* — *Ни́жняя Грязну́ха* и т. п. В разное время названия поселений преобразовывались, поэтому парность ойконимов становилась разномодельной: *Верхнечи́рский* — *Ни́жний Чир*. В результате переименований и исчезновения поселений сохранились беспарные ойконимы, указывающие на расположение поселения в верховьях гидрообъекта: *Верхнепогро́мное*, *Верхнецимля́нский*, *Вёрхняя Кула́линка*, *Вёрхний Ерусла́н*.

В такие соотносительные ряды, часто с немаркированным первым членом, могут включаться ойконимы с начальным компонентом *усть-*, который наиболее точно передает положение населенного пункта — в устье реки: *Вёрхняя Грязну́ха* — *Усть-Грязну́ха*, *Бузулу́кский* — *Усть-Бузулу́кская*, *Пого́жья Ба́лка* — *Усть-Пого́жье*. При этом среднее течение реки оказывается менее значимым. Сейчас отмечено только три одиночных названия с компонентом *средний*: *Сре́дняя Ахту́ба*, *Сре́дняя Камы́шинка*, *Среднеца́рицынский*. Ранее они входили в более сложные троичные структуры: *Верхнепогро́мное* — *Среднепогро́мное* — *Нижнепогро́мное* (ныне *Краснооктя́брьский*), *Нижнеахту́бинское* (ныне *Запла́вное*) — *Среднеахту́бинское* — *Верхнеахту́бинское* (ныне *Во́лжский*).

Вторую подгруппу составляют ойконимы, образованные от гидрографических терминов тематической группы «Река, вода». Следует учесть, что для сельского жителя река, озеро, пруд, возле которых он живет, — всегда единичный объект, поэтому в речи местных жителей часто присутствует не его собственное название, а слова *река*, *речка*, *пруд*, *эрик* (в литературном языке имеет значение ‘небольшой проток, соединяющий два водоема’ [БТС: 296]; на Волге и Нижнем Дону используется для обозначения небольших речек [Крюкова, Супрун 2009: 5]) и т. п., которые заменяют гидроним, приобретая онимические функции. От гидрографических терминов литературного языка *река*, *родник*, *ключ*, *пруд*, *озеро*, *овраг*, *лог*, *перекат*, *затон*, *плёс*, *канал* и пр. путем онимизации и последующих суффиксации, префиксации, конфиксации, осново- и словосложения образованы ойконимы *Рэ́ченский*, *Верхнерэ́ченский*, *Нижнерэ́ченский*, *Зарэ́чный*, *Родники́*, *Роднички́* (2)¹, *Родникóвский* (2), *Ключи́*, *Ключа́нский*, *Пруды́*, *Прудки́*, *Прудóвый*, *Запру́дный*, *Озерки́*, *Приозёрный*, *Овра́жный*, *Приовра́жный*, *Лог*, *Лóговский* (2), *Трэхлóжинский*, *Ложки́*, *Бекéтовский Перека́т*, *Затóнский*, *Плёс*, *Плеси́стовский* и др.

Лексема *буерак* ‘небольшой овраг, размытая ложбина’ [ТСУ 1: 199] включена в словари литературного языка без помет, она фиксируется со второй половины XVI в. Словари отмечают, что слово было заимствовано из тюркских языков, следовательно, получило распространение прежде всего на юге

¹Здесь и далее число в скобках обозначает количество одноименных населенных пунктов.

страны, где происходили контакты русских с представителями тюркских народов. Оно входит в состав ойконимов *Ка́менный Буера́к, Буера́к-Попо́вский, Буера́к-Сеню́ткин, Воднобуера́чное*.

Лексема *морцо́* в русском языке определяется как ‘озеро, образуемое расширением рукавов в устье реки’ [ТСУ 2: 263; БАС 10: 421]. Хотя у этого слова нет помет в словарях, к общеизвестным его вряд ли можно отнести. Родственным ему является записанный в Саратовской губернии диалектизм *морёц* ‘рукав Волги, оба конца которого занесены песком’ [СРНГ 18: 262]. Однако названия хут. *Морёц* и *Большой Морёц*, расположенных в 130 км от Волги, показывают, что семантика слова не ограничена территорией этой реки, а имеет более широкое значение. Село *Большой Морёц* было основано на берегу оз. *Морёц*. Следовательно, слова *морцо́* и *морёц* являются изначально синонимичными.

В эту же подгруппу мы включаем ойконимы, образованные от местных диалектных слов, в том числе имеющих особое семантическое развитие в регионе: *Я́минский* (2), *Я́мы, Переко́п, Переко́пская, Заливнóй, Зали́вский, Обли́вский, Отро́г, Отро́жки, Ржа́вский, Забуру́нный* (2), *Запру́дный, Чигана́ки, Чиче́ровский, Раздо́ры, Кала́ч, Калачёвский, Лучно́вский, Лу́ковская, Запла́вка, Запла́вное*. В основе названий — диалектные слова *я́ма* ‘вырытое в земле углубление для дубления кожи’, *зали́в* ‘низкое, заполненное водой место в лугах или на пашне’, *обли́в* ‘берег у поворота реки’, *ржавь* ‘неплодородная глинистая почва бурого цвета’, *буру́н* ‘волнообразный песчаный занос’, *чигана́ки* ‘низкое место, весной заливаемое водой’, *чичер* ‘холодная погода с пронизывающим ветром, дождем, мокрым снегом’, *раздо́р* ‘разделение реки на несколько рукавов, протоков’ [СДГВО: 689, 189, 366, 516, 59, 655, 659, 502], *запру́да* ‘плотина, гребля, гать, пересыпь для удержания воды’, *переко́п* ‘канавы или канава со рвом поперек чего для непропуска, защиты, связи вод’, *кала́ч* ‘крутой огиб реки вокруг острова или полуострова’, *лука́* ‘поемный луг, огибаемый рекою’ [Даль 1: 623; 2: 70, 272; 3: 55], *запла́ва* ‘прибываемые к берегам во время весеннего разлива мусор, хворост, обломки деревьев и т. п.’, *отро́г* ‘ответвление оврага’ [СРНГ 10: 323; 24: 296].

Наконец, примыкают к этой подгруппе ойконимы, в названии которых отражен сам факт близости поселения к водному объекту, наличие воды в его окрестностях: *Во́дино, Во́динский, Во́дный, Во́дянский, Во́дяновский* (2).

II. Объект созерцания — рельеф, почва, растительность, животный мир

Для человека, осваивающего ту или иную территорию, важными являются качественные характеристики места. В отличие от рассмотренной нами ранее группы ойконимов, которые определяют человека-номинатора с точки

зрения разнообразных сторон его деятельности на той или иной территории (*Выпасной, Отгонный, Стойловский, Конный, Караульный Буерак* и под.) [см.: Крюкова, Супрун 2022]), ойконимы данной группы выделяют визуально наблюдаемые особенности территории вокруг населенного пункта.

В первую подгруппу входят ойконимы, обозначающие возвышенные и низменные места. Волгоградская область находится в равнинной зоне, как следствие, любая возвышенность привлекает внимание человека, что отразилось в областной ойконимии. Слово *горá* в местных говорах — это любое высокое место: ‘холм, возвышенность’ [СДГВО: 115], поэтому большинство образованных от него названий обозначают, что поселение расположено на возвышенном месте, выше, чем соседние: *Горный, Горский, Горско-Поповский, Нагорный* (2), *Горная Поляна* (2), *Подгоринский, Подгорный, Белогорский* (2), *Белогорки, Красногорский, Курганный* и др. В регионе имеется много крутых спусков к рекам, крутых берегов, называемых на юге словом *яр*, о данных особенностях ландшафта свидетельствуют ойконимы: *Крутинский, Крутовский, Круто́е, Круто́й, Подкручинский, Ярской, Светлый Яр* (2), *Красноярский* и др. На берегах Волги и в некоторых других местах России высокий холм называют *венец* [Афанасьев 1954: 8], вероятно, по этому признаку получили название хутора *Венцы* и *Венчаловский*.

Оппозиция «верхний — нижний» у ойконимов данной группы получает иное истолкование, чем у отгидронимных названий. Как пишут многие исследователи региональной топонимии, «верх — низ» — самый частотный соотносительный ряд ойконимической деривации [Березович 2009; Федотова 2012 и др.]. Е. Л. Березович выделяет высотные топонимы, обозначающие «пространственную вертикаль расположения тела человека», отмечая при этом, что высотная ориентировка менее частотна [Березович 2009: 106]. Однако в нашем материале эти единицы совсем немного уступают гидрографическим названиям той же модели. Зачастую вторая часть топонима образована от антропонима — фамилии, имени или прозвища первопоселенца, основателя населенного пункта: *Верхнегнатов — Нижнегнатов, Верхнезубриловский — Нижнезубриловский, Верхнесоинский — Нижнесоинский, Верхнецепляевский — Нижнецепляевский*. Есть также пары с немаркированным ныне первым или вторым членом: *Нижнедолговский, Нижнегерасимовский* (ранее существовали хут. *Верхнегерасимовский, Верхнедолговский* [АСНМ: 375, 85, 87]) и др.

В некоторых случаях образуются ряды из названий населенных пунктов, расположенных поблизости на оси «верх — низ», с учетом как рельефа, так и течения реки: *Горный Балыклэй* (расположен на правом, высоком берегу Волги) — *Верхний Балыклэй* — *Нижний Балыклэй* (расположены на левом, низменном берегу выше и ниже по течению относительно друг друга).

Обозначения расположения поселения в низком месте, в низменности встречаются реже, и они тоже косвенно указывают, что существуют возвышенные места вокруг населенного пункта: *Низя́нка, Нижня́нка, Подни́жний, Западнóвка* (ср. *западíна* ‘котловина или отлогая яма; низменность’ [СРНГ 10: 297]).

Ко второй подгруппе относятся ойконимы, отсылающие к особенностям почвы и некоторым характеристикам рельефа. Волгоградская область расположена в степной и полупустынной зонах, поэтому здесь многие поселения соседствуют с песками, с глинистой и каменистой почвой, высокие берега Дона и притоков содержат меловые отложения, встречаются солончаки, почвы и возвышенности, лишенные растительности, голые. Все эти черты окружающего ландшафта нашли свое отражение в ойконимах: *Пески́, Песковáтка* (2), *Песковáтский, Пескóвка, Песча́нка* (4), *Песча́новка, Песча́ный* (2), *Песча́ный Пе́рвый, Песча́ный Вто́рой, Песча́ный Тре́тий, Подпесóчный; Гли́нище, Гли́нковский, Белогли́нский; Ка́менка* (3), *Ка́менный, Ка́менский, Ка́менный Бро́д, Белока́менка, Карава́инка* (ср.: *карава́и* ‘округлые камни, валуны, похожие на круглый ржаной хлеб’ [ИГС: 465]); *Меловáтка, Меловóй, Мелóвский; Соляно́й, Солóнка, Солонцо́вский; Го́ловский, Наго́льный, Лысого́рский* и др. Общая характеристика местности заключена в названиях *Степно́й, Полево́й, Равни́нный, Лугово́й, Лесно́й, Дубро́вский*. От диалектного слова *крепь* ‘целина’ [СДГВО: 271] образованы топонимы *Кре́пинский, Кре́повский*.

Третья подгруппа ойконимов связана с флорой и фауной региона. В названиях отмечены широко распространенные на всей территории проживания славян *ольха, береза, дуб*. Ойконимы образуются от фитонимов по разным словообразовательным моделям. При этом некоторые из них были даны по рекам (*Берёзовка, Ольхо́вка, Дубо́вка*), однако в народном сознании они совпадают с названиями поселений отфитонимного происхождения: *Ольхо́вка, Ольхо́вский* (6); *Берёзовка* (3), *Берёзки, Берёзовый* (3), *Берёзовская, Березняго́вский; Дубо́вка, Дубово́е* (2), *Дубо́вский* (2), *Дубовóй*. На территории региона встречаются заросли терна, поэтому достаточно частотны ойконимы типа *Терно́вка* (2), *Терновóе, Терновóй* (2), *Малотерновóй*. Остальные названия, данные по деревьям, травам и садово-огородным растениям, единичны или встречаются дважды: *Сосно́вка* (2), *Клено́вка, Ту́тов, Ябло́невый, Ягодное* (2), *Земляни́чный, Гречи́хино, Цвето́чное, Со́лодовка, Ковы́льный, Мо́ховский*.

Можно выделить в этой подгруппе названия по растительности у водоемов, что говорит об особой значимости для человека прибрежного пространства. От названий различных прибрежных растений, не связанных с названием реки, образованы ойконимы *Ве́рбочный, Ве́рбовский, Та́ловка* (3), *Та́ловский, Та́ловый, Краснота́ловский* (ср.: дон. *тал* ‘кустарниковая ива’ [СДГВО: 583]),

Камышій, Камышинский, Камышовка, Тростянка, Тростянский, Лозное, Лозной, Большая Таволжанка, Таволжанский и др. Иногда они образуют ряды с дополнительной характеристикой низменных и возвышенных мест: *Пимено-Черни — Верхнечеренский — Нижние Черни* (ср. диал. *черни* ‘береговые плавни, камыши’ [Даль 4: 595]).

Среди волгоградских ойконимов встречаются единицы, в основе которых лежит зооним, однако в ряде случаев сложно сказать, к апеллятивному зоониму или к имени первопоселенца восходит то или иное название. Изучение истории возникновения поселений, а также рассказы местных жителей позволяют определить отзоонимное происхождение некоторых ойконимов: *Рыбный* (2), *Рыбинка, Щучий, Дудаченский, Бобры, Лебяжий, Лебяжье, Лебяжья Поляна, Орлы, Орлиное, Орлиновский, Орловский* (2), *Ястребовский, Коршунówka, Конный, Козиновский, Козлиновский, Козловка, Кочетково, Муравли* и др.

III. Объект созерцания — сам населенный пункт

Для жителей поселений важна оценка своего населенного пункта, какая-либо визуально наблюдаемая его особенность, выделяющая данный населенный пункт среди окружающих сел, станиц, хуторов.

Первая подгруппа ойконимов указывает на расположение населенного пункта относительно других поселений. Часть названий этой подгруппы пересекаются с ойконимами, которые содержат компоненты «верхний — нижний», отражающие расположение по течению реки или особенности рельефа, о чем было сказано выше. Названия поселений могут также противопоставляться по расстоянию относительно более крупного поселения или какого-то географического объекта (река, гора и пр.) на оси «дальний — ближний»: *Ближнемельничный — Дальнемельничный, Ближнеподгорский — Дальнеподгорский* (ныне исчез), *Ближневенцовский — Дальневенцовский* (ныне *Венцы*), *Ближнечиганецкий — Дальнечиганецкий* (ныне *Чиганьки*), *Ближнепереконский — Дальнепереконский* (ныне *Переконка*). Указание на близость или удаленность поселения может использоваться и без противопоставления: *Дальнестепной, Дальний, Ближний* (ныне исчез), *Ближнеосиновский*.

Когда два и более поселений имеют одинаковые названия, важным становится время основания, для различения используется противопоставление «новый — старый» (*Новая Иванцówka — Старая Иванцówka, Новая Полтавка — Старая Полтавка, Новогригорьевская — Старогригорьевская, Новый Кондаль — Старый Кондаль, Новый Рогачик — Старый Рогачик* (ныне исчез) и др.) или только «новый», с нулевым компонентом у возникшего ранее населенного пункта: *Новониколаевский — Николаевск, Новокиевка — Киевка, Новоолховка — Олховка, Новый Тихонов — Тихонов*,

Новокрасино — *Красинский*, *Новоаксайский* — *Аксай* и др. Определения могут не входить в противопоставления, а лишь свидетельствовать о времени возникновения поселения или окрестного объекта: *Староселье*, *Старореченский* и др.

Сходную семантику отражают противопоставленные ойконимы с порядковыми числительными «п е р в ы й — в т о р о й» (с числительным *первый* в постпозиции): *Берёзовка Первая* — *Берёзовка Вторая*, *Жутово Первое* — *Жутово Второе*, *Ильменский Первый* — *Ильменский Второй*, *Княженский Первый* — *Княженский Второй* и т. п. В ойконимии области имеются троичные системы, в которых топоним с нулевым индексом противопоставляется двум следующим (*Дьяконовский* — *Дьяконовский Первый* — *Дьяконовский Второй*, *Бобрый* — *Бобрровский Первый* — *Бобрровский Второй*, *Суховский* — *Суховский Первый* — *Суховский Второй*), и даже четверичная система (*Чиганьки* — *Чиганьки Первые* — *Чиганьки Вторые* — *Чиганьки Третьи*). Среди казачьих поселений разделение на *первые* и *вторые* было частотным, оно отражало не только время возникновения поселения, но и его административное разделение.

Закономерно противопоставление поселений по размеру в парах ойконимов на оси «б о л ь ш о й — м а л ы й»: *Большая Осинька* — *Малая Осинька*, *Большой Дубовский* — *Малый Дубовский*, *Большой Орешкин* — *Малый Орешкин*, *Большенабатовский* — *Малонабатовский*, *Большетерновой* — *Малотерновой*. Встречаются троичные системы: *Ивановка (3)* — *Малая Ивановка* — *Большая Ивановка*, *Лычак* — *Большой Лычак* — *Малый Лычак*. Исчезновение некоторых поселений ликвидировало парность: *Симкин* (ныне исчез) — *Большой Симкин*, *Большая Таволжанка* — *Малая Таволжанка* (ныне исчезла). Имеются беспарные наименования разного происхождения: *Большая Князевка*, *Большой Бабинский*, *Большой Головский* и др. Константацию размера поселения вне сопоставления отражают ойконимы *Большинский*, *Большой (2)*. В целом в регионе модель с определителем «большой» более частотна.

К этой же подгруппе можно отнести непротивопоставленные ойконимы, указывающие на: 1) расположение относительно других населенных пунктов по сторонам света: *Северный (2)*, *Южный*, *Восточный*; 2) расположение за каким-либо значимым объектом: *Закутский*, *Заполосный*, *Заполянский*; 3) нахождение в отдалении от других населенных пунктов: *Дальний*, *Глухой*; 4) обозначение границ между поселениями, отделение «своих» от «чужих» (у казаков *рубёж* — граница юрта): *Пограничное*, *Рубежный*, *Верхнерубежный*, *Ярки-Рубежный*.

Вторая подгруппа включает ойконимы, характеризующие сам населенный пункт безотносительно других поселений. Здесь выделяются следующие основания номинации.

1. Выделение из общего пространства, о б о с о б л е н н о с т ь поселения: *Сапожók* (ср. диал. *сапожók* ‘пашенная земля среди леса’ [СРНГ 36: 128]); *Ластушинский* (ср. *ластыи* ‘небольшой участок, полоса поля, луг’ [СРНГ 16: 284]); *Островók, Островская, Трёхостровская* (ср. *óстров* ‘участок суши, окруженный водой; об участке, выделяющемся чем-л. среди остальной местности’ [БАС 14: 274]); *Отрубá* (ср. *óтруб* ‘участок общинной земли, выделявшийся крестьянам в единоличную собственность в 1906–1917 гг. в соответствии со столыпинской аграрной реформой’ [Там же: 645]).

2. Р а с п о л о ж е н и е поселения и количество домов в нем: *Дóлгий, Дóлговский* (3), *Нижнедóлговский* (длина поселения), *Двойнóвский* (по типу расположения домов), *Клинóвка* (по словам местных жителей, «селились клином»), *Пирамидáльный* (имеет конусообразную форму), *Поперéчный, Угóльский* (ср. дон. *угóльчатый* ‘имеющий прямые углы, прямоугольный’ [СДГВО: 607]), *Кривóвский, Крívский, Кривуша; Пятиизбáнский, Сóрок Дóмиков*. В. А. Никонов отмечал, что «топоним запечатлеват скорее нетипичные особенности объектов, чем широко распространенные» [Никонов 1965: 38–42].

3. Эмоциональная или эстетическая о ц е н к а населенного пункта как результат созерцания его обитателями: *Мírный* (3), *Благодáтный, Вдовóльный, Весёлый* (2), *Весёлая Бáлка, Погóжься Бáлка, Обíльный, Привóльный, Раздóльное, Раздóльный* (2), *Рáйгород, Тíхий, Свётлый*. Номинатор стремился дать позитивную оценку населенному пункту или отразить в ойкониме надежды на благополучную и спокойную жизнь в нем.

Особо нужно выделить ойконимическую деривационную модель с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-еньк*, с помощью которого передается отношение жителей к своему поселению: *Бéленький, Нóвенький, Стáренький*.

К оценочным следует отнести и названия, содержащие прилагательное *красный* в народно-поэтическом значении ‘красивый, прекрасный’ [БАС 8: 592]. Для разграничения с аналогичными названиями идеологического происхождения необходимо обращать внимание на время возникновения ойконима: до революции были даны названия поселением *Красногóрский, Краснокороткóвский, Краснопóлье, Краснояровский, Красноярский* (4), *Красный* (5), *Красный Яр* (2), *Краснянский* и др.

Заключение

Анализ номинативной деятельности человека созерцающего вписывается в активно развивающееся антропоцентрическое направление отечественной топонимики (Е. Л. Березович, Л. М. Дмитриева, Т. В. Федотова,

И. И. Муллонен и др.), которое может быть дополнено изучением ойконимии Волгоградской области, одного из регионов юга России, ранее не исследованного с данных позиций.

Исходя из понятия «объект созерцания», мы выделяем три семантикомотивировочные группы ойконимов. Наиболее репрезентативна первая группа, к которой относятся названия, определяющие гидрообъект как важную доминанту жизни. Это, во-первых, ойконимы, образованные практически от всех гидронимов Волгоградской области, они отражают расположение поселения на берегу; во-вторых, ойконимы, образованные от гидрографических терминов и нарицательных слов тематической группы «Река, вода», в том числе диалектизмов.

Вторую группу составляют ойконимы, характеризующие расположение поселения в конкретных природных условиях, определяющих качество жизни. В них нашли отражение особенности рельефа, качество почвы, растительный и животный мир. Следует отметить особое внимание номинатора к возвышенным местам, что связано со значимостью для человека, находящегося в степной зоне, любой возвышенности; а также наличие группы названий, указывающих на местные особенности почвы (образованы от слов *песок*, *камень*, *глина*, *мел* и под.) и прибрежную растительность (от слов *верба*, *камыш*, *тростник* и их диалектных аналогов).

К третьей группе отнесены ойконимы, характеризующие сам населенный пункт: во-первых, относительно других населенных пунктов (оппозиции «ближний — дальний», «новый — старый», «большой — малый»); во-вторых, безотносительно других населенных пунктов (выделение из общего пространства, обособленность, расположение и количество домов); в-третьих, с точки зрения эмоциональной или эстетической оценки населенного пункта.

Дальнейшее исследование в этом направлении волгоградских ойконимов может внести вклад в разработку глобальной общенаучной проблемы отражения особенностей мировосприятия и самоидентификации человека в микросоциуме, решение которой невозможно без региональных топонимических исследований.

Сокращения

дон. донские говоры русского языка

Источники

- АСНМ — Алфавитный список населенных мест Области войска Донского. Новочеркасск : Обл. Войска Дон. тип., 1915.
- БАС — Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К. С. Горбачевич. М. ; СПб. : Наука, 2004—. Т. 1—.
- БТС — Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : ГИИНС, 1955.
- ИАТДВО — История административно-территориального деления Волгоградской (Сталинградской) области: 1936–2007 гг. : справочник : в 3 т. / сост.: Д. В. Буянов, Т. И. Жданкина, В. М. Кадашова, С. А. Норицына ; рук. проекта Н. К. Максютя. Волгоград : Перемена, 2009.
- ИГС — Минх А. Н. Историко-географический словарь Саратовской губернии. Т. 1, вып. 2 : Южные уезды: Камышинский и Царицынский. Саратов : Тип. губ. земства, 1898 ; Т. 1, вып. 2 : Продолжение. Саратов : Тип. губ. земства, 1900.
- НПВО — Ильин Д. Ю., Сидорова Е. Г. Населенные пункты Волгоградской области : словарь-справочник регионального топонимикона. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2019.
- ПВО — Воробьев А. В. От Эльтона до Урюпинска (поселения Волгоградской области). Волгоград : Станица-2, 2004.
- РВО — Реестр административно-территориальных единиц и населенных пунктов Волгоградской области. URL: <https://www.volgograd.ru/volgogradskaya-oblast/administrativno-territorialnoe-delenie.php> (дата обращения: 25.05.2025).
- САТДВО — Справочник административно-территориального деления Волгоградской области / сост. А. И. Кузнецов. Волгоград : Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1989.
- СДГВО — Словарь донских говоров Волгоградской области / под ред. Р. И. Кудряшовой. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград : Издатель, 2011.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22) ; Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42) ; С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965—. Вып. 1—.
- ТСРЯ — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2011.
- ТСУ — Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : Сов. энциклопедия, 1935–1938.

Исследования

- Акопов Г. В. Созерцание как универсальный культурный феномен спонтанной самотерапии // Педагогика и психология в медицине: проблемы, инновации, достижения : сб. тр. I Междунар. науч. конгресса (Санкт-Петербург, 3–4 июня 2021 г.) / под ред. Н. П. Ванчаковой. М. : Перо, 2021. С. 12–17.
- Афанасьев Б. Н. Исторические места Ульяновска : путеводитель. 2-е изд., перераб. Ульяновск : Ульяновская правда, 1954.
- Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 1999.
- Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Пространство и человек. 2-е изд., испр. и доп. М. : ЛИБРОКОМ, 2009.
- Блинова О. И. Теория → словарь → теория → словарь... // Вопросы лексикографии. 2012. № 1. С. 6–26.
- Бычков В. В. Русская теургическая эстетика. М. : Ладомир, 2007.
- Дмитриева Л. М. Онтологическое и ментальное бытие топонимической системы (на материале русской топонимии Алтая). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002.

- Кессиди Ф. Х. Этические сочинения Аристотеля // Аристотель. Сочинения : в 4 т. / под общ. ред. А. И. Доватура. М. : Мысль, 1983. Т. 4. С. 5–37.
- Климович А. В., Стефанович В. А. Философия : краткий курс лекций : учеб. пособие. М. : НИЦ ИНФА-М, 2022.
- Ковлакас Е. Ф. Особенности формирования топонимической картины мира: лексико-прагматический и этнокультурный аспекты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Кубан. гос. ун-т. Краснодар, 2009.
- Конт-Спонвиль А. Философский словарь / пер. с фр. Е. В. Головиной. М. : Этерна, 2012.
- Крюкова И. В., Супрун В. И. Реки и водоемы Волгоградской области : гидронимический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград : Изд-во ВГАПК РО, 2009.
- Крюкова И. В., Супрун В. И. *Homo agens* в зеркале региональной топонимии (по материалам словаря ойконимов Волгоградской области) // Неофилология. 2022. Т. 8, № 3. С. 427–436. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-427-436>
- Марцинковская Т. Д. Проблема красоты в трудах П. Флоренского — междисциплинарный и полипарадигмальный подход // Культурно-историческая психология. 2011. Т. 7, № 4. С. 77–83.
- Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории / пер. с англ. А. В. Куряева. М. : Экономика, 2000.
- Муллонен И. И. Топонимия Заонежья : словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2008.
- Никонов В. А. Введение в топонимику. М. : Наука, 1965.
- Попов С. А., Пухова Т. Ф., Грибоедова Е. А. Топонимия Воронежского края. Воронеж : Центр духовного возрождения Черноземного края, 2018.
- Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб. : Питер, 2003.
- Самойлов Г. П., Супрун В. И. Рождение Дубовки // Вопросы краеведения : материалы краеведческих чтений. Вып. 1 / отв. ред. В. С. Абаляхин. Волгоград : Волгогр. ЦНТИ, 1991. С. 46–51.
- Федотова Т. В. Русская топонимическая система Восточного Забайкалья : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Моск. пед. гос. ун-т. Улан-Удэ, 2012.
- Шапалова Т. А. Мистерия взгляда: проблема созерцания в философии М. Хайдеггера // Известия Томского политехнического университета. 2011. Т. 319, № 6 : Экономика. Философия, социология и культурология. С. 93–99.

References

- Akorov, G. V. (2021). Sozertsanie kak universal'nyi kul'turnyi fenomen spontannoi samoterapii [Contemplation as an Universal Cultural Phenomenon of Spontaneous Self-Therapy]. In N. P. Vanchakova (Ed.), *Pedagogika i psikhologiya v meditsine: problemy, innovatsii, dostizheniia* [Pedagogy and Psychology in Medicine: Issues, Innovations, Achievements] (pp. 12–17). Moscow: Pero.
- Afanasyev V. N. (1954). *Istoricheskie mesta Ul'yanovska : putevoditel'* [Historical Places of Ulyanovsk: A Guide] (2nd ed.). Ulyanovsk: Ulyanovskaya pravda.
- Berezovich, E. L. (1999). *Russkaia toponimiia v etnolingvisticheskom aspekte* [Russian Toponymy in the Ethnolinguistic Aspect] (Habilitation dissertation). Ural State University, Ekaterinburg.
- Berezovich, E. L. (2009). *Russkaia toponimiia v etnolingvisticheskom aspekte. Prostranstvo i chelovek* [Russian Toponymy in the Ethnolinguistic Aspect: Space and Human] (2nd ed.). Moscow: LIBROKOM.
- Blinova, O. I. (2012). Teoriia → slovar' → teoriia → slovar'... [Theory → Dictionary → Theory → Dictionary...]. *Voprosy leksikografii*, 1, 6–26.

- Bychkov, V. V. (2007). *Russkaia teurgicheskaia estetika* [Russian Theurgic Aesthetics]. Moscow: Ladomir.
- Comte-Sponville, A. (2012). *Filosofskii slovar'* [A Dictionary of Philosophy]. Moscow: Eterna.
- Dmitrieva, L. M. (2002). *Ontologicheskoe i mental'noe bytie toponimicheskoi sistemy (na materiale russkoi toponimii Altaia)* [The Ontological and Mental Being of a Toponymic System (Based on Russian Toponymy of Altai)]. Barnaul: Altai University Press.
- Fedotova, T. V. (2012). *Russkaia toponimicheskaja sistema Vostochnogo Zabaikal'ia* [Russian Toponymic System of the East Trans-Baikal Area] (Habilitation dissertation abstract). Moscow Pedagogical State University, Ulan-Ude.
- Kessidi, F. Kh. (1983). Eticheskie sochineniia Aristotelia [Aristotle's Works in Ethics]. In A. I. Dovatur (Ed.), Aristotle (Auth.), *Sochineniia* [Works] (Vol. 4, pp. 5–37). Moscow: Mysl'.
- Klimovich, A. V., & Stefanovich, V. A. (2022). *Filosofia: kratkii kurs leksii* [Philosophy: A Concise Course of Lectures]. Moscow: NIC INFA-M.
- Kovlakas, E. F. (2009). *Osobennosti formirovaniia toponimicheskoi kartiny mira: leksiko-pragmaticheskii i etnokul'turnyi aspekty* [The Formation of the Toponymic Worldview: Lexical, Pragmatic, and Ethnocultural Aspects] (Habilitation dissertation abstract). Kuban State University, Krasnodar.
- Kryukova, I. V., & Suprun, V. I. (2009). *Reki i vodoemy Volgogradskoi oblasti: gidronimicheskii slovar'* [Rivers and Water Bodies of the Volgograd Region: A Dictionary of Hydronyms] (2nd ed.). Volgograd: Izd-vo VGAPK RO.
- Kryukova, I. V., & Suprun, V. I. (2022). *Homo agens v zerkale regional'noi toponimii (po materialam slovaria oikonimov Volgogradskoi oblasti)* [*Homo Agens* in the Mirror of Regional Oikonymy (Based on Settlement Names of the Volgograd Region)]. *Neofilologiya*, 8(3), 427–436. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-427-436>
- Martsinkovskaya, T. D. (2011). Problema krasoty v trudakh P. Florenskogo — mezhdistsiplinarnyi i poliparadigmal'nyi podkhod [The Problem of Beauty in Pavel Florensky's Works: An Interdisciplinary and Polyparadigmatic Approach]. *Kul'turno-istoricheskaja psikhologiya*, 7(4), 77–83.
- Mises L., von (2000). *Chelovecheskaia deiatel'nost': Traktat po ekonomicheskoi teorii* [Human Activity: A Treatise in Economic Theory]. Moscow: Ekonomika.
- Mullonen, I. I. (2008). *Toponimiia Zaonezh'ia: slovar' s istoriko-kul'turnymi kommentariiami* [Toponymy of Zaonezhye: A Dictionary with Historical and Cultural Commentary]. Petrozavodsk: KarNTs RAN.
- Nikonov, V. A. (1965). *Vvedenie v toponimiku* [An Introduction to Toponomastics]. Moscow: Nauka.
- Popov, S. A., Pukhova, T. F., & Griboedova, E. A. (2018). *Toponimiia Voronezhskogo kraia* [The Toponymy of the Voronezh Region]. Voronezh: Tsentri dukhovnogo vozrozhdeniia Chernozemnogo kraia.
- Rubinstein, S. L. (2003). *Bytie i soznanie. Chelovek i mir* [Being and Consciousness. Human and World]. St Petersburg: Piter.
- Samoylov, G. P., & Suprun, V. I. (1991). Rozhdenie Dubovki [The Origin of Dubovka]. In V. S. Abalikhin (Ed.), *Voprosy kraevedeniia: materialy kraevedcheskikh chtenii* [Problems of Regional Studies: Proceedings of the Conference] (Iss. 1, pp. 46–51). Volgograd: Volgogr. TsNTI.
- Shapovalova, T. A. (2011). Misteriia vzgliada: problema sozertsaniia v filosofii M. Khaideggera [The Mystery of Glimpse: Contemplation in Martin Heidegger's Philosophy]. *Izvestiia Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*, 319(6), 93–99.

https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2026.23.1.008
УДК 81'373.23 + 81.94 + 811.161.1'373.612 + 811.161.1'282.2(470.11/.12) +
811.161.1'282.2(470.317) + 930.2:81'22

Яна Владимировна Малькова

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник топонимической лаборатории кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51)
E-mail: yana-malkova@list.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3511-0878>

Индивидуальные прозвища, указывающие на недоброжелательность их носителя, в севернорусских говорах

Аннотация

Статья посвящена изучению индивидуальных прозвищ, указывающих, с точки зрения номинатора, на недоброжелательность их обладателя. Материалом для исследования послужили онимы, записанные Топонимической экспедицией Уральского университета в Архангельской, Вологодской и Костромской областях. Статья делится на две части — в одной дается семантическая характеристика избранных для анализа прозвищ, во второй — мотивационная. На основе контекстного анализа отмечается, какие черты характера и особенности поведения могут быть положены номинатором в основу имянаращения: это злоба, вспыльчивость, склоность, нелюдимость и пр. В работе также делается акцент на сравнении проприальной и апеллятивной лексики, приводятся некоторые выводы о закреплении тех или иных признаков в этих классах слов. В части статьи, посвященной мотивационному анализу, выделяются две модели, продуктивные только для онимов, — это прозвища, мотивированные наименованиями природных явлений и объектов, и прозвища, мотивированные прецедентными именами и значимыми для народной культуры образами. В рамках «природных» прозвищ особенно продуктивен мотив холодной погоды и сопутствующих ей природных явлений — метели, снега, инея: арх. *Зимá*, *Морóз*, *Кутерьгá*, ср. арх., влг. *кутерьгá* 'пурга, метель'. Вторая рассматриваемая модель включает в себя прозвища, связанные с важными историческими фигурами (ср. влг. *Ивáн Грóзный*, арх. *Кучúм*) и значимыми для народной культуры образами, ср. влг. *Архиерéй*, *Урýдник*, костр. *Монáх*. Предлагаются этимологические решения для непрозрачных прозвищных наименований, таких как влг. *Рямега*, *Вильгём*. Делаются выводы о причинах продуктивности изучаемых мотивационных моделей для прозвищной ономастики.

Ключевые слова

антропонимия; индивидуальные прозвища; мотивационная модель; русские диалекты; Архангельская область; Вологодская область; Костромская область; полевые материалы

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00439 «Ономастикон и лингвокультурная история Европейской России», <https://rscf.ru/project/23-18-00439/>

Для цитирования

Малькова Я. В. Индивидуальные прозвища, указывающие на недоброжелательность их носителя, в севернорусских говорах // Вопросы ономастики. 2026. Т. 23, № 1. С. 186–203. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2026.23.1.008

Рукопись поступила в редакцию 25.09.2025

Рукопись принята к печати 12.11.2025

Yana Vladimirovna MALKOVA

PhD, Senior Researcher, Toponymic Laboratory, Department of Russian Language, General Linguistics and Verbal Communication, Ural Federal University (51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia)

Email: yana-malkova@list.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3511-0878>

Individual Nicknames Indicating the Spitefulness of Their Bearers in Northern Russian Dialects

Abstract

The article examines individual nicknames that convey the spitefulness of their bearers from the perspective of the nominator. The study is based on onymic material recorded by the Toponymic Expedition of Ural University in the Arkhangelsk, Vologda, and Kostroma regions. The article is structured in two parts. The first part provides a semantic analysis of the selected nicknames, while the second focuses on their motivational characteristics. Drawing on contextual analysis, the study identifies character traits and behavioural features that may serve as a basis for nickname formation, including anger, irascibility, quarrelsomeness, and unsociability. The article also addresses the relationship between proper names and appellative vocabulary, offering conclusions regarding the consolidation of specific semantic features within these lexical classes. The author identifies two patterns as being productive specifically within the domain of onyms: (i) nicknames derived from names of natural phenomena and objects, and (ii) nicknames based on precedent names and culturally salient images. With regard to “natural” nicknames, one of the most productive motivational pattern is associated with cold weather and related phenomena, such as blizzards, snow, and frost (cf. *Zimá* ‘winter’, *Moróz* ‘frost’, *Kuter’gá* ‘blizzard, snowstorm’). The second pattern comprises nicknames derived from the names of historically significant figures (cf. *Iván Grózny* ‘Ivan the Terrible’, *Kuchúm* ‘Tatar khan of Siberia’) as well as from culturally significant images (cf. *Arkhierý* ‘bishop’, *Uryádnik* ‘sergeant’, *Monákh* ‘monk’). The author also proposes etymological interpretations of some opaque nicknames such as *Ryámega* and *Vil’gém* attested in the Vologda region. The article concludes by discussing the factors underlying the productivity of the identified motivational patterns in nicknaming practices.

Keywords

Russian dialects; anthroponymy; individual nicknames; motivational pattern; Arkhangelsk Region; Vologda Region; Kostroma Region; field linguistics

Acknowledgements

The research was supported by the Russian Science Foundation (grant number 23-18-00439 *Onomasticon and Linguocultural History of European Russia*, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00439/>).

For citation

Malkova, Ya. V. (2026). Individual Nicknames Indicating the Spitefulness of Their Bearers in Northern Russian Dialects. *Voprosy onomastiki*, 23(1), 186–203. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2026.23.1.008

Received on 25 September 2025

Accepted on 12 November 2025

Предварительные замечания

Известно, что в нарицательной лексике, описывающей черты личности и поведение человека, полюс пейоративных характеристик разработан подробнее и полнее, чем полюс мелиоративных. Это присуще практически любому языку, и русский не исключение. Русской «негативной» лексике, характеризующей человека, посвящено большое количество работ, в том числе написанных на диалектном материале: изучались наименования ленивых людей [Еремина 2003], людей, склонных к обману [Кучко 2017], склочных [Хелемендик 2007], жадных [Едалина 2016], брезгливых, недоброжелательных, враждебно настроенных [Малькова 2022а], высокомерных [Кузнецова 2015] и мн. др. Вероятно, в проприальной лексике должна проявляться та же закономерность: отрицательные черты характера и особенности поведения обыкновенно находят более последовательное отражение в номинации, чем положительные. Разумеется, речь идет о прозвищной номинации человека. Механизмы такой номинации будут изучаться в настоящей статье — она посвящена «негативным» прозвищам, функционирующим в русской диалектной среде.

Материалом для исследования стали прозвища, которые записывались Топонимической экспедицией Уральского университета на территории Архангельской, Вологодской и Костромской областей на протяжении более чем шести десятилетий (1961–2025); они хранятся в Антропонимической картотеке Топонимической экспедиции [АКТЭ]. Большинство онимов впервые вводится в научный оборот. Антропонимы, извлеченные из [АКТЭ], будут подаваться в статье без паспортизации.

Спектр отрицательных характеристик человека, отраженных в прозвищах, очень обширен¹. Приведем некоторые примеры, реализующие наиболее продуктивные модели:

- ‘болтливый’: костр. *(Петушенька) Бормота́,* *(Стёпа) Бараба́н,* арх. *Ба́ля,* влг. *Сашка Баля́са*²;
 - ‘крикливый’: костр. *Глот,* арх. *Воро́на, Гага́ра,* влг. *Колокол;*
 - ‘вспыльчивый’: костр. *Ле́ший Костро́в, Пыж,* влг. *Балу́й, Еро́шка, Самова́р,* арх. *(Алёша) Ёрик;*
 - ‘высокомерный’: костр. *Бобо́к, Ба́рыня,* арх. *Баро́н, (Сеня) Граф,* влг. *Митька Ба́рин;*
 - ‘жадный’: костр. *Желе́зка,* арх. *(Ванька) Курку́ль, Каме́нь, Загребáй;*
 - ‘злой’: арх. *Нали́м,* костр. *Душма́н, Майо́р,* влг. *Аку́лец, Ёри;*
 - ‘ленивый’: костр. *Коло́да, Литя́жный*³, влг. *Бобы́ль, Бирю́ля,* арх. *Тю́тя, Тунея́дка;*
 - ‘лживый’: костр. *Козе́л, Свист,* влг. *Барамо́ха*⁴, *Базла́*⁵, арх. *Плут, Пря́лка;*
 - ‘хитрый’: костр. *Афе́ра, (Глаша) Мы́ло,* арх. *Дого́да, Ма́сло,* влг. *(Мишка) Лиса́, Нали́м;*
- и др.

Мы сосредоточимся на прозвищах, указывающих на недоброжелательность их носителя в широком смысле. В поле внимания окажутся онимы, которые отмечают как «константное» негативное отношение их обладателей к окружающим, так и определенные поведенческие проявления, связанные с недоброжелательностью и злостью. В общем массиве прозвищ встречаются не только такие, которые называют постоянные черты личности человека, но и «ситуативно обусловленные прозвища» [Борисова 2024: 159] (ср. арх. *(Сашка) Резани́ца*: «Отца да мать зарезал, вот и прозвали»), — таких антропонимов мы касаться не будем.

Аналізу будут подвергаться лишь те прозвища, для которых носитель говора дает сопроводительный контекст, содержащий информацию об определенных личностных свойствах носителя прозвища. Разумеется, контекст может содержать вторичную мотивировку, не соответствующую той номинативной ситуации, которая сопровождала появление прозвища, но ее тоже

¹ Так, Е. О. Борисова, изучавшая костромские антропонимы, указывает, что имена, основанные на какой-либо черте характера и поведении носителя, составляют 18 % от общего числа прозвищ и отличаются разнородностью признаков [Борисова 2025: 240–243].

² Этой группе прозвищ посвящена наша статья [Малькова 2023].

³ Ср. костр. *литяжный* ‘медлительный, ленивый’ [ЛКТЭ].

⁴ Ср. *барамощить* влад. ‘бормотать, лепетать’, новг. ‘шуметь’ [СРНГ 2: 103].

⁵ Ср. влг. *базла* ‘врун, врунья’, *базлить* ‘врать’ [СГРС 1: 42–43].

важно учесть вследствие принципиально вероятностного характера ономастической мотивации. Прозвища, записанные без мотивационных комментариев, не учитываются. Еще одна оговорка: в некоторых случаях нам приходится «отсекать» те контексты, которые содержат информацию о недоброжелательности носителя прозвища, но она явно не носит мотивирующего характера (ср. арх. *Овёря*: «Оверя сердитый был, сейчас дочь его Овериха живёт здесь»; прозвище восходит к личному имени *Аверьян*).

Статья состоит из двух частей. Первая часть, семантическая, будет посвящена контекстному анализу сопроводительных комментариев к выбранным для изучения прозвищам. Основной нашей задачей здесь будет выявление набора негативных характеристик человека, которые закрепляются во внутренней форме прозвищ, приписываются объекту номинации со стороны носителя традиции. Во второй части, мотивационной, будут рассмотрены некоторые мотивационные модели прозвищ, характеризующих недоброжелательных, злых людей.

Семантическая характеристика прозвищ, указывающих на недоброжелательность их носителя

Итак, как уже было сказано, в поле внимания попадает довольно разнородная группа прозвищ, указывающих на недоброжелательность и недоброжелательное поведение. В общем смысле нас будут интересовать любые наименования, связанные с негативным отношением к кому-л.: костр. *Остродым* и *Шиман*: «Два брата было — Остродым и Шиман. Оба нехорошие к людям»⁶; влг. (*Нюра*) *Говнюта*: «Никого не любила она»; и др. Известно, что недоброжелательность выбивается из правил традиционного общежития и потому обращает на себя особое внимание. Прозвища же, поскольку несут функцию не только номинирующую, но (в первую очередь) характеризующую, закономерно закрепляют черты характера и поведения, которые невыгодно отличают их носителей от других членов социума. Такой ярлык дает своего рода «инструкцию» относительно того, какой человек перед собеседником и как с ним следует взаимодействовать. Все прозвища, указывающие на недоброжелательность, можно разделить на две группы: онимы, характеризующие черты личности их носителя, и онимы, отмечающие особенности его поведения.

⁶Прозвище *Остродым* связано с костромским апеллятивом *остродым* ‘тот, кто пакостничает, причиняет вред’, ‘злой, агрессивный человек’ и под. (обо всем спектре значений и происхождении см. статью Е. Л. Березович [2015]), а *Шиман* — с костр. *шйман* ‘человек, который часто делает что-л. исподтишка’ и далее *шйма* ‘нечистая сила, обитающая в доме’ [ЛКТЭ].

Среди номинируемых **черт личности** обращает на себя внимание и преобладает в языковом выражении (18 % от общего рассматриваемого числа онимов) такая характеристика, как **з л о с т ь**: арх. *Тирán*: «Он злой был, то и Тиран»; влг. *Акúлец*: «Скупой и злой был старик»; влг. *Ёрш*: «Там мужика Ершом зовут: он злой». Речь идет о предельно обобщенной характеристике, реализуемой словом *злой*; «спектра», «градации» оценки, которая имеет место в апеллятивной лексике, здесь нет. В частности, когда мы говорим о негативном отношении к окружающим как о свойстве характера, то диалектная лексика дает нам, например, следующие номинации: перм. *недружелюбливый* 'недружелюбный': «Этот старик-то такой недружелюбливый, не принимает, нехороший он к людям» [СРНГ 21: 37]; сарат. *от кого-л. стужей несёт* 'о человеке, неприязненно относящемся к кому-л.': «Пошла я к деверю с докукой, да от него такой стужей несёт, что и закаялась вперёд ходить» [СРНГ 42: 77]; ворон. *кара́ка* 'о недоброжелательных и потому нелюбимых всеми людьми' [СРНГ 13: 70]⁷. По отношению к недоброжелательности злость выступает как интенсив, и в данном случае можно сказать, что прозвища стремятся закрепить более «сильную» характеристику, более яркое проявление качества, в то время как мелкие, единичные проявления негативного отношения могут и не получать номинативного воплощения.

К именам, функционирующим в рамках семантического поля злости, примыкают прозвища, носители которых характеризуются как **с е р д и т ы е**: костр. (*Филя*) *Ворóна*: «Сердитый старик»; влг. *Ёрш*: «Сеня Ёрш был, дак умер, сердитой был, вот и Ёрш»; **у г р ю м ы е**: влг. *Сова́*: «За угрюмый нрав»; **с т р о г и е**, **с е р ь е з н ы е**: арх. *Скоба́*: «Потому что строгая сильно была»⁸; влг. *Волк*: «Ваня Волк — за поглядку <взгляд> ли назвали»; **с у р о в ы е**: костр. *Ку́ричий бог*: «Был ещё дед, его Куричий бог звали — больно суровый был»; и др. Несмотря на то что в мотивировках делаются акценты на раздражительности, строгости, невеселости и пр., кажется возможным рассматривать все эти характеристики в совокупности (это могло бы проявиться в более развернутых контекстах).

Другая черта личности, которая обращает на себя внимание и из-за которой даются многочисленные прозвища (12 % от общего числа рассматриваемых языковых единиц), — **в с п ы л ь ч и в о с т ь**: костр. *Пыж*: «Пыж, потому что взрывной»; *Тритатой*: «Нервный он был, вспылчивый, вот Тритатой и прозвали»; влг. *Балу́й*: «Отчаянный, вспылчивый»; *Ерóшка*: «Горячий, бедовый

⁷ Семантике неприязни, недоброжелательности посвящена глава нашей диссертационной работы [Малькова 2022а].

⁸ Вероятно, связано с перм., дон. *скоба́* 'птица скопа, семейства ястребиных' [СРНГ 38: 37], ср. архангельское прозвище вспылчивого человека *Ястреб*.

мужик»; *Кипятóк*: «Кипяток был, сразу вскипит, вот назвали Кипяток». Это свойство характера имеет поведенческое выражение и ведет к ссоре, конфликтному нарушению социального взаимодействия.

Закономерно, что в семантике большей части анализируемых онимов подчеркиваются особенности **поведения**: диалектному сознанию важно не констатировать абстрактные свойства, а обратить внимание на конкретные проявления недоброжелательности.

Злой нрав прежде всего связывается с желанием его носителя **нанести вред** тому, к кому он испытывает неприязнь. 9 % прозвищ передает именно эту идею в обобщенном виде: костр. *Шимáн*: «Шиман тихо-тихо сделает, а на вред»; влг. *Бедá*: «Мужчина на пакости был горазд, потому и Беда»; (*Сáнко*) *Халу́й*: «Всё назло делал»⁹; арх. *Грóзный*: «Что-то грозное, наверное, сделал». В ряде случаев (10 %) прозвища даются человеку за его **драчливость**: костр. *Козéл*: «Драчливый был, вот и назвали Козлом»; *Лисá* и *Волк*: «Они муж с женой были, её Лиза звали, как напьются, так дерутся, ну, Лиса с Волком»; влг. *Ми́ша Ёриш*: «Дрались любил»; арх. *Ми́ша Зажóга*: «Где драка, там и он, зажигал всех»; *Козырёнок*: «Козырёнок прозвище мужику, ходил козырем, наверное, драться он любил».

Отдельно можно выделить особенности **речевого поведения**, приписываемые носителям прозвищ. Закономерно подчеркивается **склочность** носителей прозвищ (13 % языковых единиц): костр. *Ту́зик* и *Да́мка*: «Муж её Тузик, а она Дамка. Всё раньше ругались, собачились»; *Жи́гало*: «Мою свекровку называли Жигало, когда бригадиркой она была. Так обругает человека, как обожжёт»¹⁰; арх. *Коля Ша́вка*: «Часто шумит, ругается»; влг. *Воро́на*: «Нос острый, да личико такое сухое, да всё ругалась»; *Жу́чка*: «Они всё время лаются, ругаются, как собаки тебя облают». Другое «речевое» качество, связанное со злобой и недоброжелательством, — это **ехидство** (такие примеры единичны, но все же они фиксируются): арх. *Но́жик*: «Ножик остёр на язык, вот и Ножиком прозвали»; *Зубáтка*: «Зубоскальная она, как рыба зубатка»; влг. *Живо́й*: «Он такой ехидный был, скользкий, так Живым звали».

Еще одна группа антропонимов — прозвища, данные по признаку **замкнутости**: костр. *Ле́ший*: «Леший в лесу один жил, поэтому мужика так и прозвали»; арх. *Зало́жка*: «Угрюмый мужик был, неприимчивой

⁹Ср. *халу́й* арх. 'непутевый молодой человек' [КСГРС], костр. 'грязный, неопрятный, неприятный мужчина', 'хулиган' [ЛКТЭ].

¹⁰Ср. *жигáло* костр. 'шило' [ЛКТЭ], влг., арх., олон., юж.-сиб., иркут., томск., урал., самар., ряз., яросл., пск., смол. 'каленное железо (обычно в виде круглого, заостренного с одного конца стержня) для прожигания отверстий и других целей', костр., влг., арх., яросл., твер., пск., новг., ленингр. 'жало пчелы, осы и некоторых других насекомых' [СРНГ 9: 164].

<негостеприимный>. Всегда дверь на заложке <на засове>»; арх. *Стёпонец* *Кулик*: «На Бору жил один себе»; молчаливости: арх. *Молчан*: «Слова от него не дождёшься»; арх. *Карась*: «Толстый, тихой — я его Карасём зову»; костр. *Миша Тюба*: «У нас Миша Тюба был, работный человек, только молчит»¹¹. Число таких прозвищ сопоставимо с наименованиями злых людей, что говорит о значимости этой характеристики. Как отмечает Т. В. Леонтьева, «к числу качеств человека, которые часто вербализуются в диалектной лексике, относится <...> социальность личности, т. е. отношение человека к обществу и общению, “настроенность” человека на общество» [Леонтьева 2013: 25]. Необщительность при этом получает негативную оценку, что подтверждается данными лексикологического, контекстного и мотивационного анализа [Там же: 42; 85–88]. Нетрудно показать те же закономерности на ономастическом материале: об этом говорит экспрессивная внутренняя форма многих прозвищ, данных по признаку нелюдимости: костр. (*Веня*) *Тухлой*: «Тухлой — немного замкнутый, необщительный»; влг. *Ваня Бука*: «Ваня Бука — который с людьми не общался»; костр. *Мутный*: «Никто не знает фамилии этого таксиста, он и есть Мутный. Купил машину и ни с кем не обсуждает, не зря Мутный».

Наконец, среди исследуемых прозвищ присутствует один оним, указывающий на брезгливость: влг. (*Ванька*) *Рямега*: «Что он брезга такой был, я не знаю точно». Единичная фиксация прозвища брезгливого человека в содержащей более десяти тысяч индивидуальных прозвищ севернорусской картотеке Топонимической экспедиции удивляет — особенно на фоне обилия апеллятивной диалектной лексики, характеризующей это свойство¹². Брезгливость, безусловно, нарушает социальные нормы (к примеру, в ситуации «застольного» контакта хозяина дома и гостя) и может становиться причиной нанесения обиды хозяину (если гость отвергает предложенное кушанье): влг. «Не надо было садиться за стол, чем так передёргиваться. Не больно какая госпожа, чтоб передёргиваться» [СВГ 1: 44]; арх. «Что это ты, щито-то знатные, а мыргаешь <брезгуешь>» [АОС 2: 116]; вят. «Ишь и мёрговать <брезговать> стал деревенской-то едой» [ОСВГ: 6: 73–74]. В то же время эта эмоция вряд ли имеет далеко идущие последствия в плане сложившихся отношений в социуме и распределения ролей. Создание «ярлыка» для человека, единожды проявившего отвращение к тому, что ему предложено, едва ли становится актуальным

¹¹ Ср. костр. *туба* ‘неразговорчивый человек’, ‘несообразительный человек’ [ЛКТЭ].

¹² Здесь мы снова отсылаем читателя к нашей работе, одна из глав которой посвящена этому большому лексическому пласту [Малькова 2022а: 24–112].

(тем более что гость и хозяин могут принадлежать разным социумам — в ситуации контакта городского и деревенского жителя; а значит, гость может не входить в круг объектов прозвищной номинации хозяина). Для целей порицания вполне годится набор экспрессивов, характеризующих случайное проявление негативного отношения: брян. «А ты ни грэбъвьй <не брезгуй>, пей мьлако парное, ано палезнье» [СБГ 4: 56–57]; влг. «Ой, какой ты брезговитой <брезгливый>, уж после меня дак и ись не хочешь, а я ведь здоровая» [СВГ 1: 44]; ср.-урал. «Уж больно ты морговита <брезгливая>, чашка веть чиста, еш» [СРГСУ 2: 139].

О некоторых мотивационных моделях прозвищ, указывающих на недоброжелательность их носителя

Выбранные для анализа онимы обнаруживают, подобно апеллятивной лексике со сходными значениями, большое число мотивационных моделей. Здесь нет возможности рассмотреть все модели, но обратим внимание на те, которые в апеллятивной лексике не представлены вообще или же представлены в малом объеме. Речь идет об онимах, мотивированных наименованиями природных явлений и объектов, и об онимах, мотивированных различными прецедентными именами и актуальными для народной культуры образами. Последовательно обратимся к каждой группе слов.

Онимы, мотивированные наименованиями природных явлений и объектов

Безусловно, такая модель присутствует в апеллятивной лексике, характеризующей недоброжелательность, и ниже будут приведены соответствующие примеры. Тем не менее обращает на себя внимание то, что группа прозвищ, реализующих данный код, довольно многочисленна — в отличие от апеллятивной лексики, не так часто прибегающей к «природным» образам.

Большая часть «природных» прозвищ связана с идеей холода. Во-первых, в качестве мотивирующего может выступать наименование зимы: арх. *Зимá*: «Его Зима зовут, он злой, как зима». Во-вторых, мотивационно значимым оказывается обозначение температурных условий: арх. *Морóз*: «Суровый был мужик». В-третьих, онимы могут создаваться на основе наименования атмосферных явлений, свойственных холодному времени года: арх. *Пурга*: «Вспылчивый он был»; арх. *Метéлица*, *Кутерьга́* (ср. арх., влг. *кутерьга́* ‘пурга, метель’ [СГРС 6: 315]): «Мужа её Морóз звали, суровый был мужик. Её Морóзихой назвали — по мужу-то, а потом Метéлицей

стали звать, Кутерьгой»¹³. Присутствуют также онимы, мотивированные наименованиями холодного ветра: арх. *Сіверик*: «Злой человек был, как ветер суровый». Сюда же, вероятно, арх. *Се́вер* (ср. арх. *се́вер* ‘северный ветер’ [КСГРС]): «Еньку Севером звали, а жонку — Северихой, он крутой мужик»; «У меня татко <отец> был крутой, и прозвали его Север, а меня — Севериха»; влг. *Сівер*: «Всем желал зла: пришёл в парикмахерскую, бороду натёр песком — парикмахер четыре раза бритву точил; если дерутся, сам не лезет, а обязательно кол или тупицу подбросит», — хотя нельзя исключать, что в данных случаях прозвища могли происходить от наименования стороны света или же обозначения погодных условий, ср. влг. *сівер* ‘холод’ [КСГРС]. В случае с ветром мотивационно значимым признаком становится, очевидно, не только температура, но и порывистость ветра, его резкость, о чем говорит архангельская номинация *Шелонник* (ср. арх. *шелоник* ‘восточный ветер’, ‘северо-западный ветер’, ‘северный ветер’ [КСГРС]): «Лихой был мужик, как ветер шелонник». У поморов именно *шелонник* считается опасным в открытом море, ср. поморскую поговорку *Шолоник — на море розбойник* [ЖРКП: 164].

Таким образом, в «погодных» прозвищах чаще всего оказывается заложенной идея плохой, суровой погоды, ассоциирующейся с характером человека. Таково созданное при помощи механизма семантической конденсации прозвище арх. *Пого́да*: «Расшумелся, как погода» (ср. арх. *пого́да* ‘непогода, метель и пр.’ [КСГРС]). Еще одно прозвище, которое заслуживает отдельного внимания, — это влг. (Баб.)¹⁴ *Рямега*. Рассматривать его в этой группе позволяет бытующий на смежной территории апеллатив *рямега* ‘иней’ (Выт.) [КСГРС]. Если упомянутые выше «зимние» прозвища принадлежали злым, агрессивным людям и перенос значения происходил на основании идеи суровости, жесткости, то *Рямегой* называли человека брезгливого. В чем причина подобного семантического переноса? Для начала, безусловно, стоит обратиться к апеллативу *рямега*. Просмотр словарей дает нам две фиксации: олон. *рямега* ‘рассеянный человек’ (с вопросом к значению) [СРНГ 35: 351] и ленингр. (Подп.) *рямега* ‘дурак, болван, глупец’ [СРГК 5: 612].

¹³Несмотря на то что это прозвище не дано напрямую за определенную черту характера, а представляет собой результат одной из популярных моделей именования — по мужу [см. об этом: Борисова 2025: 228–229], все же интересно обратить на него внимание в плане ассоциации: *Морозиха — Метелица — Кутерьга*.

¹⁴Поскольку в данном случае речь идет о субстратной основе, то для слов данного гнезда мы будем указывать также район.

Относительно происхождения *рямега* ‘иней’ есть несколько версий¹⁵, указывающих на неисконный характер слова, а также на то, что метеорологические значения в данном случае первичны, именно они фиксируются в языках-источниках. В свою очередь, семантика, связанная с характеристикой человека, очевидно, возникла уже в русских диалектах. Таким образом, необходимо искать связи семантики брезгливости и семантики инея. Здесь следует вспомнить апеллятивы влг., киров., костр. *хърмовать* ‘брезговать’ [ЛКТЭ; ОСВГ 11: 220–221], влг. *хърмоветь, хърмать* ‘брезговать’ [КСГРС], костр., влг. *похърмовать* ‘побрезговать’ [ЛКТЭ; КСГРС], киров. *хърмовать* ‘брезговать’ [ОСВГ 11: 245], киров. *хармовитый* ‘брезгливый, чрезмерно разборчивый человек’ [Там же: 221], об этимологии которого мы писали дважды [Малькова 2022а: 87–89; 2022б]. Оставив подробные выкладки в этих двух работах, все же приведем здесь основные тезисы. Как уже было упомянуто в сноске 15, гнездо *харм*- имеет субстратное происхождение, при этом на русской почве родственные лексемы дают также целый ряд метеорологических значений, таких как ‘иней’, ‘изморозь’, ‘снег (на ветвях)’, ‘о холодной / морозной / туманной погоде’, ‘плесень’, ‘лишайник на дереве’, ‘цветущая поверхность воды’. Вероятно, семантика брезгливости, отвращения связана с признаком плохой погоды и сопутствующих ей природных явлений (иней, снег, мороз и пр.). Такой перенос имеет место в русском языке, о чем говорят семантико-мотивационные параллели: вят. *хму́рно* ‘неприятно’, новг. *музга́* ‘брезгливый, излишне разборчивый человек’, *музгли́вый* ‘брезгливый’ ← новг. *музга́* ‘мокрый снег’ [Малькова 2022б: 172].

Если возвращаться к вологодскому прозвищу брезгливого человека *Рямега*, то здесь имеет смысл предположить аналогичный перенос. Очевидно, что это прозвище возникло на русской почве на основе апеллятива *рямега* ‘иней’.

¹⁵ Так, И. Н. Суспицына полагает, что это слово является результатом метатезы арх. *ярмега*, зафиксированного в материалах Топонимической экспедиции Уральского университета в том же значении и на той же территории [Суспицына 2000: 65]. *Ярмега* же может происходить из фин. *härtmä* ‘иней, пена (пивная)’ в результате отпадения начального *h*- или из какого-то неизвестного прибалтийско-финского языка, в котором начальное *h*- отсутствовало [Там же: 67–68]. Другой вариант — это появление *рямега, рямга* из *рянга* ‘сырой снег; снег с дождем; плохая погода; слякоть’ на русской почве в результате мены сонорных в основе и смещения значений [Там же: 65]. *Рянга*, в свою очередь, восходит к карел. *rändä* ‘мокрый снег’, ср. фин. *räntä* ‘дождь со снегом’, эст. *rända* ‘мокрый снег’, а также вепс. *ränd* ‘сырая погода, слякоть, снег’ [Там же].

С. А. Мызников приводит в своем этимологическом словаре влг. (Выт.) *рямига* ‘иней’, *рямега* ‘иней, изморозь; холод, наполнивший избу’ и предполагает для них метатезу *ярмега* > *рямига* при возможном влиянии саам. *rènnē* [РДЭС: 701]. В свою очередь, *ярмега* карел. рус., ленингр. ‘иней; иней над притолокой’, карел. рус. ‘иней от дыхания в зимнее время, покрывающий воротник, и пр.’, влг. ‘иней, изморозь; холод, наполнивший избу’, *эрмега* карел. рус. ‘иней на деревьях’ соотносится с гнездом *харма* на прибалтийско-финской почве, при этом бытование лексемы преимущественно в зоне вепсского воздействия позволяет возводить ее к вепсскому источнику [Там же: 964].

В данном случае мотивационно значимой стала идея «неприятной» субстанции, связанной с ней плохой погоды, подобно тому как это происходит в гнезде *харм*.

Завершая разговор о «погодных» прозвищах, следует также сделать наблюдение лингвогеографического характера. Большинство прозвищ, мотивированных наименованиями холодной, морозной, зимней погоды и соответствующих ей природных явлений, зафиксированы в Архангельской области, одно — в Вологодской области, в то время как южнее, в Костромской области, такой модели, кажется, не наблюдается. Нельзя делать однозначные выводы, однако, опираясь на подобное распределение, допускаем существование некоторой территориальной специфики: «климатические» прозвища характерны именно для Русского Севера.

Ряд прозвищ мотивирован обозначениями различных природных объектов. Эти прозвища не образуют однородной группы, подобно той, что была представлена выше. Мотивационно значимым при создании может оказываться признак жесткости, твердости: таково, думается, вологодское прозвище злой женщины (*Марья*) *Дерево* и вологодское прозвище нелюдимого человека *Арсюха Кула*, которое можно связать с влг. *кула* ‘прошлогодня сухая трава’ [СРНГ 16: 50–51]. Признак неподвижности, неспособности говорить заложен в костр. (*Мишка*) *Валун*: «Замкнутый был, не говорил ничего, вот и назвали». На основе топонима, называющего крутой пережат на реке, создано костромское прозвище *Оганиха*: «Оганиха — пережат резкий, течение быстрое на повороте. Пучки с лесом там заносило. В Плоскове мужик был, звали Оганихой за крутой нрав».

Онимы, мотивированные прецедентными именами и специфичными для народной культуры образами

Еще одна мотивационная модель, которая в большей степени характерна для проприальной номинации человека, нежели для апеллятивной, основана на различных прецедентных именах и специфичных для народной культуры образах. Имена собственные более динамично, чем нарицательные, способны отражать актуальные прецеденты.

В рамках данной модели обращает на себя внимание тот факт, что разные группы прозвищ отсылают к историческим персонажам, связанным сразу с несколькими эпохами.

«Воспоминаниями» о периоде истории до ХХ в. обусловлено возникновение следующих прозвищ:

▪ влг. *Иван Грозный*: «Иван Грозной его звали, сердитой был больно. Он нам косы налопачивал <натачивал>, так мы всё: “Девочки, давайте косить, Иван Грозной идет!”»;

▪ арх. *Кучу́м* (ср. Кучум — татарский хан Сибири, XVI в.): «Здоровый был старик, драться любил, поэтому так прозвали»;

▪ костр. *Купчи́ха*: «У нас тут в Хмелевице Купчиха жила, она собирала молодых девок и заставляла их косить вкруговую, чтобы отдыха не было. Злая она была»;

▪ влг. (*Боря*) *Уря́дник*: «Он ни с кем не общался, богатый был».

История XX и XXI вв. отражается в следующих диалектных прозвищах:

▪ влг. *Вильгём*: «Он очень жадный был, людей не любил, может, потому Вильгем». Возможно, в данном случае прозвище отсылает к Вильгельму II — последнему германскому императору и королю Пруссии в 1888–1918 гг. Он известен своим внешнеполитическим курсом, в особенности действиями во время Первой мировой войны. Согласно Версальскому мирному договору 1919 г., положившему конец этому конфликту, Вильгельм II был объявлен военным преступником и главным виновником развязывания Первой мировой войны. Уже во время войны российская печать (как столичная, так и провинциальная) формировала у читателя мнение о кайзере Германии как о главном виновнике мирового конфликта и человеке жестоким и склонном к самодурству [Пименов 2020: 148–151]. Интересно и то, что немаловажную роль газеты того времени отводили теме чрезмерного богатства и накопительства Вильгельма II [Там же: 154]: носитель вологодского прозвища как раз характеризуется как человек жадный;

▪ арх. *Гитлер*: «Гитлером его мужики звали — злой такой был, что ли»;

▪ костр. *Душма́н*: «Он как-то жёстко относился к людям, вот и прозвали Душман» (ср. *душман* ‘участник вооруженного формирования, сражавшегося в Афганистане против правительства Афганистана и Советской Армии на стороне оппозиции’);

▪ костр. *Омо́н*: «Отлándер <грубый, напористый, воинственный человек>¹⁶ — мужик такой, прёт танком, а то треснет кому. Нападёт первый, никого не боится. Был у нас один отлándер, прозвище было Омон».

Наконец, ряд прозвищ с прозрачной внутренней формой содержит обозначения социальных ролей: костр. *Мона́х*: «Нелюдимый был — его Монахом и прозвали»; костр. *Мона́шка*: «Молилась и ходила всё немытая, вот и назвали Монашка. От людей отдельно всё»; влг. *Архиере́й*: «Он был драчун, так кого ни набьёт, всё простительно. А архиереям в церкви всё простительно»; арх. *Коро́ль*: «Наверно, вредный был мужичонко»; влг. *Алёша Коро́ль*: «Драчун

¹⁶По мнению Е. Л. Березович [2025: 64], это слово восходит к термину военного дела *гандлангер* ‘помощник канонира’.

был»; арх. *Бáнда*: «Дрался всё»; костр. *Майóр*: «Майор вёл себя всегда так сурово»; арх. *Прокурóр*: «Ругался со всеми».

* * *

Итак, при рассмотрении прозвищной антропонимии Архангельской, Вологодской и Костромской областей нами была выделена группа прозвищ, в широком смысле характеризующих недоброжелательность и ее поведенческое выражение. Среди черт личности в онимах закрепляются злость и вспыльчивость. При этом диалектное сознание обращает внимание на следующие особенности поведения: стремление нанести вред, склочность, нелюдимость и брезгливость. Сравнение с апеллятивной лексикой позволяет сделать вывод о причинах закреплённости того или иного признака в ономастическом пространстве языка. Поскольку прозвища, основанные на свойствах характера их носителей, наделяют человека определенным «ярлыком», то в их внутренней форме закрепляются черты личности, влияющие на социальное взаимодействие. Именно поэтому, например, «легкая» неприязненность фактически не получает номинативного воплощения, в то время как злость (как более интенсивная эмоция) или склочность (как поведенческое выражение) регулярно являются источниками для номинации. В то же время не любое поведение может становиться основой прозвища: к примеру, брезгливость, проявляемая зачастую разово и порой приписываемая гостям, приезжим, городским жителям, во внутренней форме прозвищ закрепляется крайне редко.

Мотивационный анализ прозвищ, характеризующих недоброжелательность их носителей, показал значительное сходство моделей семантического развития онимов и апеллятивов, в то же время были отмечены специфические мотивационные модели — от наименований природных явлений, объектов (арх. *Пúрга*, *Погóда*, *Морóз* и др.) и от прецедентных имен и ярких образов (арх. *Гítлер*, *Кучúм*, костр. *Купчúха* и др.). При этом если активность «метеорологического» кода, в частности модели, связывающей идею холода и идею злости, возможно, объясняется лингвогеографическими причинами, то значимость прецедентных имен для прозвищной номинации обусловлена динамичностью системы онимов — и, соответственно, актуальностью для нее тех или иных ярких образов на том или ином историческом этапе.

Сокращения

В названиях языков и диалектов

арх.	архангельские говоры русского языка	ленингр.	ленинградские говоры русского языка
брян.	брянские говоры русского языка	новг.	новгородские говоры русского языка
вепс.	вепсский язык		
влад.	владимирские говоры русского языка	олон.	олонецкие говоры русского языка
влг.	вологодские говоры русского языка	перм.	пермские говоры русского языка
ворон.	воронежские говоры русского языка	пск.	псковские говоры русского языка
		ряз.	рязанские говоры русского языка
		саам.	саамский язык
вят.	вятские говоры русского языка	самар.	самарские говоры русского языка
дон.	русские говоры бассейна р. Дон	сарат.	саратовские говоры русского языка
иркут.	иркутские говоры русского языка	смол.	смоленские говоры русского языка
		ср.-урал.	среднеуральские говоры русского языка
карел. рус.	русские говоры Республики Карелия	твер.	тверские говоры русского языка
киров.	кировские говоры русского языка	томск.	томские говоры русского языка
		юж.-сиб.	южно-сибирские говоры русского языка
костр.	костромские говоры русского языка	яроsl.	ярославские говоры русского языка

В названиях административно-территориальных единиц

Баб.	Бабаевский район Вологодской области	Подп.	Подпорожский район Ленинградской области
Выт.	Вытегорский район Вологодской области		

Источники

- АКТЭ — антропонимическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
- АОС — Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой, Е. А. Нефедовой. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова : Наука, 1980—. Вып. 1—.
- ЖРКП — Меркурьев И. С. Живая речь кольских поморов. Мурманск : Мурман. кн. изд-во, 1979.
- КСГРС — картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
- ЛКТЭ — лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
- ОСВГ — Областной словарь вятских говоров : в 12 вып. / под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. Киров : Коннетика : Изд-во ВятГГУ : Радуга-ПРЕСС, 1996–2018.
- СБГ — Словарь брянских говоров / под ред. В. А. Козырева, В. И. Чагишевой. Л. : Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1976—. Вып. 1—.
- СВГ — Словарь вологодских говоров : в 12 т. / под ред. Л. Ю. Зориной, Т. Г. Паникаровской. Вологда : Изд-во ВГПИ/ВГПУ, 1983–2007.

- СГРС — Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева, М. Э. Рут. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001–. Т. 1–.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 вып. / гл. ред. А. С. Герд. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994–2005.
- СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала : в 7 т. / под ред. А. К. Матвеева. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во : Изд-во Урал. ун-та, 1964–1987.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22) ; Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42) ; С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.

Исследования

- Березович Е. Л. *Поймать остродыма*: об одной лексической загадке русских народных говоров // Русский язык в научном освещении. 2015. № 1 (29). С. 151–170.
- Березович Е. Л. Рус. диал. *отландер*: от «младшего канонира» к «хулигану» // Толока : сб. ст. к 60-летию А. Б. Мороза / ред.-сост.: О. В. Белова [и др.]. М. : РГГУ, 2025. С. 61–75.
- Борисова Е. О. К изучению индивидуальных прозвищ с ситуативной мотивировкой в русских народных говорах // Вопросы ономастики. 2024. Т. 21, № 3. С. 156–177. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.3.036
- Борисова Е. О. Индивидуальные прозвища в костромских говорах: общий мотивологический обзор // Вопросы ономастики. 2025. Т. 22, № 2. С. 221–249. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2025.22.2.024
- Едалина А. А. Семантико-мотивационная организация лексического множества «Качественная характеристика человека по отношению к собственности» (на материале русских народных говоров) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Урал. федер. ун-т. Екатеринбург, 2016.
- Еремينا М. А. Лексико-семантическое поле «Отношение человека к труду» в лексике русских народных говоров: этнолингвистический аспект : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 2003.
- Кузнецова О. А. Лексико-семантическое поле «Гордость»: мотивационно-генетический аспект : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Том. гос. ун-т. Томск, 2015.
- Кучко В. С. Семантико-мотивационное поле «Ложь, обман» в языковом пространстве русских народных говоров : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Урал. федер. ун-т. Екатеринбург, 2017.
- Леонтьева Т. В. Лексика социальной регуляции в русских народных говорах. Екатеринбург : Изд-во РГППУ, 2013.
- Малькова Я. В. Русская диалектная лексика со значением неприятия, отторжения: семантико-мотивационная реконструкция : дис. ... канд. филол. наук : 5.9.5 / Урал. федер. ун-т. Екатеринбург, 2022а.
- Малькова Я. В. К этимологии рус. диал. *хърмовать* ‘брезговать’ // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы V Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 7–11 сентября 2022 г.) / под ред. Е. Л. Березович, О. Д. Суриковой. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2022б. С. 169–174.
- Малькова Я. В. Севернорусские прозвища, характеризующие речь: семантико-мотивационный аспект // Филологический класс. 2023. Т. 28, № 3. С. 135–146.
- Пименов О. В. Образ Вильгельма II в российских газетах во время военной кампании 1914 года // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2020. № 3 (35). С. 146–159. URL: http://vestospu.ru/archive/2020/articles/11_35_2020.pdf (дата обращения: 15.09.2025).
- РДЭС — Мызников С. А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М. ; СПб. : Нестор-История, 2019.

- Суспицына И. Н. Метеорологическая лексика в говорах Русского Севера : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 2000.
- Хелемендик А. В. Генетическая характеристика лексико-семантического поля 'ругать(-ся)' в русском языке : дис.... канд. филол. наук : 10.02.01 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2007.

References

- Berezovich, E. L. (2015). *Poimat' ostrodyma*: ob odnoi leksicheskoi zagadke russkikh narodnykh govorov [Catching Ostrodym: On One Lexical Riddle in Russian Folk Dialects]. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1, 151–170.
- Berezovich, E. L. (2025). Rus. dial. *otlander*: ot "mladshego kanonira" k "khuliganu" [Russ. Dial. *Otlander*: From 'Junior Cannoneer' to 'Hooligan']. In O. V. Belova et al. (Eds.), *Toloka: sbornik statei k 60-letiiu A. B. Moroz* [Toloka: A Collection of Papers for the 60th Anniversary of A. B. Moroz] (pp. 61–75). Moscow: RGGU.
- Borisova, E. O. (2024). K izucheniiu individual'nykh prozvizhch s situativnoi motivirovkoj v russkikh narodnykh govorakh [To the Study of Individual Nicknames with Situational Motivation in Russian Folk Dialects]. *Voprosy onomastiki*, 21(3), 156–177. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.3.036
- Borisova, E. O. (2025). Individual'nye prozvizhcha v kostromskikh govorakh: obshchii motivologicheskii obzor [Individual Nicknames in the Kostroma Dialects: A General Motivational Overview]. *Voprosy onomastiki*, 22(2), 221–249. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2025.22.2.024
- Chelemendik, A. V. (2007). *Geneticheskaja kharakteristika leksiko-semanticheskogo polja 'rugat'(-sia)' v russkom iazyke* [Genetic Characterization of the Lexical-Semantic Field 'Scold' in Russian] (Doctoral dissertation). Lomonosov Moscow State University, Moscow.
- Edalina, A. A. (2016). *Semantiko-motivatsionnaja organizatsija leksicheskogo mnozhestva "Kachestvennaja kharakteristika cheloveka po otnosheniiu k sobstvennosti" (na materiale russkikh narodnykh govorov)* [Semantic and Motivational Organization of the Lexical Set 'Qualitative Characteristics of a Person in Relation to Property' (Based on Russian Folk Dialects)] (Doctoral dissertation). Ural Federal University, Ekaterinburg.
- Eremina, M. A. (2003). *Leksiko-semanticheskoe pole "Otnoshenie cheloveka k trudu" v leksike russkikh narodnykh govorov: etnolingvisticheskii aspekt* [The Lexical-Semantic Field 'Human Attitude to Work' in Russian Folk Dialects: An Ethnolinguistic Perspective] (Doctoral dissertation). Ural State University, Ekaterinburg.
- Kuchko, V. S. (2017). *Semantiko-motivatsionnoe pole "Lozh', obman" v iazykovom prostranstve russkikh narodnykh govorov* [The Semantic and Motivational Field 'Lie, Deception' in Russian Folk Dialects] (Doctoral dissertation). Ural Federal University, Ekaterinburg.
- Kuznetsova, O. A. (2015). *Leksiko-semanticheskoe pole "Gordost'": motivatsionno-geneticheskii aspekt* [The Lexical-Semantic Field 'Pride': A Motivational and Genetic Perspective] (Doctoral dissertation). Tomsk State University, Tomsk.
- Leontyeva, T. V. (2013). *Leksika sotsial'noi reguljatsii v russkikh narodnykh govorakh* [Vocabulary of Social Regulation in Russian Folk Dialects]. Ekaterinburg: Izd-vo RGPPU.
- Malkova, Ya. V. (2022a). *Russkaja dialektnaja leksika so znacheniem neprijatija, otzheniia: semantiko-motivatsionnaja rekonstruktsija* [Russian Dialect Vocabulary Denoting Rejection and Aversion: A Semantic and Motivational Reconstruction] (Doctoral dissertation). Ural Federal University, Ekaterinburg.
- Malkova, Ya. V. (2022b). K etimologii rus. dial. *khármovat'* 'brezgovat' [On the Etymology of Russ. Dial. *khármovat'* 'to be squeamish']. In E. L. Berezovich, & O. D. Surikova (Eds.),

- Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya: materialy V Mezhdunar. nauch. konf. (Ekaterinburg, 7–11 sentyabrya 2022 g.)* [Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology: Proceedings of the 5th International Conference (Ekaterinburg, 7–11 September 2022)] (pp. 169–174). Ekaterinburg: Ural University Press.
- Malkova, Ya. V. (2023). Severnorusskie prozvischa, kharakterizuiushchie rech': semantiko-motivatsionnyi aspekt [Northern Russian Nicknames Characterizing Speech: A Semantic and Motivational Perspective]. *Filologicheskii klass*, 28(3), 135–146.
- Myznikov, S. A. (2019). *Russkii dialektnyi etimologicheskii slovar'. Leksika kontaknykh regionov* [Russian Dialect Etymological Dictionary: Vocabulary of Contact Regions]. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Pimenov, O. V. (2020). Obraz Vil'gel'ma II v rossiiskikh gazetakh vo vremia voennoi kampanii 1914 goda [The Image of Wilhelm II in Russian Newspapers during the 1914 Military Campaign]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 3, 146–159. Retrieved from http://vestospu.ru/archive/2020/articles/11_35_2020.pdf
- Suspitsyna, I. N. (2000). *Meteorologicheskaya leksika v govorakh Russkogo Severa* [Meteorological Vocabulary in the Dialects of the Russian North] (Doctoral dissertation). Ural State University, Ekaterinburg.

МАТЕРИАЛЫ MATERIALS

https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2026.23.1.009

УДК 811.161.1'373.2 + 811.161.1'374 + 913(470.317) + 811.161.1'282 + 81:39 + 398(=161.1)

Валерия Станиславовна Кучко

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник топонимической лаборатории кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51)
E-mail: kuchko@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7139-5738>

Олеся Дмитриевна Сурикова

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник топонимической лаборатории кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51)
E-mail: surok62@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9526-7853>

Народный календарь Костромского края. II: Осенне-зимний цикл

Аннотация

Настоящая публикация продолжает и завершает представление материалов по хрононимии Костромской области XX–XXI вв., собранных Топонимической экспедицией Уральского университета в 2003–2025 гг. Корпус хрононимов, содержащий более 6 000 единиц, был разделен в соответствии с традиционным сезонным членением календарного года на весенне-летний и осенне-зимний циклы. Первая часть, демонстрирующая наполнение весенне-летнего цикла, была опубликована в первом номере «Вопросов ономастики» за 2025 г. Сейчас вниманию читателей предлагается содержание осенне-зимнего цикла: в первой части публикации — неподвижные праздники и периоды в хронологическом порядке с 28 августа по 29 февраля, во второй части — подвижные, начиная с субботы перед Покровом Богородицы и заканчивая Масленицей. Структура подачи информации такова: 1) календарная дата (по новому стилю), 2) каноническое название церковного праздника или общепринятое название дня или периода в случае, когда народное название можно уверенно интерпретировать (в иных редких случаях мы оставляем знак вопроса в соответствующем месте), 3) все варианты местных названий этого дня / периода (в алфавитном порядке, с указанием районов Костромской области, в которых они зафиксированы, поданных также в алфавитном порядке). Выборочно приводятся иллюстрации употребления хрононима в народной речи. В результате двух публикаций воссоздается региональная система календарных названий, сопровождаемая сведениями этнокультурного

© Кучко В. С., Сурикова О. Д., 2026

характера, которые отражены в иллюстративной части. Среди публикуемых материалов высок процент новых, прежде не вводившихся в научный оборот.

Ключевые слова

этнолингвистика; этнография; русские народные говоры; хрононимия; народный календарь; календарная обрядность; Костромская область

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10029 «Традиционная культура костромской деревни в советское и постсоветское время: электронный корпус этнолингвистических материалов», <https://rscf.ru/project/23-78-10029/>

Сердечно благодарим сотрудников ТЭ УрФУ, собиравших сведения по народному календарю в Костромской области, и наших собеседников-информантов, которые сохранили их в своей памяти.

Для цитирования

Кучко В. С., Сурикова О. Д. Народный календарь Костромского края. II: Осенне-зимний цикл // Вопросы ономастики. 2026. Т. 23, № 1. С. 204–231. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2026.23.1.009

Рукопись поступила в редакцию 24.11.2025

Рукопись принята к печати 12.01.2026

Valeria Stanislavovna KUCHKO

PhD, Senior Researcher, Toponymic Laboratory of the Department of Russian Language, General Linguistics and Verbal Communication, Ural Federal University (51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia)

Email: kuchko@inbox.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7139-5738>

Olesya Dmitrievna SURIKOVA

PhD, Senior Researcher, Toponymic Laboratory of the Department of Russian Language, General Linguistics and Verbal Communication, Ural Federal University (51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia)

Email: surok62@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9526-7853>

Folk Calendar of the Kostroma Region. II: Autumn-Winter Cycle

Abstract

This publication continues and completes the presentation of materials on the chrononymy of the Kostroma region of the 20th and 21st centuries, collected by the Toponymic Expedition of Ural University between 2003 and 2025. The corpus of chrononyms containing over 6,000 entries was divided according to the traditional seasonal division of the calendar year into spring-summer and autumn-winter cycles. The first part, demonstrating the content of the spring-summer cycle, was published in the first issue of *Voprosy Onomastiki* for 2025. The present part lists chrononyms related to the autumn-winter cycle and divided into two sections. Fixed dates and periods are presented first in chronological order from August 28 to February 29. They are followed by movable ones, covering the period from the Saturday before the Intercession of the Virgin to *Maslenitsa*. The information

is presented as follows: 1) the calendar date (according to the Gregorian calendar), 2) the canonical name of the ecclesiastical holiday or the conventional designation for this day/period where the folk name permits confident interpretation (in ambiguous instances, this is indicated by a question mark), and 3) all local name variants for this day/period (listed alphabetically, along with the districts of the Kostroma region where they were recorded, also arranged in alphabetical order). The authors also selectively provide examples of the chrononym's use in folk speech. The two publications thus provide a comprehensive reconstruction of the regional system of calendar names, supplemented by ethnocultural information. A significant portion of the materials presented here is new and has not previously been published.

Keywords

ethnolinguistics; ethnography; Russian folk dialects; chrononymy; folk calendar; festive rite; Kostroma Region

Acknowledgements

The grant of Russian Science Foundation No. 23-78-10029 *Traditional Culture of the Kostroma Village in the Soviet and Post-Soviet Period: An Electronic Corpus of Ethnolinguistic Materials*, <https://rscf.ru/en/project/23-78-10029/>, is gratefully acknowledged.

The authors express their sincere gratitude to the staff of the Toponymic Expedition of Ural Federal University, who collected information on the folk calendar in the Kostroma Region, as well as to the informants, who preserved this knowledge in their memories.

For citation

Kuchko, V. S., & Surikova, O. D. (2026). Folk Calendar of the Kostroma Region. II: Autumn-Winter Cycle. *Voprosy onomastiki*, 23(1), 204–231. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2026.23.1.009

Received on 24 November 2025

Accepted on 12 January 2026

Настоящая публикация продолжает и завершает представление материалов по хрононимии Костромской области XX–XXI вв., собранных Топонимической экспедицией Уральского университета в 2003–2025 гг. Хрононимы извлечены из Лексической картотеки Топонимической экспедиции [ЛКТЭ], которая хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ (Екатеринбург). На сегодняшний день эта картотека содержит более 6 000 фиксаций хрононимов и их вариантов. Столь обширный материал был разделен нами на две публикации в соответствии с традиционным сезонным членением календарного года на весенне-летний и осенне-зимний циклы. Первая часть [см.: Кучко, Сурикова 2025] демонстрирует наполнение весенне-летнего цикла. Здесь мы публикуем вторую часть материалов, которая относится к осенне-зимнему циклу.

В статье [Кучко, Сурикова 2025] читатель может найти информацию о лексикографическом контексте, в котором бытуют публикуемые материалы, а также развернутые сведения о полевой работе Топонимической экспедиции УрФУ в Костромской области. С момента обнаружения первой части

материалов был осуществлен очередной выезд экспедиции (лето 2025 г.) — в Антроповский и Чухломский районы, хрононимические находки этого сезона вошли в настоящую публикацию.

Кратко повторим основные принципы представления календарных материалов [подробнее см.: Кучко, Сурикова 2025]. Хрононимы поданы в хронологическом (календарном) порядке в двух разделах: в первом разделе — неподвижные праздники и периоды с 28 августа по 29 февраля, во втором — подвижные, начиная с субботы перед Покровом Пресвятой Богородицы и заканчивая Масленицей. Материалы в своем большинстве представляют названия церковных праздников, однако встречаются и гражданские.

Структура подачи информации такова: 1) календарная дата (по новому стилю); 2) каноническое название церковного праздника или общепринятое название дня или периода в случае, когда народное название можно уверенно интерпретировать (в редких случаях, когда реконструкция затруднительна, используется знак «?»); 3) все варианты местных названий этого дня / периода (в алфавитном порядке, с указанием районов Костромской области, в которых они зафиксированы¹, — также в алфавитном порядке). Заметим, что в ходе полевых сборов непоследовательно выполнялся принцип фиксации полной (а не дифференциальной) хрононимической системы, поэтому в ряде случаев при фиксации общенародных названий (например, *бабье лето*, *Рождество*, *Крещение*) территориальные пометы могут носить условный характер. Выборочно даются иллюстрации — речения информантов, демонстрирующие фонетические, грамматические и семантические особенности употребления хрононима, его «жизнь» в народной речи. Иллюстрации часто являют собой приметы, календарные присловья, наблюдения метеорологического и сельскохозяйственного характера, сведения об обрядовом наполнении праздничной даты; таким образом, они служат источником не только языковых, но и этнокультурных сведений о Костромском крае.

Если на одну дату приходится два праздника, они указываются последовательно, каждый со своим набором народных названий.

Фонетические формы хрононимов восстановлены до орфографической нормы (*Зáговеньё* → *Зáговенье*, *Мáслишное* → *Мáсличное*, *Спожй́нска* → *Спожй́нская* и др.), особенности реального произношения при этом фиксируются в иллюстративных контекстах. Фонетические варианты приводятся в том виде, в котором они закреплены в традиции (например, *Звиженье*, *Звизженье*,

¹ На данный момент мы не располагаем данными по нескольким районам области: Галичскому, Костромскому, Поназыревскому и Сусанинскому; с точки зрения изучения календарной традиции слабо обследованы Мантуровский и Нейский районы.

Здвиженье и под. ‘Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня’, *Цвятки* ‘Святки’ и др.).

Диалектные слова, встречаемые в контекстах, кратко толкуются в угловых скобках.

1. Неподвижные праздники и периоды осенне-зимнего цикла

28 августа — 7 сентября —

ДЕВИЧЬЕ ЛЕТО (Окт.: *Сначала девичье лето, потом бабье*).

28 августа — 14 сентября —

МЛАДШЕЕ БАБЬЕ ЛЕТО (Окт.: *Смотрели: как младшее бывает — так старшее пойдёт*), **МОЛОДОЕ БАБЬЕ ЛЕТО** (Мак.: *На Успенье начинается молодое бабье лето*, Окт.).

1–7 сентября —

МОЛОДОЕ БАБЬЕ ЛЕТО (Шар.: *Молодое бабье лето — с 1 по 7 сентября, а настоящие бабье лето — с 7 по 14 сентября*).

7–14 сентября —

БАБЬЕ ЛЕТО (Окт., Шар.).

8 сентября — Сретение Владимирской иконы Пресвятой Богородицы —

ВЛАДИМИРОВСКАЯ (Кологр.), **ВЛАДИМИРСКАЯ** (Кологр., Мак., Шар.), **ВЛАДИМИРСКАЯ ОСЕННЯЯ** (Шар.).

11 сентября — Усекновение главы Иоанна Предтечи —

ИВАНА ПОСТНОГО (Шар.), **ИВАНОВ ДЕНЬ** (К-С, Остр., С-Гал., Чухл.), **ИВАН ПОСТНОЙ** (Мак.: *Иван Постной был, картошку, лук не ели*), **ИВАН ПОСТНЫЙ** (Мак., Нерех.: *Скоро Петров день — Пётр и Павел час убавил. Илья Пророк два [часа] уволок. Фрол Лавёр три упёр. Иван Постный четыре поёрнул <украл>*, Шар.: *11 сентября поминальный день — Иван Постный. Поминают только постным усопших*), **ИВАН ПРЕДТЕЧА** (Шар.: *В Ивана Предтечу круглое есть нельзя*), **ОТСЕЧЕНИЕ ГОЛОВЫ ИОАННА ПРЕДТЕЧИ** (Антр.: *11 сентября, в день Отсечения головы Иоанна Предтечи, нельзя ничего круглого собирать с огорода, особенно срезать что-либо*), **УСЕКНОВАНИЕ ГЛАВЫ ИОАННА ПРЕДТЕЧИ** (Шар.), **УСЕКНОВЕНИЕ ГЛАВЫ ИОАННА КРЕСТИТЕЛЯ** (Шар.), **УСЕКНОВЕНИЕ ГЛАВЫ ИОАННА ПРЕДТЕЧИ** (Чухл.).

12 сентября (?) — День перенесения мощей св. блгв. князя Александра Невского / день прп. Александра Свирского —

АЛЕКСАНДРОВ ДЕНЬ (Остр.).

13 сентября — Положение честного пояса Пресвятой Богородицы —

ПОЯСОВСКАЯ (Кологр.: *Поясовская с уборочной чего-то связано. Раньше зерновые убирали, пояса-то делали, снопы вязали. Наберут пучок и делают пояс из соломы, и вот перепоясывают его. Отмечали праздник*).

14 сентября — День прп. Симеона Столпника и матери его Марфы —

БАБИЙ ДЕНЬ (Окт.: *Смотрели, чтобы не слезомойка первая вышла на улицу. Если в Бабий день слезомойка <плаксивая женщина> выйдет — дождь будет, пока картошку копаем*), **МУХОВ ДЕНЬ** (Кад.: *В этот день мрут мухи. В коробок положат дети-то и закопают, Шар.: Какой-то Мухов день был, считали. Вот сноп делали — серпами жали — так несут его в дом: «К ширу, мух, вон: Идёт хозяин в дом». И этот сноп ставили в божий <красный> угол*), **СЕМЁИН ДЕНЬ** (Буйск.: *Семейн день 14 сентября, ревели о мухах: «Нонче мух нету». А что мухи не накасают, не разбудят, Парф.*), **СЕМЕЙН ДЕНЬ** (Чухл.: *На Семейн день мух истребляли. Отец соседа как-то говорил: «Мух ловите да зарывайте». Сейчас-то мало мух, а раньше вообще страшно было, поэтому и зарывали, чтобы не кусали больше*), **СЕМЕЙНЫЙ ДЕНЬ** (Шар.: *С Семейной дни вроде муха-то это, в Семейный день муху-то хороняли. «Ой, — говорит, — повезём слепня в ошемётке <старом лапте> хоронять, а муху-то — в Семейной день»*), **СЕМЁН** (Вохом.: *Семёнов день бывает 14 сентября. В Семёнов день до обеда лён стлали, а после не стлали — бабье лето с Семёна начиналось*), **СЕМЁН ДЕНЬ** (Пав.: *Комары, мухи сейчас до Семёна дня живут. Семёнов день будет четырнадцатого. Они уже погибнут все. Там муха муху, говорят, хороняет — сама пропадает, приговаривают. А ежели останутся они, ещё зиму проживут, эти мухи*), **СЕМЁН ИМЕННИК** (Парф.), **СЕМЁНОВ** (Пав.: *Августовские росы самые хорошие, надо до них [лен] вьтеребить, до Семёнова управиться*), **СЕМЁНОВ ДЕНЬ** (Вохом.: *С Семёнова дня — он уже 14 сентября бывает — мы бегаем, девчушки, с прёсницами <прялками>, прясть; Семёнов день бывает 14 сентября, и семёновская трусея <дождливая погода>*, Кад.: *На Семёнов день мух хоронили: брали стебель у подсолнуха, разрезали да закладывали туда*, Окт.: *В Семёнов день баба красивая выйдет — осень будет тёплая. А выйдет зассяка — будет дождливоё*, Пав., Парф., Чухл.), **СИМЕОНОВ ДЕНЬ** (Парф.), **СИМЕОН СТОЛПНИК** (Парф.).

14–21 сентября —

БАБЬЕ ЛЕТО (Окт., Чухл.: *На 14 сентября какая же женщина на улицу посмотрит первая, такое и бабье лето будет. Если румяная, хорошая, то и бабье лето хорошее будет. А если страшная — плохое*), **БОЛЬШОЕ БАБЬЕ ЛЕТО** (Окт.), **СТАРОЕ БАБЬЕ ЛЕТО** (Окт.), **СТАРШЕЕ БАБЬЕ ЛЕТО** (Окт.).

15 сентября — День обретения мощей прп. Феодосия Тотемского —

ФЕДОСЬЕВ ДЕНЬ (Вохом.).

17 сентября — День иконы Божией Матери, именуемой «Неопалимая Купина» — **СВЯТА́Я НЕОПАЛІ́МАЯ** (Нерех.).

19 сентября — Воспоминание чуда архистратига Михаила —

МИХА́ЙЛО ЧУ́ДО (Буйск., Кад., К-С, С-Слав., Шар.), **МИХА́ЙЛОВ ДЕНЬ** (Шар.), **МИХА́ЙЛОВ ДЕНЬ ПЕ́РВЫЙ** (Шар.: *У нас в Конёве был Михайлов день Первый и Второй*), **ЧУ́ДО** (Кад.), **ЧУ́ДОВ ДЕНЬ** (Буйск.: *Раньше Чудов день всё грозы были*, К-С, Пав.: *Чудов день был в Красном. В честь Николая Чудотворца. Отгуляем Чудов день и будем картошку копать*, С-Слав.).

20–26 сентября — Неделя перед днем Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня —

ЗВІ́ЖЕНСКА́Я НЕДЕ́ЛЯ (Окт.: *На Звиженской неделе, перед Звіженьем-то, зверьё в лесе бегаёт*).

21 сентября — Рождество Пресвятой Богородицы —

БОГОРО́ДИЦА (Мак.: *Богородица в сентябре, свадьбы начинались после Богородицы*, Пав.), **БОГОРО́ДИЦА ПРЕСВЯТА́Я** (Мак.), **БОГОРО́ДИЦЫН ДЕНЬ** (Буйск., Кад., Мак., Меж.: *Богородицын день — большой праздник, в честь Божьей Матери. Женичины особо почитали*, Остр., Пав., Парф.: *Всегда на этот день картошку выкапывают, а потом нельзя — замораживает*, Чухл., Шар.), **БОГОРО́ДЧИНА** (Вохом.: *Девушки в Богородчину не ходили в церковь, а ходили пожилые. Праздник большой, уберутся, пиво варят*, Окт.: *Прошла Богородчина — убирай с огорода; На Богородчину, что уродилось, носят в церковь освящать, чтоб и в следующем году так же*, Пав., Пыщ.), **БОГОРО́ДЧИНЫ** (Окт.: *Богородчины бывали, когда лён вырвут*), **ВЫЖИНА́ЛЬНИЦА** (Чухл.), **ГО́РКОВСКА́Я МОЛЪБА́** (Меж.), **ГОСПОЖІ́Н ДЕНЬ** (Антр., Парф., С-Гал., Чухл.), **ГОСПОЖІ́НКА** (Кологр., Шар.), **ГОСПОЖІ́НКИ** (Антр.: *Вот еще есть Госпожин день, а в Госпожинки считались последние дожжинки, это значит, убирали последние зерновые*, Шар.: *Не сей в Госпожинки — будут плешинки*), **ГОСПОЖІ́НСКА́Я** (Кологр., Меж.), **ОСПОЖІ́Н ДЕНЬ** (Чухл., Шар.), **ОСПОЖІ́НОВ ДЕНЬ** (Чухл.), **ОСПОЖІ́НКА** (Шар.), **ОСПОЖІ́НКИ** (Шар.: *Оспожинки — первые снежинки*), **ПРА́ЗДНИК ПРЕСВЯТО́Й БОГОРО́ДИЦЫ** (Кологр.), **ПРЕСВЯТО́Й БОГОРО́ДИЦЫ** (Кологр.), **РОЖДЕ́НИЕ ПРЕСВЯТО́Й БОГОРО́ДИЦЫ** (Шар.), **РОЖДЕСТВО́** (Нерех.), **РОЖДЕСТВО́ БОГОРО́ДИЦЫ** (Антр., Кад., К-С, Нерех., Парф., С-Гал., Чухл.: *В Рождество Богородицы и другие двенадцатые большие праздники люди раньше не работали. Жена у меня в праздники пошла за грибами в лес и заблудилась. Больше по воскресеньям не ходила*), **РОЖДЕСТВО́ ПРЕСВЯТО́Й БОГОРО́ДИЦЫ** (К-С), **РОЖЕСТВ́О БОГОРО́ДИЦЫ** (Нерех.), **СПОЖІ́Н ДЕНЬ** (Парф.: *На Спожин день всё выкопаем*).

До двадцать первого сентября надо всё убрать в поле: и овёс, и ячмень, и пшеницу. И с огорода всё убрать, Чухл., Шар.), **СПОЖИ́НКА** (Чухл.: Или ещё говорили «Спожинка» — может, что уже жнивья кончилось), **СПОЖИ́НКИ** (Шар.), **СПОЖИ́НСКАЯ** (Шар.).

26 сентября — Обновление (освящение) храма Воскресения Христова в Иерусалиме —

СЛАВУ́ЩАЯ (Антр.: В сентябре двадцать шестого была Слаущая, у нас ещё говорили: «Слаущая с гуцей». Это значит, что на Слаущую снег выпадал, надо было всё убрать с огорода), **СЛОВУ́ЩЕЕ** (Остр.).

27 сентября — Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня —

БА́БИЙ ПРА́ЗДНИК (Мак.: Звиженье звали Бабий праздник. Всё сжали, всё убрали, остался только лён), **ВЗВ́ИЖЕНЬЕ** (Шар.: Со Взвиженья звери в спячку уходят), **ВЗДВ́ИЖЕНСКАЯ** (Меж.), **ВЗДВ́ИЖЕНЬЕ** (Антр., С-Слав., Чухл., Кологр.: На Вздвиженье у змей гонка начинается, они выползают на полянки), **ВОЗДВ́ИЖЕНИЕ** (Кологр.: 27 сентября Воздвижение, змеи в клубок, в зимнюю спячку готовятся, нельзя в лес ходить), **ВОЗДВ́ИЖЕНСКАЯ** (Кологр.), **ВОЗДВ́ИЖЕНЬЕ** (Вохом., Кологр., Мак., Меж., Остр.: До Воздвиженья надо сажать чеснок, С-Слав., Шар., Чухл.: 27 сентября Воздвиженье, нельзя ходить в лес — нечистые силы прячут урожай. Мы однажды забыли, приехали на болото — ни одной ягоды не нашли. На другое болото — ни одной ягоды. А это Воздвиженье было: ни грибов, ни ягод в лесу не найдёшь), **ВОЗДВ́ИЖЕНЬЕВ ДЕНЬ** (Пав.: На Воздвиженьев день часто бывает холодно), **ВОЗДВ́ИЖЕНЬЕ КРЕСТА́ ГОСПО́ДНЯ** (Кологр.: По примете на Воздвиженье Креста Господня в лес не ходили: змеи собираются в клубки, готовятся в спячку. Один мужик поворошил — так змеи и взлетели), **ВОЗДВ́ИЖЕНЬЕ ХРИСТА́ ГОСПО́ДНЯ** (Антр.), **ДВ́ИЖЕНЬЕ** (Кологр.), **ЗВ́ИЖЕНИЕ** (Окт.: В Звижение волки, лисы, лоси рысются, стаями-то бегают), **ЗВ́ИЖЕНКИ** (Шар.), **ЗВ́ИЖЕНСКАЯ** (Окт.: В Звиженскую медведи залегают в берлогу, Шар.), **ЗВ́ИЖЕНЬЕ** (Вохом., Кад., Кологр., К-С: Звиженьё — все букашки-таракашки, все уходят в лес, Мак.: К Звиженью всё уберём бабым делом, один лён остаётся. Вот бабы столки соберут. В Звиженье в лес нельзя ходить. Мы пошли и заблудились. Молитву читали: «Господи благослови», — и вышли, Меж., Нерех., Окт.: На Звиженье весь скот запирают дома, штёб в лесе, в поле не ходил; В Звиженье мясо не едят, а то волки будут скотину драть; Жни не жни — Звиженья не жди. Звиженье придёт — снега принесет; О Звиженье зверь в лесу движется, Остр., Пав., Парф., С-Гал.: Звиженье — лето с осенью сдвигается, Шар.: На Звиженне звери собираются, в лес нельзя ходить), **ЗВ́ИЖЕ́НЬЕ** (Мант.), **ЗВ́ИЖЕНЬЕ́** (Мак.: Змеи-те хомом <комом> совьются и шипят в Звиженьё-то), **ЗВ́ИЖЕНЬЕВ ДЕНЬ** (Кад., Мак., Шар.), **ЗВ́ИЗЖЕНКИ** (Шар.), **ЗВ́ИЗЖЕНЬЕ** (Вохом.: Звиженье придёт — стужу принесёт,

Окт.: *Жни — не жни, а Звизженья не жди*), **ЗДВІЖЕВ ДЕНЬ** (Остр.), **ЗДВІЖЕНИЕ** (Кологр.), **ЗДВІЖЕНКИ** (Шар.), **ЗДВІЖЕНСКАЯ** (Меж.), **ЗДВІЖЕНЬЕ** (Антр., Буйск., Вохом., Кологр., К-С, Мак.: *На Здвиженье скотину резали, старались в этот день*, Меж., Нерех., Окт.: *Здвиженье придёт — шубу принесёт*, Остр., Парф., С-Слав., Чухл., Шар.), **ЗДВІЖЕНЬЕ ГОСПОДНЕ** (Буйск.), **ЗДВІЖЕНЬЕ КРЕСТА́ ГОСПОДНЯ** (Парф.), **ЗМЕЙНЫЙ ДЕНЬ** (Кад., Нерех.: *В Змеиный день в лес нельзя ходить. Летом змеи рожают на деревьях, а к осени злыё они. Пучками на деревьях сидят. В Змеиный день змеиная свара, а потом они в норы уходят*), **МЕДВѢЖЬЕ ЗДВІЖЕНЬЕ** (Мак.: *Медвежье Здвиженье — в лес не пойдём. В лесу медведи гонятся. Гон у их. По пятнадцать медведей бегут!*), **СДВІЖЕНИЕ** (Кологр.: *На Сдвижение всё змеиные свадьбы шли. Вроде как все ползучие сдвигаются*), **СДВІЖЕНЬЕ** (Буйск., Кологр., К-С, Окт., Остр., Пав., Чухл.).

28 сентября — 11 октября —

КАПУ́СТИНСКИЕ ПОСИДЕ́ЛКИ (Мак.: *Раньше в деревне со Здвиженья начинались капустинские посиделки, которые продолжались две недели, почти до Покрова*).

29 сентября — День мчц. Людмилы, княгини Чешской —

ЛЮДМІ́ЛА (Окт.).

30 сентября — День мчцц. Веры, Надежды, Любви и матери их Софии —

СОФІ́Я (Чухл.), **СОФЬІ́Н ДЕНЬ** (Чухл.: *Софьин день отмечался 30 сентября. Софья, Надежда, Любовь и Вера — именинницы, их поздравляли*).

4 октября — Обретение мощей свт. Димитрия, митрополита Ростовского —

ДМІ́ТРЕВ ДЕНЬ (Антр.), **ДМІ́ТРИЕВ ДЕНЬ** (Антр., Остр.).

8 октября — Преставление прп. Сергия, игумена Радонежского, всея России чудотворца —

ОСѐ́ННИЙ Сѐ́РГИН ДЕНЬ (Чухл.), **Сѐ́РГИЕВ** (Окт.), **Сѐ́РГИЕВ ДЕНЬ** (Вохом.: *Раньше поп Сергей был. Его, говорят, разбойники убили, в честь него праздник делают*, Нерех., Окт., С-Гал.), **Сѐ́РГИЕВСКАЯ** (Кологр., Окт.), **Сѐ́РГИН ДЕНЬ** (С-Гал., Чухл.: *На Сергин день обычно тепло бывает и дождь*), **Сѐ́РГОВ ДЕНЬ** (Антр., Кад., Остр.), **Сѐ́РЬГОВ ДЕНЬ** (Буйск., Вохом, Нерех.: *Капусту сажают на Тихонов день, а убирают ей на Серьгов день*, Остр., С-Слав.: *Вечеріны начинались с 8 октября, с Серьгова дня*).

9 октября — Преставление ап. и евангелиста Иоанна Богослова —

ИВА́Н БОГОСЛО́В (Нерех., С-Слав.), **ИВА́Н БОГУСЛО́В** (Нерех.), **ИВА́НОВ ДЕНЬ** (Антр., Шар.), **ИВА́НОВ ДЕНЬ ОСѐ́ННИЙ** (Шар.), **ИВА́НОВ ДЕНЬ** (Шар.), **ИОА́НН БОГОСЛО́В ОСѐ́ННИЙ** (Антр.).

10 октября — День прп. Савватия, Соловецкого чудотворца² —

ИЗОСИМОВ ДЕНЬ (Шар.).

14 октября — Покров Пресвятой Богородицы —

БАТЮШКА ПОКРÓВ (Окт.: *Батюшка Покров, награди мой дом теплом, а хозяйошку скотом и животом*, Пав.: *В Покров утром встанут, возьмут паклю, в паз-от вставят в избе: «Батюшка Покров, покрой избу снежком, а меня женишником». Так девки говорили. А бабы говорили: «Батюшка Покров, покрой избу снежком, а скотинушку здоровьем»*), **БАТЮШКО ПОКРÓВ** (Мак.: *Батюшко Покров, подай добрую свекровь*, Шар.), **ПОКРÓВ** (Антр.: *На Покров землю снегом должно покрыть*, Буйск.: *Беседы <посиделки> начинают делать с Покрова, с 14 октября, и до поста. Потом уже не гуляли*, Вохом.: *Покров придёт — стужу принесёт*, Кад., Кологр.: *Чудо не начудит — Покров не покроет; До Покрова надо сделать все дела на кладбище: потом уже не ходят туда*, К-С: *На Покров гадали на жениха, ночью 14 октября*, Мак.: *Если кто тронет землю после Покрова — умрёт; Если снег на Покров выпал, то скоро будет зима, а если нет, то зима будет только после Казанской*, Меж., Нейск., Нерех., Окт.: *Корове в Покров закармливают [дожинальный сноп]: «Батюшка Покров, покрой избу теплом, шубным рукавом», — и скотине закармливают барина, чтобы скотина сытая была; Не жди Покрова, руби капусту. До Покрова уж надо всё убрать; В Покров лошадей и скот окропляли*, Остр., Пав.: *Одна женишница в Покров на речку ходила, греховодница-то. Заболела и умерла. Стирать нельзя в Покров, грязная вода потечёт в иордань <прорубь>; Покров землю покрыл. Первый снег — покровский, зазимок*, Парф., Пыщ., С-Слав., Чухл.: *Снег на Покров должен лечь, говорили про это так: «Невесту — женишником, а земельку — снежком». На Покров играли свадьбы*, Шар.: *Покров, землю снегом покрой, а избу — платком; Меж Покровом да Казанской зима не встаёт*), **ПОКРÓВ-БАТЮШКО** (Окт., Пав.: *Покров-батюшко был. Окошка паклей заколачивали. Говорили: «Покров-батюшко, закрой мою избушку теплом, а меня, рабицу божью (имярек), женишником»*), **ПОКРÓВ ДЕНЬ** (Антр., Вохом., Меж., Окт.: *В большой праздник — Покров день, Пáску, Рожество, Крещение, Троицу — нельзя дрова рубить; один поехал, да в Покров день, дак на его ёлка упала, убило; На Покров день какая девка долго не выходит замуж, на стол собирают да вокруг стола водят*, С-Гал.: *В Покров день закармливают скотину, на зиму её заправляют*, С-Слав., Шар.), **ПОКРÓВ**

²В [РНК: 183–184] дата 27 сентября / 10 октября идентифицирована как День перенесения мощей прп. Зосимы и Савватия Соловецких, откуда названия этого дня: *Изóсим, Изóсим и Саввáтий, Изóсимы* и др. Однако официально православная церковь празднует перенесение мощей Зосимы и Савватия Соловецких 8 (21) августа. 27 сентября / 10 октября — память только одного преподобного — Савватия, но, поскольку Зосима и Савватий — «парные» святые, в народном календаре возникают подобные казусы.

НЕОДНОСЛÓВ (Вохом.), **ПОКРÓВ ПРЕСВЯТÓЙ БОГОРÓДИЦЫ** (Остр.), **ПОКРОВА́** (Буйск.: *А вот покрывает землю снегом, потому и Покрова́, Кологр.*), **ПОКРОВА́ СВЯТÁЯ БОГОРÓДИЦА** (Буйск.), **ПОКРÓВСКАЯ** (Меж.), **ПОКРÓВСКИЙ ПРÁЗДНИК** (Меж.).

17 октября — День свщмч. Иерофея, еп. Афинского —

ЕРОФ́ЕЕВ ДЕНЬ (Вохом.: *Слышал, что 17 октября лесови́к <леший> устраивается на зиму, как медведь, поэтому в лес ходить нельзя, он тогда злой. 17 октября он ходит, ищет место, это Ерофеев день*).

18 октября — ? —

ВЫ́СКИРЬ (Шар.: *К вы́скирю <вывернутому непогодой дереву> гулять ходили, вот и назвали Выскирь. Отмечали его в Туранке, на Кокиаровских хуторах; На Выскирь свóзки <съезжий праздник> были, ездили туда, ко Власихе. Там Лямишка, Королиха, Телеши, Хмельёвка. Все они Выскирь праздновали; Осенью Выскирь был, на Власихе гуляли, пили, свóзки были*).

25 октября — День Иерусалимской иконы Божией Матери —

ИЕРУСАЛИ́МСКАЯ (Остр.).

4 ноября — День Казанской иконы Божией Матери —

ВТОРА́Я КАЗА́НСКАЯ (Кологр.: *Вторая Казанская — Осенняя, хотя на неё снег лежит уже*), **КАЗА́НКА** (Пав.: *До Казанки в субботу поминают родителей, после нельзя*), **КАЗА́НСКАЯ** (Антр.: *В основном женились осенью, после сбора урожая. Женились на Казанскую, 4 ноября, и в дни рядом с этой датой; К Казанской надо начинать свой скот колоть, потому что морозы уже начинаются*, Буйск., Вохом., Кад., Кологр., Мак., Нерех., Остр., Пав., Парф., Шар.: *Меж Покровом да Казанской зима не встаёт*), **КАЗА́НСКАЯ БО́ЖЬЯ МА́ТЕРЬ** (Кад., С-Слав., Шар.), **КАЗА́НСКАЯ ЗИ́МНЯЯ** (Антр., Кад., Парф., Кологр.: *В ноябре мы праздновали Казанскую Зимнюю, а в июле — Летнюю*), **КАЗА́НСКАЯ ОСЕ́ННЯЯ** (Антр., Кад., Кологр., Парф., С-Гал.).

6 ноября — День иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» —

СКОРБ́ЯЩАЯ (Окт.: *На Скорбящую родителей поминают, рестки <листки с именами, подаваемые для служения молебна> в це́ркву несут*), **СКОРБ́ЯЩАЯ БО́ЖЬЯ МА́ТЕРЬ** (Окт.).

7 ноября — День Великой Октябрьской социалистической революции —

ОКТЯ́БРЬ-ПРÁЗДНИК (Окт.), **ОКТЯ́БРЬСКАЯ** (Антр.: *У нас скотину на Октябрьскую кололи, на 7 ноября, Вохом.: Пьют с пятого ноября до одиннадцатого — это Октябрьская, Кад., Кологр., К-С, Мак., Меж., Окт., Пав., Парф., Пыщ., Шар.: Первый Май, День Конституции — 5 декабря, Октябрьская. Ходили со флагами. Каждая деревня славил колхоз. Пели песни, только не религиозные, а советские*), **ОКТЯ́БРЬСКИЕ**

(Вохом., Окт.: *Приходят Октябрьские. Общйй праздник назывался бр́атчина. Солод с каждого хозяйства, хмель с каждого хозяйства, сахарного песку — кто в́аивался, пай свой носил, Пав.: Октябрьские отмечали 7 ноября. Это установилась советская власть — наварят пивов́ и дуют, пьют), ОКТЯ́БРЬСКИЙ (Вохом.: *Пьют пиво или на бр́атчину, или на большой праздник, на Октябрьский. Октябрьский самый большой праздник был), СЕДЬМЫ́Е (Пав.: Седьмые справляли 7 ноября, годовой праздник).**

8 ноября — День вмч. Димитрия Солунского —

ДМ́ИТРЕВ ДЕНЬ (Парф.), **ДМ́ИТРИЕВ ДЕНЬ** (Антр., Вохом., Пав.: *8 ноября Дмитриев день, поминают, на кладбище ездят, Парф., Чухл.), ДМ́ИТРИЕВСКАЯ (Кологр.: *У нас в Высоково Дмитриевская, в честь Димитрия Солунского. И церковь у нас Димитрия Солунского), ДМ́ИТРИИ-ДРУЖЌЙ (Парф.: *Дмитриев-Дружков справляли 8 ноября, на второй день Октябрьской. Дмитрии в этот день мининники <именинники>), ДМ́ИТРИЙ (С-Гал.), ДМ́ИТРИЙ СОЛУ́НСКИЙ (Парф.), **ДМ́ИТРОВ ДЕНЬ** (Парф.), **М́ИТРЕВ ДЕНЬ** (Окт.), **М́ИТРИЕВ ДЕНЬ** (Вохом.: *Потом уж Митриев день бывает. Поминают только родителей).****

10 ноября — День вмчц. Параскевы Пятницы —

ПАРА́СКЕВА ПЯ́ТНИЦА (Мак.: *В пятницу в Тимошине ничего не продавали и не покупали — Параскева Пятница, нельзя было вязать, прясть, потому что накажет Параскева Пятница), ПАРАСКЕ́ВА ПЯ́ТНИЦА (Мак.: *На Параскеву Пятницу нельзя ни вязать, ни со льном связываться. Накажет Параскева Пятница, Нерех.), ПАРАСКОВЕ́Я (Буйск.), **ПАРАСКО́ВИН ДЕНЬ** (Антр.), **ПАРАСКОВИ́Я** (Буйск., Чухл.), **ПАРОСКОВЕ́Я** (Мак.), **ПРАСКОВЕ́Я** (Чухл.), **ПРАСКОВЕ́Я ВЕЛИКОМУ́ЧЕНИЦА** (Буйск.), **ПРАСКО́ВЬИН ДЕНЬ** (Кад.), **ПРАСКО́ВЬЯ** (Мак.).**

14 ноября — День бессребреников и чудотворцев Космы и Дамиана —

КОЗЬМА́-ДЕМЬЯ́Н (Остр.), **КУЗЬЕ́МЩИНА** (Кад.), **КУЗЬМА́** (Чухл.), **КУЗЬМА́-ДЕВЬЯ́Н** (Окт.), **КУЗЬМА́-ДЕМЬЯ́Н** (Кад., Мак.: *Кузьма-Демьян, это были такие святые угодники, Кузьма да Демьян, они больных лечили за так, бесплатно, Пав., С-Слав.), КУЗЬМИ́НКИ (Кад., Окт.), **КУЗЬМЫ́ И ДЕМЬЯ́НА** (Мак.), **КУРЯ́ЧИЙ ПРА́ЗДНИК** (Окт.: *Кузьминки с ветеранами отмечаем 14 ноября. Курячий праздник, петушка готовят, курицу, Петушиный праздник), ПЕТУШИ́НЫЙ ПРА́ЗДНИК (Окт.).**

16 ноября — Обновление (освящение) храма вмч. Георгия в Лидде —

ЕГО́РИЙ (Шар.), **ЕГО́РИЙ ПОБЕДОНО́СЕЦ** (Парф.), **ЕГО́РЬЕВ ДЕНЬ** (Шар.), **ЕГО́РЬЕВСКАЯ** (Меж.: *Две Егорьевские есть. Одна*

весной была, а другая осенью, где-то в ноябре; Никóлинских было две — осенью и летом, ждали, что будет холодно. И на Егорьевскую мороз ждали).

20 ноября — День мч. Феодота Анкирского —

ФЕДÓТ (Кад.: *Был Федот; говорили: «Лёд-Федот по реке плывёт»*).

21 ноября — Собор архистратига Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных —

МИХАЙЛ (Кологр.: *На Михаила морозы обязательно ударят*), **МИХАЙЛ АРХА́НГЕЛЬ** (Кад.), **МИХАЙЛА АРХА́НДЕЛЬ** (Шар.), **МИХАЙЛО** (Буйск.: *Если Михайло закуёт, то Никола раскуёт. И наоборот: если Михайло раскуёт, то Никола закуёт*), **МИХАЙЛО АРХА́НГЕЛ** (Буйск.), **МИХАЙЛОВ ДЕНЬ** (Антр., Буйск., Вохом.: *Раньше до Михайлова дня скотину не резали*, Кад., Кологр., Мак., С-Гал., С-Слав., Чухл., Шар.), **МИХАЙЛОВ ДЕНЬ ВТОРО́Й** (Шар.: *У нас в Конёве был Михайлов день Первый и Второй*), **МИХАЙЛОВ ЗИ́МНИЙ** (Шар.: *Михайлов Зимний есть и Михайло Чудо*), **МИХАЙЛОВСКАЯ** (Вохом.: *До Михайловской зимы не будет, скотину после неё уж резали*, Кологр., Мант., Меж.: *Михайловская осенью была, свадьбы в ту пору играли*, Окт.: *Михайловская сдаёт — то и Веденьёвская сдаёт. Если тепло в Михайловскую, то и в Веденьёвскую*), **МИХАЙЛОВСКОЕ** (Вохом.: *Михайлов день, Михайловское, тут уж зима начинается. Заморозит — поросят режут. Если нет — нельзя*).

27 ноября — День ап. Филиппа, канун Рождественского поста —

ВШИ́ВОЕ ЗА́ГОВЕНЬЕ (Вохом.: *На это заговинье баню не топят. Это Вшивое заговинье*), **ЗА́ГОВЕНЬЕ** (Мак.: *Филипповки были, а перед ними Заговинье. Вот тогда колядки и пели; Заговинье 27 ноября. Пойдём по королёшки <вид обрядовой выпечки> по всей деревне: «Королё-королё-королёшечку, От Виталья Геннадьевича (али ешио кого) королёшечку!» Только девки ходили. Пельмени варят в этот день. Кто королёшку даст, кто пельмень, кто брюкву, кто морковку. Гадали девки, суженого узнавали. Подкатывались, ложки воровали у парней, итёб суженого-то узнать; В Заговинье ворожили, ворожили на жениха. В Святки не ворожили, всё в Заговинье. Оно перед Филипповками живёт, Шар.: *27 ноября в Панине Заговинье, с этого дня начинается пост, и до 7 января*), **СВИНО́Е ЗА́ГОВЕНЬЕ** (Вохом.: *Свиней раньше ели. Свиное заговинье бывает*).*

28 ноября — **6 января** — Рождественский пост —

РОЖДЕ́СТВЕНСКИЙ ПОСТ (Чухл.), **ФИЛІ́ППОВКИ** (Мак.: *В Филипповки ходили по бесёдкам <посиделкам>. Две бесёдки — большая беседка <для старшей молодежи> и средняя <для подростков>, это наша,*

Чухл.), **ФИЛІППОВО ГОВІНЬЕ** (Вохом.: *Филиппово говинье бывает перед Рождеством, Окт., Пыщ.*).

4 декабря — Введение во храм Пресвятой Богородицы —

ВВЕДѢНИЕ (Парф., Чухл.: *Была такая примета: если на Введение мороз, то будет морозная зима*), **ВВЕДѢНИЕВ ДЕНЬ** (Чухл.: *На Введенье день — введѣнские морозы*), **ВВЕДѢНИЕ ВО ХРАМ** (Чухл.), **ВВЕДѢНИЕ ВО ХРАМ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ** (Антр.), **ВВЕДѢНЬЕ** (Антр.), **ВВЕДЕНЬЕ** (Антр., Кад., Нерех.), **ВВЕДЕНЬЕВ ДЕНЬ** (Кологр.: *Введенье день 4 декабря. Какая погода на Веденье, такая и зима будет, Шар.*), **ВВЕДЕНЬЕВСКАЯ** (Меж.: *На Введеньескую оттепель обязательно. До неё поросят не резали, резали с 5 декабря, чтоб сало заморозить*), **ВВЕДЕНЬЕВСКАЯ** (Окт.), **ВВЕДЕНЬЕВЫ ДНИ** (Окт.), **ВЕДѢНЬЕ** (Меж.: *На Веденье оттепель была, звали веденьевская оттепель. Потом будут никольские морозы, потом крещенские, потом афанасьевские, Парф.*), **ВЕДЕНЬЕ** (Вохом.: *Веденье — всё мне бабушка Наталья говорила: «Пряди-пряди, мот до Веденья не напрядёшь, тебя виденье <привидение> в трубу протащит*», Кад., Кологр.: *Если Веденье холодное, то и зима холодной будет, К-С: На Веденье тоже гадали, говорили: «Веди меня в ту горницу, в которой мне век жить», Мак., Нейск., Нерех., Остр., Пав.: Поговорка была: «В чём ходит к Веденью, в том и ср*ть пойдёт». Он в праздник и в будень <будний день> ходит в одном*), **ВЕДѢНЬЕВ ДЕНЬ** (Мак., Окт., Чухл.), **ВЕДЕНЬЕВ ДЕНЬ** (Окт., Пав.), **ВЕДЕНЬЕ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ** (К-С, Остр.), **ВЕДѢНЬЕВСКАЯ** (Кологр., Меж.: *На Веденьескую веденьевские морозы бывают, а потом конституцкая оттепель — под День Конституции. До веденьевских морозов скотину колоть тянули. Колоди на эти морозы, чтоб до Нового года сохранить, Окт.*), **ВЕДЕНЬЕВСКАЯ** (Окт.: *Михайловская сдаёт — то и Веденьевская сдаёт. Если тепло в Михайловскую, то и в Веденьевскую*), **ВЕДЕНЬИ** (Шар.: *У нас праздники были Веденьи. Веденьи — праздник*), **ВЕДЕНЬЯ** (Мак.: *Веденья ломает леденья — так у нас говорят*), **ВЕДЕНЬЯ-ЛЕДЕНЬЯ** (Мак.: *А 4 декабря Веденья-Леденья, всегда оттепель*), **ЗІМНИЙ ПРА́ЗДНИК** (Кад.).

5 декабря — День принятия Конституции СССР 1936 года —

КОНСТИТУ́ЦИЯ (Меж.: *Наши праздники — Ильинская, а потом стала Конституция. У нас из-за сенокоса Ильинскую отменили и перевели на Конституцию*).

7 декабря — День вмчц. Екатерины —

ЕКАТЕРІ́НА ВЕДЕНЬЕВСКАЯ (Окт.), **КАТЕРІ́НА** (Кад.: *С Катерины катались на санях. Дорога сделается уже. Катерина катанье разрешает, Чухл.: На Катерину морозы были, мы уже на санях ездили*), **КАТЕРІ́НА СА́ННИЦА** (Буйск.: *Катерина 7 декабря, начинают*

на санях ездить — вот Катерина Санница), **КАТЕРИНИНСКАЯ** (Чухл.: На Катерининскую тоже морозы были, мы уже на санях ездили).

9 декабря — Освящение церкви вмч. Георгия Победоносца в Киеве —

ЕГО́РИЙ (Вохом.: *Его́рьев день 9 декабря, Егорий. Скота закармливали. Егорий — светский праздник. Накладут зерна всякого. Каждую корминку на зернинку не разбирают, только пшеницы не кладут — пшеница поминальная*), **ЕГО́РИЙ ЗИ́МНИЙ** (Пав.), **ЕГО́РИЙ ХОЛÓДНЫЙ** (Меж.: *У нас два Егория — Голо́дный и Холодный. Голо́дный весной, потому что нового не выросло, а старое на исходе, а Холодный уже осенью*), **ЕГО́РЬЕВ ДЕНЬ** (Вохом., Пав.), **ЕГО́РЬЕВСКАЯ ХОЛÓДНАЯ** (Меж.: *Была Егорьевская Голодная — в мае, запасы уже кончались к этому времени. Была Егорьевская Холодная — в начале декабря, холода на улице*).

10 декабря — День иконы Божией Матери «Знамение» —

ЗНА́МЕНЬЕ (Антр., Кад., Нерех., С-Слав.), **ЗНА́МЕНЬЕ ДЕНЬ** (Кад.).

16 декабря, 17 декабря — Дни прп. Саввы Сторожевского и св. вмчц. Варвары —

СА́ВВЫ И ВАРВА́РЫ (Окт.).

17 декабря — День св. вмчц. Варвары —

ВАРВА́РА (Кологр.: *Варвара — уж настоящая зима началась*, Чухл.), **ВАРВА́РИН ДЕНЬ** (Чухл.), **ВАРВА́РЬЕВ ДЕНЬ** (Пав.: *На Варварьев день снегу много — значит, грибов много будет*).

18 декабря — День прп. Саввы Освященного —

СА́ВВА МЕ́ЛЬНИК-ПОНЕДЕ́ЛЬНИК (Вохом.: *Вот я в день Саввы родилась, вот Савва Мельник-Понедельник, 18 декабря. Он всё умел делать: и мельницы, и всё*).

19 декабря — День свт. Николая, архиеп. Мир Ликийских, чудотворца —

ЗИ́МНИЙ МИКО́ЛА (Вохом.: *Мико́лин день, он два раза бывает. Бывает 22 мая — Весенний Мико́ла, и Зимний Мико́ла — 19 декабря*), **ЗИ́МНИЙ НИКО́ЛА** (Пыщ.), **ЗИ́МНИЙ НИКО́ЛИН ДЕНЬ** (Меж.), **ЗИ́МНЯЯ НИКО́ЛА** (Кад., Кологр.: *Зимняя Никола приходит с морозом. Если на Зимнюю Николу морозно, то и зима морозная будет*, Нерех., Остр., Парф.: *Зимняя Никола 19 декабря. Если в Зимнюю Николу мороз — сорок морозов будет*, Чухл.), **МИКО́ЛИН ДЕНЬ** (Вохом., Пав.), **НИКО́ЛА** (Антр., Буйск.: *Если Михайло закуёт, то Никола раскуёт. И наоборот: если Михайло раскуёт, то Никола закуёт*, Кад., Кологр.: *Нико́льские морозы крепкие бывают, когда Никола, К-С, Мак., Нейск., Нерех., Парф., Пыщ., С-Гал., Шар., Чухл.: Нико́льские морозы ближе к Нико́ле*), **НИКО́ЛА ГОСПО́ДНЯ** (Парф.), **НИКО́ЛА ЗИ́МНИЙ** (Антр.: *К Нико́ле Весеннему потепление бывает, день увеличивается, а в Николу*

Зимнего самый короткий день, Вохом., Кад., Кологр., К-С, Мак., Окт., Остр., Пав., С-Гал., С-Слав., Чухл., Шар.), **НИКО́ЛА ЗИ́МНЯЯ** (Антр., Буйск., Кад., Кологр., Мак., Нерех., Остр., Парф., Чухл., Шар.), **НИКО́ЛА ОСЕ́ННИЙ** (С-Слав.), **НИКОЛА́Й УГО́ДНИК** (Буйск., Кологр.), **НИКО́ЛИН ДЕНЬ** (Вохом., Пав., Парф., Окт.: *С Николина дня начинали кудельничать <прясть>*), **НИКО́ЛИН ДЕНЬ ЗИ́МНИЙ** (Кологр.), **НИКО́ЛИНСКАЯ** (Меж.: *Николинская в декабре, тогда нико́линские морозы*), **НИКО́ЛИНСКАЯ ЗИ́МНЯЯ** (Меж.: *На Николинскую Зимнюю начинаются морозы и лёд может появляться на реке*), **НИКО́ЛЫ** (Мак.), **НИКО́ЛЬСКАЯ** (Меж.), **СТУДЕ́НЫЙ НИКО́ЛА** (Окт.: *Нико́ла Зимний или, говорят, Студёный Никола — морозы трещат*).

22 декабря — Зачатие праведной Анной Пресвятой Богородицы —

А́ННЫ НИКО́ЛЬСКИЕ (Мак.: *Анны Никольские были: молились бабы о ребёночке, кто родить хотел*), **А́ННЫ ПРОРО́ЧИЦЫ** (Буйск.).

25 декабря — День свт. Спиридона, еп. Тримифунтского, чудотворца —

ДЕНЬ СПИРИДО́НА (Мак.: *День Спиридона — зима повернётся на весну*), **ПОВОРО́ТЫ** (Мак.: *Повороты были, день поворачивается на лето*), **СПИРИДО́Н** (Мак.: *На Спиридона день прибавляется*), **СПИРИДО́НА ПОВОРО́ТА** (Мак.: *Спиридона Поворота будет — если корова сбавит до́ило <будет давать меньше молока>, значит, она стелется*), **СПИРИДО́Н ПОВОРО́Т** (Буйск.: *Спиридон Поворот 25 декабря, это медведь на другой бок поворачивается, от зимы на лето поворот*, Мак.: *Спиридон Поворот был, после него день на воробьиный шаг прибывает. После Спиридона Поворота месили тесто в обратную сторону. Хоть тесто, хоть суп, хоть кашу. Ну, чтоб по солнцу, чтоб день-то прибывал. А на Ивана Купалу в другую сторону помещивали*, Чухл.: *Говорили: «Солнце в лето — зима на мороз», день уже туда-сюда*, Шар.: *Спиридон Поворот — на копеечку прибывает денёк*), **СПИРИДО́Н СОЛНЦЕВОРО́Т** (Мак.: *На Спиридона Солнцеворота самый короткий день. Говорят, солнце поворачивается на лето, а зима — на мороз*), **СПИРИДО́НУШКА СОЛНЦЕВОРО́Т** (Мак.: *Спиридоноушка Солнцеворот день повернёт*), **СПИРИДО́НЫ ПЕРЕВОРО́ТЫ** (Окт.: *Спиридоны Перевороты зимой-то. Там солнце-то на лето, земля на мороз, самая длинная ночь, самый короткий день*), **СПИРИДО́НЫ ПОВОРО́ТЫ** (Кологр., Мак.: *Спиридоны Повороты были, королюшечки <вид обрядовой выпечки> пекли в этот день; Спиридоны Повороты — зима на лето поворачивается, главный в году поворот*), **СПИРИДО́НЫ СОННОВОРО́ТЫ** (Окт.: *Спиридоны Сонновороты, спали больше с этого дня*).

31 декабря — 1 января —

НОВЫ́Й ГОД (Антр., Буйск.: *Бумажки под иконы клали в Новый год. Красную, белую и чёрную. Три бумажки свернём и положим на образа*).

Снимаем на Старый Новый год и выдернём. Я никогда красного не вытаскивала: то чёрной, то белой. Красный, говорят, самый хороший. А белый — средний будет год. Чёрный — плохой; На Новый год, бывало, стёкла сажией мазали: с Новым годом поздравляли. И вот до весны ждать, когда отмыть можно, Вохом., Кологр., Мак.: На Новый год заморозить в ложке воду. Если будут пузыри — к долголетию, ямка — к смерти, Меж., Парф., Чухл.: Мы и на Новый год своим на кладбище ёлочки приносили — свои же всё-таки, Шар.).

6 января — Канун Рождества Христова —

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ СОЧЕЛЬНИК (Буйск.: *В Рождественский сочельник кутью варили из пшеничного зерна. Теперь из риса варят с изюмом, а раньше больше из пшеницы, Парф.), СОЧЕЛЬНИК* (Буйск.: *Кутью на Рождество варили. Это пшеница в печке распарена с мёдом. И вот её едят. Но в Сочельник не ели до двенадцати [ночи], пока звезда не взойдёт на небе, Вохом.: День, в который не едят, — Сочельник. Не едят ничего, бúde <разве> только сочни. Он в Святки, не знаю точное число. Почему так назывался-то — сочни делали: тесто замесят, скут, сочни напекут, отсюда название Сочельник-то, Кад., К-С: На Сочельнике бегали, на реке камни доставали. Проруби раньше были на реке. Для смеху было. Кто какой камень вытасчит. Если корявый, значит, жених будет корявый, если гладкий, значит, жених хороший будет, Окт., Чухл.: Перед Рождеством был Сочельник — в бане нельзя было мыться, считали, что грешно в этот вечер ходить в баню, Шар.).*

6–7 января — Ночь перед Рождеством Христовым —

СТРАСТНАЯ НОЧЬ (Пав.).

7 января — Рождество Христово —

РОЖДЕСТВО (Антр., Вохом., Кад., Кологр., К-С, Мак.: *Рождество отмечали дома, каждый отдельно, Мант., Меж., Нерех., Окт.: Что услышишь под окнами, так от Рождества до Рождества проживёшь, Парф., Пыщ., С-Гал., Чухл., Шар.), РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО* (С-Гал., Чухл.), **РОЖЕСТВО** (Буйск., Вохом.: *Илию <подблюдную песню> поют начиная с Рождества и до Крещенья; В Рождество бегали — слушали: какой разговор, такая и жизнь; В Рождество колядовали, Кологр., Мак.: В Рождество медведем наряжались, покойником. Медведь в саже, страшной, по-медвежьи рёвкал. Если не поцелуешь медведя — пороли; В Рождество славили <пели обрядовые песни, славящие Христа>. Кто денежку, кто чего подаёт, Нерех., Окт.: В Рождество гадали — бегали слушали на дороге; В Рождество в сочельник мы всё вымоем, в избе помоем, всё приберёмся. Мама скажет: «Давай, допрядывайте охлёпки-ти! <остатки пряжи на веретене>» Дак новую кудёлю <мера льняной пряжи> на кёржовину <на мороз> надо выносить. Вот новую сделаешь кудёлю — на праздник, на Рождество,*

выносим на улицу эту прёсницу <прялку> с этим льном, и все эти дни, Рожество, прёсница на кўржовине; Рожество — дак калач стряпала мáтка <мать>. И идёт ребёнок ко хрёстной <крестной матери> с этим калачом. И хрёстная даёт ему подарок, Остр.: Рожество праздновали, собирались кучей, рядились, лядовáли <колядовали> ходили по домам, иногда чудíли <совершали ритуальные бесчинства>, Пав.: Снаряжёнков <ряженных> наряжать — кто что придумает, как смешнее. Ходят под окошком — слушают, что говорят, а придут — спляшут. В Рожество ходят да пугают, Парф., С-Слав.: В Рожество по домам ходили, песни пели, Чухл.: В Рожество ворожíли <гадали>: поднос [на котором жгли лучину] поднесут к стене, как прогорит лучина-то: на стене жених-то, такой силуэт; Перед Рожеством гадала, ставила зеркала, зеркало напротив зеркала, сидела, чтобы не мигать, Шар.: В гости ходили на Рожество, бегали, заворáживались <гадали>), **РОЖЕСТВÓ ХРИСТÓВО** (Шар.).

7–13 января — Время с Рождества Христова до Васильева вечера —

ВАСÍЛЬЕВСКИЕ ВЕЧЕРА́ (Пав.: Собирались все в васильевские вечера, перед Старым Новым годом. Собирались старухи, íльи <подблюдные песни> пели. Большие скопы народу были, старухи-то на переднем ряду сидели. В блюдо клали булавочки, серёжки, кто что. Старухи пели íльи-то, молодёжь тянула. Кому какая песня досталась; Страшн́ые вечера да крещёнские. Это вот с Нового года да с Рождества, а потом уж девятнадцатого Крещение было... Страшн́ые-те вечера перед Крещением. Страшн́ые вечера да васильевские вечера. Свят́ые вечера — это уже крещенское, уже последние. А сначала страшн́ые, ходят страшн́ые вечера. Васильевские — то же самое), **СВЯ́ТКИ** (Чухл.: Святки с 7 января неделю. В наёмной избе играли. Я не скажу, как всё называлось, но одними танцами дело не кончалось. Игры были разные, с ремнём, но вместо ремня потом ладоши. Отгадай, кто ударил), **СВЯ́ТОЧНАЯ НЕДЕ́ЛЯ** (Чухл.: В святочную неделю очень ждали прихода ряженных. Святочная неделя считается от 7 января до Старого Нового года), **СТРАШН́ЫЕ ВЕЧЕРА́** (Вохом.: Что нóней час страшные вечера, Что страшные вечера да васильевские, Окт., Пав.: Íлию <подблюдную песню> поют в страшные вечера — вечера с Рождества до 13 января, до Васильева вечера; считается, что вся нечисть в этот день активизируется. Íлия — гадание судьбы на целый год; Страшные вечера да васильевские. Илию, Илию. Ой, кому-то эта песенка достанется, Тому сбудется — не минуется), **ЦВЯ́ТКИ** (Чухл.).

7–19 января — Время с Рождества Христова до Крещения Господня —

СВЯ́ТКИ (Антр.: Были Святки. В эти дни все проказничали: поленницу заваливали, горох катали, пуговку на ниточке подвешивали и в окошко стучали, ряженками <ряженными> наряжались — надевали маску старика или старухи. Ряженные колядовать ходили, песни у домов пели;

Между Крещением и Рождеством были Святки. В эти дни молодёжь проказничала: поленницу разрушали, двери заваливали, в окна стучали; Святки тоже отмечали. Ходили и заваливали двери у домов — дрова там наваливали, чтоб хозяева не могли пройти. Двери замораживали ещё. Воды наливали, снег кидали, и получался лёд. Ещё можно было дрова растаскать по всей деревне; Сватались обычно только на Святки. Если жених собирается к кому-то свататься, то берёт родственников своих и во время Святков идёт, Буйск., Вохом.: Собирались на Святки. Гадали — женихов было надо, Кад., Кологр.: Однажды на Святки от Овсяниково до Красного Бора дорожку выложили из дров, вот так чудили, К-С, Мак., Мант., Меж., Нерех., Окт., Ост., Пав.: Сядешь кушать в Святки — первый жвак <жеванный ком пищи> положи под подушку. Жвак в тряпочку завернут и положат. Ну и жених приснится, Парф., Пыщ., С-Слав., Шар.), **СВЯТКІ** (Вохом.: После Святков-то надо кулешмэнцев-то <святочную нечистую силу> выгáнивать <выгонять>. Вот прорубь сделают, вечером все эти бабы идут, все черпают с креста, несут святую воду, прыскают, Нерех.: Во Святки поют íлею, Окт.: В Святки прéсть-то <прясть> не заставляли; Кулешмэнцы в Святки ходили. Нарядятся, пляшут; В Святки парни колоколец привяжут и звóнят, а старухи-то пере-крестятся да Богу молятся: «Кулешмэнцы пришли за грехи наказывать»; Пугают ими, кулешменцами: снаряжаются, шубы повыворачивают и идут. Погоняются за ребята́шками, пугают. На Святки снаряжа́лись, Остр., Пав.: Кулешмэнцы ездили на шкуре во Святки. Черті́ха возила ребёнка. Им надо было в воду прыгнуть до Крещенья. Скажут: «Плехань, на воду, плехань, на воду!» Они скорее в воду. Плеханáми попов звали, они воду освящали, Шар.: В Святки гадали: ночью принесём петуха, наладём зерна, воды нальём — чего петух клюнет, так такой и жених. Если вода, дак пьяница, если зерно, дак богатой; Во Святки наряже́нками <ряжеными> ходили),

8 января — Собор Пресвятой Богородицы —

РОЖДЭ́НЬЕ (Шар.: Рожденьё отмечали на второй день Рождества, 8 января получается. Это для беременных праздник), **РОЖЭ́НЬЕ** (Шар.: 7 января Рождество. Стряпают, пекут, столы накрывают. А второй день — Роженьё. Не работают, ничего не делают).

13 января — Канун дня свт. Василия Великого, архиеп. Кесарии Каппадокийской —

ВАСÍЛЬЕВ ВЭ́ЧЕР (Вохом.: Ворожить в Васильев вечер бегали, только нечётное количество ворожить могли; Самое сильное колдовство на Васильев вечер, это поминальный вечер, страшнóй; В Васильев вечер посылали: «Ищи на полу зёрнышко». Под стол вот лазили в избе. Если найдёшь зёрнышко, значит, год не голодный будет, Окт.: На Васильев вечер всё приглашали. Делали, собирали на стол и приглашали родителей <умерших предков>, померли которые дак. На стол собирали, вилки-ложки,

помолятся Богу, двери откроют: «Ну, идите, родители, идите, пообедайте с нами!», Пав.: *На Васильев вечер пели илюю; В Васильев вечер пекли пироги, поминали родителей, Шар.: В Васильев вечер голову свиную разбирают и едят*), **ВАСИЛЬЕВСКИЙ ВЕЧЕР** (Пав.: *Гадают на Новый год, илюю поют, собираются пожилые женщины, когда Васильевский вечер, 13 января*).

13 января — ? —

ПЕРВЫЙ ФЕДУЛ (Мак.: *13 января — Первый Федул. 26 февраля — Второй Федул. Придёт Федул — тепляк <теплый ветер> подул*).

13–19 января — Время с Васильева вечера до Крещения Господня —

ВАСИЛЬЕВСКИЕ ВЕЧЕРА (Окт.: *Это только когда илею пели, на васильевские вечера, где-то тут, неделю целую гадали, до Крещения, Крещение-то девятнадцатого [января]*), **КРЕЩЕНСКИЕ ВЕЧЕРА** (Пав.: *Васильевские вечера страшные, крещенские вечера святые*), **СВЯТАЯ НЕДЕЛЯ** (Пав.: *На Святой неделе припирали двери, закрывали трубу*), **СВЯТКИ** (Меж.: *Гадали на Святки: ходили по деревне и из трёх колодцев воду брали, выливали её в одну чашку или стакан, бросали какое-нибудь кольцо и в это кольцо глядели, там должен показаться суженый*), **СВЯТКИ** (Вохом.: *Святки с Васильева вечера до Крещения*), **СВЯТЫЕ ВЕЧЕРА** (Окт., Пав.: *В святые вечера только гадали, а в страшные и гадали, и колдовали*), **СЛУШАННЫЕ ВЕЧЕРА** (Окт.: *А с Нового-то году какие-то слушанные вечера. А вот гадают молодёжь-то — девки, парни; Пять-то слушанных вечеров. С Нового году и до Крещения*), **СТРАШНЫЕ ВЕЧЕРА** (Пав.: *Васильевские вечера, а после Нового года были страшные вечера*).

14 января — День свт. Василия Великого, архиеп. Кесарии Каппадокийской —

ВАСИЛИЙ ВЕЛИКИЙ (Мак.: *14 января Василий Великий. Пели: «Ходит Илья на Василья, Носит пугу житяную. Куда ни махнёт — Там жито растёт. А в поле, поле сам плужок, А за тем плужком сам Господь ходил, Дева Мария кушать носила, Кушать носила, Бога просила: “Зароди, Боже, жито, пшеницу, А в поле зерно, а в доме добро”. Сею-сею, посеваю, С Новым годом поздравляю»*), **ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО ДЕНЬ** (Антр.), **НОВЫЙ ГОД** (Окт., Чухл.: *После Нового года бывает игровой — так примерно в субботу. Почти весь вечер играют: ремнём девчонок вызывали в кут <в коридор>, кому какая понравится, — вызовут девку, там уж, может, они поцелуются или что. Остаётся девчонка с ремнём — она идёт выбирать жениха*), **СТАРЫЙ ГОД** (Окт.: *Во Старой год поминали тоже, четырнадцатого тоже, тоже собирали на стол, тоже поминали*), **СТАРЫЙ НОВЫЙ ГОД** (Антр., Буйск., Вохом., Кологр., Мак.: *В Старый Новый год старались, чтоб женщины не приходили. Первой пришёл парень или ребятишка. Мужик, парень, но не женщина, Меж., Нерех:*

Под Старым Новым годом с огарышем пойдёшь, какой первый мужик попадётся. Мне Саша попался — вышла за Сашу, Парф., Пыщ., Чухл.).

18 января — Канун Крещения Господня —

КРЕЩЁНСКИЙ СОЧЁЛЬНИК (Буйск.: *Был Крещенский сочельник, в него не ели, пока воду из церкви не принесут. Но это ко́ло <около> обеда, часа в два, Кад., Мак.: Стога ставили за домом, так ведь в Крещенский сочельник бабушки ходили собирали со стогов снег. Этот снег помогал от призо́ру <от сглаза>. Водичка эта целебная считалась, Пав.: На Крещенский сочельник пекли крестики <обрядовая выпечка в форме креста>, Парф.).*

19 января — Крещение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа —

КРЕЩЁНИЕ (Антр., Буйск.: *В Крещение бросали листок в воду, а она стоит. Течение останавливалось в этот день, Вохом., Кад., Кологр., Мак., Меж.: В Крещение если нет родника, то снег крещенский собирают, и он топится, Окт., Пав., Парф., Пыщ., С-Слав., Чухл.: Мама говорила: «Приходи в Крещение, будет угощение», то есть неважно кто, надо всех угостить в этот день; На Крещение за святой водой в церковь ходили, Шар.), **КРЕЩЁНЬЕ** (Буйск.: *В Крещенье все водоёмы святы. Мы побегим в двенадцать ночи на речку. Вода окрестилась. В прорубе наберём, поставим в доме, россветёт — самовар поставим, чай пьём с этой воды. Святая вода в каждом доме была, Вохом.: На Крещенье одежду на улице держать нельзя: смерть лопоти́ной <одеждой> утрётся, умрёт кто-нибудь, Кологр., К-С, Мак.: Крещиеньё — тогда и в реке святая вода, и в любом ключике святая. Крес <прорубь в форме креста> вырубали, Меж.: Говорили: «Крещенье — девушкам решенье», — потому что после Крещенья женились», Окт.: *В Вербное воскресенье или в Крещенье святой водой прыскивали всё, Пав.: На Крещиеньё пекли крестики, брызгали их святой водой, раскладывали в избе, во дворе; Крещиенье 19 января. Воду крестят в этот день, она святой считается. Крест мочат в воду. Больные места надо этой водой мазать, не выливать её просто так, лечиться ей, Пыщ., С-Гал., Чухл., Шар.), **КРЕЩЕНЬЁ** (Шар.).***

20 января — Собор Предтечи и Крестителя Господня Иоанна —

ИВА́НОВ ДЕНЬ (Мак.).

21 января — День прп. свт. Емелиана, еп. Кизического —

ЕМЕЛЬЯ́Н (Мак.), **ЕМЕЛЬЯ́Н ПЕРЕЗЫ́МНИК** (Мак.: *Емельян был, Емельян Перезимник. На Емельяна сказки рассказывали, делать нечего-то: «Мели, Емеля, твоя неделя». Сказка про Емелю в ходу у нас).*

29 января — Поклонение честным веригам ап. Петра —

ПЁТР ПОЛУКО́РМ (Мак.: *29 января — Пётр Полукорм, 6 февраля — Ани́сья Полузы́мница, Ани́сья Полухлёбница. Половина запасов съедена).*

- 31 января** — День свт. Афанасия Великого, архиеп. Александрийского —
АФАНА́СИЙ ЛОМОНО́С (Мак.: *Афанасий Ломонос, афанасьевские морозы. Серьёзные морозы*), **АФАНА́СЬЕВ ДЕНЬ** (С-Слав.).
- 1 февраля** — День прп. Макария Великого, Египетского —
МАКА́РИЙ (Мак.: *Какая погода на Мака́рьев день, такой и февраль. На Мака́рья метель, то и на Масленицу. Как ясный день — так и весна ранняя. А метель — так весь февраль будет мести*), **МАКА́РЬЕВ ДЕНЬ** (Кологр.: *Нико́льские морозы, потом креще́нские морозы, потом мака́рьевские морозы, это уж когда Мака́рьев день, в феврале*, Мак.: *В Мака́рьев день постятся, чтоб глаза не болели*, Чухл.).
- 6 февраля** — День прп. Ксении Миласской —
АНИ́СЬЯ ПОЛУЗЫ́МНИЦА (Мак.: *29 января — Пётр Полукорм, 6 февраля — Анисья Полузимница, Анисья Полухлёбница. Половина запасов съедена*), **АНИ́СЬЯ ПОЛУХЛÉБНИЦА** (Мак.).
- 8 февраля** — Перенесение мощей прп. Феодора, игумена Студийского, из Херсонеса Акритского в Константинополь —
ФÉДОР СТУДÉНЫЙ (Кад.: *На Фёдора Студёного покойники плачут по земле*).
- 10 февраля** — День прп. Ефрема Сирина —
ЕФРÉМИЙ (Парф.), **ЕФРÉМКА** (Парф.).
День прп. Феодосия Тотемского —
НЕДО́СЕВ ДЕНЬ (Парф.), **ФЕДО́СЬЕВСКАЯ** (Кологр.), **ФЕДО́ТЫ ЗАМЕТО́ТЫ** (Кологр.: *Федоты Заметоты 10 февраля. В этот день должна быть пурга, сильно мести*).
- 12 февраля** — Собор Вселенских учителей и свт. Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого —
ТРЕ́Х СВЯТЫ́Х (Мак.).
- 14 февраля** — День св. мч. Трифона —
ТРИ́ФОН КОЛОТÍЛО (Кад.: *Трифона Колотила — когда уж снег с деревьев сдувает*), **ТРИ́ФОНОВ ДЕНЬ** (Антр.).
- 15 февраля** — Сретение Господне —
ВСТРЕ́ТЕНЬЕ (Кологр., Окт.: *Встритеньё — встречается зима с весной. Встритеньё — большой праздник. Встречаются на небесах святые, Мать Божия да Христос*, Чухл.: *На Встретенье говорят: «Солнце на лето, зима на мороз». Если в этот день солнышко, тепло, то скоро весна, а мороз и всё такое — зима ещё будет, холодно*), **СРЕ́ТЕНСКАЯ** (Кологр.), **СРЕ́ТЕНЬЕ** (Вохом.: *Какое Сретенье — такая весна. Сре́тенские морозы — всегда обычно совпадает; Про сусёдка <домового> я расскажу*).

сейчас, как на самом деле. Если его увидишь, то надо обязательно спросить: «К добру ли, к худу ли?». Если не спросишь, значит, точно к худу. Дак он в каждом доме. У нас есть. Так-то сегодня у него день рождения. Так-то по идее тринадцатого это делается всё, перед Сретеньем. Надо ему оставить поесть-то, Кологр.: На Сретенье зима с летом встречаются, К-С, Мак.: 15 февраля — Сретенье: «Покров не лето, а Сретенье не зима». Рассаду в Сретенье сеяли. Как Сретенье солнечное, так весна ранняя. Тёмное (если метели) Сретенье — хлеба тёмные (мощные, густые). Бабку лепили, в неё снежками пуляли: «Мороз-мороз, Через тын не перерос! Бабу снежную унёс, Баба нос крючком, Получай снега ком!», Меж., С-Гал., Чухл.: На Сретенье зима с весной встречается, это когда день с ночью равняются), **СТРЁТЕНЬЕ** (Вохом.: На Стретенье зима с летом встречаются, Меж., С-Гал., Чухл.: Стретенские морозы на Стретенье, когда лето с весной встретилось), **УСТРЁТЕНСКАЯ** (Шар.), **УСТРЁТЕНЬЕ** (Кологр., Мак., Шар.).

18 февраля — День св. мчц. Агафии —

КОРОВАЯ СМЕРТЬ (Кад.: Боялися этого дня, Коровьей Смерти-то. Ходили в клев <хлев>, святой водичкой брызгали).

20 февраля — День прп. Луки Елладского —

ДЕНЬ ЛУКЪ (Мак.: В день Луки поминали его, пекли пироги с луком на Руси).

24 февраля — День свщмч. Власия, еп. Севастийского, и с ним двух отроков и семи жен —

ВЛАСИЙ (Кологр.: Власьевские морозы последние зимой, около Власия они).

26 февраля — ? —

ВТОРОЙ ФЕДУЛ (Мак.: 13 января — Первый Федул. 26 февраля — Второй Федул. Придёт Федул — тепляк <теплый ветер> подул).

29 февраля — День прп. Кассиана Римлянина —

КАСЬЯН (Кологр.: Нельзя на улицу выходить, Касьян на дворе. Встретишь глаз Касьяна — нешшастье, Парф.), **КАСЬЯН КРИВОЙ** (Кологр.: Касьян Кривой — страшный день, из дома не выходи. Если кто недвольный, говорят: «На тебя Касьян поглядел, что ли?»), **КАСЬЯН ОСТУДНЫЙ** (Шар.: Касьян остудный, на людей остуда <охлаждение в отношениях> находит).

2. Подвижные праздники и периоды осенне-зимнего цикла

Суббота перед Покровом Богородицы (14 октября) —

ПОКРÓВСКАЯ СУББÓТА (Пав.: *В Покровскую субботу покроеет землю снегом, ни грязи, никакого нету; Поминают ещё в Покровскую субботу*), **ПОМИНАЛЬНАЯ СУББÓТА** (Вохом.).

Неделя, на которую приходится Покров Богородицы (14 октября) —

ПОКРÓВСКАЯ НЕДЁЛЯ (Окт.: *На Покровской неделе муравíшчë <муравейник> брали и приносили: «Царь-муравей, дай силушки, здоровья, семейного благополучия!» — и это муравíшчë там в рукавицу положишь. У меня мама подсовывала, и я тоже, Пав.: На Покровской неделе закармливали <осуществляли обрядовое кормление> скотину*).

Первое воскресенье после Покрова Богородицы (14 октября) —

ХОРОБРÓВСКАЯ (Кад.: *Праздник был в Хоробровском³ и напротив, в Починах, друг к другу ездили; Хоробровская не в числах: если Покров в субботу, то Хоробровская в воскресенье, если Покров в воскресенье, то наш [праздник] в следующее; Хороброска только в трёх деревнях справлялась*).

Второе воскресенье октября — Всесоюзный день работников сельского хозяйства (1966–1986) —

ДЕНЬ КОЛХÓЗНИКА (Антр.).

Поминальная суббота перед днем вмч. Димитрия Солунского (8 ноября) —

ДИМÍТРОВСКАЯ СУББÓТА (Вохом.), **ДМÍТРЕВСКИЕ СУББÓТЫ** (Окт.), **ДМÍТРИЕВ ДЕНЬ** (Парф.: *Поминальная суббота, когда поминать ходят в церковь. Дмитриев день и зовут*), **ДМÍТРИЕВСКАЯ** (Окт.), **ДМÍТРИЕВСКАЯ РОДÍТЕЛЬСКАЯ СУББÓТА** (Кологр.), **ДМÍТРИЕВСКАЯ СУББÓТА** (Вохом., Окт.: *Дмитриевская-то суббота — поминальная перед Скорбящей, Пав.: В Дмитриевскую субботу — на кладбище. Носим больше рыбу и яйцо*), **МÍТРЕВСКАЯ СУББÓТА** (Окт., Пав.: *В Митревскую субботу родителей поминают*), **МÍТРЕВСКИЕ** (Пав.), **МÍТРИЕВСКАЯ СУББÓТА** (Вохом.), **МÍТРИЦКАЯ СУББÓТА** (Вохом., Окт.: *Баню нельзя топить вот в какие дни: в поминальные. В Трѳицкую субботу, потом Рáдоница, потом Митрицкая суббота — это перед Октябрьской — последняя, Пав.*), **МÍТРОВСКАЯ СУББÓТА** (Окт.: *В Митровскую субботу утопилих поминали, а удавленников не положено*).

³ Имеется в виду д. Хороброво Чернышевского сельского поселения Кадыйского района Костромской области.

Шестой день Святков —

ИГРОВО́Й (Чухл.: *После Нового года бывает игровой — так примерно в субботу. Почти весь вечер играют: ремнём девчонок вызывали в кут <прихожую>, кому какая понравится, — вызовут девку, там уж, может, они поцелуются или что. Остаётся девчонка с ремнём — она идёт выбирать жениха*), **ИГРОВО́Й ВЕ́ЧЕР** (Чухл.: *На Святках был игровой вечер, это был шестой вечер, там играли, пели: «Если будешь браковать <здесь: не соблюдать правила игры>, будешь веник / лапоть целовать»*), **ИГРОВО́Й ДЕНЬ** (Чухл.: *С 7 января ходили неделю в Трясево. На шестой день был игровой день, или игровой вечер, как ещё говорят. В этот день играли: глаза закрывали и узнавали, кто жених. А если поцеловаться или танцевать откажешься, то ремнём били; В игровой-то день ребята возьмут парня, а те [другие] ребята невесту возьмут — чтобы невесту достать, поцеловаться. Жених старается прыгнуть, а они далеко стоят. Ему нужно дотянуться, чтобы поцеловать*).

Неделя, на которую приходится Крещение Господне (19 января) —

КРЕЩЕ́НСКАЯ (Окт.: *Вот воде <модальная частица> сейчас-то Крещенская-то — и старую-то воду расплещут, а новую поставят. Вот и в баню унеси, и во двор унеси плесни плешечку. Я ко ключу взяла вон крещенскую воду, старую-то расплескать, а эту возьмёшь на этот день. В сочельник старую воду расплещёшь, а новую в Крещение возьмёшь. Вот чего говорят*).

Суббота перед Масленой неделей —

МЯСНА́Я СУББО́ТА (Вохом.: *Мясная суббота перед Масленицей бывает, родителей поминали; Мясная суббота, дак мясо надо исть, Окт.: Мясная суббота, там умерших всех поминают, до Масленицы. Удавленники поминаются только в Мясную субботу, а больше нельзя помять удавленников — что-то плохое случится; Перед Масленицей на могилах оставляют полотенце, кто удавился. А другим умершим другой раз баню топят, приглашают умерших; В последний раз мясо ели перед постом*), **ПОМИНА́ЛЬНЫЙ ДЕНЬ** (Окт.: *Поминальный день был, утопших и удавших <удавленников> поминают*).

Воскресенье перед Масленой неделей —

МЯСНО́Е ЗА́ГОВЕНЬЕ (Буйск.: *Перед Масленицей воскресенье — Мясное заговенье, жгли маленький костёр, сожигали мясо, это неделю последнюю мясо не ели. Мясное заговенье за неделю до Масленицы; Под горой свадьба венчается, а на горе свет кончается. Конец света в Мясное заговенье будет. А раньше в Мясное заговенье последние свадьбы были; Мясное заговенье — предпоследнее воскресенье перед Великим постом. Мясо кончалось, на Масленичной неделе уж мясо не ели, всё яйца, молоко, Пав., Парф.: *В Мясное заговенье венчали*), **МЯСОЕ́Д** (Пав.: *Было Мясное**

заговенья — Мясоед), **МЯСОПУ́СТНОЕ ЗА́ГОВЕНЬЕ** (С-Слав.: *Пёрвое заговенья — это Мясопустное называется, заговляються мясом*), **ПЁРВОЕ ЗА́ГОВЕНЬЕ** (С-Слав.).

Масленая неделя —

МА́СЛЕНИЦА (Антр., Буйск.: *Масленица по дням была. Допустим, два-три дня в Дьяконове, а потом в другой деревне уже катаются, и пироги пекут, и празднуют, Вохом., Кологр., К-С, Мак., Меж., Нерех., Окт.: Снег в Масленицу валит — так это грибной снег, Ост.: На Масленицу нужно ходить во всём неновом, потому что тебя обязательно измажут сажей. Мазали друг друга и дети, и взрослые, Пав., Парф., С-Слав., Чухл.: Были в Масленицу ещё Тёщины блины: помню, папа рассказывал, что они к тёще на блины ходили, Шар.*), **МА́СЛЕНКА** (Кологр.: *Как Масленка кончается, жгли чучело: «Будем ма́сленку сжигать!» Прыгали через костёр, Мак.: Масленка пройдёт, и на другой день начинается Великое говинье <Великий пост>; Яичницу делали на Масленку; В Масленку пекли пряжъё <жаренная в масле выпечка> на тагане на масле; В Масленку блины-ти пекут; Раньше в Масленку нарядят нас, и женихи повезут нас катать на кошёвё <небольшие пассажирские сани>; На Чистой понедельник пойдёте на месяц глядеть, это в Масленку, в воскресенье вечером; Масленка начиналась с понедельника и кончалась в воскресенье. В Масленку катались в кошёвках, Окт.: О Масленку не дай Бог помереть. Умирают только грешныё. Мама боялась о Масленку умереть; На Масленке умирают грешники, в Христов-от день — безгрешныё; Если ты на Масленке постираешь — гад в кринки валится, гад — мыши. Мыши-ти будут в молоко-ти, С-Гал.: После Масленки, как пост приходит, дома [ткацкий] стан ставили, Чухл., Шар.: А вот уж Масленку-то обязательно гуляли, тоже Широка Ма́сленица. Раньше Масленку-то вот гуляли, тоже два дня, три дня и до пятого. В Масленку катались, гулянья были где-нибудь), **МАСЛЁ́НКА** (Мак.: *Маслёнка пройдёт, и до самой Пáски <Пасхи> говиньё <пост> — молятся да говеть ходят*), **МА́СЛЕНЦА** (Вохом.), **МА́СЛИЧНОЕ** (Вохом.: *На Масличное катались на санях лошадиных в субботу, а в Великое Ма́сличное жгли ма́сленицу: возьмут шайку, корзину старую, в поле поставят и сожгут вечером*).*

Понедельник на Масленой неделе —

ВСТРЕ́ЧА МА́СЛЕНИЦЫ (Чухл.), **ЗА́ИГРЫШИ** (Нерех.: *Вся неделя разделена на Заигрыши, да на Тёщины блины, да ещё на что*), **ПЁРВАЯ МА́СЛЕНИЦА** (С-Слав.).

Вторник на Масленой неделе —

РАЗГУЛЯ́Й (Нерех.: *Разгуляй во вторник, Тёщины блины в пятницу, Широкая Ма́сленица в воскресенье*).

Среда на Масленой неделе —

ЗОЛÓВКИН ДЕНЬ (Меж.: Среда — Золовкин день, четверг — Тёшишины блины, в пятницу зять угощает тёшшу), **ЗОЛÓВКИНЫ ПОСИДÉЛКИ** (Окт.).

Четверг на Масленой неделе —

ТЁЩИНЫ БЛИНЫ́ (Меж.: Среда — Золовкин день, четверг — Тёшишины блины, в пятницу зять угощает тёшшу).

Пятница на Масленой неделе —

ТЁЩИНЫ БЛИНЫ́ (Нерех.: Разгуляй во вторник, Тёщины блины в пятницу, Широкая Масленица в воскресенье, Окт., Чухл.: Были в Масленицу ещё Тёщины блины: помню, папа рассказывал, что они к тёще на блины ходили).

Суббота на Масленой неделе —

ЗЯТЕВЬЯ СУББО́ТА (Нерех.: В субботу приглашали зятевёй, блины пекли. «Зятевья суббота», — говорили).

Воскресенье на Масленой неделе —

ВЕЛÍКОЕ МАСЛИЧНОЕ (Вохом.: На Маслишное катались на санях лошадиных в субботу, а в Великое Маслишное жгли масленицу: возьмут шайку, корзину старую, в поле поставят и сожгут вечером), **ВТОРА́Я МАСЛЕНИ́ЦА** (С-Слав.), **МАСЛЕНИ́ЦА** (С-Слав.: На Масленицу навáживали <привозили> соломы, и все молодые гуляли и в ней кувырдались <кувыркались>, играли), **МАСЛЕНИ́ЦА КАТУ́ЩАЯ** (Буйск.: Раньше называли Масленица Катущая — на лошадях катались), **МАСЛЕНКА** (Кад., Мак.: В Масленку чучело соломенное сделают, платом повяжут, поставят на пенёк. Сжигали чучело-то, Нерех., Чухл.: На Масленку все всегда давали дров, чтобы чучело жечь, а кто дров не давал, тому дрова ночью могли разложить), **МАСЛИЧНОЕ ВОСКРЕСÉНЬЕ** (Шар.: В Масличное воскресенье делали шалаи, таскали туда разный хлам, это как чучело. Вот и звали: будём жечь масленицу), **МАСЛЯ́НКА** (Мак.: В Маслянку костры жгли, мужики стоят в сторонке, а мы через костёр прыгаем), **ПРОЩА́ЛЬНОЕ ВОСКРЕСÉНИЕ** (Шар.: Прощальное воскресенье, а потом уж Великий пост, симь нидíль), **ПРОЩА́ЛЬНОЕ ВОСКРЕСÉНЬЕ** (Окт.: Проишальное воскресенье, проишаются друг с дружской: «— Ты меня прости! — Бог на проишение!»), Парф.: Прощальное воскресенье — это последнее воскресенье, ложатся спать, и все родные говорят друг другу: «Прости меня, грешную»), **ПРОЩА́ЛЬНЫЙ ДЕНЬ** (Окт.), **ПРОЩА́НОЕ ВОСКРЕСÉНЬЕ** (Окт.: Прощаное воскресенье было. Уж начинается говíнье <пост> — все друг дружску прощают), **ШИРО́КАЯ МАСЛЕНИ́ЦА** (Нерех.: Разгуляй во вторник, Тёщины блины́ в пятницу, Широкая Масленица в воскресенье. Ставили чучело на пригорок из соломы, хороводы водили).

Сокращения

В названиях районов Костромской области

Антр.	Антроповский	Нерех.	Нерехтский
Буйск.	Буйский	Окт.	Октябрьский
Вохом.	Вохомский	Ост.	Островский
Кад.	Кадыйский	Пав.	Павинский
Кологр.	Кологривский	Парф.	Парфеньевский
К-С	Красносельский	Пыщ.	Пыщугский
Мак.	Макарьевский	С-Гал.	Солигаличский
Мант.	Мантуровский	С-Слав.	Судиславский
Меж.	Межевойской	Чухл.	Чухломский
Нейск.	Нейский	Шар.	Шарьинский

Источники

ЛКТЭ — лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

Исследования

Кучко В. С., Сурикова О. Д. Народный календарь Костромского края. I : Весенне-летний цикл // Вопросы ономастики. 2025. Т. 22, № 1. С. 269–297. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2025.22.1.012

РНК — Атрошенко О. В., Кривошчапова Ю. А., Осипова К. В. Русский народный календарь : этнолингвистический словарь / науч. ред. Е. Л. Березович. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2015.

References

Atroshenko, O. V., Krivoshchapova, Yu. A., & Osipova, K. V. (2015). *Russkii narodnyi kalendar' : etnolingvisticheski slovar'* [Russian Folk Calendar: Ethnolinguistic Dictionary]. Moscow: AST-PRESS KNIGA.

Kuchko, V. S., & Surikova, O. D. (2025). Narodnyi kalendar' Kostromskogo kraia. I : Vesenne-letnii tsikl [Folk Calendar of the Kostroma Region. I : Spring-Summer Cycle]. *Voprosy onomastiki*, 22(1), 269–297. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2025.22.1.012

РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2026.23.1.010
УДК 821.161.1:81'373.23"17" + 821.161.1'373.42 + 82-95

Алексей Игоревич Попович

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории эдиционной археографии, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Уральский федеральный университет (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51)
E-mail: alexeyropowich@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0658-8795>

Антропонимы в русском XVIII веке: между литературой и реальностью

Рец. на кн.: Антропонимы в русской словесной культуре XVIII века / под ред. П. Е. Бухаркина, С. С. Волкова и Е. М. Матвеева. — СПб. : Институт лингвистических исследований РАН, 2023. — 584 с.

Аннотация

В рецензии рассматривается коллективная монография «Антропонимы в русской словесной культуре XVIII века», подготовленная международным коллективом ученых, отмечаются ее достоинства и недостатки. В настоящее время роль и функции антропонимов в русской словесности XVIII в., системные связи внутри соответствующего антропонимикона и его историческая динамика изучены явно недостаточно, что обуславливает ценность и новизну рецензируемого издания. Обращаясь к различным жанрам панегирической литературы, торжественной поэзии, драматургии, повествовательной литературы, официально-деловой письменности и др., авторы монографии выявляют общие и особенные механизмы функционирования антропонимов в эпоху формирования нового национального антропонимического канона и освоения европейского культурного тезауруса. Внимание исследователей сфокусировано на различных аспектах прагматики, референциальных связей, историко-культурной и собственно литературной обусловленности авторских и жанровых антропонимиконов в России на протяжении всего XVIII в. Книга содержит богатый лингвистический и статистический материал по отдельным жанрам и авторам, который будет востребован современной гуманитарной наукой. Однако

© Попович А. И., 2026

разные сферы антропонимии в словесной культуре XVIII в. освещены в работе с различной степенью полноты, а предшествующая литературная и риторическая традиция игнорируется или привлекается лишь спорадически, что делает спорным ряд выводов о новаторском характере литературного антропонимикона Нового времени. Несмотря на дискуссионность отдельных положений и отсутствие единой методологической основы, издание восполняет многие пробелы в изучении антропонимии XVIII в. и удачно объединяет методы и достижения различных исторических и филологических дисциплин.

Ключевые слова

антропонимия; литературная ономастика; русская словесная культура; русская литература; литературный жанр; референциальные связи имени; XVIII век

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00488П «Кризис ценностей и стратегии преодоления: идея “общего блага” в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)» (<https://rscf.ru/project/22-18-00488/>).

Для цитирования

Попович А. И. Антропонимы в русском XVIII веке: между литературой и реальностью // Вопросы ономастики. 2026. Т. 23, № 1. С. 232–241. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2026.23.1.010. Рец. на кн.: Антропонимы в русской словесной культуре XVIII века / под ред. П. Е. Бухаркина, С. С. Волкова и Е. М. Матвеева. — СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2023. — 584 с.

Рукопись поступила в редакцию 27.08.2025

Рукопись принята к печати 06.10.2025

Alexey Igorevich POPOVICH

PhD, Senior Researcher, Laboratory for the Study of Primary Sources; Associate Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Ural Federal University (51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia)

Email: alexeypopovich@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0658-8795>

Anthroponyms in the Russian 18th Century: Between Literature and Reality

Review of the book: Bukharkin, P. E., Volkov, S. S., & Matveyev, E. M. (Eds.). *Antroponimy v russkoi slovesnoi kul'ture XVIII veka* [Anthroponyms in the 18th Century Russian Verbal Culture]. St Petersburg: Institute for Linguistic Studies of the RAS, 2023. 584 p.

Abstract

This review examines the collective monograph *Anthroponyms in the 18th Century Russian Verbal Culture*, prepared by an international team of scholars, and notes its strengths and weaknesses. Currently, the role and functions of anthroponyms in 18th-century Russian literature, the systemic

connections within the corresponding anthroponymicon, and its historical dynamics are clearly understudied, which determines the value and novelty of the publication under review. The authors of the book address various genres of panegyric literature, ceremonial poetry, drama, narrative literature, official-bureaucratic writing, etc., and identify common and specific mechanisms of functioning of anthroponyms during an era marked by the formation of a new national anthroponymic canon and the assimilation of the European cultural thesaurus. The researchers' attention is focused on various aspects of pragmatics, referential connections, as well as the historical, cultural and literary conditionality of authorial and genre-based anthroponymicons in Russia throughout the 18th century. The book contains rich linguistic and statistical material on individual genres and authors that will be in demand by modern humanities scholarship. However, different spheres of anthroponymy in 18th century verbal culture are covered in the work with varying degrees of completeness, and the previous literary and rhetorical tradition is ignored or used only sporadically, which makes unconvincing several conclusions about the innovative character of the early modern literary anthroponymicon. Despite the debatable nature of certain propositions and the lack of a single methodological framework, the publication fills many gaps in the study of 18th century anthroponymy and successfully integrates the methods and achievements of various historical and philological disciplines.

Keywords

anthroponymy; literary onomastics; Russian verbal culture; Russian literature; literary genre; referential connections of the name; 18th century

Acknowledgements

This research was supported by the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00488P *The Crisis of Values and the Coping Strategies: The Idea of the "Common Wealth" in the Intellectual Discourse of Britain and Russia (1650–1750)* (<https://rscf.ru/en/project/22-18-00488/>).

For citation

Popovich, A. I. (2026). Anthroponyms in the Russian 18th Century: Between Literature and Reality [Review of *Antroponimy v russkoi slovesnoi kul'ture XVIII veka* ed. by P. E. Bukharkin, S. S. Volkov, & E. M. Matveyev]. *Voprosy onomastiki*, 23(1), 232–241. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2026.23.1.010

Received on 27 August 2025

Accepted on 6 October 2025

Коллективная монография «Антропонимы в русской словесной культуре XVIII века» является плодом работы научно-исследовательского семинара «Русский XVIII век», занятого изучением языка и литературной культуры эпохи. В основе книги лежат результаты научного проекта, поддержанного РФФИ (2018–2020). Среди авторов книги, помимо сотрудников Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург) и филологических факультетов СПбГУ и РГПУ им. А. И. Герцена, — исследователи из Германии, Италии и Польши.

Во введении к монографии ее авторы отмечают, что цель работы заключается в обнаружении «культурной и языковой специфики функционирования антропонимов в русской словесности XVIII века» (с. 4). В истории русской

литературной ономастики данная эпоха остается малоизученной, являясь при этом узловой для понимания закономерностей освоения русской культурой общеевропейского антропонимического культурного тезауруса (с. 7), с одной стороны, и формирования национального культурно-исторического «антропонимического канона»¹ — с другой.

Теоретические построения соседствуют в книге с многочисленными примерами и информативными очерками, посвященными антропонимиконам отдельных писателей и произведений исследуемого периода. Своего рода дополнением к рецензируемой книге служит подготовленный в 2022 г. частью того же коллектива «Словарь антропонимов в русской панегирической поэзии XVIII века» [Волков и др. 2022; см. также: Патроева 2023]. Продолжение удачно начатой работы по созданию словарей антропонимов XVIII в. можно только приветствовать. Нужно отметить, что, помимо изданных трудов, авторы разместили в открытом доступе датасеты антропонимов по жанрам в творчестве конкретных писателей, в основном первого ряда [Материалы проекта]. Эти данные частично вошли в табличном формате в рецензируемую коллективную монографию.

Говоря о литературной антропонимике как разделе ономастики, авторы книги ситуативно прибегают к разработанным в этой исследовательской области моделям, однако стремятся выработать свой подход, оправданный материалом и уникальной языковой и литературной ситуацией русского XVIII века. Собственно лингвистический аспект, хотя и представлен в книге, отодвинут на второй план, а основное внимание сосредоточено на референциальных связях литературной антропонимии с историей и культурой.

В антропоцентрическую эпоху, пришедшую на смену средневековому геоцентризму, использование антропонимов в художественных и публицистических текстах нагружалось новыми смыслами и интенциями. Называя то или иное имя, автор говорил со своим слушателем или читателем на языке известных ему категорий культуры или стремился приобщить его к ним. Очень часто имя открывало пространство для аллюзий и множественности толкований и не принадлежало исключительно к сфере языка или литературы. В отличие от более ранних этапов развития русской словесности функционирование антропонимов в каком бы то ни было тексте XVIII в. (литературном, фольклорном, официально-деловом и т. д.) определялось в первую очередь факторами, внеположенными тексту, творческому сознанию или

¹ Под антропонимическим канонам в книге понимается корпус имен «наиболее значимых для национального сознания исторических персонажей», который «нашел отражение в художественных текстах XVIII века» (с. 7).

риторической традиции *per se*: историческими, культурными, политическими, научно-образовательными, религиозными и др. Прочтение рецензируемой книги заставляет прийти именно к такому выводу, хотя некоторые из авторов монографии явно стремятся рассматривать текстопорождение XVIII в. как подчиняющееся прежде всего эстетическим задачам, в том числе задачам создания фикционального сюжета и литературных героев.

Монографический характер издания поддерживается его композицией: книга состоит из пяти разделов, хотя их выделение по хронологическому и проблемно-тематическому принципам носит скорее условный характер. В разных разделах авторы постоянно возвращаются к ключевым исследовательским проблемам, лежащим в области не только литературной антропоники, но и изучения литературной культуры XVIII в. в целом. Обращаясь к антропонимам и их истории в словесной культуре, авторы актуализируют общие для литературы этого времени проблемы жанрообразования, завершения эпохи риторической культуры («готового слова»), соотношения в художественном тексте реальности и условности, обновления художественной антропологии и др.

Содержание монографии слишком пестро и многопланово, чтобы подробно останавливаться на каждой главе, тем более что во введении достаточно точно сформулированы основные положения каждой главы. Сосредоточусь лишь на нескольких существенных проблемах функционирования антропонимов в XVIII в., сохранив логику составителей в последовательности изложения.

Первый раздел выделен по хронологическому принципу и посвящен литературе начала века. Во введении авторы оговаривают, что пользуются широкой трактовкой термина *антропоним*, поскольку в ряде случаев в сфере их внимания оказываются также мифонимы и теонимы. Библейские и античные антропонимы исследуются С. С. Волковым и А. Е. Трофимовым на материале проповеднического и панегирического творчества Стефана Яворского, Феофана Прокоповича и Гавриила Бужинского. Уже в этих первых главах обращает на себя внимание подчас навязчивое стремление ряда авторов рецензируемого труда на своем материале выявить новаторские приемы обращения к традиционному антропонимикону, описать различные модификации, переходы и трансформации, связанные с изменением культурных и общественно-политических реалий.

Представляется, что степень антропонимического новаторства Петровской эпохи в сравнении с традиционным церковным красноречием несколько преувеличена. Изучение литературы этой эпохи невозможно без обращения к текстам предшествующего времени (как минимум последней трети XVII в.).

«Фонд» библейских антропонимов вовсе не был нововведением церковной ораторской прозы петровского времени, как полагает С. С. Волков, ссылающийся в подкрепление своих выводов на работу В. М. Живова, который, конечно, не имел этого в виду (с. 39–40). Многие кажущиеся новаторскими для своего времени примеры употребления антропонимов, гомилетические и панегирические штампы в действительности вошли в отечественную традицию несколько раньше благодаря творчеству Симеона Полоцкого и других выходцев из Киево-Могилянской коллегии, сочинения которых были хорошо известны при царском дворе.

Решение задач, поставленных авторами этого раздела, осложняется также низкой степенью изученности и удручающей эдиционной ситуацией, сложившейся в советское время с церковной учительной литературой рубежа XVII–XVIII вв. (не говоря уже о невозможности цифрового корпусного поиска антропонимов, облегчившего бы эту задачу). Некорректны поэтому безапелляционные заявления об отсутствии в творчестве авторов Петровской эпохи тех или иных антропонимов, а также выводы об антропонимической частотности или времени первого употребления какого-либо антропонима. Это касается, например, ошибочного мнения о том, что имя пророка Нафана ни разу «не упоминается в проповедях и торжественных словах» Стефана Яворского (с. 47) [ср.: Попович 2024: 345]. Антропонимия словесности петровского времени, известной науке не в полном своем объеме, таким образом, требует от исследователей более ответственного отношения.

Уже в первом разделе прозвучали важные для монографии рассуждения о жанровой обусловленности появления антропонимов в литературном произведении. Следует отметить, что прагматика и функциональный потенциал антропонимов в научных, богословских, философских и исторических сочинениях существенно отличаются от тех, что присущи литературным и фольклорным текстам. В ученых произведениях введение в текст многочисленных антропонимов, как правило, было связано с передачей того или иного знания о мире. Общекультурный антропонимический тезаурус XVIII в. был невероятно велик, поэтому в сопоставлении с литературными и фольклорными текстами такие антропонимы обладают меньшим потенциалом для включения в культурный канон и обретения того символического статуса, который получали собственно литературные антропонимы. В частности, описанный Д. В. Рудневым в том же первом разделе богатый антропонимикон «Разговоров двух приятелей о пользе науки и училищах» В. Н. Татищева требует дифференцированного подхода, который позволил бы более точно отразить специфический статус того или иного антропонима в культурной ситуации 1730-х гг.

Еще один не очень удачный пример недифференцированного подхода к антропонимам представляет глава, написанная М. Г. Шарихиной и посвященная образам личностей допетровского времени в торжественной поэзии XVIII в. К сожалению, исследование по большей части свелось к перечислению деятелей и событий ранней русской истории, вошедших в исторические концепции отдельных авторов, применительно к проблемам генеалогии царского рода, престолонаследия, укрепления самодержавной власти и др. Непосредственно к антропонимике это имеет мало отношения, а, например, те места из поэзии Г. Р. Державина, которые можно было прокомментировать в контексте задач монографии, процитированы, но обделены вниманием: «Разстриги, Кромвели, Надиры, / Вельможи злые и цари»; «Отечества подпоры тверды, / Пожарский, Минин, Филарет» (с. 175) и др.

Второй и третий разделы рецензируемой книги охватывают комплекс проблем, связанных с бытованием антропонимов в текстах определенных жанров, при этом в фокусе внимания находятся произведения русского классицизма и более позднего времени. Жанровая прагматика торжественной поэзии и панегирической литературы, очевидно, обуславливает появление в текстах имен героев античности, библейской и национальной истории. Их введение в текст с целью создания положительного или отрицательного образа современников происходило при помощи многочисленных языковых и литературных приемов: сравнения, антономазии (*Голиафы*, *Нероны* и др.), перифразы (*Петров град* — о Петербурге, *Росския Минервы внук* — об Александре I; и т. п.), аллегории, антропонимических групп² и др. К сожалению, очень мало внимания в книге уделено проблеме заимствований употребляемых таким образом антропонимов из европейской риторической практики, их каналам и языковой специфике, а также адаптации конкретных антропонимов в типичных сравнениях (например, полководцев — с библейскими или античными персонажами).

Помимо воспроизведения имени и обращения к устойчивой образности, соименность часто привносила в литературный текст историко-культурный и идейный контекст времени, в котором функционировало имя. Панегирические жанры, устроенные по своим риторическим законам, находились в сильной зависимости от актуального контекста, поэтому исследование антропонимов в этих жанрах нередко приближается к интеллектуальной истории. Интерес для историков идей представляют, например, наблюдения

²См. соответствующие примеры в словарных статьях, посвященных отдельным антропонимам [Волков и др. 2022].

Е. М. Матвеева о сравнениях великого князя Константина Павловича с соименными византийскими императорами (с. 132–137).

Две главы книги посвящены русской классицистической трагедии, антропонимы в которой по сравнению с другим высоким жанром — одой — не столь многочисленны (с. 204–206). Референциальная функция³ имен в трагедии связана с происхождением того или иного сюжета, который мог заимствоваться из античной, библейской, национальной или какой-либо другой истории. Авторы, работавшие в панегирических жанрах, пользовались теми же источниками антропонимов. Однако, как верно отметил П. Е. Бухаркин, имена в трагедии «в очень большой степени освобождаются от своих референциальных связей и теряют собственную историческую конкретность» (с. 238), используются «в качестве знаков высокого и притом обобщенного смысла» (с. 243). Описывая механизмы текстопорождения и мимесиса, исследователь настаивает на вторичности внелитературных функций произведений по отношению к тем художественным задачам, которые ставил перед собой автор. В то же время П. Е. Бухаркин отмечает, что введение в текст вымышленных имен или, наоборот, внесценических исторических персонажей размывало границы между художественным и историческим. Вклад исторических ассоциаций в формирование семантики имени в каждом конкретном случае зависел не только от жанра, но и от авторского выбора, определяемого индивидуальными представлениями о литературе, общим уровнем литературной культуры и зависимостью от предшествующих риторических практик и топосов.

Безусловно, важны первичные количественные и качественные исследования антропонимов разного типа, проведенные авторами монографии на материале творчества отдельных писателей, в частности лирики Г. Р. Державина (глава, написанная М. В. Пономаревой), поэзии А. П. Сумарокова (исследование Н. А. Гуськова), творчества М. Н. Муравьева (авторства Л. Росси), «Путешествия в Кронштадт» П. И. Шаликова (исследование А. Ю. Тирапольской) и др.

Такой «авторский» подход, значимый прежде всего для истории литературы и исследования творчества писателя как единого целого, впрочем, имеет ряд недостатков и ограничений. В частности, вызывают недоумение попытки связать с индивидуальным творчеством вполне устойчивые в русской культуре коннотации исторических и других антропонимов. Пример тому — рассуждения Н. А. Гуськова о негативном отношении А. П. Сумарокова к Александру Македонскому (с. 423–426). Избираемые авторами

³ В рецензируемой книге этим термином обозначается прецедентность имени, его соотносимость с конкретным историческим лицом, мифологическим или литературным персонажем.

XVIII в. антропонимы тесно связаны с готовой риторической культурой предыдущих эпох. Отсутствие «в творчестве старших современников писателя» тех или иных коннотаций или антропонимических групп (например, пары *Калигула и Нерон*, с. 426–430) вовсе не говорит о том, что они проникли в отечественную поэтическую культуру именно благодаря творчеству Сумарокова. Предшествующая литературная и историческая традиция, на которую опирался в своих оценках Сумароков, в этом и во многих других случаях совершенно обойдена вниманием. То же касается и истории использования панегирического сравнения идеального правителя с Октавианом Августом, которая в этой главе почему-то начинается с В. К. Третьяковского (с. 430). Выводы о том, что такого рода антропонимы использовались в силу их топонимического характера, все же нуждаются в подкреплении и другими литературными данными.

Прагматика антропонимии исследуется в сборнике также на материале других сфер словесности и речевой культуры, например в аспекте выбора обращения в личной переписке (с. 294–306) и устном общении (с. 557–566) или способа номинации субъекта (в частности, в официально-деловой письменности). Любопытен с этой точки зрения предпринятый Д. В. Рудневым анализ использования различных именованных Емельяна Пугачева в документах, созданных им самим (или от его лица) под именем Петра III, а также в материалах следственного дела.

Нельзя сказать, что в книге недостаточно внимания уделено литературной антропонимии в фикциональных текстах XVIII в. (см., например, главы, посвященные антропонимам в сказочных комических операх — А. В. Шиян; «Сказке о царевиче Хлоре» Екатерины II — А. Варда; сочинениях Н. М. Карамзина — А. Ю. Тираспольская). Однако антропонимы, освобожденные или стремящиеся освободиться от каких-либо исторических ассоциаций, требуют своего подхода, учитывающего как писательские намерения, так и законы художественности рассматриваемой эпохи. Имя и художественный образ в подобных текстах выступают дополнением друг друга, обращение к имени всегда больше литературного приема (например, конструирование автором «говорящих» имен: *Пленира*, *Миловзор* и пр.; а также использование реальных, но принадлежащих иному культурному контексту имен в произведениях на древнерусские или восточные сюжеты, с. 219), а образ не равновелик культурному потенциалу прецедентного имени. Выбирая имя из ряда других, писатель проделывает сложную работу с тем самым «фондом» имен, учитывая множество культурных и семантических оттенков. Выявление механизмов и техники этой работы — задача для будущих исследователей литературной ономастики XVIII в.

К сожалению, в книге отсутствует заключение с выводами и обобщениями, а введение и отдельные авторские разделы не всегда содержат достаточные методологические пояснения. Конечно, в коллективных трудах не всегда целесообразно вырабатывать единый научный язык описания, но чуть бóльшая строгость в формулировках (особенно тогда, когда затрагиваются собственно лингвистические аспекты функционирования антропонимов) пошла бы изданию на пользу. И все же многоаспектность издания является его достоинством, а не недостатком. Книга вносит существенный вклад в историко-культурное изучение антропонимов XVIII в. Сопряжение различных методов и подходов историко-филологической науки позволило авторскому коллективу впервые создать многомерную картину, отражающую бытование антропонимов в русской словесной культуре имперского времени.

Источники

- Волков и др. 2022 — Словарь антропонимов в русской панегирической поэзии XVIII века / науч. ред. С. С. Волков, Е. М. Матвеев, М. Г. Шарихина. СПб. : ИЛИ РАН, 2022.
- Материалы проекта «Антропонимы в русской словесной культуре XVIII века (историко-литературный и лингвистический аспекты)» // Русский XVIII век : научно-исследовательский филологический семинар : [сайт]. URL: <https://18vek.spb.ru/projects> (дата обращения: 13.08.2025).

Исследования

- Патроева Н. В. Рец. на кн.: Словарь антропонимов в русской панегирической поэзии XVIII века / С. С. Волков, С. С. Дубова, Н. В. Карева, Н. А. Кузнецова, Е. М. Матвеев, А. С. Смирнова, А. Е. Трофимов, М. Г. Шарихина ; науч. ред. С. С. Волков, Е. М. Матвеев, М. Г. Шарихина. СПб. : ИЛИ РАН, 2022. 352 с. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 84. С. 272–280. <https://doi.org/10.17223/19986645/84/15>
- Попович А. И. Непроизнесенная проповедь Стефана Яворского на день Иоанна Златоуста, 13 ноября 1708 г.: текст и комментарии // Археография и источниковедение Сибири. 2024. Вып. 1 (43). С. 336–353. [https://doi.org/10.31518/3034-2597-2024-1\(43\)](https://doi.org/10.31518/3034-2597-2024-1(43))

References

- Patroeva, N. V. (2023). [Review of the book: Volkov, S. S. et al. *Dictionary of Anthroponyms in Russian Panegyric Poetry of the 18th Century*. St Petersburg: Institute for Linguistic Studies of the RAS, 2022. 352 p.]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 84, 272–280. <https://doi.org/10.17223/19986645/84/15>
- Popovich, A. I. (2024). *Neproiznesennaia propoved' Stefana Yavorskogo na den' Ioanna Zlatousty, 13 noiabria 1708 g.: tekst i kommentarii* [An Undelivered Sermon of Stefan Yavorsky on the Day of John Chrysostom, November 13, 1708: Text and Commentary]. *Arkheografiia i istochnikovedenie Sibiri*, 1, 336–353. [https://doi.org/10.31518/3034-2597-2024-1\(43\)](https://doi.org/10.31518/3034-2597-2024-1(43))

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ACADEMIC CURRICULUM

КОНФЕРЕНЦИИ, СЪЕЗДЫ, СИМПОЗИУМЫ

https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2026.23.1.011

XXIII Международная научная конференция «Ономастика Поволжья» в Астрахани

1–3 октября 2025 г. на базе кафедры русского языка факультета филологии и журналистики Астраханского государственного университета им. В. Н. Татищева (АГУ), под эгидой Российского общества преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ) состоялась XXIII Международная научная конференция «Ономастика Поволжья». Организационную и методическую помощь на этапе подготовки и проведения конференции оказал Волгоградский государственный социально-педагогический университет (ВГСПУ) в лице председателя постоянно действующего оргкомитета конференций «Ономастика Поволжья», профессора В. И. Супруна. Астраханский оргкомитет возглавляла М. Л. Лаптева — и. о. декана факультета филологии и журналистики АГУ.

Конференция «Ономастика Поволжья» в Астрахани поддержала и укрепила традиции проведения научных встреч отечественных и зарубежных ономастологов, заложенные еще в 1967 г. крупным советским ученым В. А. Никоновым. На торжественном открытии конференции прозвучали слова начальника управления научной и инновационной политики АГУ Е. В. Давыдовой, профессора ВГСПУ В. И. Супруна, директора Института языка и литературы Северо-Казахстанского университета им. М. Козыбаева Е. В. Сабиевой. Кроме того, в адрес конференции поступили приветствия президента МАПРЯЛ и РОПРЯЛ В. И. Толстого и почетного профессора Витебского государственного университета им. П. М. Машерова А. М. Мезенко.

В соответствии с программой конференции было проведено два пленарных заседания, работу осуществляли семь секций: «Общие вопросы ономастики», «Антропонимика», «Топонимика», «Литературная ономастика», «Онимическое пространство города и региона», «Методические аспекты ономастики», «Онимы в искусстве, науке и СМИ».

Всего в конференции приняли участие 142 исследователя, представляющих высшие учебные заведения 33 российских городов и четырех зарубежных стран (Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Узбекистан, Республика Туркменистан). Кроме того, к конференции присоединились сотрудники институтов

РАН: Института лингвистических исследований, Института языкознания, Института славяноведения, Института русского языка им. В. В. Виноградова, Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения.

К началу конференции опубликован сборник материалов [Ономастика Поволжья 2025].

В первый день работы конференции на пленарном заседании было заслушано пять докладов. Право выступить первым было предоставлено члену-корреспонденту РАН *С. А. Мызникову* (Москва), который сделал обзор языковых материалов по мерянской ономастике — одной из дискуссионных областей в рамках мерянской проблематики в целом. Базируясь на разнообразных источниках, исследователь продемонстрировал результаты сопоставительного анализа ряда топонимических единиц, которые толкуются неоднозначно. В частности, это касалось топонимов, которые имеют в составе тождественные с мерянскими компоненты названий, отсутствующие в марийском языке, но наличествующие в прибалтийско-финском языковом материале.

И. Н. Кайгородова (Астрахань) выбрала в качестве объекта исследования названия садов, парков и скверов, располагающихся на территории Астрахани. Из доклада собравшиеся смогли узнать о том, как смена культурно-исторических формаций повлияла на процессы переименования данных городских объектов.

Особенности интерпретации городской топонимии (на примере города Екатеринбурга) в русле концепции города-текста обозначила *М. В. Голомидова* (Екатеринбург). В центре внимания докладчика находился урбанонимический ландшафт, т. е. полисемиотические урбанонимические микротексты, способные транслировать значимые для города культурные смыслы. Исследовательница подчеркнула, что количество подобных микротекстов в городской среде неуклонно растет из-за активного включения в городское пространство различных визуальных форм уличного искусства.

Доклад *О. В. Шкуран* (Москва) был посвящен вопросу формирования луганских агонимов-ойконимов как части русского сакрального ономастикона. Исследовательница представила классификацию агонимов-ойконимов Среднего Подонцовья, восходящих к именам святых и названиям церковных праздников.

Завершилось первое пленарное заседание докладом *В. И. Супруна* (Волгоград), который раскрыл законы экономии речевых усилий и эмоционально-эстетического расширения, реализуемые в коммуникации, на материале антропонимии, где часто используются гипокористические формы имени, и ойконимии, для которой характерно сокращение ойконима путем афрезы, апокопы и синкопы.

Насыщенной была научная программа двух секций, заседавших в первый день конференции.

На секции «Общие вопросы ономастики» были заслушаны доклады, затрагивающие вопросы документирования урбанонимов (*Е. В. Ковшикова*, *И. В. Шиндряева*, Волгоград), использования онима в качестве инструмента брендинга продукции (*А. С. Коваленко*, *В. В. Робустова*, Москва), словарной презентации

онимов (*Е. В. Арутюнова*, Москва; *Е. В. Генералова*, Санкт-Петербург; *А. С. Щербак*, Тамбов), нормативно-правовых аспектов онимизации в условиях цифровизации (*В. И. Мозговой*, Донецк) и применения цифровых методов изучения ономастикона (*А. В. Дмитриев*, Санкт-Петербург).

На секции «А н т р о п о н и м и к а» выступили ученые, сосредоточившие внимание с позиций синхронии и диахронии на различных типах антропонимов, функционирующих в мультикультурном пространстве (*З. Р. Аглева*, Астрахань; *И. А. Кудряшов*, Краснодар), в отдельных региональных пространствах (*Ж. К. Гапонова*, Ярославль; *Я. В. Мызникова*, Санкт-Петербург; *Е. В. Цветкова*, Кострома; *И. И. Эфендиев*, Махачкала), в публицистическом дискурсе (*В. А. Мельничук*, Санкт-Петербург; *М. А. Фирсова*, Астрахань) и в дискурсе компьютерных игр (*В. П. Суханов*, Москва), в разных лингвокультурах (*А. В. Цепкова*, Новосибирск). В докладе *Т. В. Федотовой* (Краснодар) раскрыт двойственный характер (актуальный и потенциальный) русских антропонимов в речи; в докладе *В. В. Корневой* (Воронеж) — потенциал трансонимизации как способа расширения ономастического пространства языка. *М. В. Сомова* (Рязань) подняла вопрос об употреблении имен собственных в качестве каронимов — наименований кораблей русского флота; *Г. Н. Ягафарова* (Уфа) — о функционировании имен собственных в башкирских пословицах.

В течение всего второго дня работы конференции шли секционные заседания.

Секция «Т о п о н и м и к а» объединила исследователей географических названий. В докладах были представлены результаты изучения генезиса ойконимов разных регионов (*М. И. Сулейман*, Волгоград; *С. А. Попов*, Воронеж) и такого вида ойконимов, как комонимы (*М. В. Веклич*, Астрахань); поднимались проблемы словообразовательного потенциала топонимов (*Ю. А. Южакова*, Рязань), заимствования и последующего переосмысления ряда топонимов (*О. В. Петешова*, Калининград; *А. А. Герцен*, Москва). О нормализации топонимов в Государственном каталоге географических названий рассказал *И. А. Дамбуев* (Улан-Удэ).

В секции «Л и т е р а т у р н а я о н о м а с т и к а» прозвучали доклады, посвященные функционированию имен собственных в текстах русских писателей и поэтов разных эпох: *Б. Васильева* (*А. А. Бурченкова*, Смоленск), *В. И. Белова* (*Н. В. Комлева*, Вологда), *А. Блока* (*А. А. Шульдишова*, Москва), *С. Парнок* (*Л. В. Спесивцева*, Астрахань); *А. Матвеевой* (*Н. Д. Стрельникова*, Санкт-Петербург); волгоградских писателей *Е. Ю. Лукина* и *Б. П. Екимова* (*В. В. Дащинский*, Волгоград); зарубежных писателей: *Эдит Уортон* (*М. П. Кизима*, Москва), *Джорджа Р. Р. Мартина* (*Ю. Р. Назаренко*, Горловка) и др.

На секции «О н и м и ч е с к о е п р о с т р а н с т в о г о р о д а и р е г и о н а» обсуждались проблемы региональной эргонимии (*Ю. А. Васильева*, *Г. Н. Горлова*, Астрахань; *Е. В. Веденеева*, *Н. И. Данилина*, Саратов) и урбанонимии (*Т. П. Романова*, Самара). Особенности функционирования онимов в самарских говорах раскрыла в своем докладе *Т. Е. Баженова* (Самара). *Н. В. Бубнова* (Смоленск) предприняла попытку выделить имена, которые являются ономастическими маркерами единого русского национального культурного пространства. Современные подходы

к лексикографированию имен собственных, функционирующих в городском онимическом пространстве, были изложены в докладе *Р. В. Разумова* (Ярославль).

В небольшой по количеству докладчиков секции «Методические аспекты ономастики» состоялся научный диалог вокруг вопросов использования онимических единиц в процессе обучения русскому языку как иностранному (*Е. Н. Бадалова*, Астрахань) и английскому языку (*Е. В. Сабиева*, *М. Е. Какимова*, Петропавловск, Казахстан), в системе образования полиэтничного региона (*М. Р. Багомедов*, Махачкала).

На секции «Онимы в искусстве, науке и СМИ» были затронуты проблемы ренейминга в современных геополитических условиях (*М. Е. Новичихина*, Воронеж; *И. А. Паневина*, Смоленск). О специфике этнонимов и мифонимов в статье *Г. З. Байера* «Origines Russicae» собравшиеся узнали из доклада *С. О. Горяева* (Екатеринбург), о языковых моделях кинонимов в видеороликах — из доклада *Е. Е. Завьяловой* (Астрахань), об именах собственных компьютерной игры «Вангеры» — из доклада *И. А. Михайлина* (Волгоград).

На заключительном пленарном заседании с докладами выступили представители разных ономастических школ. *В. М. Калинин* (Горловка) обозначил отдельные направления изучения поэтонимологией собственных имен, функционирующих в произведениях *В. Хлебникова*. *М. Л. Лаптева* (Астрахань) представила культурно-языковую палитру современного регионального антропонимикона на примере Астрахани и Астраханской области. *Н. В. Ланге* (Смоленск) описала способы введения естественных и искусственных имен героев на материале текста романа *Е. Г. Водолазкина* «Авиатор». Ономастические особенности и культурные аспекты языкового пространства Самары осветил в своем докладе *Э. А. Гашимов* (Самара).

После подведения итогов работы секций председателями и принятия резолюции состоялась торжественная передача знамен международной конференции следующему организатору. В 2026 г. традиционное научное мероприятие пройдет в Самарском национальном исследовательском университете им. академика *С. П. Королева*.

Исследования

Ономастика Поволжья : сб. материалов XXIII Междунар. науч. конф. «Ономастика Поволжья» (Астрахань, 1–3 октября 2025 г.) / под ред. *В. И. Супруна*, *М. Л. Лаптевой*, *О. Ю. Космачевой*. Астрахань : АГУ, 2025.

References

Suprun, V. I., Lapteva, M. L., & Kosmacheva, O. Yu. (Eds.). (2025). *Onomastika Povolzh'ia: sbornik materialov XXIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Onomastika Povolzh'ia" (Astrakhan', 1–3 oktiabria 2025 g.)* [Onomastics of the Volga Region: Collection of Materials

of the XXIII International Scientific Conference “Onomastics of the Volga Region” (Astrakhan, October 1–3, 2025)]. Astrakhan: AGU.

М. Л. Лантева

доктор филологических наук, доцент
Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева
Астрахань, Россия
hohlina2004@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2412-1299>

В. И. Супрун

доктор филологических наук, профессор
Волгоградский государственный социально-педагогический университет
Волгоград, Россия
suprun@vspu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2489-9199>

https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2026.23.1.012

**III Международная научная конференция
«Современные проблемы ономастики»:
к 90-летию со дня рождения В. П. Лемтюговой
(11–12 декабря 2025 г., Минск, Республика Беларусь)**

Лингвистические конференции, посвященные только ономастике, нечасто встречаются в отечественном и мировом научном пространстве. Тем приятнее увидеть развитие целой серии научных событий в столице Республики Беларусь Минске — под эгидой Национальной академии наук Беларуси. Ученых-ономатологов для интеллектуального общения собрал Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы (в его рамках — Институт языкознания им. Якуба Коласа). В приветственных словах от лица хозяев к участникам конференции обратились ученый секретарь Отделения гуманитарных наук и искусств НАН *О. С. Юшкевич*, директор Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН *О. Н. Попко* и директор Института языкознания им. Якуба Коласа *И. Л. Копылов*. Приветственное слово от гостей конференции взяла *М. В. Пименова* (Санкт-Петербург, Россия).

С благодарностью укажем, что *И. Л. Копылов* был основным движителем, руководителем и гостеприимным хозяином конференции, а за множество технических вопросов отвечала заведующая отделом лексикологии и лексикографии института *Е. Н. Лантёнок*.

В качестве рабочих языков конференции были заявлены все славянские языки и английский, фактически большая часть докладов прошла на белорусском языке, на втором месте по частотности оказался русский язык, на третьем — английский.

Пленарное заседание началось сразу после приветственных выступлений. *И. Л. Копылов* (Минск, Республика Беларусь) открыл научную часть заседания докладом о роли, которую сыграла Валентина Петровна Лемтюгова в развитии белорусской ономастической школы. Затем слово было передано гостям конференции. *Ю. В. Вайрах* (Иркутск, Россия) представила доклад «Семантико-стилистическая характеристика антропонимов с корнем *род-*». От китайской делегации выступила *Ли Лин* (Сиань, КНР) с докладом «Кросс-культурное исследование мотивации, стратегий и формирования идентичности при заимствовании иностранцами китайских имен». *Ю. А. Васильева* (Астрахань, Россия) озаглавила свой доклад «Роль астраханской эргонимии в формировании и поддержании городской идентичности»; вынесение этой темы на пленарное заседание продемонстрировало интерес организаторов к самым разным областям ономастического поля. *М. В. Пименова* (Санкт-Петербург, Россия) выступила с докладом на тему «Теонимы *Волос / Велес* в топонимике, астронимике и онимиконе нечистой силы». *В. К. Мороз* (Минск, Республика Беларусь) представила доклад, выполненный в историческом ключе, — «Городское онимное пространство на страницах белорусского летописания», в котором особое внимание было уделено названиям городов.

Далее конференция продолжила работу в секционном режиме, некоторые доклады были представлены онлайн, но большая часть выступлений состоялась в очной форме. Секция 1 получила название «*Ономастика и национальная культура*». *И. О. Гапоненко* (Минск, Республика Беларусь) представила выполненный в исторической перспективе (вплоть до современных никнеймов) доклад «*Ономастическая самопрезентация белорусов XIX — начала XX в.*». Автор настоящего обзора выступил с подготовленным совместно с *Е. Э. Ивановой* (Екатеринбург, Россия) сообщением «*Номинативные системы в хремотонимии*» — на материале русских названий алмазов и бриллиантов. *И. В. Калита* (Усти-над-Лабем, Чехия) обратилась к анализу памятников письменности в докладе «*Онимическое пространство белорусских земель в зеркале собственных имен иезуитов Полоцкого коллегіума*». *И. Л. Копылов* (Минск, Республика Беларусь) выступил с докладом «*Онимическая лексика в рукописном “Белорусском словаре” С. Медведского*». Историк *В. С. Поздняков* (Минск, Республика Беларусь) представил доклад «*Древнейшие названия улиц Вильни (XV–XVI вв.)*». Доклад *Хоу Минчжу* (Сиань, КНР) носил название «*Исследование культурной семантики собственных имен эмоций, кейс “Generosity” (Щедрость)*».

Секция 2 была озаглавлена «*Ономастическое пространство сакрального и художественного текста*». В ней преобладала «художественная» тематика. *Т. П. Борисюк* (Минск, Республика Беларусь) представила доклад «*Антропонимическое литературоведение, современная белорусская поэзия Татьяна*»; следует отметить, что докладчица известна и как ученый, и как поэт, и как ведущая музыкально-поэтических вечеров «*Татьянин день*». *Л. В. Глушицкий* (Минск, Республика Беларусь) в своем докладе обратился к теме «*Поэтическая семантика собственных имен в драматических произведениях В. Голубка*» (Владислав Голубок — один из основателей национального белорусского театра, погибший в репрессиях 1937 г.). *М. В. Пименова* и *А. А. Родичева* (Санкт-Петербург, Россия) представили доклад «*Мир в зеркале онимикона “Сказки о царе Салтане” А. С. Пушкина*». Материал русской литературы выбрала для своего доклада «*Топонимы в комедии А. Н. Островского и П. М. Невежина “Старое по-новому”*» *Е. В. Цветкова* (Кострома, Россия). Материал неславянского языка рассмотрела *А. А. Скрябина* (Якутск, Россия) в докладе «*Семантическая мотивированность имен невест богатырей в якутском олонхо*». *С. Е. Богуш* (Минск, Республика Беларусь) выступила с докладом о собственных именах не в художественных, но в деловых книгах: «*Некоторые особенности употребления антропонимов в канцелярских документах 1920–1930-х гг. (на материале пособий и инструкций по делопроизводству)*».

Ономастический материал в сакральном аспекте был представлен в трех выступлениях. *П. С. Басальга* (Минск, Республика Беларусь) предложила доклад «*Библейские ономастические биномы, или Размышления об Адаме и Еве*». *И. В. Будько* (Минск, Республика Беларусь) и *Авад Зейнаб* (Минск, Республика Беларусь) участвовали в конференции с темой «*Древнегреческие топонимы Тир и Сидон (Τύρος και Σίδων) в восточнославянских переводах канонических текстов: генезис и функциональный*

аспект». *М. П. Кажарнович* (Братислава, Словакия) и *А. Л. Садовская* (Минск, Республика Беларусь) представили доклад «Коннотативный потенциал онама в паремно-логическом контексте».

Второй день работы конференции также был отдан секционным заседаниям. Секция 3 получила название «Теория и методология ономастических исследований». Блок докладов представили белорусские коллеги. *В. В. Мартысюк* (Минск, Республика Беларусь) выступил с докладом «Источники по истории ономастики в работе Е. Карского “Белорусы”» (проф. Евфимий Карский — основоположник научного изучения белорусского языка и литературы). *И. В. Будько* (Минск, Республика Беларусь) обратилась к проблематике этимологической и литературной традиции в докладе «*Краниево место vs. Лобное место*: к переводу греч. $\rho\eta\phi\iota\omicron\nu\tau\omicron\varsigma$ в восточнославянских Евангелиях-апракосах». *Т. Н. Олиферчик* (Минск, Республика Беларусь) сосредоточилась на вопросе о различиях ложной и народной этимологии и сделала доклад «Понятие “народная этимология онама” в восточно- и западнославянской топонимике».

Еще один блок выступлений был представлен коллегами из Китая: *Ли Цин* (Сиань, КНР) в докладе «Обработка естественного языка для решения ономастических задач: применение, проблемы и перспективы» волновали вопросы технологии *Natural Language Processing*, взаимодействия между компьютером и естественным языком. В докладе *Лю Тун* (Сиань, КНР) «Изучение роли ономастики в преподавании языков в Китае: повышение кросс-культурной восприимчивости с помощью имен собственных» ономастическая проблематика рассмотрена в педагогическом ключе (в англоязычном названии доклада использован термин *cultural awareness*). *Чжан Чжунэн* (Сиань, КНР) выступил с докладом «Проблемы именования участников в исследовании качества изучения языка».

С юридической точки зрения подошел к ономастическому материалу *Т. Н. Одинаев* (Узбекистан) с докладом «Нормативно-правовая база формирования и функционирования белорусского и узбекского урбанонимиконов». В работу секции был также включен студенческий доклад: *Д. О. Кузьмина* (Самара, Россия) выступила с темой «Использование ономастических единиц в публикациях спецпроекта “Губернская летопись” интернет-издания “Другой город”».

Секция 4 «Актуальные вопросы исследования региональных ономастиконов» включила четыре выступления, в целом следующие топонимической проблематике. *Д. Г. Марченко* (Витебск, Республика Беларусь) выступила с докладом «Семантическая группа “болота” в системе топооснов ойконимов Витебщины». *О. Ю. Радзюль* (Витебск, Республика Беларусь) представила доклад «Названия типов поселений и их частей в микротопонимии белорусского Поозерья и Полесья». *А. В. Трофимчик* (Минск, Республика Беларусь) сделал доклад на тему «Населенные пункты Круговицкой гмины: реестр и статус, варианты названия, текущее состояние». *М. С. Теikin* (Мелитополь, Россия) выступал на белорусском языке с докладом «Ономастическая смежность в Понеманье (на примере названий города Новогрудка)».

В целом хотелось бы отметить, что редкая для международных лингвистических конференций собственно ономастическая проблематика была представлена в ходе этого научного собрания в самых разных аспектах: этимология, историческая ономастика, синхронные исследования, топонимика, имя в литературе и мн. др. Как следует из названия, это уже третья ономастическая конференция в Национальной академии наук Беларуси, и можно выразить надежду, что серия конференций в будущем продолжится.

С. О. Горяев

кандидат филологических наук, доцент
кафедра русского языка, общего языкознания
и речевой коммуникации
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия
gorajev@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1684-0384>

ЮБИЛЕИ ANNIVERSARIES

https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2026.23.1.013

Елена Львовна Березович

2026 год стал юбилейным для Елены Львовны Березович — выдающегося российского лингвиста, члена-корреспондента РАН, доктора филологических наук, профессора, заведующей кафедрой русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета. За этими званиями стоит огромный труд исследователя, талант педагога и безграничная преданность своему делу. Ученица члена-корреспондента РАН Александра Константиновича Матвеева, она не только продолжает традиции Уральской ономастической школы, но и выводит их на новый уровень, оставаясь для коллег и учеников вдохновляющим примером служения высокой науке.

Елена Львовна родилась в г. Свердловске в семье, далекой от лингвистики, но не чуждой науке. Ее родители относились к среде технической интеллигенции: отец, Лев Аронович Березович, был инженером, а мать, Стелла Георгиевна Шифрина, — патентоведом-химиком. Дома всегда много

читали, а мама, страстно любившая язык и литературу, передала это увлечение дочери. На филологический факультет Уральского государственного университета Елену Львовну привела дорога из английской школы № 70, которую заканчивали многие будущие выпускники филфака УрГУ.

На кафедре русского языка и общего языкознания, ставшей впоследствии постоянным местом работы Елены Львовны, ей посчастливилось попасть к замечательному учителю и наставнику — Александру Константиновичу Матвееву, основателю Уральской ономастической школы, специалисту в области финно-угроведения, ономастики и этимологии, позднее члену-корреспонденту РАН (1991), под руководством которого она писала сначала курсовые и дипломную работы, а потом и кандидатскую диссертацию.

С начала своей научной деятельности Елена Львовна проявляла интерес к ономастике, а именно к изучению системных отношений в топонимии. Ее кандидатская диссертация «Семантические микросистемы в русской топонимии» (1992) была написана на собранном в полевых условиях материале — топонимии Русского Севера. Уже на этом этапе проявилась еще одна черта Елены Львовны как исследователя — внимание к полемому материалу, что будет отличать и ее последующие работы.

Вскоре после кандидатской Елена Львовна защищает докторскую диссертацию «Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте» (1998), которая становится событием в лингвистической науке — и по причине исключительной молодости автора, и потому, что эта работа задала новый ракурс не только в трудах самой Елены Львовны, но и вообще в исследованиях топонимии. Здесь автор показывает, как названия географических объектов отражают народные представления о пространстве.

С этого момента около Елены Львовны начинает формироваться круг учеников, который очень быстро обретает контуры новой научной школы — Уральской этнолингвистической. Преобладающим интересом Елены Львовны становится этнолингвистика.

Тем не менее Елена Львовна никогда не переставала заниматься ономастикой — только к началу 2020-х гг. количество ее работ, написанных на собственно лексическом материале, начинает приближаться к количеству ономастических. Однако ракурс исследования ономастических данных меняется: все чаще они оказываются вписаны в контекст этнолингвистической методики, все последовательнее привлекается необходимый историко-культурный фон. Первые признаки такого подхода видны еще в публикациях 1990-х гг. — в статьях, посвященных анализу топонимических преданий, фольклорной ремотивации топонимов, библейской лексике в топонимии Русского Севера.

Следующим принципиально новым этапом на научном пути Елены Львовны становится обращение к лексике, возникшей в результате семантической деривации топонимов и этнонимов. В статье «О явлении лексической ксеномотивации» (2006) автор анализирует *ксенонимы* — оттопонимические производные, мотивированные обобщенными представлениями о «чужих» народах и землях. Феномен рассматривается на разноязычном материале, выявляются основные сферы функционирования ксенонимов, описываются их структурные, смысловые и мотивационные особенности. Эта работа заложила основу для целого направления исследований, показывающих, как через оттопонимические производные язык конструирует образы других народов.

В 2010-х гг. Елена Львовна вместе с учениками и коллегами детально изучает отдельные оттопонимические гнезда. Так, в статье «К семантико-этимологической интерпретации оттопонимических (отэтнонимических) образований: на материале гнезда *Русь, русский*» (2012) рассматривается, какие смыслы и коннотации развиваются у производных от названия страны и народа; исследование «Местные топонимы в свете деривационной и фразеологической семантики» (2012) посвящено тому, как локальные географические названия обрастают переносными значениями и становятся частью фразеологии.

Тогда же выходит цикл статей о конкретных топонимах: «*Сибирь* в русской языковой традиции» (2011, в соавт. с Ю. А. Кривошаповой), «Деривационно-фразеологическое гнездо “Москва” в русском и иностранных языках» (2015, в соавт. с Ю. А. Кривошаповой) и др. Блестящим примером контрастивного анализа является статья «“Французы” и “русские” в зеркале языка: взаимные отражения (на материале этнонимических и топонимических дериватов)» (2016, в соавт. с Г. И. Кабаковой). Авторы исследуют, как производные от этнонимов и топонимов (*француз, галл, Франция, Париж* — в русском; *Russe, Moscou, Cosaque* — во французском языке) формируют взаимные стереотипные образы. В работе анализируются тематические сферы вторичной семантики этнонимов: поведение, болезни, внешность, язык, качество жизни, история; показаны механизмы складывания культурно-языковых представлений народов друг о друге.

Вершиной в обозначенной области стал доклад «Славянские оттопонимические названия жителей: ассоциативно-деривационная и фразеологическая семантика», представленный на XVI Международном съезде славистов в Белграде (2018) и опубликованный в сборнике докладов российской делегации. Автор постулирует следующие положения. Оттопонимические названия жителей (катойконимы) обладают не только прямой функцией — обозначать уроженцев определенного места, но и богатой ассоциативно-деривационной семантикой. Они способны развивать переносные значения, становиться

основой для прозвищ, входит во фразеологические обороты. Е. Л. Березович анализирует славянский материал в сопоставительном ключе, выявляя общеславянские закономерности и национальную специфику. К анализу привлекается весьма обширный источниковый материал: данные картотек Топонимической экспедиции УрФУ, многочисленных диалектных и исторических словарей.

Особняком стоят исследования, посвященные методике изучения оттопонимической лексики: «О современных задачах семантико-мотивационной реконструкции в топонимии» (2012); «Modern challenges of the semantic and motivational reconstruction of folk toponymy» (2014). Статьи знакомят отечественного и зарубежного читателя с основными методами Уральской ономастической школы — анализом прагматики топонимов и ситуаций взаимодействия реалии и номинатора; лингвостатистикой.

Отдельной областью исследований Елены Львовны на рубеже 2010–2020-х гг. становится изучение ономастикона заговоров (в соавт. с Т. А. Агапкиной и О. Д. Суриковой), результаты которого получили отражение в циклах статей, посвященных топонимии заговоров Русского Севера, именам змей, камней и деревьев в восточнославянских заговорах, где к ономастическому материалу в полной мере применяется инструментарий широкой этнолингвистики.

В середине 2010-х гг. приходит институциональное признание: в 2015 г. Елена Львовна становится профессором РАН, а в 2016 г. — членом-корреспондентом РАН. С этого же времени регулярно получают поддержку большие коллективные проекты под ее руководством. Из ономастических проектов упомянем два: «Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики» (грант РНФ, 2017–2019), «Ономастикон и лингвокультурная история Европейской России» (грант РНФ, 2023–2027). Результатом работы по первому из названных проектов стал фундаментальный коллективный труд «Русский Север: лексика и ономастика» (2021), где Елена Львовна выступила одним из авторов и соредкторов. Это, безусловно, главный итог десятилетней работы, обобщающий исследования Уральской школы ономастики, этимологии и этнолингвистики. Монография основана преимущественно на полевых материалах, собранных в Архангельской, Вологодской областях и на северо-востоке Костромской области. В книге представлен спектр методик анализа как апеллятивной, так и проприальной лексики. Особое внимание уделяется семантико-мотивационной реконструкции, которая является ключевым методом изучения оттопонимических образований. Ряд глав монографии посвящен географическим названиям и их производным, функционирующим в языке и народной культуре и отражающим историко-культурные процессы региона.

Проект «Ономастикон и лингвокультурная история Европейской России», уделяющий особое внимание изучению ономастики Беломорья — на основании как новых полевых данных, собираемых с 2021 г., так и исторических письменных источников, — продолжается в настоящее время.

Ономастические данные получают широкое применение и в других проектах. Так, одним из новаторских направлений, «золотой жилой», открытой Еленой Львовой, становится изучение ономастики каменного дела — как в аспекте горной мифонимии (цикл статей в соавт. с Е. Э. Ивановой), так и в русле изучения ономастической лексики в терминологии геммонимии.

Еще одной темой, красной линией проходящей через научную биографию Елены Львовны, является изучение топонимических преданий. Эта тематика отражена как в ранних статьях рубежа 1990–2000-х гг., так и в недавних публикациях, в частности в одном из разделов монографии «Волго-Двинское Междуречье и Белозерский край: история и культура регионов по лингвистическим данным» (2025), написанном совместно с В. С. Кучко и О. Д. Суриковой. Этот фундаментальный коллективный труд, обобщающий многолетние исследования территорий и представляющий собой комплексный анализ языка и традиционной культуры одного из ключевых регионов, где сошлись «тектонические плиты» языка и культуры, стал результатом работы по одноименному проекту (2017–2019, поддержан Министерством образования и науки), руководителем которого также была Елена Львовна.

Фундамент подобных масштабных инициатив в научной биографии Елены Львовны был заложен первой и главной из них — Топонимической экспедицией УрГУ (позднее УрФУ). Начиная с 1984 г. Елена Львовна ежегодно выезжает в «поле» — сначала в качестве рядового участника, позднее — как руководитель группы, а с 2001 г. — как начальник экспедиции. На данный момент она совершила более 50 выездов в различные регионы Русского Севера (Архангельская, Вологодская, Костромская, Ярославская области, Беломорская Карелия, Кольский полуостров), Урала (Свердловская область) и Прииртышья (Омская область). Экспедиция, помимо того что представляет собой источник богатейшего топонимического и лексического материала, также является важным элементом в формировании и поддержании научной школы, поскольку именно здесь происходит обучение методике полевой работы и обсуждение новых собранных фактов.

С 2010 г. Елена Львовна возглавляет редакцию международного журнала «Вопросы ономастики» и не может не задумываться о перспективах этой науки. Большая программная статья «Журнал “Вопросы ономастики” и развитие ономастической науки в начале XXI в.» (2025, в соавт. с Д. В. Спиридоновым) подводит итоги 20-летней работы издания. С опорой на статистический анализ

и мнения экспертов авторы дают объективную картину развития мировой и российской ономастики, ее приоритетных направлений и перспектив.

Научную деятельность Е. Л. Березович органично совмещает с преподаванием. Для студентов она не просто профессор, а чуткий наставник, передающий не только знания, но и культуру научного поиска. На протяжении четверти века Елена Львовна читает общие и специальные курсы по языкознанию, этнолингвистике, языковой политике — и делает это блестяще. Многие ее ученики стали кандидатами и докторами наук и продолжают развивать идеи Уральской школы ономастики, этимологии и этнолингвистики.

Трудно охватить все разнообразие научной и человеческой деятельности Елены Львовны. За ее плечами — множество экспедиций, словарей, статей и монографий и, что особенно ценно, целая научная школа. Разработанный ею этнолингвистический подход к изучению топонимии, системный анализ оттопонимической лексики, введение в научный оборот огромных массивов полевых материалов составили важнейший вклад в славянскую ономастику и этнолингвистику. Одним из свидетельств международного признания заслуг Елены Львовны является членство в комиссии по ономастике при Международном комитете славистов.

Сегодня у нас — друзей, коллег и учеников, есть повод не только поздравить Елену Львовну с юбилеем, но и выразить ей слова благодарности за огромный вклад в сохранение языкового наследия нашей страны. Мы желаем Елене Львовне на долгие годы сохранить ее главную черту — неуемность, которая так же свойственна природе ученого, как способность дышать и мыслить свойственна природе человека.

А. А. Бахтерева

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник топонимической лаборатории
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия;
старший научный сотрудник отдела этимологии и ономастики
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Москва, Россия
toponimist@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3493-3282>

Ю. А. Кривошапова

кандидат филологических наук,
доцент кафедры филологии
Специализированный учебно-научный центр
Уральского федерального университета
Екатеринбург, Россия
insekt@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3096-708X>

https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2026.23.1.014

Библиография ономастических работ Е. Л. Березович

1991

1. Методические указания по сбору и обработке топонимии. — Екатеринбург : Урал. гос. ун-т, 1991. — 65 с. (В соавт. с М. Л. Гусельниковой).
2. Семантические микросистемы топонимов как факт номинации // Номинация в ономастике : сб. науч. тр. / [редкол.: М. Э. Рут (отв. ред.) и др.]. — Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. — С. 75–90.
3. Топонимический контекст и проблемы семантической интерпретации топонимов // Этимологические исследования / редкол.: А. К. Матвеев (отв. ред.) и др. — Екатеринбург : Урал. гос. ун-т, 1991. — Вып. 5. — С. 142–154.

1992

4. Семантические микросистемы в русской топонимии : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Урал. гос. ун-т. — Екатеринбург, 1992. — 16 с.

1994

5. К вопросу о лексическом варьировании в ономастике // Проблемы варьирования языковых единиц / [под ред. Т. В. Поповой]. — Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та, 1994. — С. 46–54.
6. Метафора и народная картина мира (на материале севернорусской ономастики) // Материалы для изучения сельских поселений России : докл. и сообщ. III науч.-практ. конф. «Центральночерноземная деревня: история и современность» (Воронеж, 1994 г.) : в 2 ч. / отв. ред. З. В. Рубцова. — М. : [б. и.], 1994. — Ч. 1 : Язык и культура. — С. 121–124. (В соавт. с М. Э. Рут).

1995

7. Топонимическое пространство как текст // Ежегодник Научно-исследовательского института русской культуры. 1994. — Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та, 1995. — С. 86–95.
8. Финно-угорские мотивы в топонимических преданиях Белозерья // Ономастика Карелии: Проблемы взаимодействия различных ономастических систем : [сб. ст.] / [науч. ред. Н. Н. Мамонтова, И. И. Муллонен]. — Петрозаводск : Карел. науч. центр РАН, 1995. — С. 69–75.

1996

9. Библейские «локативы» в народной языковой картине мира (на материале русской диалектной лексики и топонимии) // Ономастика и диалектная лексика : сб. науч. тр. / [отв. ред. М. Э. Рут]. — Екатеринбург : Урал. гос. ун-т, 1996. — С. 21–36. (В соавт. с И. В. Родионовой).

10. Две семантические реконструкции: 1. *Иван да Марья*: к интерпретации образов севернорусского дожинального обряда; 2. *Вороного коня в поле не видать* // Этимологические исследования / редкол.: А. К. Матвеев (отв. ред.) и др. — Екатеринбург : Урал. ун-т, 1996. — Вып. 6 : Материалы I–II науч. совещаний по русской диалектной этимологии (Екатеринбург, 10–12 октября 1991 г., 17–19 апреля 1996 г.). — С. 124–150.

11. К проблеме социолектов в русской топонимии // Социолингвистические проблемы в разных регионах мира = Sociolinguistic Problems in Various Regions of the World : материалы междунар. конф. (Москва, 22–25 октября 1996 г.) / отв. ред.: В. М. Солнцев, В. Ю. Михальченко. — М. : Ин-т языкознания РАН, 1996. — С. 77–81.

1997

12. Библейская лексика в топонимии Русского Севера // Известия Уральского государственного университета. — 1997. — № 5. — Вып. 1. — С. 77–87.

13. Локальная топонимическая система: параметры и функционирование // Материалы для изучения селений России : докл. и сообщ. VI Рос. науч.-практ. конф. / отв. ред. З. В. Рубцова. — М. : Энцикл. рос. деревень, 1997. — Т. 2 : Язык российской деревни: говоры, лингвофольклористика, ономастика. — (Сер. 1 : Материалы для изучения селений России). — С. 70–73.

14. О специфике топонимической версии этнокультурной информации // Известия Уральского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. — 1997. — № 7. — С. 90–105.

1998

15. Семантическая типология русских топонимов: проблемы, возможности, перспективы // Ономастика и диалектная лексика : сб. науч. тр. / [под ред. М. Э. Рут]. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1998. — Вып. 2. — С. 129–148.

16. Топонимия Русского Севера : Этнолингвистические исследования. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1998. — 335, [2] с. — ISBN 5-7525-0662-X.

1999

17. О явлении фольклорной ремотивации топонима (на материале топонимии Русского Севера) // Сельская Россия: прошлое и настоящее : докл. и сообщ. VII Рос. науч.-практ. конф. (Тула, ноябрь 1999 г.) / [сост. З. В. Рубцова]. — М. : Энцикл. рос. деревень, 1999. — С. 188–191.

18. Русская народная топонимия как концептуализированное семантическое пространство // Лингвистическая ретроспектива, современность и перспектива города и деревни : материалы междунар. науч. совещания (18–19 ноября 1997 г.) / ред. Т. И. Ерофеева. — Пермь : Перм. гос. ун-т, 1999. — С. 22–29.

19. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Урал. гос. ун-т. — Екатеринбург, 1999. — 39 с.

20. Топонимия и исторические предания (к вопросу о взаимодействии различных версий этнокультурной информации) // Ономастика и диалектная лексика : сб. науч. тр. / [под ред. М. Э. Рут]. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. — Вып. 3. — С. 3–30.

21. Этнолингвистическая проблематика в работах по ономастике (1987–1998) // Известия Уральского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. — 1999. — № 3. — С. 128–142.

2000

22. К вопросу о ситуативном принципе номинации русских топонимов // Слоvesность и современность : материалы науч. конф. (23–24 ноября 2000 г.) / [науч. ред. И. А. Подюков]. — Пермь : Перм. гос. пед. ун-т, 2000. — Ч. 2 : Лингвистика. — С. 68–76.

23. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. — 532 с.

24. «Чужаки» в зеркале фольклорной ремотивации топонимов // Живая старина. — 2000. — № 3. — С. 2–5.

2001

25. К построению комплексной модели топонимической семантики // Известия Уральского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. — 2001. — № 20. — С. 5–13.

26. Русская ономастика на современном этапе: критические заметки // Известия Академии наук. Сер. лит. и яз. — 2001. — Т. 60, № 6. — С. 34–46.

27. Финно-угорские мотивы в топонимических преданиях Белозерья // Герд А. С. Введение в этнолингвистику : курс лекций и хрестоматия. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. — С. 441–448.

28. [Рец.:] А. В. Кузнецов. Шексна — река Велеса (Топонимический путеводитель по реке, которой нет). — Вологда : КИО «Музей дипломатического корпуса», 1999. — 108 с. // Этимологические исследования : сб. науч. тр. / под ред. А. К. Матвеева. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. — Вып. 7. — С. 172–181.

2002

29. Географический макромир и микромир в русской народной языковой традиции // Славяноведение. — 2002. — № 6. — С. 60–71.

30. Демонический топос в призме русской народной языковой традиции // Признаковое пространство культуры / отв. ред. С. М. Толстая. — М. : Индрик, 2002. — С. 103–128.

31. К символике пространственных отношений в русском языке (на примере оппозиции «далеко — близко») // Лингвистика : бюллетень Уральского лингвистического общества / отв. ред. А. П. Чудинов. — Екатеринбург : УрГПУ, 2002. — Т. 8. — С. 86–97.

32. К структуре концептуального поля «Пространство» в русском языке (экстравертированные и интровертированные пространственные оппозиции) // Язык. Система. Личность. Национально-культурные стереотипы сознания и их отражение в языке : материалы докл. и сообщ. Всерос. науч. конф. (25–26 апреля 2002 г.). — Екатеринбург : [б. и.], 2002. — С. 11–18.

33. Ономастиологический портрет «человека этнического»: принципы построения и интерпретации // Встречи этнических культур в зеркале языка в сопоставительном лингвокультурологическом аспекте / отв. ред. Г. П. Нецименко. — М. : Наука, 2002. — С. 232–253. (В соавт. с Д. П. Гуликом).

34. «Пищевая» модель в гидронимии Русского Севера: метафора и миф // История русского слова : Ономастика и специальная лексика Северной Руси : межвуз. сб. науч. работ / отв. ред. Ю. И. Чайкина. — Вологда : ВГПУ, 2002. — С. 156–163.

35. «Текст черта» в русском языке и традиционной культуре: к проблеме сквозных мотивов // Между двумя мирами: Представления о демоническом и потустороннем в славянской и еврейской культурной традиции : сб. ст. / редкол.: О. В. Белова (отв. ред.) и др. — М. : [б. и.], 2002. — (Академическая серия ; вып. 9). — С. 7–44. (В соавт. с И. В. Родионовой).

36. [Рец.]: Т. А. Агапкина. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. — М. : Индрик, 2002. — 816 с. // Живая старина. — 2002. — № 4. — С. 51–52.

2003

37. К топонимической концепции живой природы (лексема *живой* в топонимии Русского Севера) // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера : материалы IV Междунар. науч. конф. «Рябининские чтения — 2003» / редкол.: Т. Г. Иванова (отв. ред.) и др. — Петрозаводск : Музей-заповедник «Кижи», 2003. — С. 285–288.

38. К языковому портрету русского «захолустья» // Ономастика и диалектная лексика : сб. науч. тр. / [под ред. М. Э. Рут]. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. — Вып. 4. — С. 47–59.

39. Топонимическая этносемантика // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов (Любляна, 2003 г.) : доклады российской делегации / отв. ред. А. М. Молдован. — М. : Индрик, 2003. — С. 19–35.

40. Homo ethnicus в зеркале языка: к методике описания // Etnolingwistyka: Problemy języka i kultury. — 2002. — No. 14. — S. 47–67. (В соавт. с Д. П. Гуликом).

2004

41. Образ пространства в языковой традиции: методика описания и некоторые результаты // Etnolingwistyka. — 2004. — No. 16. — S. 111–129.

42. Ономастическая проблематика на XIII съезде славистов (Любляна, 15–21.08.2003) // Вопросы ономастики. — 2004. — № 1. — С. 147–151.

2005

43. Вторичные макротопонимы и дериваты макротопонимов в русских народных говорах: прагматический и системный аспекты // Языковая концепция регионального существования человека и этноса : материалы II Всерос. конф., посвящ. памяти проф. И. А. Воробьевой : К 75-летию со дня рождения. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. — С. 24–30.

44. О способах выражения оппозиции «далеко — близко» в русской народной языковой традиции // *Przestrzeń w języku i w kulturze. Problemy teoretyczne. Interpretacje tekstów religijnych* / pod red. J. Adamowskiego. — Lublin : UMCS, 2005. — S. 41–59.

45. Теория коннотации в современной лингвистической семантике и ономастика // Ономастика в кругу гуманитарных наук : материалы междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 20–23 сентября 2005 г.). — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. — С. 10–13.

46. «Чужие земли» в русском народном языковом сознании: прагматический аспект // *Вопросы ономастики*. — 2005. — № 2. — С. 70–85.

47. [Рец.]: Именослов. Заметки по исторической семантике имени / сост. Ф. Б. Успенский. — М. : Индрик, 2003. — 280 с. // *Вопросы ономастики*. — 2005. — № 2. — С. 68–72.

2006

48. К изучению механизмов порождения фольклорного текста (на материале топонимических преданий) // *Первый Всероссийский конгресс фольклористов : сб. докл. / отв. ред. А. С. Каргин*. — М. : Гос. респ. центр рус. фольклора, 2006. — Т. 3. — С. 226–233.

49. О явлении лексической ксеномотивации // *Вопросы языкознания*. — 2006. — № 6. — С. 3–18.

50. Что такое научные школы и как они рождаются (Уральская топонимическая школа: к 80-летию ее основателя) // *Русский язык в научном освещении*. — 2006. — № 2 (12). — С. 258–271. (В соавт. с Ж. Ж. Варбот, Л. Г. Гусевой, М. Э. Рут).

2007

51. «Афанас, Афанас провалился нынче в квас...» (О формировании коннотативного спектра одного личного имени) // *Именослов. Историческая семантика имени / редкол.: Вяч. Вс. Иванов [и др.]*. — М. : Индрик, 2007. — Вып. 2 : Именослов. Имя (филология имени собственного) / [сост. Ф. Б. Успенский]. — С. 359–392.

52. Из словаря «Славянские древности»: Топонимия народная // *Славяноведение*. — 2007. — № 6. — С. 100–108.

53. Язык и традиционная культура : Этнолингвистические исследования. — М. : Индрик, 2007. — (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования). — 600 с. — ISBN 978-5-85759-419-3.

54. [Обзор:] А. К. Матвеев. Ономатология. — М. : Наука, 2006. — 292 с. // *Русский язык в научном освещении*. — 2007. — № 13. — С. 317–318.

55. [Рец.]: «Чужие» глазами славян (О. В. Белова. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. — М. : Индрик, 2005. — 528 с.) // *Живая старина*. — 2007. — № 3. — С. 54–56.

2008

56. Ксеномотивация в восточнославянских обозначениях небесных светил и погодных явлений // *Материалы и исследования по русской диалектологии*. — Кн. 3 (9) / отв. ред. Л. Л. Касаткин. — М. : Наука, 2008. — С. 328–348.

57. Позиция антрополога при исследовании проблем ксенофобии: форум // Антропологический форум. — 2008. — № 8. — С. 28–31.

58. Славянская ксенонимия и типология мотивационных параллелей // Славянское языкознание : XIV Междунар. съезд славистов (Охрид, 10–16 сентября 2008 г.) : доклады российской делегации / [редкол.: А. М. Молдован (отв. ред.) и др.]. — М. : Индрик, 2008. — С. 44–68.

59. Этнические стереотипы и проблема лингвокультурных связей // *Etnolingwistyka*. — 2008. — No. 20. — S. 63–77.

60. La dénomination des chemins dans la toponymie de la Russie du Nord et les représentations populaires du monde // *Cahiers Slaves*. — 2008. — No. 10 : Routes et chemins slaves. — P. 13–24. (На франц. яз.).

2009

61. Народное слово — памятник истории и культуры // Вестник Уральского отделения Российской академии наук. — 2009. — № 2. — С. 85–93. (В соавт. с М. Э. Рут).

62. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : URSS : ЛИБРОКОМ, 2009. — 328 с. — ISBN 978-5-397-00101-4.

63. Этнические стереотипы в разных культурных кодах // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре : сб. ст. / [сост. и отв. ред. Л. Л. Федорова]. — М. : РГГУ, 2009. — С. 22–31.

64. Nationalism and Xenophobia as Research Topics // *Forum for Anthropology and Culture*. — 2009. — No. 5. — P. 17–20. (На англ. яз.).

2010

65. Международная научная конференция «Этнолингвистика. Этимология. Ономастика» // Вопросы ономастики. — 2010. — № 1 (8). — С. 118–124.

66. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Мифопоэтический образ пространства. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : URSS : КомКнига, 2010. — 240 с. — ISBN 978-5-484-01166-7.

67. Явление лексической ксеномотивации // Семантика имени (Имя — 2) / отв. ред. Т. М. Николаева. — М. : Языки славянских культур, 2010. — (Именослов / Имя. Филология имени собственного). — С. 206–253.

2011

68. Александр Константинович Матвеев (6.VII.1926–9.X.2010): Памяти Учителя // *Onomastica*. — 2011. — Roczn. LV. — S. 9–10. (В соавт. с М. Э. Рут).

69. *В кустах ручей целуется с рекою...* («семейные» образы в лексике речного ландшафта) // Слова. Концепты. Мифы : К 60-летию Анатолия Федоровича Журавлева / отв. ред. Г. К. Венедиктов. — М. : Индрик, 2011. — С. 50–61.

70. Деривационная семантика *русского* в русских народных говорах // Русский язык в научном освещении. — 2011. — № 2 (22). — С. 5–32.

71. О русских коллективных прозвищах и их словарном описании // Воронцова Ю. Б. Словарь коллективных прозвищ. — М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2011. — С. 3–18. (В соавт. с Ю. Б. Воронцовой).

72. «Перед нами — дороги новые...»: размышления о работе Топонимической экспедиции Уральского университета в первое десятилетие XXI в. // Вопросы ономастики. — 2011. — № 2 (11). — С. 70–88.

73. *Сибирь* в русской языковой традиции (на иноязычном фоне) // Пространство и время в языке и культуре / отв. ред. С. М. Толстая. — М. : Индрик, 2011. — С. 110–157. (В соавт. с Ю. А. Кривошаповой).

2012

74. Вместо предисловия // Язык и прошлое народа : сб. науч. ст. памяти проф. А. К. Матвеева / [отв. ред. проф. М. Э. Рут]. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. — С. 3–15. (В соавт. с М. Э. Рут).

75. К семантико-этимологической интерпретации оттопонимических (отэтнотопонимических) образований: на материале гнезда 'Русь, русский' // *Praslovska dialektizacija v luči etimoloških raziskav = Ob stoti obletnici rojstva akademika Franceta Bezlaja : zbornik referatov z Mednarodnega znanstvenega simpozija v Ljubljani, 16.–18. Septembra 2010 / ured. M. Furlan in A. Šivic-Dular.* — Ljubljana : Založba ZRC, ZRC SAZU, 2012. — S. 33–47.

76. Местные топонимы в свете деривационной и фразеологической семантики // Язык и прошлое народа : сб. науч. ст. памяти проф. А. К. Матвеева / [отв. ред. проф. М. Э. Рут]. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. — С. 25–52.

77. «Рай идет в этом райке...»: к образу рая в русской языковой традиции // *Этимология. 2009–2011 / отв. ред. Ж. Ж. Варбот.* — М. : ИРЯ РАН, 2012. — С. 18–34.

78. Топонимической экспедиции Уральского университета — 50 лет // *Живая старина.* — 2012. — № 2. — С. 39–40.

79. Топонимия народная // *Славянские древности : этнолингв. словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого.* — Т. 5 : С (Сказка) – Я (Ящерица). — М. : Международные отношения, 2012. — С. 284–288.

80. Черт // *Славянские древности : этнолингв. словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого.* — Т. 5 : С (Сказка) – Я (Ящерица). — М. : Международные отношения, 2012. — С. 519–527. (В соавт. с Л. Н. Виноградовой).

81. Чудь // *Славянские древности : этнолингв. словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого.* — Т. 5 : С (Сказка) – Я (Ящерица). — М. : Международные отношения, 2012. — С. 560–562.

2013

82. II Международная научная конференция «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология» // *Вопросы ономастики.* — 2013. — № 1 (14). — С. 139–146. (В соавт. с В. С. Кучко).

2014

83. Образ Москвы в зеркале русского и иностранных языков. «География» Москвы. DOI 10.15826/qr.2014.3.067 // Quaestio Rossica. — 2014. — № 3. — С. 159–183. (В соавт. с Ю. А. Кривошаповой).

84. О современных задачах семантико-мотивационной реконструкции народной топонимии // Вопросы языкознания. — 2014. — № 2. — С. 89–109.

85. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. — М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2014. — 488 с. — ISBN 978-5-91244-133-2.

86. Топонимические предания о разбойниках // Живая старина. — 2014. — № 3. — С. 48–52. (В соавт. с В. С. Кучко и О. Д. Суриковой).

87. Russian Food as Reflected in Foreign Languages (Derivatives from the Words 'Russia' and 'Russian') // Forum for Anthropology and Culture. — 2014. — No. 10. — P. 222–246. (На англ. яз.).

2015

88. *Бес-тужев* или *Бес-стужев*? (еще раз о происхождении известной русской фамилии) // Вторые Громовские чтения. Русские народные говоры: прошлое и настоящее : сб. материалов и исследований Всерос. науч.-практ. конф. (Кострома, 17–18 октября 2014 г.). — Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2015. — С. 33–43. (В соавт. с О. Д. Суриковой).

89. Во главе научной школы // «Не просто прожитая жизнь»: Биография А. К. Матвеева в документах и воспоминаниях / сост. Т. В. Матвеева. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. — С. 71–79. (В соавт. с М. Э. Рут).

90. «Демонологические» названия в русской и субстратной топонимии Русского Севера и Карелии (на материале основ *черт-* и *hiisi-*). DOI 10.4312/linguistica.55.1.187-205 // Linguistica. — 2015. — Vol. 55, No. 1 : Slavic / Non-Slavic Language Contact in the Area of Diachronic Onomastics. — S. 187–205. (В соавт. с А. А. Макаровой и И. И. Муллонен).

91. Дериационно-фразеологическое гнездо «Москва» в русском и иностранных языках // Slavia. — 2015. — Roč. 84, zeš. 1. — S. 82–94. (В соавт. с Ю. А. Кривошаповой).

92. Образ Москвы в зеркале русского и иностранных языков. Человек. Культура. Политика и экономика. DOI 10.15826/qr.2015.1.083 // Quaestio Rossica. — 2015. — № 1. — С. 129–152. (В соавт. с Ю. А. Кривошаповой).

93. Россия и Франция: диалог языковых стереотипов // Антропологический форум. — 2015. — № 27. — С. 9–69. (В соавт. с Г. И. Кабаковой).

94. Топонимическое предание и исторический факт (на материале преданий о разбойниках восточного Вологодско-Костромского пограничья). DOI 10.15826/vopr_onom.2015.1.006 // Вопросы ономастики. — 2015. — № 1 (18). — С. 108–133. (В соавт. с В. С. Кучко и О. Д. Суриковой).

95. Stéréotypes du «russe» et du «français»: regards croisés. DOI 10.4000/res.740 // Revue des études slaves. — 2015. — T. LXXXVI (4) : Relations franco-slaves. — P. 389–412. (В соавт. с Г. И. Кабаковой). (На франц. яз.).

2016

96. Заметки на полях экспедиционных блокнотов (Волго-Двинское междуречье) // Финно-угорская мозаика : сб. ст. к юбилею Ирмы Ивановны Муллонен / отв. ред. О. П. Илюха. — Петрозаводск : Карел. науч. центр РАН, 2016. — (Studia Nordica ; 1) — С. 80–91. (В соавт. с М. Э. Рут).

97. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Мифопоэтический образ пространства. — Стер. изд. — М. : КомКнига, 2016. — 240 с. — ISBN 978-5-484-01377-7.

98. «Французы» и «русские» в зеркале языка: взаимные отражения (на материале этнонимических и топонимических дериватов) // Acta onomastica. — 2016. — Т. LVI, No. 1. — S. 25–45. (В соавт. с Г. И. Кабаковой).

2018

99. Славянские оттопонимические названия жителей: ассоциативно-деривационная и фразеологическая семантика // Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов (Белград, 20–27 августа 2018 г.). Доклады российской делегации / отв. ред. С. М. Толстая. — М. : ИСЛ РАН, 2018. — С. 7–34.

100. Судьба имени в свете подхода Wörter und Sachen: Соломон в русских говорах и просторечии // Русский язык в научном освещении. — 2018. — № 2 (36). — С. 123–148. (В соавт. с К. В. Осиповой).

101. Топонимия заговоров Русского Севера. I: Моря и реки. DOI 10.15826/vopr_onom.2018.15.1.004 // Вопросы ономастики. — 2018. — Т. 15, № 1. — С. 65–114. (В соавт. с Т. А. Агапкиной и О. Д. Суриковой).

102. Топонимия заговоров Русского Севера. II: Земли. Горы. Острова. Города. DOI 10.15826/vopr_onom.2018.15.2.014 // Вопросы ономастики. — 2018. — Т. 15, № 2. — С. 28–69. (В соавт. с Т. А. Агапкиной и О. Д. Суриковой).

2019

103. Германские земли и народы в языковом сознании беломорских крестьян // Живая старина. — 2019. — № 3. — С. 12–16. (В соавт. с С. В. Жужговым).

104. К реконструкции образа германского мира в языковом сознании архангельских поморов. DOI 10.31250/1815-8870-2019-15-42-174-212 // Антропологический форум. — 2019. — № 42. — С. 174–212.

105. Река как социальный символ и знак повседневности в культурно-языковой традиции онежан // Живая старина. — 2019. — № 3 (103). — С. 5–9. (В соавт. с О. Д. Суриковой).

106. Россия и Франция: диалог языковых стереотипов. — М. : РАН, 2019. — 60 с. — ISBN 978-5-907036-65-9. (В соавт. с Г. И. Кабаковой).

107. Топонимия заговоров Русского Севера. III: Камни. DOI 10.15826/vopr_onom.2019.16.2.014 // Вопросы ономастики. — 2019. — Т. 16, № 2. — С. 7–68. (В соавт. с Т. А. Агапкиной и О. Д. Суриковой).

2020

108. Деонимизация // Русский язык : энцикл. / под общ. ред. А. М. Молдована. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. — (Фундаментальные словари). — С. 146.

109. Еще раз об имени в свете проблемы «Wörter und Sachen»: «марьино стекло» в русском и западноевропейских языках. DOI 10.15826/vopr_onom.2020.17.2.021 // Вопросы ономастики. — 2020. — Т. 17, № 2. — С. 136–165. (В соавт. с И. Т. Демкиной и Д. В. Спиридоновым).

110. Имена камней в заговорах восточных славян. — М. : РАН, 2020. — 76 с. — ISBN 978-5-907366-06-0. (В соавт. с Т. А. Агапкиной и О. Д. Суриковой).

111. К изучению собственных имен деревьев в восточнославянских заговорах // Ономастика Поволжья : материалы XVIII Междунар. науч. конф. (Кострома, 9–10 сентября 2020 г.) : в 2 т. — Т. 2 / науч. ред.: Н. С. Ганцовская, В. И. Супрун ; сост. и отв. ред. Г. Д. Неганова. — Кострома : Костр. гос. ун-т, 2020. — С. 186–195. (В соавт. с Т. А. Агапкиной и О. Д. Суриковой).

112. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Мифопоэтический образ пространства. — Стер. изд. — М. : URSS, 2020. — 238 с. — ISBN 978-5-9710-7800-5.

113. Уральская школа этимологии, ономастики, этнолингвистики // Научные школы Уральского федерального университета : энцикл. / под общ. ред. д-ра ист. наук, проф. В. В. Запария. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. — С. 263–276.

114. Этнонимия // Русский язык : энцикл. / под общ. ред. А. М. Молдована. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. — (Фундаментальные словари). — С. 875–877.

2021

115. «Демонологические» названия в русской и субстратной топонимии // Русский Север: лексика и ономастика / редкол.: Е. Л. Березович, Н. В. Кабинина, В. С. Кучко, К. В. Осипова. — М. : Индрик, 2021. — (Сер. «Традиционная духовная культура славян. Современные исследования»). — С. 69–91. (В соавт. с А. А. Макаровой и И. И. Муллонен).

116. Из русской народной геммонимии: *тальян*. DOI 10.31857/S013161170016215-5 // Русская речь. — 2021. — № 4. — С. 61–76.

117. Имена деревьев в восточнославянских заговорах. DOI 10.15826/vopr_onom.2021.18.1.001 // Вопросы ономастики. — 2021. — Т. 18, № 1. — С. 9–61. (В соавт. с Т. А. Агапкиной и О. Д. Суриковой).

118. Имена змей в восточнославянских заговорах: принципы организации ономастических рядов. DOI 10.31912/pvrl-2021.2.0 // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. — 2021. — № 2 (28). — С. 152–167. (В соавт. с О. Д. Суриковой).

119. Имена змей в восточнославянских заговорах: *скоропея*. DOI 10.31168/91674-650-1 // Славянские архаические ареалы в пространстве Европы. 2 / отв. ред. С. М. Толстая. — М. : Индрик, 2021. — С. 305–348. (В соавт. с Т. А. Агапкиной и О. Д. Суриковой).

120. К реконструкции принципов организации ономастических микросистем (на материале имен змей в заговорах) // Ономастика Поволжья : материалы XIX Международ. науч. конф., посвящ. 220-летию со дня рождения лексикографа, собирателя фольклора и русского писателя В. И. Даля (Оренбург, 11–12 ноября 2021 г.) / науч. ред.: Е. Н. Бекасова, В. И. Супрун ; сост.: П. А. Якимов. — Оренбург : Оренб. книга, 2021. — С. 18–25. (В соавт. с О. Д. Суриковой).

121. Образ германского мира в языковом сознании архангельских поморов // Русский Север: лексика и ономастика / редкол.: Е. Л. Березович, Н. В. Кабинина, В. С. Кучко, К. В. Осипова. — М. : Индрик, 2021. — (Сер. «Традиционная духовная культура славян. Современные исследования»). — С. 676–713.

122. Река как социальный символ и знак повседневности // Русский Север: лексика и ономастика / редкол.: Е. Л. Березович, Н. В. Кабинина, В. С. Кучко, К. В. Осипова. — М. : Индрик, 2021. — (Сер. «Традиционная духовная культура славян. Современные исследования»). — С. 665–675. (В соавт. с О. Д. Суриковой).

123. Топонимия заговоров Русского Севера // Русский Север: лексика и ономастика / редкол.: Е. Л. Березович, Н. В. Кабинина, В. С. Кучко, К. В. Осипова. — М. : Индрик, 2021. — (Сер. «Традиционная духовная культура славян. Современные исследования»). — С. 494–592. (В соавт. с Т. А. Агапкиной и О. Д. Суриковой).

124. Топонимы и этнонимы как основа наименований минералов // Ономастика Поволжья : материалы XIX Международ. науч. конф., посвящ. 220-летию со дня рождения лексикографа, собирателя фольклора и русского писателя В. И. Даля (Оренбург, 11–12 ноября 2021 г.) / науч. ред.: Е. Н. Бекасова, В. И. Супрун ; сост.: П. А. Якимов. — Оренбург : Оренб. книга, 2021. — С. 278–285. (В соавт. с Ю. А. Кривошаповой).

2022

125. К истории уральского каменного дела и его терминологии: кому посвящены *тальяны*? DOI 10.15826/izv2.2022.24.3.046 // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2 : Гуманитарные науки. — 2022. — Т. 24, № 3. — С. 82–98. (В соавт. с С. А. Белобородовым).

126. К реконструкции системы горной мифонимии Урала: общий обзор // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы V Международ. науч. конф. (Екатеринбург, 7–11 сентября 2022 г.) / [редкол.: Е. Л. Березович, О. Д. Сурикова (отв. ред.) и др.]. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2022. — С. 18–26. (В соавт. с Е. Э. Ивановой).

127. Уральская школа этимологии, ономастики и этнолингвистики // Etnolingwistyka – bilans dyscypliny Metody i postulaty badawcze: I Międzynarodowy Kongres Etnolingwistyczny / red. St. Niebrzegowska-Bartmińska, A. Głaz. — Lublin : Wyd. Uniw. Marii Curie-Skłodowskiej, 2022. — Т. 1. — С. 141–160. (В соавт. с К. В. Осиповой).

2023

128. «Иудино дерево» в различных культурно-языковых традициях Европы: слово и образ. DOI 10.31857/S0869544X0027865-4 // Славяноведение. — 2023. — № 5. — С. 56–77. (В соавт. с Н. А. Шляхтер).

129. К реконструкции горной мифонимии Урала: мифонимы, мотивированные лексикой неживой природы. DOI 10.31250/1815-8870-2023-19-58-209-246 // Антропологический форум. — 2023. — № 58. — С. 209–246. (В соавт. с Е. Э. Ивановой).

130. К реконструкции имен мифических народов в горной мифонимии Урала. DOI 10.30759/1728-9718-2023-4(81)-132-142 // Уральский исторический вестник. — 2023. — № 4 (81). — С. 132–142. (В соавт. с Е. Э. Ивановой).

131. Кто такой восточнославянский *карачун*? (слово, имя, персонаж). DOI 10.15826/vopr_onom.2023.20.2.021 // Вопросы ономастики. — 2023. — Т. 20, № 2. — С. 193–246. (В соавт. с О. Д. Суриковой).

132. Мотив восклицания, зова, отклика в топонимии и топонимических преданиях // Живая старина. — 2023. — № 4. — С. 5–9.

133. From Name to Myth (Based on Russian Cultural and Literary Tradition). DOI 10.3390/rel14111412 // Religions. — 2023. — No. 14 (1412). — P. 1–12. (В соавт. с О. Д. Суриковой). (На англ. яз.).

2024

134. Вдовый камень *александрит* // Камень в языке и культуре. Народная минералогия: лексика, сюжеты, ритуалы : моногр. / редкол.: Е. Л. Березович (отв. ред.), А. В. Черных (отв. ред.), С. Ю. Королёва, И. И. Русинова, В. С. Кучко. — СПб. : Маматов, 2024. — С. 81–101. (В соавт. с О. Д. Суриковой).

135. К реконструкции системы горной мифонимии Урала: хозяева подземных богатств. DOI 10.15826/izv2.2024.26.3.041 // Известия Уральского федерального университета. — Сер. 2 : Гуманитарные науки. — 2024. — Т. 26, № 3. — С. 50–70. (В соавт. с Е. Э. Ивановой).

136. Лексика неживой природы в горной мифонимии // Камень в языке и культуре. Народная минералогия: лексика, сюжеты, ритуалы : моногр. / редкол.: Е. Л. Березович (отв. ред.), А. В. Черных (отв. ред.), С. Ю. Королёва, И. И. Русинова, В. С. Кучко. — СПб. : Маматов, 2024. — С. 313–342. (В соавт. с Е. Э. Ивановой).

137. *Марьино стекло* // Камень в языке и культуре. Народная минералогия: лексика, сюжеты, ритуалы : моногр. / редкол.: Е. Л. Березович (отв. ред.), А. В. Черных (отв. ред.), С. Ю. Королёва, И. И. Русинова, В. С. Кучко. — СПб. : Маматов, 2024. — С. 22–50. (В соавт. с Д. В. Спиридоновым).

138. Мифические народы — хранители недр // Камень в языке и культуре. Народная минералогия: лексика, сюжеты, ритуалы : моногр. / редкол.: Е. Л. Березович (отв. ред.), А. В. Черных (отв. ред.), С. Ю. Королёва, И. И. Русинова, В. С. Кучко. — СПб. : Маматов, 2024. — С. 379–399. (В соавт. с Е. Э. Ивановой).

139. О неявных маркерах старообрядчества в ономастике Карельского Поморья. DOI 10.15826/vopr_onom.2024.21.2.023 // Вопросы ономастики. — 2024. — Т. 21, № 2. — С. 210–230.

140. *Хозяин и хозяйка* в горной мифонимии Урала // Актуальные проблемы русской диалектологии : материалы Междунар. конф. (25–27 октября 2024 г.) / отв. ред. О. Е. Кармакова. — М. : Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2024. — С. 20–23. (В соавт. с Е. Э. Ивановой).

141. Хозяин и хозяйка подземных богатств // Камень в языке и культуре. Народная минералогия: лексика, сюжеты, ритуалы : моногр. / редкол.: Е. Л. Березович (отв. ред.), А. В. Черных (отв. ред.), С. Ю. Королёва, И. И. Русинова, В. С. Кучко. — СПб. : Маматов, 2024. — С. 343–360. (В соавт. с Е. Э. Ивановой).

142. *Ex onomasticā origine*: об истории и методологии Уральской школы ономастики, этимологии и этнолингвистики. DOI 10.17223/19986645/88/2 // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2024. — № 88. — С. 20–47. (В соавт. с К. В. Осиповой).

2025

143. Журнал «Вопросы ономастики» и развитие ономастической науки в начале XXI в. DOI 10.15826/vopr_onom.2025.22.1.001 // Вопросы ономастики. — 2025. — Т. 22, № 1. — С. 9–54. (В соавт. с Д. В. Спиридоновым).

144. *Казим, кажимот, веденье*: о локальных мифонимах с «перетекающими» мотивировками. DOI 10.31857/S0869544X25020093, EDN: IYIMRS // Славяноведение. — 2025. — № 2. — С. 99–110.

145. *Кесарины*: новые данные о русских народных названиях ряженных. DOI 10.24224/2227-1295-2025-14-10-9-31 // Научный диалог. — 2025. — Т. 14, № 10. — С. 9–31. (В соавт. с В. С. Кучко).

146. Топонимические предания о разбойниках восточного Вологодско-Костромского пограничья: генезис и функционирование // Волго-Двинское междуречье и Белозерский край: история и культура регионов по лингвистическим данным / под общ. ред. О. В. Мищенко, Л. А. Феоктистовой, Ю. А. Кривошаповой. — Екатеринбург ; М. : Кабинетный ученый, 2025. — (Труды Топонимической экспедиции). — С. 272–300. (В соавт. с В. С. Кучко и О. Д. Суриковой).

А. А. Бахтерева

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник топонимической лаборатории
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия;
старший научный сотрудник отдела этимологии и ономастики
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Москва, Россия
toponomist@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3493-3282>

Марина Васильевна Голомидова

В 2026 г. отмечает свое семидесятилетие доктор филологических наук, профессор кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга, а также кафедры иностранных языков Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина Марина Васильевна Голомидова.

Марина Васильевна — выпускница филологического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького, ученица профессора, члена-корреспондента РАН А. К. Матвеева, яркий представитель Уральской ономастической школы.

Свое направление в ономастике М. В. Голомидова (Григорьева) нашла еще в студенческие годы, когда она занялась названиями золотых приисков Урала. Курсовые работы стали базой для диплома, а он, в свою очередь, продемонстрировал глубокое погружение дипломницы в проблемы искусственной номинации. Именно изучение этого явления, с каждым годом становящегося все более активным практически во всех разделах собственных имен, в том числе в топонимии, и стало главным содержанием дальнейших научных исследований Марины Васильевны.

В кандидатской диссертации «Искусственная номинации в топонимии» (1985) соответствующий феномен получил глубокое и всестороннее осмысление. Автор поворачивает изучаемое явление разными гранями, рассматривая его и с точки зрения объекта, и с точки зрения субъекта номинации, обращаясь к различным методикам и проверяя свои выводы посредством номинативных экспериментов.

В докторской диссертации и монографии «Искусственная номинация в ономастике» (Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 1998) и последующих научных статьях Марина Васильевна выходит на уровень теоретических обобщений. Прежде всего, это детально разработанная общая модель имени собственного. Пожалуй, впервые в ономастике была так детально осмыслена семантика имени собственного, всегда являющаяся камнем преткновения для ономастологов. Автор, последовательно переходя от общей категориальной семантики через этапы конкретизирующей категоризации и индивидуализирующей характеристики к фоновым не собственно языковым знаниям (фреймам), репрезентирует путь от слова к имени конкретного объекта, результативный именно за счет тесного переплетения языковых и экстралингвистических параметров. Имя всегда включено не только в языковой, но и в бытийный контекст — не случайны попытки выделить ономастику как особую дисциплину. В то же время имя всегда хранит в себе семантику апеллятива, что открывает для него пути перехода в класс нарицательных имен. Концепция Марины Васильевны многогранна и открыта для дальнейшего рассмотрения, что, как кажется, пока не вполне используется современными ономастологами.

Возможно, эту общую проблему, представленную во вводной главе, затмевает основное содержание монографии: М. В. Голомидова предлагает свое понимание феномена искусственной номинации, фактически ставя точку в спорах о сущности этого процесса. Ее тезис о том, что естественная номинация связана со узуализацией, а искусственная — с намеренным введением названия в общественный лексикон, оправдан и логикой соотношения естественного и искусственного, и практикой номинации в современном

мире. При этом все прочие выделяемые предшествующими исследователями признаки (несоответствие общепринятым моделям номинации, немотивированность и т. п.) находят свое объяснение в предложенном критерии, поскольку именно отсутствие апробации узусом и может порождать отклонения от существующей в естественной номинации нормы. С другой стороны, предложенный критерий призван активизировать чувство ответственности у номинаторов, чьи номинативные единицы будут введены в языковое пространство социума.

Несомненной находкой исследовательницы нельзя не признать выделение архетипов онимической номинации — индикатива (номинации-описания), дедикатива (номинации-посвящения) и дезидератива (номинации-пожелания), весьма перспективное в осмыслении конкретных моделей искусственной номинации.

Марина Васильевна Голомидова — признанный авторитет в ономастике и теории номинации. В поле ее сегодняшних интересов очередной актуальный для изучения феномен — ономастика города. В многочисленных научных публикациях урбанонимия и эргонимия рассматриваются как важная часть городского пространства, способ трансляции городской и — шире — региональной идентичности, мощный ресурс создания конкурентно устойчивого имиджа города. Вехой в изучении этой проблематики стало издание под руководством и при ведущем авторстве Марины Васильевны коллективной монографии «Городская топонимия: современная политика и практика именования» (Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2023). Впрочем, Марина Васильевна не ограничивает сферу своих ономастических интересов только городской топонимией: в статьях за ее авторством и соавторством рассматриваются и собственные имена алмазов, и эргонимы, и возможности книжного нейминга, и даже названия спортивных сооружений.

Марина Васильевна Голомидова — постоянный и активный участник российских и международных ономастических научных конференций: «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология», «Ономастика Поволжья» (Россия), International Congress of Onomastic Sciences (Финляндия), Conferința Internațională de Onomastică «Numele și numirea» (Румыния), Międzynarodowa i ogólnopolska konferencja onomastyczna (Польша) и др.

В деятельности М. В. Голомидовой гармонично сочетаются теоретическая и прагматическая составляющие: она — активный член Комиссии по наименованиям топонимических объектов Екатеринбурга, заместитель главного редактора международного журнала «Вопросы ономастики», член двух диссертационных советов при Уральском федеральном университете.

Коллеги, ученики и друзья поздравляют Марину Васильевну с юбилеем и желают ей новых свершений в научной, организационной и общественной деятельности!

М. Э. Рут

доктор филологических наук, профессор
кафедра русского языка, общего языкознания
и речевой коммуникации
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия
moerut@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6253-5711>

С. О. Горяев

кандидат филологических наук, доцент
кафедра русского языка, общего языкознания
и речевой коммуникации
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия
gorajev@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1684-0384>

https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2026.23.1.016

Библиография ономастических работ М. В. Голомидовой

1983

1. К вопросу об искусственной номинации в топонимии // Вопросы ономастики. Вып. 16 : Методы топонимических исследований : сб. науч. тр. / под ред. А. К. Матвеева. — Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1983. — С. 71–77.

1984

2. Некоторые вопросы теории искусственной номинации // Актуальные проблемы современной и исторической лексикологии : тез. докл. и сообщ. XX Зональной конф. кафедр рус. яз. вузов Урала. — Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1984. — С. 5–13.

1985

3. Карта Горной Северной экспедиции XIX в. как источник изучения окказиональной топонимии // Вопросы ономастики. Вып. 17 : Топонимия Урала и севера Европейской части СССР : сб. науч. тр. / под ред. А. К. Матвеева. — Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1985. — С. 43–48.

4. Словообразовательные типы названий спелеологических объектов // Ономастическое и диалектное словообразование Алтая / отв. ред. И. А. Воробьева. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1985. — С. 49–53.

1987

5. Искусственная номинация в топонимии : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Урал. гос. ун-т. — Свердловск, 1987. — 24 с.

1991

6. Некоторые теоретические вопросы искусственной топонимической номинации // Вопросы ономастики. — 1991. — № 19. — С. 5–13.

1995

7. Урбанонимы в контексте культуры современного города // Ежегодник Научно-исследовательского института русской культуры. 1994. — Екатеринбург : Урал. гос. ун-т, 1995. — С. 76–86.

1998

8. Искусственная номинация в русской ономастике : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Урал. гос. ун-т. — Екатеринбург, 1998. — 38 с.

9. Искусственная номинация в русской ономастике. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 1998. — 282 с. — ISBN 5-7186-0338-3.

1999

10. Лексика природы в русских псевдонимах: номинативное отражение констант творческого начала // III Житниковские чтения : Динамический аспект лингвистических исследований : материалы Всерос. науч. конф. (21–23 апреля 1999 г., Челябинск) / отв. ред. Е. И. Голованова. — Челябинск : [б. и.], 1999. — Ч. 1. — С. 47–52.

2001

11. Образ пространства и пространственные образы в названиях старого Екатеринбурга // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2 : Гуманитарные науки. — 2001. — № 20. — С. 19–25.

12. *Nature morte* в современной эргонимии: эстетика массовой культуры и вербальная трактовка образа товара в названиях деловых объектов // Лингвокультурологические проблемы толерантности : тез. докл. Междунар. конф. (Екатеринбург, 24–26 октября 2001 г.). — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. — С. 42.

2003

13. Прагматический аспект именотворчества: общий взгляд // Ономастика и диалектная лексика. Вып. 4 : сб. науч. тр. / под ред. М. Э. Рут. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. — С. 107–120.

2004

14. [Рец. на кн.:] Чужое имя (Альманах «Канун». Вып. 6) // Вопросы ономастики. — 2004. — № 1. — С. 169–172.

2005

15. Русская антропонимическая система на рубеже веков // Вопросы ономастики. — 2005. — № 2. — С. 11–22.

2006

16. [Рец. на кн.:] *Дмитриева Т. Н.* Топонимия бассейна реки Казым. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005 // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2 : Гуманитарные науки. — 2006. — Вып. 41. — С. 274–278.

2009

17. Вербальные символы СССР в современной коммерческой номинации // Советское прошлое и культура настоящего : монография : в 2 т. / отв. ред. Н. А. Купина, О. А. Михайлова. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. — Т. 2. — С. 332–348.

18. Книжный нейминг: проблемы изобретения коммерческого имени // Книжное дело: достижения, проблемы, перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Т. В. Попова, Ю. С. Подлубнова. — Екатеринбург : УГТУ-УПИ, 2009. — С. 11–13.

19. Личное имя как носитель социальной информации // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. — 2009. — № 7. — С. 59–72.

20. Прецедентные знаки советского времени в современной коммерческой номинации // Приенисейская Сибирь как лингворегион : материалы науч.-практ. конф., посвящ. памяти В. Н. Роговой / отв. ред. С. П. Васильева. — Красноярск : Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2009. — С. 128–135.

21. Проблемы изобретения собственных имен в практике современного книжного нейминга // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 8–12 сент. 2009 г.) / под ред. Е. Л. Березович. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. — С. 62–64.

2012

22. Использование советских символов в современной коммерческой номинации // Инновационный потенциал стратегических коммуникаций: региональный аспект : сб. ст. / отв. ред. Е. Г. Соболева. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. — С. 206–211.

23. Специфика способов деривации гемеронимов (на примере названий российских периодических изданий) // *Linguistica juvenis*. Вып. 14 : сб. ст. / отв. ред. Т. А. Гридина. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2012. — С. 165–171. (В соавт. с Т. А. Пырковой).

24. Эксперимент в топонимических исследованиях (опыт Уральской ономастической школы) // Язык и прошлое народа : сб. науч. ст. памяти проф. А. К. Матвеева / [отв. ред. проф. М. Э. Рут]. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. — С. 77–92.

2013

25. Имятворчество в эргонимии: традиции vs актуальные тренды // Лингвистика креатива — 2 : монография / отв. ред. Т. А. Гридина. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2013. — С. 63–72.

2014

26. Имена собственные периодических изданий в русском и английском языках: ономастиологический аспект // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. — 2014. — Т. 3, № 6. — С. 86–92. (В соавт. с В. А. Мясниковой).

27. Образ адресата в названиях периодических изданий // Вопросы ономастики. — 2014. — № 2 (17). — С. 112–119. (В соавт. с В. А. Мясниковой).

2015

28. Имидж города в названиях внутригородских объектов: актуальные вопросы топонимического строительства // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (23–24 апреля 2015 г., Екатеринбург) : в 2 т. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. — Т. 1. — С. 262–265.

29. Названия золотых приисков Урала как часть культурного капитала территории: лингвокультурологический аспект // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. — 2015. — Т. 21, № 2. — С. 101–104.

30. Урбанонимический дизайн: к вопросу о названиях внутригородских объектов. DOI 10.15826/vopr_onom.2015.1.010 // Вопросы ономастики. — 2015. — № 1 (18). — С. 186–196.

2016

31. Мир городской повседневности в зеркале неофициальной ойконимии. [Рец. на кн.:] *Ахметова М. В.* От *А-Ата* до *Ярска*: словарь неофициальных названий населенных пунктов / М. В. Ахметова. — М. : ФОРУМ, 2015. — 496 с. DOI 10.15826/vopr_onom.2016.13.1.014 // Вопросы ономастики. — 2016. — Т. 13, № 1. — С. 241–249.

2017

32. Архетипы онимической номинации: индикатив, дедикатив, дезидератив // В созвездии слов и имен : сб. науч. ст. к юбилею М. Э. Рут / под ред. Е. Л. Березович. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. — С. 302–320.

33. Современная урбанонимическая номинация: стратегические подходы и практические решения. DOI 10.15826/vopr_onom.2017.14.3.029 // Вопросы ономастики. — 2017. — Т. 14, № 3. — С. 185–203.

34. Naming City Objects in Russia: from Ideological Concepts of Soviet Time to New Nominative Practice. DOI 10.30816/ICONN4/2017/51 // Name and Naming: Sacred and Profane in Onomastics : Proceedings of the 4th International Conference on Onomastics (Baia Mare, September 5–7) / ed. by O. Felecan. — Cluj Napoca : Editura MEGA, 2017. — P. 635–645. (На англ. яз.).

2018

35. Взаимовлияние вербальных и невербальных средств выразительности в видеотекстах французской политической рекламы // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2018. — № 4 (127). — С. 154–161. (В соавт. с А. В. Дмитриевой).

36. Топонимическая политика в сфере номинации внутригородских объектов: теоретические и прикладные проблемы. DOI 10.15826/vopr_onom.2018.15.3.028 // Вопросы ономастики. — 2018. — Т. 15, № 3. — С. 36–61.

37. Naming of Urban Places and Problems of Urbanonymic Planning // Naming in Different Areas of Communication Field / ed. by I. V. Annenkova, E. N. Remchukova. — Ottawa : Carleton University, 2018. — P. 11–20. (На англ. яз.).

2019

38. Именованье городских топографических объектов и проблемы экспертизы новых названий. DOI 10.34680/2019.onomastics.29 // Ономастика Поволжья : материалы XVII Междунар. науч. конф. / под ред. В. Л. Васильева. — Великий Новгород : Новгородский печатный двор, 2019. — С. 29–33.

39. Использование технологии нейминга при создании официальных городских топонимов: анализ возможностей. DOI 10.15826/vopr_onom.2019.16.3.037 // Вопросы ономастики. — 2019. — Т. 16, № 3. — С. 162–178.

40. Номинативное проектирование как новый подход в муниципальной топонимической политике // II Всемирный конгресс в реальном и виртуальном пространстве «Восток-Запад: пересечения культур» (2–6 октября 2019 г., Япония, Киото) / под ред. С. М. Минасян. — Kioto : Tanaka Print, 2019. — Т. 2. — С. 443–449.

41. Прецедентные имена исторических деятелей и реалий в поликодовых видеотекстах российской и французской политической рекламы: коммуникативно-прагматический аспект. DOI 10.24224/2227-1295-2019-8-25-40 // Научный диалог. — 2019. — № 8. — С. 25–40. (В соавт. с А. В. Дмитриевой).

42. Топонимическая политика в области номинации внутригородских объектов: проблемы и перспективы // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 9–13 сентября 2019 г.) / [редкол.: Е. Л. Березович (отв. ред.) и др.]. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. — С. 92–94.

43. Урбанонимы как ресурс управления восприятием городского пространства. DOI 10.25513/2413-6182.2019.6(1).11-30 // Коммуникативные исследования. — 2019. — Т. 6, № 1. — С. 11–30.

44. Translating Urbanonyms: Issues and Suggestions for the Improvement of Linguistic Landscape. DOI 10.12783/dtssehs/icesd2019/28062 // The 4th International Conference on Education Science and Development. — Lancaster, Pennsylvania : DEStech Publications, 2019. — P. 15–20. (Co-authored with O. Shcherbakov). (На англ. яз.).

2020

45. Апробация технологии нейминга в создании официальных городских топонимов // Ономастика Поволжья : материалы XVIII Междунар. науч. конф. (9–10 сентября 2020 г., Кострома) : в 2 т. / науч. ред. Н. С. Ганцовская, В. И. Неганова. — Кострома : Костр. гос. ун-т, 2020. — Т. 1. — С. 38–44.

46. Имидж города в аспекте новых топонимических практик // Человек в информационном пространстве / под ред. Т. П. Курановой. — Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2020. — С. 144–149. (В соавт. с С. О. Горяевым).

47. Топонимическое имиджирование городских пространственных объектов. DOI 10.15826/vopr_onom.2020.17.3.043 // Вопросы ономастики. — 2020. — Т. 17, № 3. — С. 263–278.

48. Communication Strategies of Including Precedent Proper Names in Political Advertising Videotexts // Proceedings of the International Scientific Conference on Philosophy of Education, Law and Science in the Era of Globalization (PELSEG 2020) (Ekaterinburg, Russia, February 13–14) / ed. by A. Kerimov et al. — Atlantis Press, 2020. — P. 100–106. (Co-authored with A. V. Dmitrieva). (На англ. яз.).

49. Municipal Toponymic Policy as a Tool for Translation of Regional Identity: a Case of Modern Kazan (Russia). DOI 10.26881/jpgs.2020.3.05 // Journal of Geography, Politics and Society. — 2020. — Vol. 10 (3). — P. 42–54. (На англ. яз.).

50. Precedent Historic Names in Russian Political Advertising Videotexts. DOI 10.15405/epsbs.2020.08.44 // Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects : Proceedings of the X International Conference of Social and Behavioural

Sciences. — Chelyabinsk : Chelyabinsk State University, 2020. — P. 373–382. (Co-authored with A. V. Dmitrieva). (На англ. яз.).

51. Symbolic Names in Videotexts of Russian Political Advertising: Pragmatic and Linguocultural Aspects // DEStech Transactions on Social Science, Education and Human Science : Proceedings of the 5th International Conference on Education Science and Development (ICESD 2020) (Bangkok, Thailand, 6–7 January). — Destech Publications, 2020. — P. 408–414. (Co-authored with A. V. Dmitrieva). (На англ. яз.).

2021

52. Концептуальные метафоры в современном англоязычном экологическом дискурсе на тему COVID-19 (на материале статей сайта международной природоохранной организации «Greenpeace International») // Филологический аспект. — 2021. — № 2 (70). — С. 149–155. (В соавт. с Е. А. Грыгораш).

53. Multicultural Aspects of Name and Naming in Russian Post-Soviet Streetscapes // Names and Naming: Multicultural Aspects / ed. by O. Felecan, A. Bugheşiu. — Cham : Palgrave Macmillan, 2021. — P. 73–89. (На англ. яз.).

2022

54. Актуализация культурной информации городских топонимов в контексте формирования локальной идентичности: опыт новых форматов топонимического просвещения // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования / под науч. ред. А. М. Мезенко. — Витебск : Витеб. гос. ун-т им. П. М. Машерова, 2022. — С. 61–66. (В соавт. с С. О. Горяевым).

55. Городские топонимы в аспекте трансляции региональной идентичности: кейс города Уфы. DOI 10.15826/voprg_onom.2022.19.1.008 // Вопросы ономастики. — 2022. — Т. 19, № 1. — С. 160–179.

56. Муниципальная топонимическая политика и вопросы развития городской топонимии. DOI 10.37892/2713-2951-3-11-41-53 // Социолингвистика. — 2022. — № 3 (11). — С. 41–53.

57. Специфика семантического ореола топонима *Чэнду* по данным текстов китайской художественной литературы // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы V Междунар. науч. конф. (7–11 сентября 2022 г., Екатеринбург) / отв. ред. Е. Л. Березович, О. Д. Сурикова. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2022. — С. 157–162. (В соавт. с Л. Лань).

58. Топонимическая политика. DOI 10.37892/2713-2951-3-11-172-177 // Социолингвистика. — 2022. — № 3 (11). — С. 172–177.

59. Representation of Regional Identity in Toponymic Policy of Kazan (Russia). DOI 10.4324/9781003293057-4 // Encountering Toponymic Geopolitics: Place Names as a Political Instrument in the Post-Soviet States / ed. by S. Basik. — London : Routledge, 2022. — P. 66–81. (На англ. яз.).

60. Semiotic Game in Modern Ergonymy in the Context of Globalization Processes // Multiculturalism in Onomastics : Proceedings of the 5th International Conference

on Onomastics “Name and Naming” (Baia Mare, September 3–5) / ed. by O. Felecan, A. Bugheșiu. — Cluj-Napoca : Editura Mega, 2022. — P. 709–722. (На англ. яз.).

2023

61. Городская топонимия: современная политика и практика именования : монография. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2023. — 216 с. — ISBN 978-5-7996-3753-8. (В соавт. с Р. В. Разумовым, А. В. Дмитриевой, С. О. Горяевым, Л. Лань, Е. Н. Клименко).

62. Екатеринбург – Свердловск – Екатеринбург: образ города в динамике топонимического текста. DOI 10.5922/2225-5346-2023-1-2 // Слово.ру: Балтийский акцент. — 2023. — Т. 14, № 1. — С. 29–53.

63. Крымские «мотивы» в урбанонимии городов Уральского федерального округа // Русский язык в поликультурном мире : сб. науч. ст. : в 2 т. / отв. ред. Т. В. Аржанцева, Л. А. Орехова. — Симферополь : Изд. дом КФУ, 2023. — Т. 1. — С. 31–36. (В соавт. с С. О. Горяевым).

64. Отражение территориальной идентичности в топонимическом ландшафте малых городов Урала. DOI 10.15826/vopr_onom.2023.20.2.019 // Вопросы ономастики. — 2023. — Т. 20, № 2. — С. 144–173. (В соавт. с А. В. Дмитриевой).

65. Топонимический ландшафт Шадринска в аспекте региональной и локальной идентичности: социолингвистическое исследование. DOI 10.24224/2227-1295-2023-12-10-28-48 // Научный диалог. — 2023. — Т. 12, № 10. — С. 28–48. (В соавт. с С. О. Горяевым).

66. Этико-религиозные мотивы в городской топонимии Чэнду (Китай) // Филология, лингвистика и лингводидактика: вопросы теории и практики : сб. науч. тр. III Междунар. науч. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения С. В. Красновой (6–7 апреля 2023 г., Елец). — Елец : Елец. гос. ун-т, 2023. — С. 215–220. (В соавт. с Л. Лань).

2024

67. «Кто мы, откуда, куда мы идем?»: территориальная идентичность в урбанонимии города Кургана. DOI 10.30853/phil20240546 // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2024. — Т. 17, № 10. — С. 3868–3876. (В соавт. с А. В. Дмитриевой).

68. Актуальные вопросы изучения урбанонимических ландшафтов // Ономастика Поволжья : материалы XXII Междунар. науч. конф. (26–29 сентября 2024 г., Саратов) / под ред. Н. И. Данилиной, В. И. Супруна. — Саратов : Саратов. гос. мед. ун-т, 2024. — С. 211–216.

69. Литературная «тема» в урбанонимическом ландшафте Екатеринбурга // Русский язык в поликультурном мире : сб. науч. ст. VIII Междунар. симпозиума (9–13 июня 2024 г., Симферополь) : в 2 т. / отв. ред. Е. Я. Титаренко. — Симферополь : Изд. дом КФУ, 2024. — С. 177–182. (В соавт. с А. В. Дмитриевой).

70. Образ Екатеринбурга через призму урбанонимического дискурса. DOI 10.15826/vopr_onom.2024.21.3.039 // Вопросы ономастики. — 2024. — Т. 21, № 3. — С. 213–236. (В соавт. с А. В. Дмитриевой).

71. Северная «мозаика»: территориальная идентичность в топонимии северных городов Уральского федерального округа. DOI 10.24224/2227-1295-2024-13-9-56-71 // Научный диалог. — 2024. — Т. 13, № 9. — С. 56–71.

72. Урбанонимический дискурс в аспекте отражения территориальной идентичности (на материале топонимии северных городов Уральского федерального округа). DOI 10.29025/2079-6021-2024-3-102-113 // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2024. — № 3. — С. 102–113. (В соавт. с А. В. Дмитриевой).

73. Экологический дискурс и аспекты его изучения в российской лингвистике. DOI 10.60797/RULB.2024.53.15 // Русский лингвистический бюллетень. — 2024. — № 5 (53). — URL: <https://rulb.org/archive/5-53-2024-may/10.60797/RULB.2024.53.15> (В соавт. с А. Е. Гладий).

2025

74. Заводская культура в зеркале урбанонимии Екатеринбурга. DOI 10.15826/izv2.2025.27.2.032 // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2 : Гуманитарные науки. — 2025. — Т. 27, № 2. — С. 206–223. (В соавт. с С. О. Горяевым).

75. Нейминг спортивных сооружений в России: историческая динамика номинативных моделей // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования / под ред. Т. П. Слесаревой. — Витебск : ВГУ, 2025. — С. 76–81.

76. Полисемиотические «микротексты» в топонимическом ландшафте города // Ономастика Поволжья : материалы XXIII Междунар. науч. конф. (1–3 октября 2025 г., Астрахань) / под ред. В. И. Супруна и др. — Астрахань : Астрахан. гос. ун-т, 2025. — С. 146–149.

77. Собственные имена алмазов в русской культурно-языковой традиции: номинативные стратегии и тактики. DOI 10.15826/vopr_onom.2025.22.3.028 // Вопросы ономастики. — 2025. — Т. 22, № 3. — С. 9–38. (В соавт. с Е. Э. Ивановой).

М. Э. Рут

доктор филологических наук, профессор
кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия
moerut@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6253-5711>

Ирма Ивановна Муллонен

В январе этого года исполнилось 70 лет со дня рождения выдающегося российского ономатолога Ирмы Ивановны Муллонен. Ее научный путь начался на историко-филологическом факультете Петрозаводского государственного университета. После его окончания И. И. Муллонен поступила в очную аспирантуру Карельского филиала АН СССР, в 1983 г. защитила кандидатскую диссертацию по теме «Гидронимия бассейна реки Ояти», в 2000 г. — докторскую диссертацию «Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования».

С 1981 г. Ирма Ивановна работает в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН — сначала была научным сотрудником сектора языкознания, в 2005–2015 гг. — директором института, с 2016 г.

по сегодняшний день является главным научным сотрудником сектора языкознания и Междисциплинарного научно-образовательного центра «Nordica» ИЯЛИ КарНЦ РАН.

Основные направления исследований И. И. Муллонен — финно-угроведение, прибалтийско-финские языки, ономастика, топонимия, антропонимия, ареальная лингвистика, этноязыковые контакты, этимология, методика сбора и обработки ономастического материала. Ныне И. И. Муллонен — один из ведущих специалистов в области прибалтийско-финской ономастики в России, член-корреспондент РАН, глава Петрозаводской топонимической школы, автор более 260 научных работ.

Большим масштабом отличается научно-организационная деятельность юбиляра. И. И. Муллонен была президентом Ассоциации этнографов и антропологов России, входила в оргкомитет IX Конгресса этого научного сообщества (2011), была членом Республиканского оргкомитета V Всероссийской научной конференции «Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России» (2014), одним из организаторов регулярной карельской конференции «Рябининские чтения». В 2005–2015 гг. Ирма Ивановна была председателем Ученого совета Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН, членом Президиума КарНЦ РАН, ответственным редактором серии «Гуманитарные исследования» научного журнала «Труды Карельского научного центра РАН». В настоящее время она член редколлегий нескольких лингвистических журналов («Вопросы ономастики», «Ученые записки Петрозаводского государственного университета», «Ежегодник финно-угорских исследований», «Финно-угорский мир», «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований», «Традиционная культура»), главный редактор международного научного электронного журнала «Studia Nordica».

Исследовательская и организационная работа представлена также в проектной деятельности И. И. Муллонен: она руководила грантом РФФИ «Топонимные модели Карелии в пространственно-временном контексте» (2018), грантом РФФИ «Ойконимическая система Южной Карелии: на стыке традиций и инноваций» (2019–2021), была основным исполнителем гранта РФФИ «Памятники русской лексикографии в сборнике инок Прохора Коломнятина 1668 г.: исследование и подготовка текстов к публикации» (2020–2022), гранта РНФ «Ономастикон и лингвокультурная история Европейской России» (2023–2025), участвовала во множестве других проектов.

Ирма Ивановна — прекрасный педагог и наставник. Долгое время она преподавала на кафедре прибалтийско-финской филологии ПетрГУ, в 2003 г. стала профессором кафедры, была председателем Государственной аттестационной комиссии кафедры прибалтийско-финской филологии Института

филологии ПетрГУ, занималась подготовкой аспирантов и докторантов. Под ее руководством защищено шесть кандидатских и одна докторская диссертация.

Нельзя особо не отметить просветительскую деятельность И. И. Муллонен. Она активно делится своими знаниями и опытом, выступает с лекциями для разных категорий слушателей в столице и районах Карелии, вела рубрику «Секреты карельских топонимов» на медиапортале Karelia.News, является автором краеведческой страницы «Ливвиковские деревни от А до Я» на сайте Олонецкой централизованной библиотечной системы, участвует в теле- и радиопередачах. С ее постоянным участием на ГТРК «Карелия» выходит телепрограмма «Родные сердцу имена». В 2024 г. И. И. Муллонен приняла участие в съемках фильма «Озера Карелии» (при поддержке фонда грантов Главы Республики Карелия), в программе «Наблюдатель» на телеканале «Культура». На протяжении многих лет Ирма Ивановна активно сотрудничает с Государственным историко-архитектурным и этнографическим музеем-заповедником Киж, Шелтозерским вепским этнографическим музеем им. Р. П. Лонины, Пудожским историко-краеведческим музеем им. А. Ф. Кораблева, с библиотеками Петрозаводска, Сортавалы, Олонца, Кондопоги. При ее непосредственном участии был подготовлен целый ряд научно-популярных изданий: «Тысячелетний Сортавала: исторические ландшафтные театры» (Сортавала : О. В. Талыпина : Три Карелии, 2012), «По деревням вепского Прионежья = *Änižröunan vepsläižed küläd*» (Петрозаводск : ПИН, 2015), «Юркостров: мир слов и имен» (Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2021).

Многолетней активной научно-исследовательской, экспертной и общественной работой, а также гражданской позицией обусловлено то, что И. И. Муллонен пользуется огромным авторитетом у земляков, научного сообщества, общественных деятелей. Она является членом Совета по культуре при Главе Республики Карелия, членом Общественного совета при Национальном музее Республики Карелия, возглавляла Общественный совет при музее-заповеднике «Киж», неоднократно избиралась делегатом международных конгрессов финно-угорских народов и финно-угроведов.

В разные годы заслуги Ирмы Ивановны были отмечены почетной грамотой РАН и профсоюзов РАН (1999), почетной грамотой г. Петрозаводска (2000), почетной грамотой КарНЦ РАН (2016), почетной грамотой РАН (2016). В 2014 и 2024 гг. И. И. Муллонен была признана лауреатом года Республики Карелия. Ирма Ивановна — заслуженный деятель науки Республики Карелия (2006), заслуженный деятель науки Российской Федерации (2018), в 2025 г. она была удостоена медали «За заслуги перед Республикой Карелия».

Конечно, за каждой частицей этих официальных сведений, обязательных в юбилейных статьях, стоят целые пласты творческого, живого, многогранного

содержания научного пути Ирмы Ивановны. Поэтому расскажем более подробно о некоторых важных страницах ее «научной книги».

Она началась в 1979 г. с самой первой работы И. И. Муллонен, посвященной микротопонимии села Шелтозеро — старинного вепсского поселения в Прионежском районе Карелии. Нередко первые исследования ученых мало связаны с их дальнейшими научными интересами, однако в работах И. И. Муллонен вепсская тема не только звучит непрерывно, но и остается ведущей: после нескольких первых работ — кандидатская диссертация по гидронимии бассейна реки Оять (1983), «Очерки вепсской топонимии» (СПб. : Наука, 1994), докторская диссертация по топонимии Присвирья (2000), «Лингвистический атлас вепсского языка» (СПб. : Нестор-История, 2019), где И. И. Муллонен — один из авторов. В докладе президента РАН А. М. Сергеева этот атлас был назван в числе важнейших фундаментальных научных результатов Российской академии наук. В том же году вышла изданная к 100-летию Республики Карелия монография «Народы Карелии» (Петрозаводск : Периодика, 2019), где Ирмой Ивановной написана глава «Территория расселения и этнонимы вепсов». В этих работах, а также во многих десятках статей рассматриваются механизмы и закономерности формирования вепсской топонимической системы, реконструируются утраченные языком лексемы и элементы древнего именослова, предлагаются теоретическая база и инструментарий для дальнейших исследований прибалтийско-финского субстрата на обрусевших вепсских территориях. И. И. Муллонен удалось предложить четкие критерии дифференциации карельских и вепсских топонимов, определить наиболее значимые топонимические ареалы, проследить пути исторического освоения изучаемых территорий разными этноязыковыми коллективами.

Подчеркнем, что в работе И. И. Муллонен с вепсским языковым материалом сразу обозначились такие важнейшие акценты, как связь ономастики и истории, внимание к специфике процессов, протекающих в контактных зонах, — в конечном итоге исследования И. И. Муллонен оказались нацеленными на воссоздание этноязыковой карты Карелии и реконструкцию ее истории. Отсюда характерное для работ Ирмы Ивановны повышенное внимание к гидронимии и исторической ойконимии.

В этом же ключе Ирмой Ивановной велась и продолжает вестись работа, связанная с карельским языковым материалом. Начавшись с отдельных этюдов, далее она вылилась в целый ряд монографий и словарей: «Топонимия Заонежья: словарь с историко-культурными комментариями» (Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2008), «Первый карельско-русский словарь и его автор афонский архимандрит Феофан» (Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2013; в соавт. с О. В. Панченко), «Топонимные модели Карелии в пространственно-временном

контексте» (М. : ЯСК, 2018) — последняя из названных работ (коллективная монография) признана одним из важнейших результатов фундаментальных исследований ИЯЛИ КарНЦ РАН в 2018 г. Этот список продолжают труды самых последних лет: «Словарь названий населенных мест карелов-людиков» (Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2021; в соавт. с Е. В. Захаровой), «Ливвиковские деревни от А до Я: словарь названий населенных мест» (Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2025; в соавт. с Е. В. Захаровой и Д. В. Кузьминым). Первый из этих словарей включает более 200 статей, в которых представлены история и этимология ойконимов карельского людиковского ареала в Прионежье. Во втором словаре, содержащем около 700 статей, впервые восстанавливается история поселений олонецких карелов в Южной Карелии (начиная с XVI в.) и предлагаются этимологии ойконимов.

Нельзя особо не отметить саамские страницы исследований И. И. Муллонен. Как известно, в России субстратные названия «саамского типа» фиксируются на очень большой территории — при этом их интерпретация часто сопряжена с трудностями. Преодолеть же эти трудности важно как для реконструкции древней лингвоэтнической карты, так и — в конечном итоге — для решения вопросов этногенеза финно-угров и языковой генеалогии. Тема древнесаамского субстрата в исследованиях И. И. Муллонен постоянна — она начинается с первых саамских этимологий в гидронимии Приоятья (начало 1980-х гг.), продолжается во всех монографиях и словарях, в публикациях, посвященных происхождению отдельных особенно загадочных топонимов (*Выг, Онего*, многочисленные на севере России *Пендусы* и др.). В работах Иры Ивановны не ставится цель объяснить все саамские названия, однако то, что включается в исследования, анализируется детальнейшим образом, с привлечением всего мощного корпуса разработанных Петрозаводской школой методов, поэтому результат дает бесценные ключи для других ученых.

При всей интенсивности научной работы, требующей много времени и сосредоточенного кабинетного труда, И. И. Муллонен — один из немногих в России организаторов масштабных полевых исследований и (с конца 1970-х гг. до сегодняшних дней) их участник. Под ее руководством ономастический материал собирался как на территории Карелии, так и на сопредельных территориях — в Ленинградской, Мурманской, Архангельской и Вологодской областях. При ее активном участии, а затем под непосредственным руководством сформирована одна из лучших в России топонимических картотек, насчитывающая около 300 тыс. единиц хранения на карельском, вепском и русском языках.

И. И. Муллонен — инициатор проекта по созданию уникальной в общероссийском масштабе геоинформационной аналитической системы «Топонимия

Карелии», которая включает в себя электронную картотеку топонимов и картографическую информацию о них. Эта база данных ориентирована на обработку больших массивов материала и применение ареально-типологического анализа, что позволяет выявить целый ряд топонимных моделей-маркеров, выделить ключевые зоны этнических контактов и подготовить методическую основу для исследования топонимической системы региона.

Одним из важных итогов разработки этой системы стала рукопись созданного под руководством И. И. Муллонен «Топонимического атласа Карелии». В нем на основе нескольких десятков тематических карт выявлены границы исторического расселения этносов, определены маршруты карельской миграции, реконструированы русские топонимические типы различных эпох. Эта ГИС-система легла в основу нового размещенного в сети Интернет геоинформационного ресурса «ТопКар — Топонимия Карелии»¹, возможности которого позволяют интегрировать электронную базу данных с географической картой, превращая топонимию в мощный инструмент изучения этнокультурной и языковой истории региона. Подходы, разработанные И. И. Муллонен, стали важным элементом в работе всей Петрозаводской ономастической школы, а результаты этой работы используются не только лингвистами, но и историками, археологами, этнографами.

Тем самым научная деятельность И. И. Муллонен представляет собой многогранную и целостную систему, охватывающую ономастику, историческую лингвистику, ареальную лингвистику, контактологию, лексикографию, методику сбора и обработки языкового материала. Ее работы формируют фундаментальное знание о топонимии Карелии, а созданная ею научная школа продолжает развивать заложенные направления, открывая новые горизонты изучения языковой и этнокультурной истории региона.

Е. В. Захарова

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
ИЯЛИ КарНЦ РАН
Петрозаводск, Россия
katja.zaharova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3225-7161>

Д. В. Кузьмин

кандидат филологических наук
Хельсинкский университет
Хельсинки, Финляндия
kusmiccu@hotmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-6717-4214>

¹ URL: <http://topkar.krc.karelia.ru>

* * *

От Уральской школы с любовью

Позволю себе думать, что в «научной книге» Ирмы Ивановны, кроме всего вышеназванного, есть и немаловажная для нее страница, связанная с нашей Уральской школой. Будучи представителем этой школы, я хорошо помню, например, что в «лихие девяностые» было невероятно трудно заниматься наукой. Ученым приходилось попросту выживать, поэтому появлялось мало хороших работ и по топонимии, и по географической лексике. Однако именно в это время вышла целая серия монографий и словарей И. И. Муллонен: «Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии» (Петрозаводск : КарНЦ РАН, 1991; в соавт. с Н. Н. Мамонтовой), «Очерки вепсской топонимии» (СПб. : Наука, 1994), «Словарь гидронимов Юго-Восточного Приладожья» (СПб. : Изд-во СПбГУ, 1997; в соавт. с И. В. Азаровой и А. С. Гердом); в девяностые писалась и «Топонимия Присвирья» (Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2002). Наверное, Ирма Ивановна не знает об этом, но мы, тогдашние аспиранты филфака УрГУ, буквально зачитывали до дыр кафедральные экземпляры этих книг. Когда одна из них куда-то пропала (потом, конечно, нашлась), среди нас была настоящая паника.

В этих книгах была наша «родная» прибалтийско-финская топонимия и географическая лексика — почти та же, что мы изучали в качестве севернорусского субстрата, но уже тогда в этих книгах был особый угол зрения. Идя по стопам А. К. Матвеева, мы привыкли к «высоте птичьего полета» и невольно стремились подражать этому типу исследований. А в работах Ирмы Ивановны на первый план выходило другое: сравнительно небольшая территория, микроареалы и их отношения, тонкий анализ семантики топонимов — в том числе, например, разграничение апеллятивных и антропонимических основ (что часто было нашим «слабым местом»), наблюдения над спецификой прибалтийско-финских топонимных моделей, маркеры диалектных и хронологических различий прибалтийско-финских топонимов, закономерности взаимной адаптации прибалтийско-финских и русских топонимов в контактных зонах, топонимическая реконструкция утраченных географических терминов. Этот угол зрения тоже был невероятно притягательным, он показывал бесконечность углубления в материал, неисчерпаемость поиска, т. е. многие новые векторы наших тогдашних штудий по субстрату Русского Севера.

Поэтому не приходится удивляться, что никакого противоречия между работами Ирмы Ивановны и исследованиями Уральской школы не возникло:

напротив, они стали дополнять друг друга. С конца 1990-х гг. началось сотрудничество, обмен материалами, встречи на конференциях, общие научные проекты, экспедиции, публикации, совместная работа в журнале «Вопросы ономастики», где И. И. Муллонен стала членом редколлегии, экспертом и постоянным автором. Нередко мы, «уральцы», попросту брали пример с Петрозаводской топонимической школы, возглавляемой Ирмой Ивановной, — так, геоинформационная система «Топонимия Карелии» стала для нас прообразом-мечтой, к воплощению которой мы стремимся при обработке наших огромных картотек по территории Русского Севера. В итоге — как в методическом отношении, так и в плане собственно лингвистического опыта — работы ученых Уральской школы сейчас невозможно представить без обращения к исследованиям как самой Ирмы Ивановны, так и ее учеников: Е. В. Захаровой, Д. В. Кузьмина, И. П. Новак, А. И. Соболева и др.

Если же смотреть с более общих позиций, учитывающих нынешний контекст отечественной ономастики, то без всякого преувеличения можно сказать, что исследования Ирмы Ивановны и возглавляемой ею школы — не что иное, как детально разработанная модель комплексного изучения исторического и современного ономастикона Карелии, которую можно было бы приложить и к другим территориям России, на которых проживают финно-угорские народы. Со временем, как можно думать, опыт Петрозаводской школы будет широко востребован.

Не могу не отметить еще некоторые черты, без которых портрет юбиляра остался бы неполным. Это, во-первых, то, что для научных работ Ирмы Ивановны характерно абсолютное отсутствие всяческого пустословия, пафоса, «модных» пассажей — но при этом сквозь выверенные строки монографий и статей каким-то непостижимым образом всегда чувствуются теплота и бережность по отношению к рассматриваемому родному материалу. Во-вторых, Ирме Ивановне в высшей степени свойственны научная честность, понимание пределов разрешающей силы наших исследовательских методов и знаний, способность признать ту или иную собственную лингвистическую ошибку. В-третьих, когда возникают научные дискуссии с коллегами, поражает умение Ирмы Ивановны вести их одновременно доброжелательно и строго, предельно внимательно и в высочайшей степени интеллигентно. Во всем этом, как и в самой сути исследований, раскрывается глубинная природа настоящего ученого — того, у которого действительно стоит учиться.

Поэтому от лица Уральской школы и редколлегии журнала «Вопросы ономастики» хочется просто сказать: дорогая Ирма Ивановна, с юбилеем! Пусть

и дальше пишется Ваша прекрасная «научная книга»: мы будем с нетерпением ждать Ваших новых научных начинаний и работ.

Н. В. Кабина
доктор филологических наук, профессор
кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия
nadia.nvlad2010@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8855-4507>

https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2026.23.1.018

Библиография ономастических работ И. И. Муллонен¹

1979

1. Антропонимическая микропонимия с. Шелтозеро // Вопросы финской филологии / отв. ред. М. И. Муллонен. — Петрозаводск : Петрозав. гос. ун-т им. О. В. Куусинена, 1979. — С. 77–87.

1981

2. О некоторых формантах гидронимии бассейна реки Ояти // Прибалтийско-финское языкознание. Вып. 6 : Вопросы лексикологии и лексикографии / отв. ред. Г. М. Керт, М. И. Зайцева. — Л. : Наука, 1981. — С. 81–85.

1982

3. Структурные типы микропонимии с. Шелтозеро Карельской АССР // Ономастика Европейского Севера СССР / науч. ред. Г. М. Керт, Н. Н. Мамонтова. — Мурманск : Мурман. кн. изд-во, 1982. — С. 24–28.

1983

4. Вепская ландшафтная терминология в гидронимии бассейна р. Ояти // Советское финно-угроведение. — 1983. — № 2. — С. 99–104.

5. Гидронимия бассейна реки Ояти : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.07 / Тартуский гос. ун-т. — Тарту, 1983. — 22 с.

1985

6. Некоторые наблюдения над вепской географической терминологией // Топонимия Урала и севера Европейской части СССР / отв. ред. А. К. Матвеев. — Свердловск : Урал. гос. ун-т, 1985. — С. 98–106.

7. О гидронимии бассейна Ояти // Кочкуркина С. И., Линевский А. М. Курганы летописной веси X — начала XIII века. — Петрозаводск : Карелия, 1985. — С. 184–196.

1987

8. Прибалтийско-финский -л-овый формант в вепской ойконимии // XVII Всесоюз. финно-угорская конф. : тез. докл. — Устинов : Удм. гос. ун-т, 1987. — Ч. 1 : Языкознание. — С. 156–159.

1988

9. Гидронимия бассейна реки Ояти. — Петрозаводск : Карелия, 1988. — 161 с. — ISBN 5-7547-0103-X.

¹ Финансовое обеспечение исследований осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН № 124022000077-1.

10. О вепсской антропонимии (опыт топонимической реконструкции) // Советское финно-угроведение. — 1988. — № 4. — С. 271–282.

11. Ойконимия прионежских вепсов // Прибалтийско-финское языкознание / отв. ред. Г. М. Керт, Н. Г. Зайцева. — Петрозаводск : КФ АН СССР, 1988. — С. 50–66.

12. Русская адаптация вепсской гидронимии бассейна реки Ояти // Проблемы русско-финно-угорского двуязычия и межъязыковых контактов / отв. ред. Л. П. Васинова. — Йошкар-Ола : МарГУ, 1988. — С. 25–31.

1989

13. Вепские ойконимические форманты // Вопросы финно-угорской ономастики / отв. ред. М. Г. Атаманов. — Ижевск : Удмурт. ИИЯЛ, 1989. — С. 102–117.

14. Вепсы Прионежья по данным топонимики // Проблемы истории и культуры вепсской народности / отв. ред. В. В. Пименов. — Петрозаводск : КФ АН СССР, 1989. — С. 84–90.

15. Из истории вепсской лексики // Проблемы истории и культуры вепсской народности / отв. ред. В. В. Пименов. — Петрозаводск : КФ АН СССР, 1989. — С. 102–105.

1990

16. К истории вепсской лексики (по топонимическим данным) // Материалы VI Междунар. конгресса финно-угроведов / отв. ред. Г. В. Федюнева. — М. : Наука, 1990. — Т. 2. — С. 135–137.

17. Mitä paikanimistö kertoo vepsäläisten asettumisesta Äänisen, Laatokan ja Valkeanjärven väliselle alueelle? // Itämerensuomalaiset kielikontaktit. — Helsinki : Valtion Painatuskeskus, 1990. — S. 84–90. (На фин. яз.).

18. Vepsian in Mezhozerye from place-name data // Proceedings of the 17th International Congress of Onomastic Sciences / ed. by E. M. Närhi. — Helsinki : Yliopistopaino, 1990. — Vol. 2. — P. 195–202. (На англ. яз.).

1991

19. Вепские топоформанты // Прибалтийско-финское языкознание / отв. ред. П. М. Зайков, Н. Г. Зайцева. — Петрозаводск : КарНЦ АН СССР, 1991. — С. 57–64.

20. Отражение типов сельских поселений в вепсской ойконимии // Номинация в ономастике / отв. ред. М. Э. Рут. — Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. — С. 94–102.

21. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. — Петрозаводск : КарНЦ АН СССР, 1991. — 158 с. — ISBN 5-201-07813-3. (В соавт. с Н. Н. Мамонтовой).

22. Этноисторические мотивы топонимии Межозерья // Голубева Л. А., Кочкуркина С. И. Белозерская весь по материалам поселения Крутик IX–X вв. — Петрозаводск : КарНЦ АН СССР, 1991. — С. 187–196.

1992

23. Об изучении топонимии Карелии // Вопросы финской филологии : сб. науч. тр. / отв. ред. М. И. Муллонен. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1992. — С. 22–36. (В соавт. с Н. Н. Мамонтовой).

24. Zur Rekonstruktion der wepischen Lexik nach toponymischen Belegen. DOI 10.3176/lu.1992.1.01 // *Linguistica Uralica*. — 1992. — No. 28. — S. 1–12. (На нем. яз).

1993

25. Вепские топонимные ареалы на диалектном фоне // *Российский этнограф*. — Вып. 15 : Ономастика. — Ч. 2 : Грамматика собственных имен. Регион. Ареал. Диалект. — М. : [б. и.], 1993. — С. 156–164.

26. О «святых» топонимах и некоторых следах древних верований вепсов в топонимии // *Родные сердцу имена (Ономастика Карелии)* / науч. ред. Г. М. Керт, Н. Н. Мамонтова, Л. П. Михайлова. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 1993. — С. 4–12.

27. Топонимия в контексте народной культуры // *Традиционная культура: общечеловеческое и этническое. Проблемы комплексного изучения этносов Карелии : материалы симпозиума (Петрозаводск, сентябрь 1993 г.)* / ред. Т. В. Краснопольская. — Петрозаводск : АСПО, 1993. — С. 36–40. (В соавт. с Н. Н. Мамонтовой).

1994

28. О переводе в топонимии // *Материалы для изучения сельских поселений : докл. и сообщ. III науч.-практ. конф. «Центрально-черноземная деревня: история и современность» (Воронеж, декабрь 1994 г.)*. — Ч. 1 : Язык. Культура / ред. Н. В. Подольская, З. В. Рубцова. — М. : Тип. Рос. акад. с.-х. наук, 1994. — С. 124–126.

29. Очерки вепской топонимии / науч. ред. Н. Н. Мамонтова. — СПб. : Наука, 1994. — 156 с. — ISBN 5-02-028155-7.

30. Paikannimistö vepsäläisten muinaisen perinteen valoittajana // *Vepsäläiset tutuiksi. Kirjoituksia vepsäläisten kulttuurista / toim. K. Heikkinen ja I. Mullonen*. — Joensuu : Joensuun yliopiston monistuskeskus, 1994. — S. 63–72. (На фин. яз.).

1995

31. Вепско-карельское контактирование в топонимии Северного Присвирья // *Itämerensuomalainen kulttuurialue : Congressus 8 Internationalis Fenno-Ugristarum (Jyväskylä, 12.08.1995)*. — Helsinki : [s. n.], 1995. — S. 161–163.

32. Заметки о топонимии Водлозерья // *Природное и культурное наследие Водлозерского национального парка* / науч. ред. В. С. Куликов. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 1995. — С. 192–197.

33. К проблеме древних «речных» суффиксов (в контексте вепской гидронимии) // *Узловые проблемы современного финно-угроведения : материалы I Всерос. науч. конф. финно-угроведов / гл. ред. Г. А. Архипов*. — Йошкар-Ола : Науч. центр финно-угроведения, 1995. — С. 367–368.

34. К проблеме этнической истории прибалтийско-финских народов (по данным языкознания) // *Севернорусские говоры / отв. ред. А. С. Герд*. — Вып. 6. — СПб. : СПбГУ, 1995. — С. 3–14. (В соавт. с А. С. Гердом и Н. Н. Мамонтовой).

35. *Кивоя и Кивручей*: две адаптационные модели в топонимии Присвирья // *Ономастика Карелии. Проблемы взаимодействия разноязычных ономастических*

систем / науч. ред. Н. Н. Мамонтова, И. И. Муллонен. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 1995. — С. 4–17.

36. «Святые» гидронимы в контексте вепско-русского контактирования // Ономастика Карелии. Проблемы взаимодействия разноразличных ономастических систем / науч. ред. Н. Н. Мамонтова, И. И. Муллонен. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 1995. — С. 17–27.

37. Karelisch-wepsische Kontakte im Ortsnamengut des nördlichen Svir-Gebietes // Itämerensuomalainen kulttuurialue. — Helsinki : [s. n.], 1995. — (Castrenianumin toimitteita ; 49). — S. 142–163. (На нем. яз.).

1996

38. Об одной древнерусской ойконимной модели в Присвирье и Обонежье // Язык: история и современность. — СПб. : Изд-во СПбГУ, 1996. — С. 109–120.

39. Субстратные элементы в лексике вепского языка // 50 лет Карельскому научному центру РАН : юбилейная науч. конф. / отв. ред. В. С. Куликов, А. Ф. Титов. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 1996. — С. 237–238.

1997

40. Вепско-карельские контакты в топонимии Северного Присвирья // Фольклорная культура и ее межэтнические связи в комплексном освещении : межвуз. сб. / ред.-сост. Т. В. Краснопольская. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 1997. — С. 152–163.

41. Заметки о топонимии Присвирья // Из истории Санкт-Петербургской губернии. Новое в гуманитарных исследованиях / отв. ред. О. М. Фишман. — СПб. : Изд-во СПбГУ, 1997. — С. 65–72.

42. Истоки топонима *Суна* в контексте этноязыковой истории Обонежья // Традиционная культура финно-угров и соседних с ними народов. Проблемы комплексного изучения : тез. докл. Междунар. симпозиума / отв. ред. Т. В. Краснопольская. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 1997. — С. 67–69.

43. Следы времен минувших: село Суйсарь и его окрестности в географических названиях // Село Суйсарь: история, быт, культура / отв. ред. Т. В. Краснопольская, В. П. Орфинский. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1997. — С. 10–20. (В соавт. с Н. Н. Мамонтовой).

44. Словарь гидронимов Юго-Восточного Приладожья (бассейн реки Свирь) / под ред. А. С. Герда. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. — 224 с. — ISBN 5-288-01849-9. (В соавт. с И. В. Азаровой и А. С. Гердом).

45. Топонимия Заонежья: итоги и перспективы // Междунар. конф. по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры Русского Севера «Рябининские чтения — 95» / ред. А. И. Афанасьева и др. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 1997. — С. 231–236.

46. Юго-Западная Карелия в свете историко-архитектурных и топонимических данных: опыт междисциплинарного исследования // Фольклорная культура и ее межэтнические связи в комплексном освещении / ред.-сост. Т. В. Краснопольская. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 1997. — С. 5–26. (В соавт. с И. Е. Гришиной и В. П. Орфинским).

1999

47. Вепские языковые древности // Вепсы: история, культура и межэтнические контакты : сб. науч. тр. / науч. ред. И. Ю. Винокурова. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1999. — С. 94–103.

48. К проблеме формирования ливвиковско-людиковской границы // «Олонцу — 350» : тез. науч.-практ. конф. (29–30 сентября 1999 г.). — Олонец : Спектр, 1999. — С. 15–19.

49. О двух забытых вепских географических терминах // Русская диалектная этимология : III науч. совещание (21–23 октября 1999 г.) : тез. докл. и сообщ. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. — С. 27–30.

50. От Онежского озера до озера Неро: к разгадке истоков древних топонимов // Русская народная культура и ее этнические истоки. Пошехонские чтения — 99 / отв. ред. Ю. И. Смирнов. — М. : Современный писатель, 1999. — С. 27–30.

51. Суффиксальные модели в топонимии Присвирья // Севернорусские говоры / отв. ред. Н. А. Мещерский. — Вып. 7. — СПб. : Изд-во СПбГУ, 1999. — С. 72–89.

2000

52. В поисках утраченного: о коллективном творчестве создателей названий мест и мастерах — их хранителях (из опыта собирателей-топонимистов) // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера : доклады III Междунар. науч. конф. «Рябининские чтения — 99» / ред. Р. Б. Калашникова и др. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2000. — С. 202–208. (В соавт. с Н. Н. Мамонтовой).

53. Вепский след в топонимии Олонецкого перешейка // Материалы Междунар. науч.-метод. конф. преподавателей и аспирантов, посвящ. 75-летию кафедры финно-угорской филологии СПбГУ / отв. ред. Н. Н. Колпакова. — СПб. : Изд-во СПбГУ, 2000. — С. 61–66.

54. Вырозеро // Кижский вестник. — 2000. — № 5. — С. 157–165.

55. Лимноним *Ильмень* в контексте ареальной дистрибуции топонимических основ российского Северо-Запада // Финно-угорское наследие в русском языке : сб. науч. тр. / отв. ред. А. К. Матвеев. — Вып. 1. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. — С. 57–68.

56. Топонимия Беломорской Карелии: итоги и перспективы // Беломорская Карелия: история и перспективы развития / сост. Т. С. Клеерова, И. Б. Семакова. — Петрозаводск : ГКРКНП, 2000. — С. 30–31.

57. Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.07 / Марийск. гос. ун-т. — Йошкар-Ола, 2000. — 43 с.

2001

58. «Верхние» гидронимы Обонежья // Лингвокультурологические проблемы толерантности : тез. докл. Междунар. конф. (Екатеринбург, 24–26 октября 2001 г.). — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. — С. 366–368.

59. История Сегозерья в географических названиях // Деревня Юккогуба и ее округа / отв. ред. В. П. Орфинский. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2001. — С. 11–38.

60. Название Онежского озера в контексте субстратной топонимии Обонежья // Известия Уральского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. — 2001. — № 20. — С. 122–128.

61. Топонимия древнего новгородского пути в Беломорье // Топонимия и диалектная лексика Новгородской земли : материалы Междунар. науч. конф. «Историческая топонимика Великого Новгорода и Новгородской земли» / отв. ред. В. Л. Васильев. — Великий Новгород : Новгор. гос. ун-т, 2001. — С. 27–29.

62. Этнолингвистическая история Обонежья // Очерки исторической географии: Северо-Запад России. Славяне и финны / под ред. А. С. Герда, Г. С. Лебедева. — СПб. : Изд-во СПбГУ, 2001. — С. 332–348.

63. Юго-Восточное Приладожье по данным прибалтийско-финского языкознания // Очерки исторической географии: Северо-Запад России. Славяне и финны / под ред. А. С. Герда, Г. С. Лебедева. — СПб. : Изд-во СПбГУ, 2001. — С. 248–251.

2002

64. Дороги старой Толвуи в топонимии // Кижский вестник. — 2002. — № 7. — С. 104–111.

65. Еще раз об интерпретации топоосновы *ухт-* // Русская диалектная этимология: материалы IV Междунар. науч. конф. (22–24 октября 2002 г.). — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. — С. 70–71.

66. Карельская топонимия Валаама // Сортавала: страницы истории (к 370-летию основания города) : тез. докл. I Междунар. науч.-просветительской краеведческой конф. (Сортавала, 20–21 июня 2002 г.) / отв. ред. А. М. Пашков. — Петрозаводск : ПетрГУ, 2002. — С. 30–32.

67. Саранжа // Финно-угорское наследие в русском языке / отв. ред. А. К. Матвеев. — Вып. 2. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. — С. 113–122.

68. Топонимический материал в лекционном курсе «Введение в финно-угроведение» // Научные издания Московского венгерского колледжа. — М. : Валанг, 2002. — С. 85–96.

69. Топонимия Присвирья: проблемы языкового контактирования. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2002. — 356 с. — ISBN 5-8021-0193-8.

2003

70. Древние дороги Обонежья // Природное и историко-культурное наследие Северной Фенноскандии : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Петрозаводск, 3–4 июня 2003 г.) / ред. Л. С. Баранцева. — Петрозаводск : Пакони, 2003. — С. 165–170.

71. История формирования топонимных ареалов Заонежья // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера : материалы IV Междунар. науч. конф. «Рябининские чтения — 2003» / отв. ред. Т. Г. Иванова. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2003. — С. 322–327. (В соавт. с Е. В. Лялля).

72. Карельская топонимия Валаама // Прибалтийско-финское языкознание : сб. ст., посвящ. 80-летию Г. М. Керта / науч. ред. Н. Г. Зайцева, И. И. Муллонен и др. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2003. — С. 45–54.

73. О формировании населения Южной Карелии по топонимическим свидетельствам // Язык и народ: социолингвистическая ситуация на Северо-Западе России / под ред. А. С. Герда, М. Савиярви, Т. де Графа. — СПб. : Изд-во СПбГУ, 2003. — С. 80–103.

74. Старое Заонежье: вепское или карельское? // Кижский вестник. — 2003. — № 8. — С. 211–217.

75. Территория расселения и этнонимы вепсов в XIX–XX вв. // Прибалтийско-финские народы России / отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина. — М. : Наука, 2003. — С. 342–348.

2004

76. ГИС-технологии в исследовании топонимии Заонежья // Проблемы развития гуманитарной науки на Северо-Западе России: опыт, традиции, инновации : материалы науч. конф., посвящ. 10-летию РГНФ / отв. ред. А. В. Дворецкий. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2004. — С. 112–116. (В соавт. с О. Л. Бурсиной, Е. В. Ляля).

77. Границы в топонимии Заонежья // История русского слова: ономастика и специальная лексика Северной Руси / отв. ред. С. Н. Смольников. — Вып. 2. — Вологда : Изд-во ГУ Вологодский НИИ, 2004. — С. 164–178.

78. Древние дороги Обонежья // Народные культуры Русского Севера: фольклорный этнетип этноса / отв. ред. Н. В. Дранникова. — Вып. 2. — Архангельск : Изд-во Помор. ун-та, 2004. — С. 233–239.

79. Информационные технологии в исследовании формирования топонимных ареалов Заонежья // Труды Карельского научного центра РАН. — 2004. — № 6. — С. 90–98. (В соавт. с Е. В. Ляля).

80. Культурный ландшафт Валаамского архипелага (на материале топонимии) // Валаамский монастырь: духовные традиции, история, культура : материалы II Междунар. науч. конф. — СПб. : Сатис : Держава, 2004. — С. 343–351.

81. Топонимия Заонежья: материал и его этноязыковая интерпретация // Сельская Россия: прошлое и настоящее. — 2004. — Вып. 3. — С. 235–237.

82. Экспедиция к южным вепсам // Вопросы ономастики. — 2004. — № 1. — С. 183–187.

2005

83. Геоинформационная аналитическая система «Топонимия Заонежья» // Вопросы ономастики. — 2005. — № 2. — С. 86–96. (В соавт. с Е. В. Ляля).

84. Карельская топонимия Валаама // Сортавальский исторический сборник. — 2005. — Вып. 1. — С. 17–27.

85. Об одной диалектной границе в Заонежье // Кижский вестник. — 2005. — № 10. — С. 207–215.

86. *Палеостров* в ряду субстратных топонимов Обонежья // Ономастика в кругу гуманитарных наук : материалы междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 20–23 сентября 2005 г.). — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. — С. 61–64.

87. Применение ГИС-технологий в исследовании топонимии Заонежья // Современные информационные технологии и филология : тез. конф. (10–11 октября 2005 г.) /

отв. ред. В. Л. Кляус. — М. : ИМЛИ РАН, 2005. — С. 38–40. (В соавт. с Н. Л. Шибановой).

88. Топонимы как маркеры культурного ландшафта Заонежья // Прибалтийско-финское языкознание: лингвогеографические исследования / сост. Н. Г. Зайцева. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2005. — С. 111–125.

89. Vepsän etnisen alueen muodostuminen paikannimistön perusteella // Vepsä. Maa, kansa, kulttuuri / toim. L. Saessalo. — Jyväskylä : Gummerus Kirjapaino Oy, 2005. — S. 48–62. (На фин. яз.).

90. Vepsian Oikonymy // Onomastica Uralica. — 2005. — No. 3 : Settlement Names in the Uralian languages. — P. 51–64. (На англ. яз.).

2006

91. ГИС-технологии в исследованиях топонимии Карелии // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. Сер. Филология. Искусствоведение. — 2006. — № 1. — С. 159–168. (В соавт. с Е. В. Ляля).

92. Маркировка границы в топонимии Заонежья // Ad fontes verborum. Исследования по этимологии и исторической семантике: к 70-летию Ж. Ж. Варбот / отв. ред. А. Ф. Журавлев. — М. : Индрик, 2006. — С. 245–255.

93. Наука о вепсах на рубеже столетий // Современная наука о вепсах: достижения и перспективы: памяти Н. И. Богданова / отв. ред. И. Ю. Винокурова. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2006. — С. 7–33. (В соавт. с В. П. Орфинским и И. Ю. Винокуровой).

94. Сакральная топонимия Заонежья // Поморские чтения по семиотике культуры. — Вып. 2 : Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера / отв. ред. Н. М. Терехин. — Архангельск : Изд-во Помор. ун-та, 2006. — С. 121–128.

95. Топонимические этюды Вологодской земли // Вепсы: история, культура, современность : материалы науч.-практ. конф. (29 марта 2006 г.). — Вологда : ВГПУ, 2006. — С. 63–72.

96. Фонетическая интеграция прибалтийско-финской топонимии в русскую топонимию Заонежья // Славянизация Русского Севера. Механизмы и хронология / под ред. Ю. Нуорлуото. — Helsinki : [s. n.], 2006. — С. 282–292.

97. Формирование системы расселения в южновепском ареале // Современная наука о вепсах: достижения и перспективы: памяти Н. И. Богданова / отв. ред. И. Ю. Винокурова. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2006. — С. 224–237.

98. Формирование этнолингвистической карты Карелии // Северная Европа в XXI веке: природа, культура, экономика : материалы Междунар. конф., посвящ. 60-летию КарНЦ РАН (24–27 октября 2006 г.). — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2006. — Т. 2. — С. 130–132.

2007

99. Загадка Выга // Комплексные гуманитарные исследования в бассейне Белого моря / сост. Н. В. Лобанов. — Петрозаводск : Острова, 2007. — С. 200–203.

100. Заонежье как центр и периферия топонимных ареалов Карелии // Рябининские чтения — 2007 : материалы V науч. конф. по изучению народной культуры

Русского Севера / отв. ред. Т. Г. Иванова. — Петрозаводск : Изд-во ГИАЭМЗ «Кижис», 2007. — С. 245–249.

101. Топонимический атлас Карелии: проблемы и перспективы // Финно-угорская топонимия в ареальном аспекте : материалы науч. симпозиума / сост. И. И. Муллонен. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2007. — С. 7–19.

102. Экспедиция на Осудареву дорогу // Вопросы ономастики. — 2007. — № 4. — С. 174–179.

103. Этнокультурный потенциал вепсской топонимии // Вепсы и этнокультурные перемены XX века : семинар в г. Санкт-Петербурге, 5–6 октября 2006 г. / ред. П. Синисало-Катайсто и Э. Хямляйнен. — Хельсинки : Venäjän ja Itä-Euroopan inst., 2007. — (Studia Slavica Finlandensia ; 24). — С. 39–56.

104. Ancient Place Names of Obonež'je in the Context of Ethnic and Linguistic Contacts // Topics on the Ethnic, Linguistic and Cultural Making of the Russian North / ed. by J. Nuorluoto. — Helsinki : [s. n.], 2007. — (Slavica Helsingiensia ; 32). — P. 163–175. (На англ. яз.).

105. Das wepische Personennamen system // Europäische Personennamen systeme. Ein Handbuch von Abasisch Zentralladinisch. — Hamburg : [s. n.], 2007. — S. 231–240. (На нем. яз.).

106. Toponym Contacts along the River Svir // Onomastica Uralica. — 2007. — No. 4 : Borrowing of Place Names in the Uralian Languages. — P. 141–157. (На англ. яз.).

107. [Рец. на кн.]: Дмитриева Т. Н. Топонимия бассейна реки Казым. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. — 580 с. // Вопросы ономастики. — 2007. — № 4. — С. 134–137.

2008

108. Вепские материалы и исследования в Институте языка, литературы и истории КарНЦ РАН // Вепсы на рубеже XX–XXI веков : материалы Межрег. науч.-практ. конф. «Вепсы — коренной малочисленный народ Российской Федерации: перспективы сохранения и развития» (Петрозаводск, 24–25 апреля 2008 г.) / науч. ред. З. И. Строгальщикова. — Петрозаводск : [б. и.], 2008. — С. 50–56.

109. Границы топонимных ареалов Карелии: материалы атласа // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования / ред. О. П. Илюха, И. И. Муллонен. — Вып. 1. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2008. — С. 217–256. (В соавт. с Д. В. Кузьминым).

110. К истокам вепских фамилий прионежских вепсов // Историко-культурное наследие вепсов и роль музея в жизни местного сообщества : сб. науч. тр. по итогам Междунар. конф., посвящ. 40-летию Шелтозерского вепского этнографического музея (Петрозаводск – Шелтозеро, 30–31 октября 2007 г.) / ред. М. Л. Гольденберг и др. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2008. — С. 158–164.

111. Словарь топонимов Заонежья: проект // Севернорусские говоры / отв. ред. А. С. Герд. — Вып. 9. — СПб. : Изд-во СПбГУ, 2008. — С. 70–102.

112. Топонимия Заонежья : словарь с историко-культурными комментариями. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2008. — 240 с. — ISBN 978-5-9274-0334-9.

113. Топонимия как отражение этнического прошлого Сямозерья // История и культура Сямозерья / отв. ред. В. П. Орфинский. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2008. — С. 25–38.

114. [Рец. на кн.]: *Saarikivi J. Substrata Uralica: Studies on Finno-Ugric Substrate in Northern Russian Dialects.* — Tartu : Tartu University Press, 2006. — 297 p. // Вопросы ономастики. — 2008. — № 5. — С. 183–188.

2009

115. Вепские карты в топонимическом атласе Карелии // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 8–12 сентября 2009 г.) / под ред. Е. Л. Березович. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. — С. 184–185.

116. Типы языковых состояний в истории Заонежья // Севернорусские говоры / отв. ред. А. С. Герд. — Вып. 10. — СПб. : Изд-во СПбГУ, 2009. — С. 5–15.

117. Топонимический атлас Карелии в финно-угорском контексте // Языки и культура финно-угорских народов в условиях глобализации : материалы IV Всерос. конф. финно-угроведов. — Ханты-Мансийск : [б. и.], 2009. — С. 15–17.

2010

118. Формирование этноязыковой карты Карелии (по материалам топонимического атласа) // Адаптация народов и культуры к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям / отв. ред. А. П. Деревянко, А. Б. Куделин, В. А. Тишков. — М. : РОССПЭН, 2010. — С. 424–427.

119. [Рец. на кн.]: *Кюршунова И. А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв.* — СПб. : Дмитрий Буланин, 2010. — 667 с. // Вопросы ономастики. — 2010. — № 1 (8). — С. 137–142.

2011

120. Исторические топонимы в контексте этнокультурного наследия Карелии // IX конгресс этнографов и антропологов России : тез. докл. / ред. В. А. Тишков и др. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2011. — С. 19–23.

121. Людики на топонимической карте Карелии // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада : IV Шёгреновские чтения / ред. В. М. Грусман и др. — СПб. : Европейский дом, 2011. — С. 48–52.

122. [Рец. на кн.]: *Atlas Linguarum Fennicarum.* Т. 1–3. — Helsinki : SKS, 2004–2010 // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. : Общественные и гуманитарные науки. — 2011. — № 3. — С. 114–115.

2012

123. География на службе топонимики: две прибалтийско-финские топоосновы с «боковой» семантикой // Язык и прошлое народа : сб. науч. ст. памяти проф. А. К. Матвеева / [отв. ред. проф. М. Э. Рут]. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. — С. 170–181.

124. Историческая топонимия как ресурс развития познавательного туризма в Карелии // Северные туристские дестинации как доминанта развития туризма Северо-Западного региона / ред. Э. Н. Павлова и др. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2012. — С. 9–12.

125. Карельский след XVII века в топонимии Восточного Обонежья // XVII век в истории и культуре Русского Севера : материалы XII Каргопольской науч. конф. (14–16 августа 2012 г.) / науч. ред. Н. И. Решетников. — Каргополь : Северодвин. тип., 2012. — С. 146–154. (В соавт. с Е. В. Захаровой).

126. Многослойная топонимия Кенозерья // Кенозерские чтения – 2011. Человек и среда: гармония и противоречия : сб. материалов V Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. Е. Ф. Шатковская. — Северодвинск : Партнер, 2012. — С. 152–162. (В соавт. с Е. В. Захаровой).

127. Полевые исследования по ономастике Карелии // Вопросы ономастики. — 2012. — № 1 (12). — С. 87–94.

128. Применение ГИС-технологий в топонимике // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы II Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 8–10 сентября 2012 г.) / под ред. Е. Л. Березович. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. — Ч. 1. — С. 70–75.

129. Природные и культурные факторы формирования вепсской этнической территории // Труды Карельского научного центра РАН. — 2012. — № 4. — С. 13–24.

130. Уральская ономастика — о топонимии Поморья. [Рец. на кн.]: *Кабинина Н. В.* Субстратная топонимия Архангельского Поморья. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. — 342 с. // Вестник Уральского отделения РАН. — 2012. — № 3. — С. 270–272.

131. [Рец. на кн.]: *Кабинина Н. В.* Субстратная топонимия Архангельского Поморья. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. — 342 с. // Вопросы ономастики. — 2012. — № 2 (13). — С. 127–133.

2013

132. Большие озера маленького народа: идентификация по размеру в вепсской топонимии // Вепские ареальные исследования / науч. ред. Н. Г. Зайцева, С. А. Мызников. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2013. — С. 130–144.

133. Новое исследование по гидронимии Белозерья. [Отзыв на дис.]: *Макарова А. А.* Русская озерная гидронимия Белозерья: системно-функциональный аспект : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Урал. федер. ун-т. — Екатеринбург, 2012. — 763 с. // Вопросы ономастики. — 2013. — № 1 (14). — С. 179–184.

134. Свод топонимов Заонежья / под ред. А. С. Герда. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2013. — 250 с. — ISBN 978-5-9274-0586-2. (В соавт. с И. В. Азаровой, А. С. Гердом).

135. Студенческая научно-исследовательская лаборатория ИСТОК (историческая топонимика Карелии): концепция и образовательный потенциал // Университеты в образовательном пространстве региона: опыт, традиции и инновации : сб. науч. ст. VI Рег. науч.-метод. конф. / ред. А. В. Воронин и др. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2013. — С. 191–198.

2014

136. Заонежье на топонимической карте российского Северо-Запада // Церковь Преображения Господня на острове Киж: 300 лет на Заонежской земле : сб. докл. науч. конф., посвящ. 300-летию Церкви Преображения Господня (Петрозаводск, 3–5 сентября 2014 г.) / сост. И. В. Мельников. — Петрозаводск : Издательский центр музея-заповедника «Киж», 2014. — С. 221–228.

137. Квалитативные модели основной топонимии Карелии // V Всерос. конф. финно-угроведов «Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России» (Петрозаводск, 25–28 июня 2014 г.) : материалы / ред. Н. Г. Зайцева и др. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2014. — С. 8–10. (В соавт. с Е. А. Быковой).

138. Ливвики на этноязыковой карте Карелии // Карелы : осмысление исторического опыта / ред. С. А. Гусева, И. Н. Гурилова. — Петрозаводск : Verso, 2014. — С. 29–32.

139. «Лопарские» топонимы в Южной Карелии // Краеведческие чтения : материалы VIII науч. конф. (13–14 февраля 2014 г.). — Петрозаводск : НБ РК, 2014. — С. 268–272.

140. Материалы по северновепсской топонимии // Истоки Карелии: время, территория, народы : Полевые исследования и архивные материалы. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2014. — С. 29–54.

141. Об одной субстратной финно-угорской топооснове в Верхневолжье // Ономастика Поволжья : материалы XIV Междунар. науч. конф. (Тверь, 10–12 сентября 2014 г.) / под ред. И. М. Ганжиной, В. И. Супруна. — Тверь : Изд-во Марины Батаговой : Альфа-Пресс, 2014. — С. 80–84.

142. От чуди до мери. [Рец. на кн.]: *Rahkonen P. South-Eastern Contact Area of Finnic Languages in the Light of Onomastics.* — Jyväskylä : Bookwell Oy, 2013. — 246 p. // Вопросы ономастики. — 2014. — № 1 (16). — С. 162–169.

2015

143. «Демонологические» названия в русской и субстратной топонимии Русского Севера и Карелии (на материале основ *чепм-* и *hiisi-*). DOI 10.4312/linguistica.55.1.187-205 // Linguistica. — 2015. — Vol. 55, No. 1 : Slavic / Non-Slavic Language Contact in the Area of Diachronic Onomastics. — S. 187–205. (В соавт. с Е. Л. Березович и А. А. Макаровой).

144. «История, положенная на карту»: топонимические модели Карелии // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы III Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 7–11 сентября 2015 г.) / под ред. Е. Л. Березович. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. — С. 121–123. (В соавт. с Е. В. Захаровой и Н. Л. Шибановой).

145. По деревням вепсского Прионежья = *Änižröunan vepsläižed küläd.* — Петрозаводск : Шелтозерский вепсский этнографический музей им. Р. П. Лонины, 2015. — 71 с. — ISBN 978-5-904704-49-0. (В соавт. с Н. А. Анхимовой).

146. Проблемы интерпретации этноязыковой истории Европейского Севера России на материале топонимики // Вестник истории, литературы, искусства / гл. ред. И. Х. Урилов. — Т. 10. — М. : Собрание, 2015. — С. 93–107.

147. *Толстые носы и широкие губы*: идентификация по форме в топонимии Карелии // Рябининские чтения — 2015 : материалы VII конф. по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера / отв. ред. Т. Г. Иванова. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2015. — С. 558–560.

148. Топонимический метод в исследовании этноязыковой истории Карелии // Бубриховские чтения: гуманитарные науки на Европейском Севере : материалы науч. конф. (Петрозаводск, 1–2 октября 2015 г.) / ред. Н. Г. Зайцева, И. И. Муллонен и др. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2015. — С. 247–256.

149. Топонимные модели как маркеры формирования этнических территорий // Историческая география России: ретроспектива и современность комплексных региональных исследований (100-летие завершения издания томов серии «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества») : материалы V Междунар. конф. по истор. географии / отв. ред. К. В. Чистяков. — СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2015. — С. 204–208.

2016

150. В поисках топонимических границ в Белозерье. DOI 10.15826/vopr_onom.2016.13.1.001 // Вопросы ономастики. — 2016. — Т. 13, № 1. — С. 7–29. (В соавт. с Е. В. Захаровой и А. А. Макаровой).

151. Вилье Ниссия и топонимическая наука в Карелии // Материалы науч. конф. «Бубриховские чтения: карельская научная школа исследования прибалтийско-финских языков и культур» (Петрозаводск, 6–7 октября 2016 г.) / отв. ред. Н. Г. Зайцева. — Петрозаводск : [б. и.], 2016. — С. 66–75. — URL: https://petsu.ru/files/user/a022f966948e4d17d94348bf89007dc4/верстка_сборник.pdf

152. Наследие вепсского нехристианского именослова в ойконимии Южного Присвирья // *Verba magistro* / ред. А. Х. Гирфанова, С. А. Мызников. — СПб. : Нестор-История, 2016. — С. 428–444.

153. Этнонимы вепсов: ареальная дистрибуция и этническое наполнение // Роль науки в решении проблем региона и страны: фундаментальные и прикладные исследования : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 70-летию КарНЦ РАН (Петрозаводск, 24–27 мая 2016 г.) / отв. ред. А. Ф. Титов, О. Н. Бахмет, Е. В. Жирнель. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2016. — С. 230–231.

2017

154. От формы к содержанию: метафора формы в карельской топонимии // В созвездии слов и имен : сб. науч. ст. к юбилею М. Э. Рут / под ред. Е. Л. Березович. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. — С. 184–204. (В соавт. с Д. В. Кузьминым).

155. Региональный топонимический словарь: ответ на вызовы // Ономастика Поволжья : материалы XVI Междунар. науч. конф., посвящ. 50-летию юбилею I Поволж. ономаст. конф. и памяти ее организатора В. А. Никонова / под ред. В. И. Супруна. — Ульяновск : УлГПУ им. И. Н. Ульянова, 2017. — Т. 1. — С. 119–125.

156. Areal Distribution of Veps Topographical Vocabulary. DOI 10.3176/lu.2017.2.02 // *Linguistica Uralica*. — 2017. — Vol. 53, Iss. 2. — P. 106–123. (Co-authored with N. Zaiceva). (На англ. яз.).

157. The Heritage of the Veps Non-Christian Onomasticon in Southern Svir Settlement Names // *Personal Name Systems in Finnic and Beyond* / ed. by T. Ainiala & J. Saarikivi. — Helsinki : [s. n.], 2017. — (Uralica Helsingiensia ; 12). — P. 185–217. (На англ. яз.).

158. [Рец. на кн.]: *Patronen O. Rajakarjalaisen sukunimistön kehittyminen osana Suomen karjalankielisen ortodoksivähemmistön suomalaistumista 1818–1925*. — Helsinki : Helsingin yliopisto, 2017. — 519 s. DOI 10.15393/j103.art.2017.752 // Альманах северо-европейских и балтийских исследований. — 2017. — Вып. 2. — С. 145–153.

2018

159. Вепские этнонимы: история и современность // История и традиционная культура народов Карелии и сопредельных областей в свете новых источников, методов и подходов (памяти Р. Ф. Никольской) : сб. ст. / науч. ред. И. Ю. Винокурова. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2018. — С. 44–57.

160. Исторические топонимы в контексте этнокультурного наследия Каргополья // Каргополь и Русский Север в истории и культуре России X–XXI вв. : материалы XIV Каргоп. науч. конф. / ред. Т. М. Кольцова и др. — Каргополь : Северодвин. тип., 2018. — С. 9–18.

161. Материалы к «Словарю топонимов Карелии». DOI 10.15393/j103.art.2018.1049 // Альманах северо-европейских и балтийских исследований. — 2018. — Вып. 3. — С. 304–329.

162. Параметры лексикографического описания географических названий: из опыта работы над «Словарем топонимов Карелии» // Притяжение Севера: язык, литература, социум : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. / ред. Е. К. Агапотова, И. Н. Минеева. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2018. — Ч. 1. — С. 556–562.

163. Топонимные модели Карелии в пространственно-временном контексте. — М. : Изд. дом ЯСК, 2018. — 269 с. — ISBN 978-5-6040760-4-0. (В соавт. с Е. В. Захаровой, Д. В. Кузьминым, Н. Л. Шибановой).

164. Фонетические варианты древней топоосновы **Ylä*- ‘верхний’ и их генезис в гидронимии Карелии. DOI 10.15826/vopr_onom.2018.15.2.013 // Вопросы ономастики. — 2018. — Т. 15, № 2. — С. 7–27.

2019

165. Большие Дворы — новгородское наследие в ойконимии Карелии. DOI 10.34680/2019.onomastics.204 // Ономастика Поволжья : материалы XVII Междунар. науч. конф. (Великий Новгород, 17–20 сентября 2019 г.) / отв. ред. В. Л. Васильев. — Великий Новгород : Печатный двор, 2019. — С. 235–240.

166. Мотивация vs. ремотивация как источник этнокультурной информации (на материале топонимии Карелии). DOI 10.15826/vopr_onom.2019.16.3.031 // Вопросы ономастики. — 2019. — Т. 16, № 3. — С. 59–75.

167. Названия-дублиеты в топонимической системе людиковского Прионежья. DOI 10.15393/uchz.art.2019.398 // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. — 2019. — № 7. — С. 31–37.

168. Прибалтийско-финские термины с семантикой ‘поселение’ в историко-культурной перспективе. DOI 10.30624/2220-4156-2019-9-4-671-680 // Вестник угро-ведения. — 2019. — Т. 9, № 4. — С. 671–680. (В соавт. с Е. В. Захаровой).

169. Проблемы интеграции прибалтийско-финских топонимов в официальное русское употребление ойконимии // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы IV Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 9–13 сентября 2019 г.) / [редкол.: Е. Л. Березович (отв. ред.) и др.]. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. — С. 222–225. (В соавт. с Е. В. Захаровой).

170. Территория расселения и этнонимы вепсов // Народы Карелии: Историко-этнографические очерки / отв. ред. И. Ю. Винокурова. — Петрозаводск : PERIODIKA, 2019. — С. 304–313.

2020

171. Динамика развития ойконимической системы в северолюдиковском языковом ареале. DOI 10.24224/2227-1295-2020-5-113-131 // Научный диалог. — 2020. — № 5. — С. 113–131. (В соавт. с А. Ю. Жуковым).

172. Карело-вепсский диалог на карте Южной Карелии. DOI 10.30842/alp2306573716301 // Acta Linguistica Petropolitana. — 2020. — Vol. 3, No. 16. — С. 9–28. (В соавт. с А. А. Афанасьевой).

173. Полвека ономастических исследований в Карелии. DOI 10.15826/vopr_onom.2020.17.3.047 // Вопросы ономастики. — 2020. — Т. 17, № 3. — С. 325–338. (В соавт. с Е. В. Захаровой и Д. В. Кузьминым).

2021

174. В поисках топонимических границ // Русский Север: лексика и ономастика / редкол.: Е. Л. Березович, Н. В. Кабинина, В. С. Кучко, К. В. Осипова. — М. : Индрик, 2021. — (Сер. «Традиционная духовная культура славян. Современные исследования»). — С. 123–142. (В соавт. с Е. В. Захаровой и А. А. Макаровой).

175. «Демонологические» названия в русской и субстратной топонимии // Русский Север: лексика и ономастика / редкол.: Е. Л. Березович, Н. В. Кабинина, В. С. Кучко, К. В. Осипова. — М. : Индрик, 2021. — (Сер. «Традиционная духовная культура славян. Современные исследования»). — С. 69–91. (В соавт. с Е. Л. Березович и А. А. Макаровой).

176. История поселений Кондопожского края в их названиях // Заповедник Кивач — 90 лет на страже природы: история, достижения и перспективы. X Кравченковские чтения (17–19 марта 2021 г.) / сост. О. В. Фомина, И. Ильина, В. Г. Роткина-Качалова. — Петрозаводск : Версо, 2021. — С. 73–79.

177. Ойконимы Карелии как объект лексикографического описания: из опыта работы над «Словарем названий населенных мест карелов-людиков». DOI 10.17223/22274200/22/5 // Вопросы лексикографии. — 2021. — № 22. — С. 86–106. (В соавт. с Е. В. Захаровой).

178. Словарь названий населенных мест карелов-людигов / под общ. ред. И. И. Муллонен. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2021. — 210 с. — ISBN 978-5-9274-0915-0. (В соавт. с Е. В. Захаровой).

179. Топонимические маркеры эволюции поселенческой сети в вепсском Прионежье. DOI 10.15393/uchz.art.2021.675 // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. — 2021. — Т. 43, № 7. — С. 8–18.

180. Топонимический облик современной Карелии. DOI 10.15393/j103.art.2021.1986 // Альманах североевропейских и балтийских исследований. — 2021. — № 6. — С. 298–307. (В соавт. с Е. В. Захаровой).

181. Юркостров: мир слов и имен. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2021. — 195 с. — ISBN 978-5-9274-0922-8.

2022

182. Карельская топонимия в Государственном каталоге географических названий: работа над ошибками. DOI 10.15826/vopr_onom.2022.19.3.040 // Вопросы ономастики. — 2022. — Т. 19, № 3. — С. 256–281. (В соавт. с Е. В. Захаровой и Д. В. Кузьминым).

183. К семантико-этимологической реконструкции заимствованных «культурных слов»: поморское *гурий* ‘знак-ориентир из камня’. DOI 10.31857/0373-658X.2022.6.21-43 // Вопросы языкознания. — 2022. — № 6. — С. 21–43. (В соавт. с Е. Л. Березович).

184. Озеро *Киви* или *Кивиярви*: сложные по структуре топонимы Карелии на картах и в Госкаталоге. DOI 10.22389/0016-7126-2022-986-8-56-64 // Геодезия и картография. — 2022. — Т. 83, № 8. — С. 56–64. (В соавт. с Е. В. Захаровой).

185. Ойконимическая система Южной Карелии в развитии. DOI 10.35634/2224-9443-2022-16-4-567-577 // Ежегодник финно-угорских исследований. — 2022. — Т. 16, № 4. — С. 567–577.

186. Топонимический метод в исследовании этноязыковой ситуации в Олонецкой Карелии // Сучасныя праблемы анамастыкі : зб. навук. арт. / наук. рэд. І. Л. Капылюў. — Вып. 1. — Мінск : Беларуская навука, 2022. — С. 214–219.

187. Inkeriläisten hiljaiset vuosikymmenet Karjalassa // Šulkkuni sanaine: Kirjoituksia Karjalasta ja vähemmistökielistä. — Helsinki : KSS, 2022. — S. 317–327. (На фин. яз.).

188. Marginal Imprint of Human Land Use upon Fire History in a Mire-Dominated Boreal Landscape of the Veps Highland, North-West Russia. DOI 10.1016/j.foreco.2022.120007 // Forest Ecology and Management. — 2022. — Vol. 507, No. 1. — No. 120007. — URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0378112722000019?via%3Dihub> (Co-authored with I. Drobyshev, N. Ryzhkova, M. Niklasson, A. Zhukov, G. Pinto, & A. Kryshen'). (На англ. яз.).

2023

189. Государственный каталог географических названий Карелии: работа над ошибками // Доклады Круглого стола по вопросам терминологии, орфографии

и топонимии на языках коренных народов Республики Карелия. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2023. — С. 24–27. (В соавт. с Е. В. Захаровой и П. А. Хорохориным).

190. Деревни Мунозерской волости: к истории названий // Спасская Губа: взгляд через века : материалы краевед. конф. в рамках IV Фестиваля уснувших деревень (29 октября 2022 г., с. Спасская Губа) / сост. А. М. Пашков. — Петрозаводск : Periodika, 2023. — С. 148–159. (В соавт. с А. Ю. Жуковым).

191. Карельское антропонимное наследие в русском Заонежье. DOI 10.15826/izv2.2023.25.4.073 // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2 : Гуманитарные науки. — 2023. — Т. 25, № 4. — С. 264–282.

192. Топонимическая память о средневековых карельских крепостях в Сортавале // Живая старина. — 2023. — № 3. — С. 32–35.

193. Топонимический материал в «Русском диалектном этимологическом словаре» С. А. Мызникова // Этимология как образ жизни : коллективная монография к 70-летию академика А. Е. Аникина / отв. ред. И. Е. Ким. — СПб. : Алетей, 2023. — С. 178–190.

194. «Финско»-саамское половежье в топонимии Карелии и Русского Севера. DOI 10.15826/vopr_onom.2023.20.3.030 // Вопросы ономастики. — 2023. — Т. 20, № 3. — С. 31–48.

195. Фрагменты карельского именослова в Заонежье (по архивным документам середины XVII века) // Рябининские чтения — 2023 : материалы IX конф. по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера (Петрозаводск, сентябрь 2023 г.) / отв. ред. Т. Г. Иванова. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2023. — С. 478–481. (В соавт. с А. Ю. Жуковым).

2024

196. Карельский след в топонимии Поморского берега Белого моря. DOI 10.15826/vopr_onom.2024.21.2.024 // Вопросы ономастики. — 2024. — Т. 21, № 2. — С. 231–247.

197. Средневековые названия погостов Корельского уезда: на границе государств и языков. DOI 10.31857/0373-658X.2024.6.85-104 // Вопросы языкознания. — 2024. — № 6. — С. 85–104. (В соавт. с В. Л. Васильевым).

2025

198. Интеграция русского христианского именослова в карельское бытование. DOI 10.17076/sn3 // Studia Nordica. — 2025. — № 1. — С. 56–83. (В соавт. с Д. В. Кузьминым).

199. Историческая ойконимия Сортавалы как свидетельство формирования средневековой поселенческой структуры. DOI 10.35634/2224-9443-2025-19-3-357-366 // Ежегодник финно-угорских исследований. — 2025. — Т. 19, № 3. — С. 357–366.

200. Картографирование как инструмент исследования локальной топонимической системы. DOI 10.15507/2076-2577.017.2025.04.430-441 // Финно-угорский мир. — 2025. — Т. 17, № 4. — С. 430–441.

201. Ливвиковские деревни от А до Ä : словарь названий населенных мест / под общ. ред. И. И. Муллонен. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2025. — 350 с. (В соавт. с Д. В. Кузьминым и Е. В. Захаровой).

Н. В. Чикина
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН
Петрозаводск, Россия
tchikina@krc.karelia.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5419-3758>

ВОПРОСЫ ОНОМАСТИКИ

2026. Т. 23, № 1

Выпускающий редактор	<i>А. А. Бахтерева</i>
Редактор	<i>О. Д. Сурикова</i>
Редактор перевода	<i>Д. В. Спиридонов</i>
Корректор	<i>Я. В. Малькова</i>
Компьютерная верстка	<i>Л. А. Хухаревой</i>

Свободная цена

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию.

Выписка из реестра Управления федеральной службы по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
зарегистрированных средств массовой информации
от 05.04.2019, регистрационный номер ПИ № ФС77-75393.

Учредители: ФГБУН Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.
119019, Москва, Гоголевский б-р, 2/18/1, стр. 1, 3;
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина».
620062, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

Дата выхода в свет 05.06.2026. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 21,7. Усл. печ. л. 25,19. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ 107.
Издательство Уральского университета.
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ ЦСД.
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 358-93-22
E-mail: press-urfu@mail.ru
<http://print.urfu.ru>